

Роберт ГОВАРД

БРАТ БУРИ

Сага Медвежьей реки

Роберт И. Говард

БРАТ БУРИ

Сага
Медвежьей реки

"СЕВЕРО-ЗАПАД"
Санкт-Петербург
1999

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Г 57

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В оформлении обложки использована работа Ken Kelly. Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.

Издательство выражает благодарность David Wypp за предоставленные редкие прижизненные издания Роберта И. Говарда и архивные материалы

Говард Р. И.

Г57 Брат бури: Сага Медвежьей реки: Роман. / Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1999.— 496 с.

ISBN 5-7906-0100-6

В новом томе собрания сочинения Роберта И. Говарда читателей ждет встреча с полюбившимися героями — неукротимыми бойцами с Медвежьей реки. В повести «Голос тьмы» писатель раскрывается с новой, неожиданной стороны — как мастер мистического триллера.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Ken Kelly, 1989

© «Северо-Запад», подготовка текста, серийное оформление, 1998

ISBN 5-7906-0100-6

БРАТ БУРИ

Глава первая
ПЕРЕПОЛОХ
НА МЕДВЕЖЬЕЙ РЕЧКЕ

К

огда мой родной братец Джон, вразвалочку, руки в карманах, завалился в кузницу, что стояла неподалеку от изгороди короля, я как раз, в поте лица своего, всю орудовал ручником и клещами, пытаясь изобразить пару подков, каковые оказались бы достойными копыт Капитана Кидда.

До недавнего времени Джон несколько недель пропадал где-то в окрестностях Кугуарьего Хвоста, и, чем бы он там таким ни занимался, успех явно сопутствовал ему. Ежели, конечно, судить по тому распрекрасному настроению, в котором он теперь пребывал. Слишком уж мой братец был весь из себя жизнерадостный, а лицо его ни на секунду не покидала жутко самодовольная и, должен заметить, довольно-таки глупая ухмылка. У парня прям-таки душа пела, а в подобном состоянии он вечно начинал подтрунивать над окружающими. В особенности же он в таких случаях любил поддеть меня, причем как-нибудь побольнее. Джон вообще считал себя шибко умным парнем. И видит Бог, уж в этом-то я всегда был с ним согласен. Правда, не целиком, но по крайней мере наполовину.

— Что я вижу! — приветствовал меня братец. — Снова у горнила! И опять ишпачишь на свою чесоточную, запаршивевшую зверюгу, которая сто лет как уже ни на что не годится. Все горбатишься на этот изрядно траченный молю кусок вонючей падали, от которого с презрением отвернется даже самый голодный в мире койот! Да ведь твой разлюбезный косолапый тюфяк давным-давно не стоит даже той ржавой железяки, какая только что пошла на его подковы!

Мерзавец отлично знал, что самый простой способ довести меня до белого каления — так это отпустить пару-другую гнусных шуточек в

адрес Капитана Кидда. Но я уже давно понял: братец просто выплескивал наружу свою черную зависть. Потому как ему-то самому, даже в самом отдаленном будущем, и близко не светило занять хоть сколько-нибудь похожую на Кэпа лошадку. А потому мне без особого труда удалось подавить в себе совершенно естественное желание распрямить об его глупую голову слегка покрякивающиеся кузнечные клещи. Я пожал плечами, вытащил из горна раскаленную добела болванку, приладил ее на наковальню и принялся плющить маленькой шестнадцатифунтовой кувалдой. Терпеть не могу все эти игрушечные молоточки, которые горделиво именуются ручниками у так называемых кузнецов.

— Ежели ты докатился до столь плачевного состояния, когда уже не способен ни на что более достойное, нежели как подвергать критике бедное животное, кстати, чтоб я лопнул, в тыщу раз больше похожее на коня, чем ты — на человека, — с достоинством ответствовал я братцу, сопроводив свои слова решительным ударом об наковальню, — то позволь мне смиренно привлечь твое внимание к двери, находящейся как раз за твоей... м-м-м... спиной. Именно сейчас эта дверь абсолютно никем не используется по назначению.

Джон немедленно огласил кузницу отвратительно громким и, черт меня возьми, ужасно грубым хохотом.

— Послушай-ка! — отсмеявшись, продолжил он. — Никак ты всерьез называешь вон ту штуку лошадиной подковой? А по-моему, по размерам, да и по виду тоже, она куда как больше похожа на лемех здоровенного плуга! Ну да ладно. Раз уж ты все равно при деле, не изготовишь ли подковку вот для этого?

И братец вызывающе поставил свой сапог прямо на наковальню. Ну а я, недолго думая, врезал по этому гнусному сапогу своей кувалдочкой. Джон испустил ужасающий вопль, после чего принялся скакать по всей кузнице на одной ноге, изрыгая такие невозможные проклятия, что у любого, кому случайно довелось бы их услышать, сразу завяли бы уши. У любого, но не у меня. Лично я спокойно продолжал заниматься подковой.

Тут как раз в дверь кузницы просунул голову наш отец. Внимательно окинув взором происходящие события, папаша сплюнул на пол и сказал укоризненно:

— Мальчики мои! Мне грустно! Похоже на то, что вы так никогда и не повзрослеете. Вечно у вас на уме одни ребяческие забавы да мальчишеские выходы!

— Забавы?! — взвыл Джон. — Черта лысого! Хороши забавы! Мерзавец изувечил мне все пальцы на ноге! И за это, — немного успокоившись и переведя дыхание, мечтательно и кровожадно добавил он, — я когда-нибудь вырву его подлое сердце из не менее подлой груди!

— Прекрасно! — вдруг просиял отец. — Просто великолепно! Не зря люди говорят: яблочки от яблоньки недалеко падают! Я прям-таки будто перенесся сейчас в те благословенные деньки моего детства, когда мне довелось с наслаждением всадить из обреза изрядную порцию дрови прямехонько в задницу моему братцу Джоэлю. Он наябедничал нашему почтенному родителю о том, что не кто иной, как я, подсунул старикану в койку тот медвежий капкан!

— Бреку еще не раз придется проклинать этот сегодняшний день! — многообещающе заявил Джон, после чего вывалился через дверь кузницы наружу, нещадно оглашая всю округу стенаниями и богохульствами.

Чуть позже, прислушавшись к его мерзким воплям, я понял, что он добрался до дома и теперь упраскивает мамашу, а может, кого-то из сестер намазать драгоценные пальцы мазью от лошадиных болячек. Нет, поистине никто среди всех прочих Элкинсов даже и в подметки не годился братцу Джону в умении произвести вот такое вот море шума ну совсем из ничего!

Ну да ладно.

Я закончил возиться в кузнице. Теперь предстояло сменить подковы Капитану Кидду, а это, скажу я вам, та еще работенка! Иногда мне кажется, куда проще сперва усмирить, а потом подковать на все четыре ноги средней силы горный циклон. К тому времени, как я все же управился с этим делом и зашел в дом,

чтобы заморить червячка, приступ буйного безумия у Джона, похоже, уже миновал. Он более-менее спокойно возлежал в своей койке, задрав к потолку сплошь обмотанную повязками ногу (посторонний вполне мог подумать, что в нее угодило, как минимум, пушечное ядро), а заведя меня, протянул мне руку и вполне мирно сказал:

— Брекенридж! Мы уже достаточно взрослые люди, чтобы попусту обижаться друг на друга. Давай предадим забвению прошедший пустяк!

— А разве кто-нибудь чего-нибудь где-нибудь таит? — поинтересовался я и осторожно пожал братцу руку, предварительно убедившись, что в другой руке у него нет охотничьего ножа. — Я и сам никак в толк не возьму, к чему раздувать ненужную склоку между родичами из-за сущей пустяковины, которая даже упоминания не стоит!

— Но все же, — кротко промолвил Джон, — эти вывихнутые пальцы, знаешь ли, причиняют мне определенные неудобства. Пожалуй, я не смогу ездить верхом целый день; может быть — даже два. А у меня, как на грех, имеется одно совершенно неотложное дело в Кугуарьем Хвосте.

— Мне вроде как показалось, ты только что оттуда вернулся, — подозрительно заметил я.

— Тебе правильно показалось, Брек, — кивнул Джон, — но вся беда в том, что там есть

один человек, который остался мне кое-что должен. Он клятвенно обещал мне обязательно этот должок вернуть. Но сейчас я просто не в состоянии получить обещанное. Так почему бы тебе не сделать это вместо меня? Ну чего ты молчишь? В конце концов, ведь именно по твоей вине я не могу в ближайшее время сесть в седло! Этого человека зовут Билл Сантри; он живет в предгорьях, всего в нескольких милях от Кугуарьего Хвоста. Однако думаю, ты его наверняка застанешь в поселке, потому как он почти каждый день торчит в тамошнем салуне.

— А что такое он остался тебе должен? — предусмотрительно поинтересовался я.

— Не бери в голову, — ответил братец Джон. — Просто езжай в Кугуарий Хвост, поинтересуйся, где Билл Сантри, а как найдешь его, скажи ему так: я, дескать, брат Джона Элкинса и прошу вас немедля отдать мне то, что вы клятвенно пообещали отдать ему. Вот и все, Брек!

Моя семейка постоянно использует мою покладистость и доброту нрава. Потому как мне куда менее хлопотно выполнять ихние просьбы, чем без толку спорить или ругаться по пустякам.

— Хрен с тобой, — сказал я братцу. — Съезжу. Все равно у меня сейчас нет никаких неотложных дел.

— О, благодарю тебя, Брекенридж! — воскликнул братец Джон со слезой в голосе. — Я

предчувствовал, я был уверен, я заранее знал, что во всем могу на тебя положиться!

* * *

Вот так оно и вышло, что пару дней спустя я перевалил через Кугуарий Хребет, который представлял собой длинную цепь густо поросших лесом гор. А оттуда до Кугуарьего Хвоста рукой подать. Хотя прежде мне ни разу не случалось бывать в здешних местах, я особо не волновался, а просто предоставил Капитану Кидду следовать за вихляющей из стороны в сторону разбитой колеей, оставленной бесчисленными колесами фургонов, поскольку не сомневался—именно эта самая колея в конце концов и приведет меня к цели.

Дорога вильнула очередной раз, огибая здоровенный утес, сразу за которым начиналась какая-то тропинка, уходившая в сторону. Не успел Кэп дотрусить до этой развилки, как вдруг я услышал оглушительный бычий рев, а вслед за ним — женский крик:

— На помощь! На помощь! Бык старика Кирби опять сорвался с привязи!

Затем раздался торопливый топот ног, почти заглушенный треском в зарослях молодых деревьев, которые сокрушала на своем пути не разбиравшая дороги тварь. И почти сразу же у выхода с тропинки показалась девушка, а за ее спиной — разъяренный бычище, уже нагнувший голову, намереваясь половчее поддеть несчастную беглянку на рога. Тогда я

отпустил поводья, позволив Капитану Кидду шагнуть вперед, чтобы оказаться между девушкой и быком. Все дальнейшее я предоставил самому Кэпу, потому как в подобных случаях он в моих советах абсолютно не нуждается. Кэп шустро развернулся на месте и взбрыкнул задними ногами, удачно угодив быку прямо в бок. Мерзкая тварь тут же исчезла из вида, оставив после себя только громадную дырку в дощатом заборе по ту сторону дороги.

Дело в том, что моя лошадка с малолетства ненавидела всех быков. И сейчас Кэп уже рванулся было сквозь пролом в заборе, в надежде затоптать своего поверженного врага насмерть, но я резко осадил его назад, отчего он тут же пришел в неистовство и начал брыкаться, пытаясь сбросить меня с седла. Покуда я его утихомиривал, бык кое-как встал на ноги, стряхнул с себя обломки забора и, задрав хвост, пустился наутек по склону холма. Унося ноги, он жалобно и тонко мычал на бегу, ну прям как до смерти перепуганная годовалая телочка.

Кое-как вразумив Кэпа, я оглянулся по сторонам и обнаружил совсем рядом с собой восхищенно поглядывавшую на меня девушку.

— Не могу ли еще чем-нибудь услужить вам, мэм? — не теряя времени, находчиво осведомился я, лихо сдернув с головы свою стетсоновскую шляпу и почтительно поклонившись.

— Я ужасно признательна вам, незнакомец, — ответила она, при этих словах ее нежное ли-

чико так и вспыхнуло огнем,— ведь та кошмарная тварь уже совсем было продырявила мне шкуру!

Куда вы направляетесь и сильно ли торопитесь? Ежели, например, вам не к спеху, то буду очень рада пригласить вас в гости. Мы живем недалеко, всего в миле отсюда прямо по этой тропинке.

— Немедля же воспользоваться вашим любезным предложением — есть предел моих мечтаний! — пылко заверил я девушку. — Но к моему глубочайшему сожалению, в Кугуарьем Хвосте меня ждет одно, весьма неотложное, дельце. Не подскажете ли, как далеко отсюда находится это селение?

— Да миль пять, пожалуй,— ответила она. — Дальше по этой же дороге. Кстати, меня зовут Джоан. А вас?

— Брекенридж Элкинс, с Медвежьей реки,— по всей форме представился я. — Сейчас мне действительно необходимо спешить дальше, но завтра утром, вскоре после восхода, я снова буду в ваших краях по дороге обратно. Скажите, не смогли бы вы...

— Я буду ждать вас завтра утром, на этом самом месте! — заявила она так быстро и так решительно, что у меня на мгновение закружилась голова и все вокруг поплыло перед глазами. Вне всякого сомнения — любовь с первого взгляда! Или мне уже никогда больше не быть Брекенриджем Элкинсом! — Вы знаете,— вдруг робко добавила

она, — у меня... у меня есть настоящие туфли, купленные в настоящем магазине! — Тут ее щечки вновь стыдливо зарделись. — И я обязательно надену их, как только увижу вас издали! — Тут она окончательно смутилась и смолкла.

— Непременно буду здесь завтра поутру! — торжественно произнес я. — Даже если нам с Кэпом для этого придется всю ночь прокладывать себе путь сквозь огонь, воду и меднокожие трупы!

Я двинулся дальше, чувствуя, как великая гордость переполняет мое мужественное сердце, заставляя взволнованно вздыматься грудь. Ведь на белом свете найдется не так уж много горцев из Верхнего Гумбольта, способных зажечь с первого взгляда огонь любви в сердце девушки, а уж тем более — в сердце такой красавицы, да еще настолько состоятельной, чтобы иметь туфли, купленные в самом настоящем магазине! И как не раз я уже говаривал Капитану Кидду, даже далеко не всякому Элкинсу такое под силу!

Время уже шло к полудню, когда я добрался до Кугуарьего Хвоста, который, как и следовало ожидать, оказался совсем крохотным поселком, зажатым в распадке между высокими горами. Всего несколько домишек, где ютились обитатели этого городка, да еще с пяток строений; самыми примечательными среди них, конечно же, были лавка, тюрьма и салун. Позади сатуна расположился самый боль-

шой дом поселка с вывеской, извещавшей всех о том, что именно здесь проживает Джонатан Миддлтон, мэр Кугуарьего Хвоста.

Вокруг не было видно ни единой живой души, даже на веранде салуна, поэтому я сразу проехал к месту, где расположились несколько коралей, служивших одновременно загонами для лошадей и стоянками для фургонов. Из ближайшей лачуги выскочил какой-то мальтый, взял Капитана Кидда за повод и попытался вернуть его в загон, где уже стояли два полу-диких, никогда не ходивших под ярмом, мула. Но я предупредил его, что Кэп буквально через полчаса сделает из этих мулов отбивную, поэтому парень, недовольно ворча, завел мою лошадку в отдельный загон. Через несколько секунд он вылетел оттуда пулей, ругаясь на чем свет стоит и шипя от боли: Кэп на прощание игриво куснул своего провожатого и при этом случайно вырвал из штанов довольно-таки приличный клочок.

Я едва успокоил беднягу, пообещав ему заплатить за бриджи по-королевски, после чего поинтересовался, где можно найти Билла Сантри. Мальтый, по-прежнему кривясь от боли, довольно нелюбезно буркнул, что Билл, как обычно, скорее всего торчит в лавке.

* * *

Ну что ты будешь делать! Лавка, украшенная хвастливой вывеской: *«Универсальный магазин Джона Миддлтона»*, оказалась обычной

для таких вот полугородков-полупоселков. Тут тебе и бакалея, и галантерея, и всяческий инструмент, вплоть до оселков и механических точильных камней, и конская сбруя и все такое прочее. В углу стояло здоровенное дышло от какой-то повозки. Внутри, прямо в торговом помещении, на коробках из-под разных товаров, расселось человек десять. Они похрустывали пресными галетами, заедая их солеными огурчиками прямо из стоявшего рядом бочонка. Вид у всех этих парней был самый что ни на есть крутой.

— Где тут можно найти Билла Сантри? — обратился я ко всей честной компании.

— Что ж, парень, — ответил мне самый здоровенный из этих мордovorотов, слегка приподнимаясь с единственной в помещении скамейки, — значит, тебе теперь уже ни к чему продолжать свои поиски. Билл Сантри — это я!

— Отлично! — обрадовался я. — А меня зовут Брекенридж Элкинс, и Джон Элкинс мой родной брат. Он прислал меня сюда, чтобы получить от вас то, что вы ему обещали отдать.

— Ха! — вдруг заявил этот малый, окончательно расставшись со своей скамейкой. — Ха-ха! — добавил он, плотоядно фыркнув, словно голодная рысь в предвкушении близкой добычи. — Во всем мире не нашлось бы другой такой просьбы, какую я выполнил бы с большим наслаждением! Получай, дружок!

С этими словами он быстро схватил дышло от повозки и вдребезги расколотил его об мою голову.

Клянусь вам! Все это вышло так неожиданно, что я малость остушился, потерял равновесие и с грохотом рухнул на спину. А Сантри, издав какой-то ужасный волчий вой, тут же прыгнул обеими ногами прямо мне на живот, после чего у меня слегка потемнело в глазах. Следующее, что я припоминаю,— это как ко мне со всех сторон подскочили человек девять или десять приятелей Сантри и принялись нещадно охаживать мои бока своими сапогами, все время норовя почаще попадать по голове.

Должен заметить, что я не хуже любого другого умею ценить добрую дружескую шутку. Беда в другом. Я совершенно выхожу из себя, когда неловкий шутник переходит всяческие границы и, накрутив мои волосы на свою шпору, дрыгает ногой, пытаясь содрать с меня весь скальп разом. А Билл Сантри, несколько увлекшись, такую границу перешел!

Только поэтому мне пришлось подняться с пола, стряхнув с себя всех этих безумных. К тому же один из шутников, отлетая в сторону, неловко наступил мне на любимую мозоль, отчего я окончательно разъярился, взревев как бешеный бык. Я сгреб в далеко не братские объятия всех, до кого сумел дотянуться (кажется, их оказалось человек пять или шесть), и придавил их уже без всякого баловства: луч-

ше, пожалуй, не справился бы и матерый гриз-ли. Одним словом, когда я разжал руки, все, на что оказались способны эти бедолаги, так это просто повалиться на пол и уже там начать верещать и ругаться. Помнится, они все время твердили что-то такое о вывихнутых суставах и сломанных ребрах. Но точно поручиться не могу. Поскольку особо не прислушивался.

Быстро позабыв про них, я повернулся лицом к остальным. Они, придя в себя, набросились на мою скромную персону, беспорядочно размахивая револьверами, охотничьими ножами, аrapниками и тому подобным злодейским оружием. Какой же поднялся вой, когда я, войдя в раж, расправлялся с толпой! Эти сладостные звуки до сих пор иногда снятся мне по ночам! Занявшись делом, я едва не пропустил момент, когда Билл Сантри попытался под шумок поковыряться в моих ребрах здоровенным мясницким ножом — он второпях выдернул его из какого-то свиного окорока. Ну, честное слово, у меня просто не оставалось никакого другого выхода, кроме как слегка шлепнуть его по голове тем самым бочонком с солеными огурчиками! Но и бочонок, и сам Билл оказались удивительно непрочными созданиями — вот единственная причина, по которой бедняга Сантри рухнул на пол, оказавшись заживо погребенным под лавиной разломанных клепок, расщепленных дощечек днища, обручей и соленых огурчиков, обильно сдобренных целым морем рассола. Покон-

чив таким образом со своим главным противником, я покрутил головой, разглядел неподалеку стопку здоровенных кругов от точила и дотянулся до нее, после чего сдержать меня можно было разве только прямым попаданием из корабельной пушки.

Должен сказать, надежный, увесистый круг от точила — едва ли не самое лучшее оружие, когда дело доходит до настоящей потасовки. Но у него все же есть один небольшой недостаток: такой штукой очень трудно воспользоваться с должной точностью. За примерами далеко ходить не надо. Вот, скажем, шарахнул я тогда кругом по парню, который вздумал взводить курки у своего обреза. А что вышло? Малый, как ни в чем не бывало, остался стоять, где стоял, зато начисто куда-то подевались пять, не то шесть жуликов, целившихся в меня из-за его спины. Но тут уж ничего не поделаешь. Пришлось мне разбираться с тем дробовиком, а заодно — и с его владельцем при помощи здоровенной коробки с консервированной говядиной, после чего я схватил с колоды для рубки мяса обоюдоострый мясницкий топор (в этой лавке он зачем-то был насажен на очень длинную ручку и потому напоминал секиру). При виде этого боевые порядки граждан Кугуарьего Хвоста пришли в полное расстройство, и все они — уж во всяком случае те, кто еще мог бегать и вопить, — мгновенно покинули поле битвы, испуская столь душераздирающие вопли, что у человека, менее вы-

держанного, чем я, наверняка разом застыла бы вся кровь в жилах.

Спотыкаясь о густо наваленные друг на друга тела жертв побоища, я кое-как добрал до дверей лавки, причем по дороге пару раз просто так, для тренировки, как следует врезал топором по полкам, снеся их к чертовой матери вместе со всеми ящиками, банками да жестянками, что на них раньше хранились. После чего решительно вывалился из дверей на улицу, воздев топор над головой, твердо намереваясь разрубить пополам всякого мерзавца, если таковой попытается на меня напасть. Но тут, прямо передо мной, словно из-под земли, вынырнул какой-то тощий дохляк и завопил:

— Стой! Именем закона приказываю тебе — остановись!

Не обращая никакого внимания на двуствольный дробовик, которым этот мозгляк тыкал мне чуть не в самую физиономию, я пошире расставил ноги и занес топор, примериваясь для доброго удара, но при этом, совершенно случайно, зацепился своим оружием за вывеску над дверями лавки. Хвастливая вывеска тут же рухнула вниз, хлопнув парня прямо по макушке. Заверещав, будто недорезанный, малый грохнулся на землю, а дурацкая пукалка, вывалившись у него из рук, пальнула мне прямо в лицо, изрядно опалив мои усы. Нагнувшись, я сбросил с него вывеску, чтобы она не мешала мне правильно воспользоваться топором, но тут малый открыл глаза и снова заверещал:

— Стой, где стоишь! Я — здешний шериф! Я требую, чтобы ты немедленно сдался законно избранным властям!

Только тут я заметил тщательно натертую звезду, приколотую к одной из подтяжек этого олуха. Что делать! Я вздохнул, положил топор на землю и почти безропотно позволил тому чудаку завладеть моими револьверами. Уж так я дурно воспитан: никогда не сопротивляюсь представителям закона. Хотя, крайне редко, подобные мысли все же посещают мою голову.

Мозгляк, усердно пыхтя, кое-как подобрал с земли свой глупый дробовик, опять навел его на меня и, все еще слегка пошатываясь, провозгласил:

— Именем закона! Я приговариваю тебя к штрафу в десять баксов за вопиющее возмущение общественного спокойствия!

Словно нарочно, именно в этот момент из-за угла вывернулся еще какой-то чудак, довольно долговязый и противный на вид сосунок с длинными, тщательно подбритыми бакенбардами, при галстукке, на котором сверкала брильянтовая заколка в виде лошадиного копыта. Он вприпрыжку подбежал к нам, остановился рядом, потрясая кулаками, и закатил такую истерику, на какую едва ли отважился даже только что кастрированный молодой бычок.

— Этот разбойник начисто сровнял с землей мой замечательный магазин! — брызгая сло-

ной, орал этот недоумок.— И теперь он должен заплатить мне за все окна, прилавки, двери и полки, разнесенные им вдребезги! И еще — за мою прекрасную вывеску! И еще — за тот четырехведерный бочонок с чудесной, свежайшей свининой, который он вдребезги расколотил об голову моего младшего клерка!

— Ну, хорошо,— устало произнес шериф.— Как, по-вашему, сколько он вам в результате должен, мистер Миддлтон?

— Сколько? — кровожадно вскричал мэр Кугуарьего Хвоста.— Пятьсот долларов, вот сколько!

— Пятьсот долларов?! — заревел я, вновь впадая в черную ярость.— Ты никак рехнулся, чертов сын?! Да ведь весь ваш долбаный городишко, вместе взятый, не стоит таких денег! — А кроме того,— несколько успокоившись, добавил я,— у меня все равно их нет. Вот разве что пятьдесят центов, но я их обещал отдать за штаны одному парню. Ну, тому, который сидит в будке у короля.

— Давай сюда эти пятьдесят центов! — чуток оживившись, приказал мне мэр.— Я прямо сейчас спишу их в расход. С твоего счета!

— А я прямо сейчас спишу в расход тебя. С этого света! — взревел я, сунув мерзавцу под нос свой кулак. Честное слово, чудака здорово рисковал, потому как тот мясницкий нож, каким Билл Сантри так неудачно ткнул меня между ребер, наверняка был испачкан солью и теперь у меня все сильнее жгло рану и внут-

ренности.— В общем,— твердо заявил я,— эти пятьдесят центов я должен. И отдам их только тому, кому должен. И никому другому!

— Тогда его надо немедленно отправить в тюрьму! — опять принялся бушевать Миддлтон.— И пусть сидит там, покуда мы не найдем ему такое дело, чтобы он смог бы полностью отработать гражданам нашего города весь причиняющийся с него штраф!

После таких распоряжений мэра шериф торжественно повел меня к бревенчатому сараю, каковой в этом паршивом городке использовался вместо тюрьмы. А Миддлтон продолжал горестно оплакивать утраченный им «Универсальный магазин», не обращая ни малейшего внимания на разбросанные по полу стонущие тела. Но я, к своей радости, успел заметить, как уцелевшие горожане укладывают парней на носилки и затем влекут оные носилки в сатун, дабы там привести пострадавших в чувство. Между прочим, над дверью там красовалось следующее:

*Золотой квадрат
салун Джона Миддлтона*

Краем уха я услышал, как ребята проклинают самого Миддлтона, потому как тот велел им заплатить за виски, которым они поливали ссадины и синяки жертв недавней баталии. Но ругались они шепотом, поэтому я заключил, что этот самый Миддлтон, похоже, умудрился захватить в здешнем дерьмовом городишке почти что всю власть.

Ну да ладно.

Устроился я на тюремных нарах, которые тут почему-то называли койкой. Устроился с трудом, потому как та койка была рассчитана на обычного человека, не больше шести футов ростом, после чего принялся гадать, с чего бы это Билл Сантри огрел меня тем дышлом. Ведь в подобных нелепых действиях любому было бы трудно углядеть хоть какой-нибудь смысл.

Я лежал, думал, а заодно ждал, когда же шериф наконец принесет мне ужин, но паразит то ли забыл про меня, то ли еще что, одним словом, жратвы я так и не получил. Поэтому довольно скоро я задремал, и мне, конечно же, приснилась Джоан, в туфлях из самого настоящего магазина.

А разбудил меня ужасный гвалт, доносившийся, как мне показалось, из салуна. Я встал с койки и попытался разглядеть хоть что-нибудь сквозь зарешеченное окно. Несмотря на глубокую ночь, салун, да и все окна домов, что находились от него поблизости, были ярко освещены. К сожалению, тюрьма находилась довольно далеко, поэтому понять, что же там происходит, было чертовски трудно. Однако сам по себе шум напомнил мне дом, и какое-то мгновение я даже решил, будто чудом вдруг снова перенесся на Медвежью речку. Мужчины орали и вовсю сыпали ругательствами, шла непрерывная пальба из револьверов, а весь этот тарарам то и дело заглушался чьим-то до

боли знакомым громовым ревом. Потом вдруг раздался сильный треск — кого-нибудь выбросили из салуна прямо через закрытую дверь. После этого я наконец почувствовал настоящую тоску по родным краям, ведь происходящее ну просто как две капли воды походило на столь любезные моему сердцу танцульки у нас, на Медвежьей речке!

Я в отчаянии затряс решетку на окне, так мне хотелось увидеть, что же такое происходит в салуне!

Правда, мне удалось разглядеть более-менее отчетливо, как тела людей по очереди вылетают из салуна головой вперед. Когда эти тела шмякались об землю и переставали катиться, то тут же вскакивали на ноги и неверными шагами устремлялись прочь. Причем крайне торопливо и в самых разных направлениях, завывая так, словно по пятам за ними гнался вышедший на тропу войны отряд конных апачей.

Вскоре я заметил еще одну человеческую фигуру, со всех ног мчавшуюся по направлению к тюрьме. Это оказался тот самый щедушный шериф. Вся одежда на нем висела клочьями, бедолага кулаком размазывал кровь по лицу, шипел и задыхался.

— У нас наконец-то появилась для тебя стоящая работенка, Элкинс! — прохрипел он, едва сумел немного отдышаться. — В городе только что объявился какой-то дикарь из Техаса и сразу же поверг в панику всех наших граждан!

Ежели ты сумеешь защитить наш покой, а также изгнать отсюда это ужасное исчадие пустынных прерий, твой долг будет списан навеки. Нет, ты только послушай!

Я последовал его совету и, судя по доносившемуся сюда шуму, пришел к выводу, что вышеупомянутый дикарь выкидывает прямо сквозь стены салуна мебель, чем-то не пришедшуюся ему по душе.

— Но даже дикари никогда не станут буйствовать просто так,— рассудительно заметил я.— Наверно, была какая-то причина?

— Ах, сущие пустяки,— горячо зашептал в окошко шериф.— Просто кто-то из ребят обмолвился, будто в Санта-Фе гонят куда более лучшую перцовку, нежели чем в Эль-Пасо, а этот придурок в ответ принялся громить весь наш город!...

— Но я никак не могу осудить его за это! — сурово бросил я в ответ шерифу.— Потому как данное утверждение есть грязная ложь и самая низкопробная клевета! Должен сразу заметить, шериф, что все старшее поколение моей семьи родом из Техаса и ежели вы, койоты, засевшие в своем мерзком Кугуарьем Хвосте, всерьез полагаете, будто у вас имеется не только право порочить мой родной штат, но и надежда избежать ответственности за свои столь гнусные наветы, то...

— Нет, нет! Нет! — в отчаянии взвыл шериф, заламывая руки и подпрыгивая на месте всякий раз, когда со стороны салуна доносил-

ся очередной треск деревянных панелей.— В нашем городе все, ну просто абсолютно все убеждены, что Штат Одинокой Звезды есть, был и будет вовеки средоточием всех достоинств, присущих нашему родному Западу. Ну послушай же меня! Будь другом, вышиби из нашего города этого придурка и убийшу! Черт побери, в конце концов, ты просто обязан сделать это! Ты обязан по закону отработать наложенный на тебя властями штраф и, лопни мои глаза...

— Черт, ну как же ты мне надоел! Ладно уж, сделаю, только помолчи малость! — с досадой произнес я, вышибая ногой дверь тюрьмы прежде, чем шериф успел ее отпереть.— Но сделаю только потому, что не могу вечно торчать в вашем долбаном городишке. Не далее как завтра на рассвете у меня есть одно весьма важное дельце в нескольких милях отсюда.

Мы двинулись к салуну. Улица была совершенно пустынна, однако из каждой приоткрытой двери, из каждого приотворенного окна торчали молчаливые, исполненные робкой надежды головы граждан Кугуарьего Хвоста. Шериф следовал за мной по пятам, покуда мы не оказались всего в нескольких футах от салуна. Тут он робко потрепал меня по плечу и смущенно пробормотал:

— Иди туда и делай свою работу. И постарайся сделать ее хорошо. Ты — наша последняя надежда. Ежели тебе не удастся уложить притаившегося там, внутри, окаянного гризли,

тогда этого не сумеет сделать никто! Иди! — С этими словами шериф вручил мне мой пояс с револьверами и мгновенно растаял во тьме, нырнув за угол ближайшего дома.

Я не спеша вошел в салун и тут же разглядел возле стойки бара настоящего гиганта, только что приготовившегося сделать добрый глоток из большущей оплетенной бутылки. Парень постарался и расчистил для себя достаточно места, но разрушения внутри помещения оказались совсем не такими уж большими, как я ожидал.

Едва послышались мои шаги, он мгновенно — дикая кошка и та не сумела бы быстрее — повернулся на пятках в мою сторону, неувловимым движением выдернув из-за пояса револьвер. Но я выхватил один из своих шестизарядных ничуть не медленнее, и какое-то мгновение мы хмуро и молча взирали друг на друга поверх вороненых стволов.

— Брек! — наконец произнес он. — Брекенридж Элкинс! Мой дражайший кровный родственничек! А ведь я-то уж невесть что подумал!

— Дорогой двоюродный братец! — с чувством ответил ему я. — Медведь Бакнер! А ведь я-то и слыхом не слыхивал, что ты наконец лично пожаловал к нам в Неваду!

* * *

— Мне последнее время что-то не сидится на месте, — признался братец, убирая за пояс

свою скорострелку.— Ну прям, будто шило какое в одном месте воткнуто. Так вот и в эти края занесло. А тут вдруг ты, братец Брекенридж!

— Богом клянусь, даже не знаю, как сказать, до чего я сам рад тебя видеть! — воскликнул я, дружески тряся ему руку. И тут меня словно молния ударила: я разом вспомнил все нынешние события.— Фу ты, черт,— виновато сказал я,— мне же придется тебя вышвырнуть отсюда! Какая незадача!

— Это ты о чем? — требовательно спросил Медведь.

— Да ну... — промямлил я.— Тут такое дело... Одним словом, они меня тут арестовали. Денег, чтобы уплатить штраф, у меня, конечно, нет. Поэтому штраф мне велено отработать. А работа, какую эти подлецы мне поручили, она, видишь ли, сводится к тому, чтобы вышвырнуть тебя из этого города...

— Никогда не видел никакого смысла в законах и законниках,— мрачно заявил Медведь Бакнер,— но ежели речь идет просто о штрафе, я немедленно уплачу его за тебя. Ежели, конечно, у меня хватит наличных,— с сомнением добавил он.

— Но Элкинсы никогда и ни от кого не принимали подаяния! — слегка уязвленно ответил я.— Мы всегда честно отработывали то, за что нам платили. А штраф накладывает на меня обязательство помочь тебе покинуть этот город к чертям собачьим!

Тут мой братец окончательно вышел из себя. Недаром родичи давно поговаривали, что у него слишком уж горячая голова. Бакнер оскалил зубы, его черные брови совершенно съехались к переносице, к тому же он начал нервно сжимать и разжимать кулаки, каждый из которых был размером с хорошую кувалду.

— Ну разве можно такого парня, как ты, считать настоящей кровной родней? — проворчал Медведь. — Я лично никогда не был противником хорошей, доброй потасовки между родичами, но сейчас мотивы твоих устремлений кажутся мне слишком уж меркантильными и попросту неприличными для истинного Элкинса! Твое недостойное поведение невольно заставляет меня вспомнить один общеизвестный факт. Это ведь твоему старику пришлось срочно покинуть Техас, потому как он пару раз по рассеянности накидывал свое ласо не на ту лошадку!

— Подлая ложь! — с жаром возразил я. — Мой папаша оставил Техас лишь потому, что после гражданской войны он не захотел присягать на верность проклятым янки! И ты сам об этом прекрасно знаешь! Но так или иначе, — я постарался придать своему голосу всю язвительность, на какую был способен, — никто и никогда не сможет обвинить Элкинсов в том, что хоть кто-нибудь из них способен сперва стащить чужого цыпленка, а затем сожрать его полусырым прямо в придорожных зарослях чапаралья!

Медведь Бакнер вздрогнул и заметно побледнел.

— Это еще что за грязные намеки, ты, сын Велиала? — взвыл он не своим голосом.

— Какие уж там намеки! — скорбно ответил я. — Одна липь святая правда во всей своей неприглядной красе! Твои преступные наклонности давно уже ни для кого в нашей семье не являются тайной. Тетушка Атаскоция в своем письме подробно расписала дядюшке Джеппарду Граймсу о том, как ты своровал ту курочку прямо с насеста в курятнике старика Вестфалля!

— Немедля заткни свою пасть! — оглушительно взревел братец, подпрыгивая на месте от ярости и судорожно стискивая рукоятки своих шестизарядных. — Прежде всего, то была вовсе не курица, а какой-то тощий полудохлый петух! А во-вторых, когда я стащил и сожрал эту полусырую дохлятину, я был совсем еще пацаном, а вдобавок натурально помирал с голодухи, поскольку уже шестой день кряду с трудом уходил от погони. Ведь после того, как чертов дурень Джо Ричардсон случайно оказался на моем пути именно тогда, когда мне вздумалось разрядить тяжелый винчестер, целая толпа до зубов вооруженных идиотов буквально дышала мне в затылок. Да чтоб тебе лопнуть! Клянусь всем святым, с тех пор мне случилось подстрелить немало людей, куда более достойных, чем ты, которым пришла в голову глупая мысль слегка потрепаться в моем присутствии о краденых цыплятах!

— И тем не менее! — Я непреклонно стоял на своем.— Факт остается фактом. Во всем нашем клане ты — единственный, кто позволил себе слямзить цыпленка. Чтобы хоть один из Элкинсов унизился до кражи куриц?! Да ни в жисть!

— А как же! — презрительно фыркнул Бакнер.— Кто ж спорит! Ведь всему белу свету давным-давно известно, что твоя почтенная семейка предпочитает лошадей!

Как раз тут я заметил, что снаружи, у дверей и под окнами салуна, собралась целая толпа зевак, трепетавших от страха, но тем не менее жадно прислушивавшихся к перепалке. Незачем им быть в курсе наших старинных внутрисемейных раздоров! Поэтому я нахмурился и сурово молвил:

— Поговорили и хватит! Пришла пора действовать. Не скрою: когда я увидел тебя здесь, то в первый момент сама мысль о необходимости нанести тебе тяжкие телесные повреждения казалась мне крайне неприятной, братец Бакнер! Но сейчас, после нашего небольшого обмена мнениями, это чувство наконец покинуло меня. И теперь я с радостью, с чистым сердцем и со спокойной душой сделаю твою довольно-таки невзрачную физиономию еще более невзрачной! Так что тяпнем по глоточку и приступим к делу!

— Это меня очень даже устраивает,— согласился Медведь Бакнер, снимая оружейный пояс и вешая его на стойку бара.— Сдается

мне, вон в той бутылки случайно застрял почти целый галлон местного красного пойла!

Мы по очереди приложились к горлышку, сделав по паре весьма умеренных глотков, а затем я отшвырнул в сторону опустевшую бутылку, повесил свой пояс с пистолетами рядышком с бакнеровским и ласково поинтересовался:

— Ну так как, братец? Повыдергивать тебе руки-ноги или проломить черепушку? Говори, не стесняйся!

— Подожди секундочку,— ответил он.— Лучше сперва скажи мне, в каком это... то есть я хотел сказать: где это ты ухитрился так извозить свои сапоги?

Я невольно перевел взгляд на свою обувь, а подлец Бакнер тут же изо всей силы пнул меня ногой прямо в зубы и прям-таки зашелся в приступе мерзкого кровожадного хохота. Ну, покуда он так веселился, я как раз успел прийти в себя, после чего настолько яростно боднул брата головой в брюхо, что его отвратительное гоготание мигом превратилось в агонизирующий кашель. Тут мы обхватили друг друга руками и, пытаясь придушить друг друга или хотя бы как следует лягнуть, начали кататься по полу. Натурально, мы вдребезги разнесли все столы, стулья и всякую прочую мебель, какая еще оставалась в салуне. Некоторые до сих пор удивляются, вспоминая учиненный тогда разгром. А чему тут удивляться? Никак в толк не возьму!

Наверное, мэр Кугуарьего Хвоста Миддлтон тоже пастал среди зевак у окон салуна — среди грохота и треска я в какой-то момент отчетливо различил его вопли:

— Бог мой! Да они же камня на камне не оставят от моего чудесного заведения! Шериф! Немедленно арестуйте обоих!

Однако шериф не растерялся. Откуда-то издали он прокричал своему мэру в ответ:

— Ежели хотите знать, Джонатан Миддлтон, так с меня тут взятки гладки! Вы отдали мне указания, а я их выполнил. Ну а если в результате ваших мудрых распоряжений вместо одного торнадо мы имеем два, то никакой моей вины здесь нету! И уж коли вам теперь неймется прекратить это стихийное бедствие, тогда полезайте туда сами!

Спустя какое-то время мы с братцем Бакнером притомились от бестолковой возни на полу среди обломков мебели и опрокинутых плевательниц. Тогда, ослабив хватку, мы одновременно поднялись на ноги, после чего я тут же вдребезги разнес об его голову колесо от рулетки, а он, не желая оставаться в долгу, так врезал мне в челюсть, что я пролетел сквозь зеркало бара, осыпaeмый дождем битого стекла и щедро поливаемый сгрудями виски, рекою хлынувшего из множества разбитых бутылок. От столь сильного сотрясения с потолка салуна сорвался подвесной светильник, из которого прямо за шиворот моему братцу вылился целый галлон почти что кипящего свечного сала.

Покуда он, шипя от боли, соскребал с себя это сало, я кое-как выкарабкался из-под ароматных руин бывшего бара и отправил свой правый кулак в путешествие аж от самого пола. Преодолев путь длиною не менее девяти футов, кулак смачно въехал в нижнюю челюсть братца Бакнера, отчего тот врезался спиной в противоположную стену салуна, проломил доски и вылетел наружу, оставив в стене изрядную дыру. Насколько мне теперь помнится, именно тогда крыша салуна и обрушилась внутрь.

Некоторое время я лихорадочно брыкался, стараясь сбросить придавившие меня обломки крыши, а затем ко мне, весьма своевременно подоспела помощь в лице Медведя Бакнера. Он быстро раскатил по сторонам обвалившиеся бревна, раздвинул рухнувшие балки, и спустя пару минут я уже выбрался из-под груды мусора на свежий воздух.

— Положим, чуть позже я справился бы с этим делом и сам,— пропыхтел я.— Тем не менее весьма обязан.

— Не стоит благодарности,— проворчал Бакнер.— Знать, недаром говорится: кровь родная — не водица!

С этими словами он вернул мне должок, нанеся такой удар в челюсть, что я пролетел ровно семнадцать с половиной футов, после чего приземлился в двух шагах от стены дома, в котором обитал мэр Кутуарьего Хвоста. Буквально в ту же секунду мой двоюродный

братец снова оказался рядом и принялся деловито пинать меня сапогами, притом норовя как можно чаще попадать по голове. Однако все его усилия оказались тщетными; помешать мне подняться на ноги он так и не сумел.

— Прочь! — истошно завопил вывернувшийся из-за угла мэр. — Счас же прочь от моего дома!

Но было уже слишком поздно. Я с такой неистовой силой влепил своему братцу прямо промеж глаз, что он также пролетел по воздуху ровно семнадцать с половиной футов, а затем врезался прямехонько в сложенную из булыжника дымовую трубу мэрского дома, пробив ее насквозь своей головой. Труба накренилась, несколько раз качнулась из стороны в сторону и обрушилась вниз, почти с головой засыпав моего противника обломками битого камня.

* * *

Однако, будучи Бакнером из Техаса, братец Медведь очень шустро поднялся на ноги. Причем не просто поднялся, но успел по дороге выудить из груды мусора булыжник размером с хороший арбуз, который не замедлил тут же расколотить вдребезги об мою черепушку. Такое недостойное поведение привело меня в самую ярость, поскольку мне стало ясно: мой соперник вовсе не намерен сражаться честно, как подобает истинному джентльмену. Раз такое дело, то я выдрал из

стены мэрского дома дубовое бревно, которым с размаху врезал позабывшему честь и совесть негодяю чуть пониже левого уха. И тогда братец Медведь снова рухнул лицом вниз, в мусор и пыль. Но на сей раз он уже больше не встал.

Покуда я восстанавливал дыхание, утирая со лба пот, заливавший мне глаза, ликующие граждане Кугуарьего Хвоста повылазили из своих убежищ, а шериф во всеуслышание громкогласно объявил:

— Ты отлично потрудился, Элкинс! Отныне ты вновь свободный человек!

— Черта с два! — неожиданно завопил вышедший из транса мэр Миддлтон. Ноги мэра сами собой выделявали такие кренделя, будто он исполнял военный танец апачей, а с его губ срывались невнятные проклятия, перемежаемые глухими стенаниями. — Нет, вы только посмотрите на мой дом! И на мой салун! Я уже не говорю про мой бывший чудесный магазин! Я разорен! Шериф, немедленно арестуйте этого человека!

— Которого именно? — холодно поинтересовался шериф.

— Нну-у... я думаю, вон того, — с явной горечью в голосе сказал мэр, — который из Техаса. Во всяком случае, он пока без сознания, так что приволочь его в тюрьму, пожалуй, не составит большого труда. А второго гоните прочь из города. В шею. И чтобы глаза мои его здесь больше никогда не видели!

— Эй, вы там! — возмущенно заявил я. — Нельзя ли малость полегче! Не вздумайте арестовать моего братца Бакнера! Об этом уговора не было!

— Никак ты намерен оказать сопротивление слуге закона? — заложив большой палец за свою подтяжку, заносчиво спросил шериф.

— По-моему, вы представляете закон лишь до тех пор, покуда вы носите звезду шерифа, не так ли? — вкрадчиво поинтересовался я.

— Совершенно верно, — хвастливо ответил он. — До тех пор пока эта звезда при мне, я и есть закон!

— Отлично! — деловито поплевав на руки, сказал я. — Ну просто великолепно! Но все дело в том, парень, что как раз сейчас этой звезды при тебе нету! Наверно, ты обронил ее где-то нынче ночью. До чего ж хлопотливая выдалась ночка, а? Так что теперь ты всего лишь самый обыкновенный гражданин и прав у тебя ровно столько же, сколько у меня. Ну, держитесь, койоты! Вот он я, перед вами! И сейчас я с вами со всеми разберусь!

Я снова поплевал на руки, набрал полную грудь бодрящего ночного воздуха и радостно расхохотался.

Бывший шериф Кугуарьего Хвоста некоторое время недоуменно и тупо разглядывал то место на своей правой подтяжке, где еще совсем недавно сияла столь разлюбезная его сердцу звезда. Но едва он немного пришел в себя, как тут же заорал от ужаса и со всех ног

бросился бежать по улице, петляя как заяц. Большая часть зевак, не теряя времени, устремилась за ним следом.

— Стойте, трусы! — отчаянно завопил мэр Миддлтон. — Я требую, чтобы вы вернулись и немедленно арестовали этих двух негодяев!

— О черт! — с отвращением в голосе произнес я. — Как же ты мне надоел! Заткнись сейчас же! — И я легонько подтолкнул малого в спину.

Нет, ну честное слово! Ведь я едва-едва прикоснулся к этому олуху! Но, как мне стало известно гораздо позже, он оказался настолько хилым, что даже такой легкий тычок напроцъ вывихнул ему левую лопатку.

Тем временем дело шло уже к рассвету, а братец Медведь вовсе не желал приходить в сознание. Между тем я отчетливо слышал — эти проклятые скунсы из Кугуарьего Хвоста, засевшие в своих норах, перекрикиваются друг с другом. Из ихних воплей мне стало ясно, что эти придурки откроют по нам пальбу из своих винчестеров, как только на улице станет достаточно светло для прицельной стрельбы.

И тут неподалеку я заметил фургон. Взвалив на плечо тело своего двоюродного брата, я кое-как дотащил его до этого места и зашвырнул его внутрь повозки. (Потому как вовсе не в правилах Элкинсов разбрасываться бесчувственными телами своих родичей, оставляя их на произвол судьбы в лапах разъяренной толпы вооруженных психов.)

Затем я зашел в тот кораль, где стояла пара диких мулов, и принялся запрягать их, и уверяю вас, то была совсем не детская забава. Этим мулам еще никогда не приходилось ходить под ярмом, а потому, почуяв во мне врага, они с огромным воодушевлением набросились на меня. Им даже удалось на время сбить меня с ног, а когда они принялись топтать меня своими копытами, осмелевшие обитатели Кугуарьего Хвоста нахально предприняли вооруженную вылазку. Правда, без особого энтузиазма. И стоило мне пару раз выпалить из моего сорок пятого, как они, оглашая окрестности воплями ужаса, тут же снова разбежались по своим домишкам и торопливо принялись опять баррикадировать окна и двери.

Когда мое терпение окончательно лопнуло, я по очереди оглушил глупых мулов, как следует врезав им кулаком промеж ушей, после чего, покуда они еще не пришли в себя, быстро набросил на них упряжь, а Капитана Кидда и лошадку своего братца привязал к задку фургона.

— Смотрите! — раздался из ближайшего домишки чей-то вопль, за которым тут же последовал сделанный наугад выстрел. — Подлец собрался украсть наших мулов!

Но фургон уже сдвинулся с места. Я правил стоя, изо всех сил натягивая вожжи, чтобы заставить этих сумасшедших мулов мчаться по прямой.

— Заткнитесь, идиоты! Элкинсы никогда ничего не крадут! — во всю глотку заревел я, покуда наш экипаж, грохоча колесами, мчался мимо домишек, в окнах которых то и дело мелькали вспышки торопливых, бестолковых выстрелов. — Не далее как завтра, я приплюю вам взад ваш дурацкий фургон и ваших дурацких мулов!

Но в ответ мне раздался лишь взрыв кровавых воплей, за которым последовал самый настоящий свинцовый дождь. К счастью, последнее напутствие этих придурков благополучно просвистело мимо моих ушей, и я, сопровождаемый громадным облаком пыли и кошмарных богохульств, навсегда покинул Кугуарий Хвост.

После нескольких тщетных попыток остановиться или порвать упряжь мулы покорились своей участи и, словно пара насмерть перепуганных кроликов, вихрем помчались вниз по петляющей горной дороге. Фургон едва вписывался в повороты, проходя их на одном колесе. Порой наша повозка натыкалась на какой-нибудь пень, после чего следующие несколько футов мы пролетали по воздуху. Не иначе как именно эти, довольно-таки непривычные для него, ощущения наконец привели в чувство двоюродного брата. Готовясь к отъезду, я свалил бесчувственное тело у передней стенки фургона, однако на одном из ухабов наш экипаж подбросило так сильно, что братец Медведь совершил невольный кульбит, после

которого приземлился на голову в противоположном конце повозки. Вот тут-то он вдруг зашевелился, а затем встал на четвереньки, устремил затуманенный взор на бешено мелькавшие перед его глазами деревья и взревел, будто раненый бык:

— Какого дьявола?! Что тут происходит?! И вообще, где это я нахожусь?

— Ты находишься на пути к Медвежьей речке, дорогой мой братец Медведь! — проорал я в ответ, не забывая прохаживаться кнутом по спинам глупых мулов. — Н-но, м-мертвые, нн-но! Мы отлично с тобой повеселились! А теперь еще — такая чудесная поездка! Ты должен быть доволен, братец! Разве я не прав?

В моей голове роились самые приятные мысли о Джоан, очевидно уже поджидавшей меня у поворота дороги, в тех самых туфельках, что были куплены в настоящем магазине... К тому же, думал я, продолжая мчаться вперед на крыльях любви, несмотря на все синяки да шишки, полученные мною в Кугуарьем Хвосте, я ничуть не стал ниже ростом и, к великому моему счастью, не утратил своей привлекательной внешности.

— Притормози счас же! — проревел Медведь Бакнер, пытаясь подняться.

Но как раз в этот момент мы понеслись вниз с крутого берега горной речушки, фургон с треском накренился, а мой братец отправился в обратный полет от задней дверцы

фургона к передней и так сильно ударился об нее головой, что едва не протаранил насквозь.

— Ой-ё! — прочувствованно произнес мой двоюродный братец.

Больше ничего добавить к своим словам он не успел, потому как именно в этот момент фургон на полной скорости преодолел речушку. Вода двумя широкими крыльями поднялась вверх, а затем снова обрушилась вниз; причем несколько сотен галлонов попало внутрь повозки и Медведя Бакнера чуть не смыло за борт этим могучим потоком.

— Я непременно прикончу тебя! — едва закончив каплять и отплеиваться, пообещал двоюродный братец. — Ежели только мне суждено выбраться отсюда живым, я обязательно доберусь до твоего горла. Пускай даже на это уйдет без остатка вся моя молодая жизнь! И будь я проклят, если...

Но бедолаге опять не удалось закончить свою мысль, потому как именно в этот момент мулы с разбегу взяли штурмом не менее крутой противоположный берег речушки, и братец Медведь снова отправился в полет по привычному маршруту. Только на сей раз он не просто с грохотом врезался в заднюю дверь, а напроць вышиб ее головой. Думаю, он обязательно улетел бы вслед за этой дверцей, если б не застрял в слишком узком для него проеме.

Мы продолжали нестись во весь опор. Дорога совсем испортилась; фургон, будто кузнечик, то и дело скакал с одного пня на дру-

гой, ежели, конечно, не считать те случаи, когда мы, срезав очередной поворот, со страшным треском проламывались напрямую через густые заросли кустарника. Капитан Кидд, вместе с лошадкой Бакнера, с громким ржанием мчались следом за нами; мулы дико ревели; я время от времени победно гикал, а братец Медведь непрерывно сыпал самыми ужасными проклятиями...

Через некоторое время я оглянулся назад и, чтобы хоть немного успокоить своего разволновавшегося родича, проорал, стараясь перекрыть производимый нами страшный шум:

— Да не волнуйся ты так, братец Бакнер! Уже совсем скоро я приторможу этих дурацких мулов! Мы буквально в двух шагах от того места, где я договорился встретиться с моей девушкой! Она должна ждать меня у...

— Да разуй же ты наконец глаза, проклятый дурень! — отчаянно взвыл Медведь Бакнер.

Тут я снова посмотрел на дорогу, но так и не увидел ее. Наверно, мулы решили срезать очередной поворот; во всяком случае, теперь они вихрем неслись прямо на большущий дуб, имея явный преступный умысел обежать его с разных сторон.

Так они и сделали.

Длинное дышло разлетелось вдребезги, подлые твари наконец освободились от ненавистной им упряжи и, оказавшись на свободе, продолжали с торжествующим ревом мчаться все

дальше и дальше... Чего я никак не могу сказать о фургоне, потому что чертова повозка со всего разгона врезалась в ствол дерева. Этот последний удар оказался настолько сильным, что мы с Медведем Бакнером пролетели по воздуху никак не меньше семнадцати с половиной ярдов прежде, чем угодить в непролазные заросли колючего кустарника.

Насколько мне известно, вернувшись к себе в Техас, Бакнер клялся и божил, будто бы я совершенно сознательно направил мулов на дуб, заранее имея на примете громадное гнездо лесных пчел, в которое мы угодили, когда, немного полетав по воздуху, наконец упали в кусты. Заявляю совершенно официально: это есть подлая ложь! Каковую я всенепременнейше вобью моему двоюродному братцу Бакнеру обратно в глотку, как только он в следующий раз подвернется мне под руку. Более того, нахальный родственник также нагло утверждал, будто то были не простые лесные пчелы, а настоящие исчадия ада, специально натасканные мною жалить всех, кроме меня. Тогда как неприглядная истина сводится к следующему: у меня просто хватило здравого смысла прикинуться мертвым и лежать абсолютно спокойно, а вот мой братец оказался настолько глуп, что едва выдернув голову из пчелиного гнезда, он тут же ударился в бег.

От всей души надеюсь: уж теперь-то Медведь Бакнер навеки усвоил, что даже самый быстрый в мире бегун ничем не сможет

обогнать обозленную лесную пчелу. Вертась словно торнадо, дорогой родственничек продрался сквозь заросли на открытое место и дал деру, дико визжа, завывая, размахивая руками и подпрыгивая самым дурацким образом. Надо полагать, Бакнер бежал по кругу, потому как примерно минуты через три я снова услышал его дикий рев, а потом увидел и его самого. Он последний раз высоко подпрыгнул, молотя по себе руками, после чего вновь нырнул в заросли. Я прикинул, что к этому времени он не только отвлек на себя всех пчел, но и успел от них избавиться. Можно уже было не притворяться мертвым. Я осторожно выпутался из хитросплетения колючих веток, а затем довольно быстро определил, где именно братец Медведь закончил свой безумный бег. Сделать это оказалось совсем нетрудно, поскольку он продолжал сотрясать мирные окрестности самыми невероятными проклятиями и богохульствами. Найдя то место, где он окончательно запутался в клубке колючих ветвей, я крепко ухватил беднягу за левую ногу и выдернул его на свет Божий. Следует отметить — он за последние несколько минут лишился почти всей своей одежды, да и характер у него ничуть не улучшился. Более того, во всех своих несчастьях мой родич явно был склонен винить только меня.

— Пошел-ка ты! — свирепо заявил он. — Не смей ко мне прикасаться! Оставь меня в покое! Я абсолютно, ты слышишь — абсолютно! —

уверен, что именно сейчас нахожусь как раз на таком расстоянии от Медвежьей речки, каковое меня полностью устраивает. Где мой конь?

Когда фургон разбился об дерево, привязь лопнула и наши лошадки оказались на свободе. Но они никуда не делись. Совсем наоборот: они устроили целое сражение прямо посреди дороги. Конь братца Бакнера был едва ли не точной копией моего Капитана Кидда, почти такой же огромный и с таким же дурным норовом. Нам стоило немалых трудов растащить их. После чего Медведь Бакнер, храня угрюмое молчание, немедленно и деловито полез в седло.

— И куда же ты теперь, братец Медведь? — вежливо поинтересовался я.

— Куда угодно, лишь бы побыстрей оказаться как можно дальше от тех мест, где обретаешься ты! — с горечью в голосе отвечал мой родич. — Я уже повстречался с таким количеством Элкинсов, какое оказался в состоянии перенести за один раз. Ничуть не сомневаюсь, что намерения у тебя были самые добрые, да только нормальному человеку куда как лучше попасть в клетку с голодными львами, нежели чем кто-нибудь из Элкинсов вдруг да примется выручать его из беды!

Присовокупив к своим словам еще несколько дополнительных высказываний, которые настолько потрясли меня, что я просто не решаюсь их здесь повторить, братец Медведь вон-

зил шпоры в свою лошадку, взяв с места в карьер.

Со стороны, а точнее, сзади, он выглядел весьма странно, поскольку из всей одежды на нем оставались только продранные штаны, а голая спина была сплошь покрыта синяками, царапинами, порезами и пчелиными укусами...

* * *

Мне было искренне жаль, что у моего двоюродного брата ни с того ни с сего вдруг оказалась столь нежная и легкоранимая натура. Однако я не мог позволить себе попусту тратить время, размышляя над глубинными причинами проявленной им черной неблагодарности. Уже начинался восход солнца, а я твердо знал, что Джоан обязательно будет ждать меня у того места, где к дороге сбегает горная тропа.

Разумеется, так оно и вышло. Когда я наконец добрался до развилки, девушка уже была там, но на ее ножках я почему-то не заметил тех самых туфелек, купленных в настоящем магазине. А сама Джоан выглядела очень взволнованной, я бы даже сказал — слегка напуганной.

— Брекенридж! — воскликнула она, бросившись ко мне на грудь прежде, чем я успел вымолвить хоть слово. — Случилось нечто ужасное! Прошлым вечером мой брат был в Кугуарьем Хвосте, и там какой-то заезжий громила избил его до полусмерти! Теперь он даже не в

состоянии ходить самостоятельно, поэтому его несут домой на носилках, а один из его друзей, обогнав остальных, прискакал сюда верхом, чтобы предупредить меня о кошмарном происшествии!

— Но ведь мне по дороге сюда не пришлось никого обгонять! — удивленно сказал я.

— Они идут пешком, — объяснила Джоан. — А пешком сюда можно пройти напрямую, коротким путем через холмы. Да вот и они!

Я и сам заметил, как из-за поворота, в нескольких сотнях ярдов от нас, появились несколько человек с носилками; они явно направлялись в нашу сторону.

— Пойдем! — сказала Джоан, нетерпеливо дергая меня за рукав. — Слезай с коня, и пойдем к ним. Я хочу, чтобы брат рассказал тебе, кто его так отделал, а еще я хочу, чтобы потом ты как следует поквитался с тем мерзавцем!

— Пожалуй, догадываюсь, чьих это рук дело, — пробормотал я, слезая с Капитана Кидда. — Но такие вещи всегда лучше знать наверняка.

Про себя-то я уже твердо решил, что сейчас мне предстоит познакомиться с одной из жертв отвратительного характера моего двоюродного брата Бакнера.

— Погляди-ка! — вдруг прервала мои размышления Джоан. — Как забавно! Эти ребята повели себя очень странно, едва увидели тебя. Смотри! Они поставили носилки на землю, побросали оружие и врассыпную бросились

обратно в лес! Билл! — испуганно вскрикнула она, когда мы подошли ближе к носилкам. — Ты очень серьезно пострадал, Билл?

— Прилично. В двух местах сломана нога, да еще треснуло несколько ребер, — донесся с носилок слабый стон несчастной жертвы, голова которой была обмотана таким количеством бинтов, что мне все никак не удавалось разглядеть лицо. Но тут вдруг мальчй резко сел на носилках и бешено заорал: — А что здесь делает этот проклятый головорез и чертов конокрад?

Голос жертвы был мне очень даже знаком. К моему изумлению, братом Джоан оказался не кто иной, как Билл Сантри!

— Что ты такое говоришь, Билл? Этот человек — наш друг... — дрожащим голосом начала объяснять Джоан, но ее братец, для начала громко изрыгнув парочку чудовищных богохульств, не дал бедной девушке закончить.

— Друг?! — визгливо выкрикнул он. — Да какой он нам, на хрен, друг! Это же родной брат Джона Элкинса! Но и это еще не все! Он вчера изувечил меня, приведя в то самое плачевное состояние, в котором ты теперь и имеешь счастье меня наблюдать!

Джоан ничего не сказала в ответ. Повернувшись, она коротко взглянула на меня, и в ее глазах промелькнуло какое-то очень странное выражение. Затем она перевела взгляд себе под ноги с таким видом, будто пыталась что-то найти на земле.

— Послушай, Джоан! — умоляюще начал я. — Сейчас я тебе все объясню...

Но тут, к счастью очень вовремя, до меня вдруг дошло, что же именно она ищет на земле. Один из тех парней, которые при моем появлении удрали в лес, швырнул прямо на дороге свой крупнокалиберный винчестер, дабы эта пушка не помешала ему развить максимально возможную скорость.

Первая пуля Джоан сбила с моей головы шляпу как раз в тот момент, когда я, не чуя под собой ног, птицей взлетел на Капитана Кидда. Вторая, третья и четвертая пули просвистели мимо. Но так близко, что обдали мое лицо горячим смертоносным ветерком. Затем Капитан Кидд лихо прошел поворот, едва не пластаясь брюхом по земле, и спустя несколько секунд мое очередное, так заманчиво начинавшееся любовное приключение — увы и ах! — осталось далеко позади...

Пару дней спустя жалкая кучка синяков, щедро сдобренных множеством незаживающих сердечных ран, в которой посторонний человек лишь с большим трудом сумел бы признать Брекенриджа Элкинса, бывшую красу и гордость Медвежьей речки, медленно тащилась верхом на усталой лошадке по тропе, спускавшейся вниз, в долину, где издавна селились свободолюбивые граждане, обитавшие на берегах вышеупомянутой речки.

И надо же было такому случиться: проказливая судьба именно здесь предначертала мне

лицом к лицу столкнуться с моим братцем Джоном, пешком направлявшимся вверх по этой самой тропе.

— Где же ты так долго пропадал? — лицемерно обрадовался он нашей встрече. — Мы даже начали беспокоиться! Ну и видок у тебя, однако! Можно подумать, что тебе пришлось сражаться не на жизнь, а на смерть с целой тучей горных львов!

Я кое-как сполз с седла на землю и неприязненно поинтересовался:

— Джон! Дело прошлое. Но может быть, ты хотя бы сейчас объяснишь мне, что же именно обещал тебе отдать Билл Сантри?

— Не отдать, а задать! — заливаясь счастливым смехом, отвечал мой братец. — Мы с ним заключили одну сделку, причем я обвел этого Сантри вокруг пальца и на самых что ни на есть законных основаниях ободрал его как липку. Когда же чертов дурень наконец сообразил, насколько здорово прогорел на этом дельце, то пообещал при первой же нашей встрече задать мне хорошую трепку. А ежели подвернется возможность — так и выплбить из меня дух. Я очень рад, Брек, — продолжал братец Джон, не замечая моего ледяного молчания, — что ты не держишь против меня зла! Каюсь, я послал тебя в Кугуарий Хвост вроде как в шутку. Но ведь ты всегда умел по достоинству оценить удачную шутку, верно, Брекенр дж?

— А как же! — по-прежнему холодно ответил я. — Удачная шутка дорогого стоит. За

нее и заплатить не жалко! Кстати, Джон, как поживают пальцы на твоей ноге?

— Прекрасно поживают! — ухмыляясь, ответил он. — Просто великолепно!

— И все же, — продолжал настаивать я, — мне хотелось бы убедиться в этом лично. Поставь-ка ногу поближе к свету. Да вот хотя бы на этот пень!

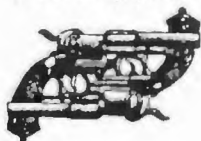
Братец так и сделал. А я в тот же миг из всех сил врезал ему по ступне прикладом винчестера.

— Вот тебе расписка на оплату твоей шутки! — проворчал я, с мрачным удовлетворением созерцая, как мой подлый братец скачет вокруг пня на одной ноге, плача и рыдая и сотрясая всю долину Медвежьей речки невыразимо отвратительными ругательствами.

Досыта насладившись столь восхитительным зрелищем, слегка покряхтивая, я вновь влез в седло, ласково потрепал по холке Капитана Кидда и, несколько воспрянув духом, тронулся дальше, размышляя о том, насколько велико мое нравственное превосходство над этим вконец опустившимся типом, который всего лишь пару минут назад пребывал в таком великом восторге от своей идиотской выходки, что даже позволил себе позабыть: подлинные Элкинсы всегда возвращают все долги.

Неукоснительно и в самый короткий срок!

Глава вторая ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Т

от самый проклятый фургон свернул с тропы и остановился перед нашим домом вскоре после восхода. Все мое семейство вышло полубопытствовать, кто же это такой сюда пожаловал, потому как чужестранцы редко попадали к нам на Медвежью речку, а еще того реже — оказывались здесь желанными гостями. На коз-

лах восседал какой-то долговязый, изрядно отощавший старый хрыч, а из фургона торчали вихрастые головы не то четырех, не то пяти мальчишек.

— Приветствую вас, люди добрые! — Старый хрыч снял шляпу. — Меня зовут Джошуа Ричардсон. Я веду караван с иммигрантами, которые ищут место, где можно поселиться. Остальные сейчас остановились временным лагерем недалеко от тропы, примерно в трех милях отсюда. Но с кем бы мы ни встречались здесь, в горах Гумбольта, всякий указывал нам, что разрешение осесть где-то поблизости мы должны испросить у мистера Ревущего Билла Элкинса. Не с этим ли джентльменом я и имею честь беседовать сию минуту?

— Совершенно верно, — ответил папаша с легким подозрением в голосе. — Билл Элкинс — это я!

— Отлично, мистер Элкинс, — с воодушевлением произнес старый хрыч Ричардсон, описывая своей бородашкой в воздухе самые наипочтительнейшие круги. — Мы были бы просто в восторге, когда бы ваша община не стала возражать, если бы мои люди поселились бы где-нибудь здесь, поблизости. Бы!

— Гхм-м-мм! — промолвил папаша и пару раз дернул себя за бороду. — А откуда, собственно, вы пожаловали?

— Из Канзаса! — жизнерадостно сообщил старый Ричардсон.

— Вот как? — переспросил папаша. — Ну что ж. Драгоценная моя! — обратился он к моей мамаше. — Будь ласкова, подай-ка мне мой любимый дробовик!

— Не стоит, драгоценный мой! — откликнулась мать. — К чему все это?! Да не будь же ты, в конце концов, таким упрямым, Уильям! Ведь война давным-давно закончилась!

— Замечательные слова! — поспешно воскликнул старик Ричардсон. — Вот и я частенько говорю в точности то же самое. Кто старое помянет, тому глаз вон!

— В таком случае, — потребовал отец, все еще с некоторой угрозой в голосе, — каково будет ваше честное и непредвзятое мнение о генерале Стерлинге Прайсе?

— О! — Старый хрыч Ричардсон всем своим видом выразил бурный восторг. — Вне всякого сомнения, то был истинный джентльмен и благороднейшей души человек!

— Гхм-м-мм! — повторил отец. — Для выхода с Востока вы обнаруживаете поразительное чувство такта и незаурядный здравый смысл! Беда в том, что здесь, на Медвежьей речке, мы лишены возможности принимать новых поселенцев, даже ежели они истинные демократы. У нас на каждой жалкой сотне квадратных миль и так уже проживает по девять или десять семейств, а потому дальнейшего перенаселения местности нам допустить никак нельзя!

— Люди в обозе вымотались почти до предела! — возопил старик Ричардсон. — Как же

нам теперь быть? Ведь куда ни глянь, старожилы захватили самые лучшие земли, а теперь мало того что они нас отовсюду гонят, но еще и заявляют, что будут и дальше гнать, хотя никаких законных прав у них на это нету!

— Законные права! Ха! — фыркнул папаша. — Ха и еще раз ха! Засуньте их себе в задницу! В этом краю все права, законные и незаконные, принадлежат тому, у кого больше патронов и кто умеет лучше стрелять! Но не горюйте! Есть тут у меня на примете одно местечко, в Аризоне. Совсем недалеко. Отсюда — дней десять—пятнадцать караванного пути, не больше. Оно называется Каньон Охотничьих Ножей и подойдет вам как нельзя лучше. Ведь, по моему разумению, все ваши люди скорее фермеры, нежели охотники, верно?

— Верно, — вздохнул старик Ричардсон. — Но как же нам туда добраться? Люди и скотина совсем притомились, припасы подходят к концу, дорога незнакомая...

— Мой сын, Брекенридж, как раз сейчас свободен. Он с огромным удовольствием проводит вас, — весьма благожелательно заверил его мой отец. — Разве не так, Брек?

— Нет! — правдиво ответил я. — Совсем не так. Какого, спрашивается, дьявола я должен тащиться хрен знает куда, да к тому же по дороге пасти все это чертово стадо молочных телят, у которых до сих пор ноги подгибаются? Вдобавок...

— Он доставит вас всех прямиком до самого места в целости и сохранности! — по-прежнему очень благожелательно сказал папаша, начисто пропустив мимо ушей мое последнее высказывание. — К тому же мой сынишка всегда сам не свой от радости, ежели только ему удастся протянуть руку помощи попавшим в беду фермерам. Верно, Брек?

Поняв бесполезность дальнейших препирательств, я просто плюнул под ноги, проворчал себе под нос пару черных слов и отправился седлать Капитана Кидда. Я заметил, что старый хрыч Ричардсон, да и его мальчишки тоже, все время как-то странно поглядывают на меня. Когда же Кэп Кидд, по своему обыкновению дико храпя, брыкаясь, посшибав половину перекладин передней изгороди кораля (а он всегда именно так и делает), стрелой вылетел оттуда и замер как вкопанный на расстоянии ровно в семнадцать с половиной дюймов от чертова фургона, лица всех Ричардсонов отчего-то сделались землисто-серыми, а глава семейства слабо пробормотал:

— Нам бы очень не хотелось утруждать вашего сына против его воли, мистер Элкинс! А уж тем более — понапрасну. Потому как мы, перво-наперво, вообще не собирались ехать в тот каньон, а во-вторых...

— Ну уж нет! — окончательно взбеленившись, проревел я. — Теперь вы поедете со мной в Каньон Охотничьих Ножей, и сделаете это как миленькие! Может, вы и не собирались

ехать туда до тех пор, покуда я не начал седлать своего коня, зато сейчас собираетесь, уж это я вам точно говорю! А ну, трр-рогай!

С этими словами я разрядил свой шестизарядный прямо под ноги Ричардсоновым мулам, чтобы как следует приободрить этих тварей, отчего они отчаянно заревели и во всю мочь припустили вниз по тропе. Фургон бешено скакал с кочки на кочку, а старый хрыч Ричардсон сначала висел в воздухе, цепляясь за вожжи, а потом исполнял джигу, резво перелетая с одного подпрыгивающего конца козел на другой. Его мальчишки вопили во всю глотку, катаясь взад-вперед по дну чертовой повозки.

* * *

Вот так, во весь опор, мы и влетели в лагерь переселенцев. Большинство мужчин тут же схватились за оружие, женщины подняли визг, выхватывая из общей суতোлки своих детей, а один парень настолько растерялся, что свалился в громадный котел, где на медленном огне как раз закипали бобы. Этот недотепа поднял ужасный крик, утверждая, что его пытаются сварить заживо целая орда диких индейцев.

Перед тем как въехать внутрь лагеря, старик Ричардсон как следует уперся ногами в козлы, изо всех сил натянул вожжи и заорал благим матом, кроя мулов почем зря. Но те уже закусили удила и абсолютно ничего не

соображали. Поэтому мне пришлось чуть обогнать их, ухватиться покрепче за уздечку и осадить глупых тварей так, что они попросту грохнулись на задницу. Ну и уж конечно, старый хрыч Ричардсон должен был приготовиться к резкой остановке.

А потому нету никакой моей вины в том, что старый дурень улетел с козел на семнадцать с половиной футов вперед и расколол своей глупой головой дышло соседнего фургона. Нету и быть не может! И уж тем более я совершенно не повинен в том, что, покуда я доставал бедолагу из спутавшейся сбруи, один из мулов успел пару раз лягнуть его, а второй хорошенько укусил за задницу. Потому как всем известно: более подлых тварей, нежели чем эти мулы, не сыскать во всем белом свете, как бы хорошо вы с ними ни обращались!

Наконец в лагере не осталось ни одного человека, державшего рот на замке. Все они вопили: кто от изумления, кто от страха, кто от чего еще. Ричардсон, пошатываясь, встал на ноги, кое-как утер с лица кровь рукавом, после чего провозгласил:

— Успокойтесь! Успокойтесь все! У нас нет никакого повода волноваться! Вот перед вами истинный джентльмен! Его имя — Брекенридж Элкинс, и он, по своей доброте душевной, великодушно согласился сопровождать нас в Аризону, в те самые обетованные края, где земля так и сочится молоком и медом!

Обитатели лагеря встретили это известие без малейшего энтузиазма. Их тут было человек пятьдесят, по большей части женщины, дети и подростки — пыльные, усталые, измотанные долгой дорогой. Мужчин, способных держать оружие, во всем обозе едва ли насчитывалось около дюжины. Вдобавок все обозники в той или иной мере приходились старому хрычу Ричардсону родней. Тут были его братья и сестры, сыновья, дочери и внуки, племянники и племянницы, их мужья и жены, и все такое прочее. На всю эту орду имелась лишь одна действительно хорошенькая, но все еще незамужняя девушка — Бетти, младшая дочка старика Ричардсона.

К моменту нашего появления они как раз закончили завтрак и уже запрягали лошадей и мулов, так что нам удалось тронуться в путь без дальнейших проволочек. Я ехал во главе растянувшегося чуть не на милью обоза, рядом с фургоном старого Ричардсона. Спустя какое-то время старый хрыч неожиданно поинтересовался:

— Послушайте! Ежели Каньон Охотничьих Ножей — столь замечательное место, тогда отчего там до сих пор никто так и не обосновался?

— А-а, ерунда! — небрежно ответил я, думая о своем. — Кажется, там сначала были чьи-то поселения. Но потом часть народу перебили апачи, часть — мексиканские бандиты, а года три назад те парни, которым посчастливилось

уцелеть, чего-то там между собой не поделили. Ну и получилось вроде того, что они сами как бы перестреляли друг друга. Мне кажется, именно потому теперь там никто и не живет. Но точно не знаю.

Тут старый хрыч Ричардсон вдруг надолго задумался, нервно теребя свою жидкую бороденку.

— Ну не знаю! Прямо не знаю! — наконец промямлил он. — Может, нам все-таки стоит еще малость порыскать в здешних краях, в поисках какого-нибудь более спокойного и мирного местечка, нежели чем то, о котором у нас только что шла речь!

— Более мирного и спокойного местечка вам ни в жисть не найти нигде к западу от Пекоса! — убежденно заверил я старого хрыча. — Ни за какие коврижки! И хватит об этом! Кажется, тебе уже несколько раз пытались втолковать: Каньон Охотничьих Ножей — это именно то место, которое всем твоим родичам подходит как нельзя лучше. Или ты настолько упрям, что желаешь попасть в какую-нибудь Богом проклятую дыру?

— Нет, нет! — торопливо и испуганно заверещал Ричардсон. — Мне и в голову не приходило подвергать сомнению столь удачный выбор! А какие города нам предстоит миновать на своем пути?

— Только один, — ответил я. — Он называется Пороховая Гарь и стоит на самой границе Аризоны. Да, чуть не забыл! Предупреди-ка

свою родню, пускай держится от этого городка подальше. Потому как он издавна служит берлогой для всякого рода висельников. Сдается мне, твоя молодежь пока еще недостаточно ловко обращается с оружием для того, чтобы уютно чувствовать себя в столь неподходящей для нее компании.

— Нам вовсе ни к чему неприятности! — решительно заявил старый хрыч Ричардсон. — Я обязательно предупрежу моих парней, чтобы не совали нос куда не следует!

* * *

Наш обоз потихоньку катился и катился вперед; путешествие, по счастью, не отличалось особым разнообразием. Ежели, конечно, не считать обычных неурядиц, какие обыкновенно случаются со всеми этими совершенно не приспособленными к жизни неженками. Так дело и шло, покуда караван не оказался буквально в двух шагах от границы с Аризонной. Вот тут-то, при переправе через речушку, у нас вышла первая серьезная заминка.

Посреди речушки имелась илистая отмель; колеса головных фургонов превратили жирный ил в сплошное месиво, где и застряла намертво последняя повозка, погрузившись в грязь по самые ступицы.

Солнце уже клонилось к закату, поэтому я велел всем остальным двигаться дальше и встать лагерем примерно в миле от Пороховой Гари. Сам же я собирался присоединиться к ним

сразу, как только вызволю из речушки тот чертов последний фургон и его незадачливых пассажиров. Но дельце оказалось не таким уж простым. Проклятую повозку засосало в ил уже выше осей, а мулам грязь доставала как раз до самого брюха. Мы дергали, толкали, орудовали самодельными рычагами... Все без толку. Вот ежели бы эти проклятые мулы все время не путались у меня под ногами, тогда я, может быть, чего-нибудь и придумал бы!

Сказано — сделано! Мы кое-как выпутали мулов из упряжи, но они умудрились завязнуть так глубоко, что уже не могли выкарабкаться из ила самостоятельно. Мне пришлось пробираться к ним по непролазной грязи и, перекинув через плечо, одного за другим вытаскивать на сухой берег. А затем я просто ухватился покрепче за дышло и всего через каких-нибудь несколько секунд выдернул фургон из трясины на ровное место.

Должен заметить, владельцы фургона просто глаза вытаращили от изумления, когда я вместе с повозкой появился на берегу. Да ну их! Эти парни из Канзаса вечно удивляются всяким пустякам!

К тому времени, как мы соскребли с фургона и с самих себя большую часть дико вонючего ила и снова запрягли мулов, наступила ночь. Поэтому до лагеря, по счастью разбитого как раз там, где я хотел, наша повозка добиралась довольно долго и в полной темноте. Тем не менее старый хрыч Ричардсон еще

не спал. Напротив, он сразу нашел меня и, уцепившись за мой рукав, с самым встревоженным видом прошептал:

— Мистер Элкинс! Я все сделал, как вы говорили, но кое-кто из самых непослушных все же отправился в тот городок, хотя, видит Бог, я их предупреждал!

— А-а! — отмахнулся я. — Пустяки. Не берите в голову. Счас приведу их обратно!

Черт бы их всех побрал! Пришлось даже пропустить ужин!

Я забрался на Капитана Кидда, быстро доскакал до Пороховой Гари и привязал мою лошадку к столбу возле единственного в этом мерзком городишке салуна. А городишко, надо сказать, был совсем маленький и выглядел претовратно. Едва я вошел в салун, как тут же заприметил в углу четырех парнишек из ричардсоновского курятника. Они стояли, окруженные со всех сторон целой бандой отпетых головорезов, среди которых выделялся один мексиканец — высокий, довольно-таки тощий тип с противной чахлой ниточкой черных усов над верхней губой, одетый во что-то вроде френча, изукрашенного изрядно полинявшим золотым шитьем.

— Выходит, парни, вы всерьез решили поселиться в Каньоне Охотничьих Ножей? — насмешливо спрашивал он у ребят.

— Ну-у... В общем-то, да. Так мы и собирались сделать, — ответил один из парнишек Ричардсона. — А что?

— А то, что этот номер у вас не пройдет,— прошипел мексиканец, скалясь как все равно кугуар, причем я заметил, что при этих словах его руки начали плавно съезжать с бедер на отделанные слоновьей костью рукоятки револьверов, болтавшихся на оружейном поясе.— А слышали ли вы, петушки, хоть что-нибудь о сеньоре Гонсалесе Заморра? Как? Неужели нет? Странно, ведь он — очень, очень важная персона в здешних краях. И он уже очень, очень давно пользуется Каньоном Охотничьих Ножей в своих личных целях. Так давно, что он, по правде говоря, попросту считает этот каньон своим.

— Когда наконец закончишь свое вступление, Гомес, играй сразу в две руки,— довольно громко пробормотал стоявший неподалеку бандит-американец,— а мы подыграем. Обедни не испортим.

Парни старика Ричардсона никак не могли понять, о чем идет речь, но все же им стало ясно: пахнет весьма большими неприятностями. Ребята сбились в кучу, точно затравленные кролики, и растерянно озирались. Но вокруг них не было ничего, кроме враждебных лиц да здоровенных ручищ, вызывающе поигрывавших револьверами.

— Так кто же сообщил вам, что вы имеете право поселиться в Каньоне Охотничьих Ножей? Кто привел вас сюда? — вкрадчиво продолжал выпытывать Гомес.— Небось какой-нибудь шут гороховый из Канзаса? Так? Или не так?

— Не так! — спокойно ответил я, легко раздвинув толпу плечом. — Их привел сюда я. А мой отец, чтоб ты знал, родом из Техаса. А мой горячо любимый дедушка очень даже неплохо отличился в деле при Сан-Джасинто. Ты еще не позабыл про Сан-Джасинто, скунс воюющий?

Похоже, Гомес еще не позабыл. Он быстро оставил в покое рукоятки своих пушек, а его смуглая рожа вмиг сделалась пепельно-серой. Что до остальных выроdkов, так они сразу же начали пятиться назад, торопливым шепотом раздавая друг другу советы:

— Эй, парни, поосторожнее! Это же Бренридж Элкинс!

Да и вообще, все эти горе-разбойники вдруг обнаружили, что у них имеется целая куча совершенно неотложных дел. У кого — в баре, у кого — за карточным столом, а кому и вовсе понадобилось срочно покинуть салун. Одним словом, буквально через пару секунд Гомес обнаружил, что посреди зала остались только мы вдвоем. Мексиканец облизнул пересохшие губы; мальчж явно чувствовал себя не в своей тарелке, однако гонор все еще мешал ему пойти на попятную.

— Может, тебе не понравились мои слова насчет сеньора Заморры? — прохрипел он. — Но я сказал чистую правду. Когда я сообщу ему, что в Каньоне Охотничьих Ножей собираются поселиться гринго, сеньор Заморра будет очень недоволен!

— Тогда поспеши ему об этом сообщить, и чем скорее он переживет такую неслыханную трагедию, тем быстрее снова перестанет огорчаться,— рассудительно заметил я.— Да и вообще, отчего бы тебе не сделать это прямо сейчас?

Я взял Гомеса за шиворот и отправил на улицу сквозь ближайшее окно.

Он сразу вскочил на ноги и заковылял куда-то за угол, в темноту, сплевывая кровь и изрыгая самые кошмарные мексиканские богохульства. Ну а в салуне тем временем воцарилась какая-то неестественная, мертвая тишина. Мне все это порядком надоело, я взвел курки своих шестизарядных и решительно шагнул вперед, к стойке бара, за которой тихо трясся от страха знакомый мне по старым временам беглый каторжник. Только в такой дыре, как Пороховая Гарь, он мог сойти за бармена.

— Эй, приятель! — ласково позвал я его.— Может быть, ты желаешь, чтобы я уплатил за то чертово стекло? Или как?

— О нет! — воскликнул он, механически продолжая протирать тряпкой плевательницу, явно спутав ее с пивной кружкой.— Нет, нет и нет! Ни о чем подобном не может быть и речи! Мы уже давно собирались сами выставить то окно... для... для улучшения вентиляции! Только вот руки все никак не доходили!

— Тогда должен ли я это так понимать, что и все остальные джентльмены, присутствующ-

щие здесь, также полностью удовлетворены? — вежливо поинтересовался я.

В ответ раздался дружный гул голосов. Он явно свидетельствовал о том, что собравшиеся в салуне конокрады, грабители дилижансов и прочее ворье с готовностью рады в любой момент подтвердить справедливость моего предположения.

— Отлично! — Я не скрывал своего удовлетворения. — Эт-то оччень хорошо! Потому как больше всего на свете мне дороги мир и покой. И я непременно добьюсь их! Даже ежели мне... придется укокопить всех до единого чудаков, собравшихся в здешней забегаловке! Ну а вам, парни, — я коротко взглянул на ребят Ричардсона, — по-моему, самое время топать в лагерь!

Похоже, они и сами так думали, ибо, не скрывая радости, мгновенно испарились из салуна. Ну а мне пришлось еще малость слегка подзадержаться. Купив себе местного зелья, я заодно решил угостить выпивкой одного своего старого знакомого. Помнится, когда мы с ним последний раз виделись в Жеваном Ухе, он как раз собирался ограбить поезд.

— Послушай-ка! — начал я издалека. — В память о нашем старинном знакомстве поведай мне одну единственную вещь: кто таков чертов сеньор Заморра, о котором, улетаая в окно, так пространно повествовал тот долбаный мексикашка?

— Н-не знаю,— дрожащим голосом ответил мой бывший приятель.— Никогда о таком не слышал.

— Понимаешь ли,— проникновенно сказал я,— у меня нету ни малейшего желания утверждать, что ты — низкопробный лжец! Думаю, ты просто страдаешь внезапными провалами в памяти. Но тут вот такая странная штука: мне недавно довелось уснуть, что подобная болезнь поддается лечению. Одним словом, ежели я несколько раз долбану по твоей черепушке рукояткой моего любимого шестизарядного, а затем с размаху надену на тебя через голову вон тот очень симпатичный бочонок виски, то провалиться мне на этом самом месте, ежели твоя память немедленно не восстановится!

— Погоди-ка! — торопливо начал он.— Кажется, она уже улучшается! Во всяком случае, я только что совершенно отчетливо вспомнил, что Заморра — главарь той самой шайки мексиканцев, которая во всеуслышание объявила Каньон Охотничьих Ножей своей территорией. А еще мне вдруг внезапно припомнилось любимое занятие Гонсалеса Заморры. Говорят, он души не чает в лошадях!

— Короче говоря, ты хочешь сказать, что этот парень — конокрад! — полувопросительно произнес я.

— Оно конечно, можно посмотреть на это дело и так,— не захотел спорить мой знакомый.— В любом случае, тот каньон как нельзя лучше подходит для самых разнообразных за-

нятий сеньора, и, ежели ты, вместе со своими переселенцами, вдруг окажешься прямо посреди его любимого скотного двора, сеньор Заморра, пожалуй, действительно очень сильно выйдет из себя.

— А как же! — согласился я. — Обязательно выйдет. И обязательно сильно. Дай мне только добраться до него, и он выйдет из себя настолько сильно, что уже никогда не вернется обратно!

Я залпом прикончил свою выпивку и быстро направился к выходу. Но, уже у самых дверей, резко обернулся, сжимая в обеих руках свои пушки со взведенными курками. Увидав такое, человек девять или десять парней, уже повибаскивавших свои револьверы и изготовившихся малость пострелять мне в спину, разом выронили их, безо всякой команды подняли руки вверх и взмолились:

— Не стреляй, Брекенридж! Пощади!

К сожалению, у меня очень мягкое сердце и мне трудно устоять перед просьбами страждущих. Вот почему я просто разрядил обе обоймы, посбивав на пол все светильники, какие имелись в салуне, после чего вышел наружу. Покидая Пороховую Гарь, я чисто случайно разнес вдребезги несколько попавшихся мне по дороге уличных фонарей.

Когда я вернулся в лагерь, оказалось, что искатели ночных увеселений, вернувшиеся чуть раньше меня, уже успели устроить переполох, и теперь буквально все переселенцы, включая

малых детей, дрожа от страха, сидели по фургонам и сжимали в руках самое разнокалиберное оружие.

— Прямо не могу сказать, как я рад снова увидеть вас в добром здравии, мистер Элкинс! — с жаром воскликнул старый хрыч Ричардсон. — Мы здесь слышали всю эту жуткую пальбу и очень боялись, что тем бандюгам удалось-таки вас прикончить!

Мне кажется, нам надо немедленно запрягать и убраться отсюда подобра-поздорову!

Лично я уже давным-давно отказался от всяких попыток разобраться, как устроены мозги у этих неженюк-новопоселенцев. Черт возьми! Да ежели б я им только позволил, они действительно немедленно тронулись бы в путь. В темноту, не зная дороги, просто так, куда глаза глядят! Более того, мне до сих пор кажется, что большинство тех чудаков не спало всю ночь, опасаясь, как бы та кровожадная пьянь из салуна не расправилась с ними спящими прямо в лагере. А про Заморру я им вообще ничего не сказал. Вряд ли парни Ричардсона толком разобрались в болтовне глупого Гомеса, так что я не видел никакого смысла пугать остальных переселенцев еще больше, чем они уже были напуганы.

* * *

На следующий день мы выехали еще затемно, потому как мне хотелось добраться до каньона безо всяких там промежуточных

остановок. Обоз двигался на удивление быстро, но все равно на месте мы оказались уже ночью.

И все-таки эти переселенцы — очень странные люди. Без всякого умысла я выбрал место для стоянки как раз на той поляне, где шесть лет тому назад апачи разделились с караваном мексиканцев. Ночка выдалась очень темная, поэтому до самого утра никто из моих подопечных так и не разглядел во множестве валявшихся здесь повсюду костей, оставшихся от мулов, а также от их погонщиков. Например, старый хрыч Ричардсон заснул, подсунув себе вместо подушки под голову якобы просто удобный круглый булыжник. Утром старикана чуть удар не хватил — оказывается, он всю ночь продрых, прикорнув на человеческом черепе.

А когда я предложил пообедать в той рощице, где три года назад поселенцы повесили семерых воров, взятых с поличным на краже и клеймении чужого скота, мои спутники, едва углядев петли, все еще свисавшие с ветвей, наотрез отказались устроить тут привал. Нескольких, особо впечатлительных, даже пробрала самая настоящая трясучка! Причем все они хором заявили, что в таком месте не сумеют проглотить даже самого малюсенького кусочка хлеба. Значит, им еще не приходилось голодать по-настоящему, скажу я вам. Вот и все!

Впрочем, я могу распинаться сколько угодно, но только покуда вам самим не придется

иметь дело с новопоселенцами, вы все равно ни за что не сможете себе представить, насколько они странные люди!

Ну да ладно.

Мы остановились-таки передохнуть всего несколькими милями дальше, в следующей рощице, посреди пологих холмов, поросших деревьями и высокой травой. Тут уж я проглотил язык и не стал никому сообщать, что именно здесь разбойники зарезали трех сыновей Гриссома, которым, на беду, вздумалось вздремнуть среди бела дня. Старик Ричардсон оглядел окрестности, после чего объявил: как ему кажется, лучшего места для поселения и быть не может. Я, похоже некстати, напомнил ему, что мы вроде бы собирались тщательно осмотреть всю долину перед тем, как окончательно сделать выбор.

После моих слов старый хрыч Ричардсон вдруг на глазах увял и хныгущим голосом попросил меня, чтобы я, во имя всего святого, дал его родне хотя бы несколько дней передохнуть.

До того раза мне еще никогда не приходилось встречать столь хилый народец, который уставал бы так быстро и от таких сущих пустяков. Но что делать! Черт с вами, сказал я, после чего мои подопечные принялись устроиваться на ночевку.

С тех самых пор как обоз добрался до долины, мне на глаза не попадалось никаких признаков присутствия банды Заморры. Поэтому

я решил, что сии рыцари наживы просто в отъезде и заняты любимым делом. Воруют где-нибудь лошадей. Но в общем-то, суть дела от этого никак не менялась.

На следующий день рано утром Неду и Джо, сыновьям старика Ричардсона, вздумалось поохотиться на оленей. Я попросил их не уходить от лагеря дальше чем на милю и вести себя очень осторожно. Они пообещали быть паиньками и двинулись от лагеря прямо на юг.

Я тоже отошел от лагеря примерно милю назад прямо по колее, к тому самому ручью, возле которого четыре года назад Джим Дорнли подстерег в засаде Тома Харригана, и с удовольствием выкупался. Надо признаться, я плескался в водичке куда дольше, чем собирался. Но уж так приятно было отдохнуть, хотя бы ненадолго оказавшись вдали от всех этих недотеп! Когда, выкупав Капитана Кидда, я наконец вернулся обратно, то сразу же заметил, как с другой стороны к лагерю приближается Нед Ричардсон в сопровождении какого-то незнакомца, белокожего юноши, державшегося крайне высокомерно и, я бы сказал, даже несколько вызывающе.

— Эй, пап! — крикнул Нед, едва спешившись. — А где же мистер Элкинс? Вот этот парень утверждает, будто бы мы не имеем никакого права селиться в Каньоне Охотничьих Ножей!

— Эт-то еще что за хльщ? — поинтересовался я, внезапно появляясь из-за фургона. Едва

увидев меня, малый разинул рот и очень потешно выпучил глаза.

— Меня зовут Джордж Уоррен,— немного придя в себя, стал отвечать тот.— Я из большого каравана переселенцев, который только что прибыл в эту долину из Илинойса.

— А по какому такому праву ты тут приказываешь моим людям покинуть Каньон Охотничьих Ножей? — зловеще спросил я.

— А по такому праву, что нас привел сюда наисильнейший во всем мире человек! — выпятив грудь, отвечал Уоррен.— Вообще-то,— честно добавил он,— пока здесь не появился ты, мне казалось, что другого такого громилы, как наш предводитель, нет на всем белом свете. Но это неважно. Важно другое: с ним шутки плохи, имейте в виду! Когда он услышал, что в долине появился еще какой-то обоз, то пришел в ужасную ярость и послал меня передать, чтобы вы сейчас же убирались на все четыре стороны! И ежели у вас осталась хотя бы капля здравого смысла, вы немедленно так и сделаете!

— Конечно! — дрожащим голосом пролепетал старый хрыч Ричардсон.— Сделаем! Нам ни к чему лишние неприятности!

— Цыц! — приказал я и повернулся к визитеру.— Послушай-ка, малый! Да ты, оказывается, большой нахал!

С этими словами я сперва с такой силой натянул ему шляпу на уши, что поля оторвались от тульи и повисли у парня на шее напо-

добие воротничка, а затем повернул бедолагу за плечи налево кругом и наградил его таким добротным пинком, после какого он чудесным образом оказался в собственном седле. Тут, правда, я малость не рассчитал, потому как Джордж Уоррен теперь восседал на своем скакуне задом наперед.

— Вали обратно, откуда пришел! — заревел я так яростно, что высокая сочная трава вокруг нас тихо полегла на землю. — Да смотри, не забудь передать своему недоделанному предводителю: Каньон Охотничьих Ножей принадлежит нам и только нам! — Вытащив пару своих шестизарядных, я слегка пострелял под ноги лошадке, дабы чуток добавить ей резвости. — И еще скажи вашему жожаку: на то, чтобы собрать манатки и убраться отсюда пододбру-поздорову, у вас имеется всего лишь час!

— Я еще сведу с тобой счеты! — с безопасного расстояния заверещал Джордж Уоррен, перемежая свои жалкие угрозы бессильными рыданиями. — Ты еще не раз пожалеешь о случившемся! Слышишь ты, здоровенный грязный гризли! Как только я расскажу обо всем мистеру... — Дальнейшего мне так и не удалось расслышать, ибо незванный вестник быстро исчез за склоном ближайшего холма.

— Готов поклясться, этот малый почти свихнулся от злости, — заметил старый хрыч Ричардсон. — Пожалуй, все-таки будет лучше, ежели мы покинем здешние края. В конце концов...

— Заткнись! — окончательно разъярившись взорвался я. — И в конце концов, и перво-наперво, и раз и навсегда, эта долина — наша! И я твердо намерен отстаивать свои священные права до последней капли вашей крови! Быстро запрягайте мулов и ставьте фургоны в круг, как можно ближе друг к другу! Промежутки между колесами забейте седлами и всяким другим барахлом, какое у вас найдется. Потому как мне кажется, что, укрывшись за надежным бруствером, вы и сражаться будете куда лучше! Теперь ты, Нед. Ты видел вблизи их лагерь?

— Не-а, — ответил тот. — Но этот Уоррен говорил, будто до него отсюда три мили, точно на восток. Он сказал, что выехал прогуляться перед самым восходом, случайно заметил нашу стоянку, вернулся к себе и рассказал обо всем своему вожаку, а уж тот, рассвирепев, послал его сюда передать нам, чтобы мы выметались из каньона.

— Я начинаю волноваться из-за Джо, — к слову вставил старик Ричардсон. — Прошло уже порядочно времени, но мальчик до сих пор не вернулся.

— Ладно, — кивнул я. — Поеду, попробую найти парня. А заодно разведу обстановку. И ежели только перевес в их пользу не окажется больше чем десять к одному, нам нет никакого резона ждать, покуда они надумают нас атаковать. Тогда мы сами неожиданно нагрянем к ним в лагерь и в два счета разделаемся с

этими недоумками. Или мне больше никогда не бывать Брекенриджем Элкинсом!

А затем мы разведем костры,— позволил я себе немного помечтать,— хорошенько проявим ихние дурацкие скальпы да и развесим их гирляндами на передках наших фургонов. Получится отличное предупреждение для всех остальных негодяев, которым еще может прийти в голову глупая мысль встать у нас на пути!

Слушая мою вдохновенную речь, старик Ричардсон почему-то побледнел как полотно, а коленки у него сами собой подогнулись и начали потихоньку постукивать друг об дружку. Но мне было уже некогда, поэтому я просто еще раз строго-настрого приказал ему составить фургоны в сплошное кольцо, а сам вскочил на Капитана Кидда и двинулся на восток.

Тут выяснилось, что единственной причиной, по которой мы до сих пор не заметили дымы от лагерных костров тех парней из Илинойса, оказалась невысокая, густо поросшая лесом холмистая гряда, преграждавшая прямой путь на восток. Обогнув ее южную оконечность, я двинулся в прежнем направлении и, проехав мили полторы, вдруг увидел вдали всадника, не спеша скакавшего в мою сторону.

Едва он заметил меня, как сразу погнал своего коня во весь опор; блики солнечных лучей весело посверкивали на дуле его винчестера.

Ясное дело, я взял наизготовку свой верный «сорок пять—девьяносто» и помчался ему навстречу, и мы таки встретились, в точности посередине громадной ровной поляны. Тут мы разом опустили стволы смертоносных винчестеров и резко осадили своих лошадок.

— Брек! Брекенридж Элкинс! — как бы не желая верить своим глазам, произнес он.

— Разлюбезный братец! Медведь Бакнер! — ласково отозвался я. — Уж не ты ли посылаешь ко мне со смехотворными угрозами того глупенького, совсем зеленого молокососа, Джорджа Уоррена?

— Конечно я! А кто ж еще! — пренебрегая всеми правилами элементарной вежливости, яростно зарычал Медведь Бакнер, липший раз продемонстрировав свой поистине ужасный характер.

— Видишь ли, — еще более ласково заметил я, — эта долина — она наша! А вам придется продолжить свой путь.

— Что значит — продолжить свой путь?! — что было мочи завопил братец Бакнер. — Я всю дорогу буквально на себе тащил сюда целую толпу этих несчастных созданий! От самого Финт-Сити в Канзасе, где, на свою беду, вызволил этих чудаков из грязных лап нескольких потешавшихся над ними бизоньих браконьеров, да будет земля пухом тем глупым и непутевым идиотам! И с той поры я провел их фургоны сквозь огонь, воду, и целые орды меднокожих индейцев и блед-

нолицых мерзавцев! Я клятвенно обещал беднягам, что лично приведу их в те края, где сама земля будет сочиться молоком и медом. Я был суров с ними и пренебрег их мольбами даже тогда, когда, стоя на коленях, они умоляли меня, Христа ради, отпустить их обратно в Илинойс! Потому как я действительно знал, что для них лучше. И все это время я имел в виду только одно: замечательные уголья Каньона Охотничьих Ножей. А теперь ты нагло предлагаешь им — то есть мне, не кому-нибудь, а мне! — продолжить свой путь!

Медведь Бакнер в бешенстве завращал глазами и плонул на землю, под ноги своей лошадке. Я молча ждал.

— И какой же ответ я получил на свое вполне справедливое требование удалиться и оставить в покое этих несчастных агнцев Божиих? — наконец с горечью в голосе продолжил братец Бакнер. — Жалкий незащитный мальчишка, Джордж Уоррен, вернулся в лагерь сломленный морально, с полями от своей лучшей шляпы на шее! И вдобавок — стоя на стременах, поскольку нанесенное тобой страшное и незаслуженное оскорбление еще долго не позволит этому несчастному достойно сидеть в седле! Раз такое дело, я велел им всем немедленно укрепить лагерь, а сам отправился на разведку. И вот теперь я лично повторяю тебе те же самые слова, какие посылал раньше с беднягой Джорджем. Разумеется, я не забыл,

что мы с тобой — кровная родня. Но принципы дороже!

— Согласен! — сурово молвил я. — Жизненные принципы Элкинсов из Невады никогда не станут менее возвышенными, нежели чем принципы Бакнеров из Техаса. Год назад, когда я уложил тебя на обе лопатки в Кугуарьем Хвосте...

— Какая низкая ложь! — заскрежетал зубами братец Медведь. — Просто ты тогда ловко воспользовался незаконным преимуществом, приграв меня по уху здоровенным дубовым бревном именно в тот момент, когда я никак не мог этого ожидать!

— Конечно не мог, — с достоинством ответил я. — Потому как именно в тот момент ты только что расколол об мою голову булыжник размером с хорошую кадку для воды! Но хватит об этом. Кто прошлое помянет — тому глаз вон! Перейдем к делам насущным. Возникшее теперь между нами небольшое разногласие мы можем решить лишь в честном бою, как полагается истинным джентльменам! Но в таком разе прежде всего следует обсудить вопрос об оружии, ибо предмет спора слишком серьезен, чтобы стать поводом всего лишь для вульгарного кулачного боя!

— Лично я всегда предпочитал схватку на мясницких ножах в темной комнате, — мечтательно сказал Медведь Бакнер. — Но где здесь взять темную комнату? Негде. На крайний случай сгодилась бы парочка обрезов или обоюдо-

острых секачей... Но у нас с тобой даже и этого нету! Послушай-ка, Брек, давай просто свяжем твою левую руку с моей, а правыми пустим в ход наши охотничьи ножи!

— Не-а,— решительно возразил я.— Не пойдет! Знаешь, похоже, у меня появилась другая, куда более лучшая идея. Давай прямо сейчас разъедемся в разные стороны. Когда окажемся на противоположных краях поляны, разом развернемся и помчимся на полном скаку навстречу друг другу, паля из винчестеров. Когда патроны кончатся, мы уже сблизимся настолько, что можно будет дать ход револьверам, а когда их обоймы также опустеют, мы будем совсем рядом, и вот тогда-то придет черед нашим охотничьим ножам!

— Что ж, идея действительно неплохая! — одобрил братец Медведь.— Ты всегда был весьма башковитым волчонком; тебя можно было бы даже назвать вполне культурным джентльменом, если б не твое чертовское упрямство. Вот я, к примеру,— назидательно добавил он,— куда более благоразумен. Если уж случилось совершить ошибку, то я всегда готов ее признать!

— Что-то до сих пор мне не доводилось слышать ни одного такого признания,— сухо заметил я.

— Только потому, что я до сих пор еще никогда не ошибался! — бешено прорывал братец Бакнер.— И я готов сию же секунду выпустить кишки любому горному мишке, кото-

рый осмелится заявить, что это не так! Кончай пустую болтовню! К делу!

Мы тронули своих коней с места и уже было помчались галопом на противоположные стороны поляны, как вдруг совсем рядом послышался голос, отчаянно выкрикивавший:

— Мистер Элкинс! Мистер Элкинс!

— Погоди-ка малость,— сказал я братцу Бакнеру.— Похоже, это голос Джо Ричардсона.

* * *

Не прошло и минуты, как на южной стороне поляны, с трудом продравшись сквозь густые заросли колючих кустов, верхом на мустанге появился сам Джо. Такого мустанга, с шикарным мексиканским седлом и с богато выделанной уздечкой, мне никогда прежде видеть не доводилось. На Джо не было ни шляпы, ни рубашки, а спина была крест-накрест исполосована сочащимися кровью рубцами. Похоже, такие же рубцы скрывались и под волосами на его голове, потому как со лба непрерывно падали вниз капли крови.

— Мексиканцы! — задыхаясь, едва выговорил он.— Это были мексиканцы! На охоте мы с Недом разделились; признаюсь сразу: я заехал гораздо дальше, чем было разрешено, и милях в пяти отсюда, ниже по каньону, неожиданно наткнулся на целую шайку. Мексиканцы. Наверно, их было человек тридцать. Среди них я узнал и того типа, Гомеса, а глава-

рем шайки оказался здоровенный малый по имени Заморра.— Джо остановился, чтобы перевести дух, потом продолжил: — Они сразу же схватили меня, отобрали коня и жестоко исхлестали арапниками, а Заморра все смеялся и приговаривал, что их банда собирается перебить всех гринго, осмелившихся сунуться в его каньон. А еще он сказал, будто его лазутчики уже все разнохали насчет нашего лагеря и еще чьей-то лагерной стоянки, расположенной немного восточнее нашей. Он собирался разгромить их сразу, одним ударом. А потом вся шайка села на лошадей и отправилась куда-то на север. Кроме одного разбойника, которому, как я думаю, было велено прикончить меня прежде, чем догонять остальных. Он сильно ударил меня рукояткой револьвера. Я упал, а он тогда отложил в сторону свою пушку и собрался перерезать мне глотку ножом. Да только он был уверен, что я валяюсь без сознания, а это оказалось не так! Мне удалось завладеть револьвером, после чего я оглушил его самого, вскочил на его коня и умчался оттуда. Уже по дороге в лагерь, мистер Элкинс, я еще издали услышал, как вы довольно громко беседуете с этим джентльменом, и повернул в вашу сторону. Ну вот, пожалуй, и все,— закончил Джо Ричардсон.

— На какой лагерь они собирались напасть в первую очередь? — быстро спросил я.

— Понятия не имею,— пожал плечами Джо.— Они все больше трещали по-испански,

да вдобавок так быстро, что я совсем ничего не смог разобрать.

— Дуэль пока подождет! — решительно заявил я Медведю Бакнеру. — Я немедленно возвращаюсь в свой лагерь!

— А я — в свой! — отозвался мой двоюродный братец. — Послушай-ка! Раз уж так вышло, давай решим наш небольшой спор иначе: кто перебьет больше проклятых мексикашек, тот и будет победителем, а второй тогда уберется из каньона, вместе со своими людьми и обозом!

— Вуено! — согласился я и помчался в свой лагерь.

Лес вокруг был очень густой, поэтому те проклятые бандюги запросто уже могли незаметно проехать мимо нас, чуть западнее или чуть восточнее. Джо вскоре сильно отстал. До стоянки оставалось около четверти мили, когда впереди послышался беглый ружейный огонь, потом — взрыв диких воплей, за которым последовало молчание. Буквально через минуту я вихрем вылетел на опушку леса, увидел лагерь и, не удержавшись, крепко выругался.

Думаете, я увидел фургоны, выстроенные замкнутым кольцом, и залегших между их колесами мужчин, отстреливающих от бандитов? Дудки! Как бы не так! Чертовы повозки стояли в линию, повернутые так, словно караван собрался отправиться назад, на север. Лошадей осталось мало — они либо сами сорвались с привязи, либо были угнаны нападавшими,

а большая часть мулов, уже запряженных в повозки, теперь валялась на земле, напшигованная свинцом. Мужчины ругались, женщины рыдали, дети визжали, и еще я заметил Джека Ричардсона — он лежал лицом вниз, в золе затушенного лагерного костра. И вокруг его головы постепенно расплывалась лужа крови!

Едва увидев меня, старый хрыч Ричардсон заковылял в мою сторону, размазывая по лицу грязь и слезы.

— Мексиканцы! — прорыдал он. — Всего несколько минут назад они налетели на нас, будто горный ураган! Они застрелили Джека, как собаку! А еще несколько парней получили либо удар ножом, либо пулевое ранение, либо были до полусмерти избиты рукоятками арапников! Да вдобавок, уезжая, мексиканцы вопили, что очень скоро вернутся и прикончат нас всех до единого!

— Так какого же дьявола ты не приказал построить фургоны в круг, как я тебе велел? — в бешенстве заревел я.

— Но мы же вовсе не хотели сражаться! — выкрикнул старик Ричардсон. — Мы решили покинуть эту долину, чтобы подыскать для поселения какое-нибудь более мирное место!..

— И вот именно потому Джек теперь мертв, а всем вашим припасам и прочему инвентарю нанесен непоправимый урон! — яростно вскричал я. — Да, именно потому! Потому и только потому, что вы не захотели защищать свои права с оружием в руках! Да за каким чертом

вы вообще пересекли Пекос, ежели вы не в состоянии никому дать достойный отпор?! Ладно. Пускай ваши парни прямо сейчас соберут в фургоны все барахло, какое у вас осталось, а потом...

— Но эти подлые мексиканцы забрали с собой Бетти! — взвизгнул старик Ричардсон, выдрав приличный клочок волос из своей скудной шевелюры. — Главная часть шайки ушла напрямиком на восток, а шестеро или семеро сперва вытащили Бетти прямо из фургона, после чего двинулись в южном направлении, угоняя с собой украденных лошадей!

— Тогда пускай ваши ребята берут оружие и следуют за мной! — взревел я. — И во имя Господа нашего, твердо зарубите себе на носу: в здешних краях нету шерифов, нету полицейских, нету вообще никого, кто обязан вас защищать. Кроме вас самих! Хотите выжить — учитесь сражаться! А теперь — вперед! Надо вызволять Бетти!

* * *

Я мчался на юг, выжимая из Капитана Кидда все возможное и невозможное. Теперь мне стало понятно, почему я не столкнулся с мексиканцами, когда возвращался в лагерь с той поляны, где мы объяснялись с братцем Медведем: просто-напросто они обогнули холмистую гряду с противоположной, северной стороны. Я проехал совсем небольшое расстояние, как вдруг с востока до меня донеслись звуки

лихорадочной перестрелки. Наверное, мексиканцы уже атакуют лагерь переселенцев из Иллинойса. Но особых причин для беспокойства я не видел, поскольку, по моим понятиям, братец Бакнер должен был опередить мексикашек. С другой стороны, пальба, казалось, вспыхнула заметно ближе к гряде, чем находился тот самый лагерь. Впрочем, у меня все равно не было времени разбираться, что же там такое стряслось.

Те проклятые похитители девушек имели весьма приличную фору, но воспользоваться ей они не сумели. Не успел я отмахать и трех миль, как услышал впереди ржание угнанных лошадей, а еще примерно через минуту, едва лишь Капитан Кидд вырвался из леса на обширную луговину, я увидел впереди шестерых мексиканцев, изо всех сил подгонявших табун краденых животных. Причем один из бандитов крепко держал сидевшую впереди него на седле Бетти. Разумеется, этим мерзавцем оказался не кто иной, как проклятый Гомес.

Пылая жаждой мщения, я устремился прямо на них, сжимая в правой руке рукоятку моего любимого шестизарядного, а в левой — охотничий нож. Капитану Кидду никакие указания не требовались. Едва почуяв запах крови и пороховой гари, он рванулся вперед со скоростью того урагана, с которого, как говорят умные люди, начнется Судный День. Грива моего скакуна победно развевалась на

ветру, глаза метали молнии, а под копытами дымилась трава.

Сообразив, что я настигну их прежде, чем они успеют пересечь открытое место, бандиты развернулись и поскакали мне навстречу, стреляя на ходу из своих винчестеров. Однако, как и следовало ожидать от мексикашек, стрелками они оказались никудышными. Когда мы окончательно сблизились, я трижды выпалил из своего шестизарядного, после чего удовлетворенно пробормотал:

— Три штуки есть!

Тем временем один из моих противников, налетев сбоку, обрушил на мою голову приклад своего тяжелого винчестера, но я успел поднырнуть ему под руку, взмахнул ножом, и его тело тяжело упало с коня.

— Теперь четыре! — проворчал я.

Увидав такое дело, оставшиеся двое снова развернули своих скакунов и, не думая уже о краденых лошадях, обратились в отчаянное бегство. Один из них по-прежнему удирали в южном направлении, а второй, Гомес, которого я преследовал по пятам, уклоняясь от моего удара, был вынужден свернуть на запад.

— Осади назад или я прикончу девчонку! — заорал он через несколько секунд, поняв, что ему от меня не уйти, и выхватил свое мачете.

Но я выстрелом вышиб нож из его руки; Гомес взвыл не своим голосом, выпустил девушку из рук, и та соскользнула с лошади вниз,

в высокую траву. Мне пришлось осадить Капитана Кидда, чтобы посмотреть, не пострадала ли Бетти, а Гомес тем временем продолжал из всех сил гнать вперед свою лошадку.

К счастью, девушка ничего себе не повредила, только ужасно испугалась. Она даже не ушиблась, падая на землю, поскольку удар смягчила густая трава. Тут я увидел, что к нам уже спешат ее отец и все парни из лагеря, какие оказались в состоянии сидеть в седле и держать оружие. Поэтому я предоставил им позаботиться о Бетти, а сам вновь ринулся в погоню за Гомесом.

Довольно скоро он снова услышал за спиной неумолимый топот копыт Капитана Кидда, оглянулся, увидел, что я его вот-вот настигну, и потянулся за своим винчестером, по-видимому собираясь отстреливаться, но тут его лошадь оступилась, попав ногой в нору степной собачки. Гомес кубарем вылетел из седла, ударился головой об землю, после чего еще пару раз как-то нелепо дернулся и затих навсегда.

Черт возьми! Теперь мне не оставалось ничего другого, кроме как повернуть назад, разочарованно пробормотав под нос несколько самых черных ругательств, поскольку Элкинсы никогда не лгут и совесть никак не позволяла мне зачислить Гомеса пятым в свой список.

Но в моей груди пока все еще теплилась надежда прихлопнуть того последнего койота, который повернул на юг, поэтому я также

направился в ту сторону. Довольно скоро я услышал где-то впереди, чуть восточнее, топот множества лошадиных копыт. Пришпорив Кэпа, я буквально через пару минут вихрем вылетел на опушку рощицы и оказался на равнине, которая резко сужалась впереди, переходя в узкую скалистую теснину. Та, в свою очередь, заканчивалась еще более узким ущельем — проходом с внешнего нагорья сюда, в главную долину Каньона Охотничьих Ножей.

С левой стороны этого ущелья, над самым его горлом, на высоте около пятидесяти футов нависал скальный выступ, где примостился самый настоящий форт из толстенных бревен, в которых местами были проделаны бойницы. Подобраться к этой крепости можно было лишь одним способом: по бревенчатой лестнице, ведущей снизу на уступ. Тут я увидел на равнине человек двадцать мексиканцев, изо всех сил гнавших своих лошадок по направлению к этой самой лестнице. Как раз к тому моменту, как я продрался сквозь заросли кустарника на опушке леса, мексиканцы доскакали до края ущелья, мигом спешились и, побросав своих скакунов на произвол судьбы, с обезьяньей проворностью принялись карабкаться вверх по ступенькам. Я сразу приметил среди них здоровенного малого в украшенном золотым шитьем сомбреро — наверняка тот самый чертов Заморра. Но покуда я успел прицелиться в него из винчестера, вся шайка шустро юркнула внутрь, с треском хлопнув за собою двери.

* * *

Спустя несколько мгновений в трех или четырех сотнях ярдов восточнее того места, где находились мы с Капитаном Киддом, на опушке рощи появился Медведь Бакнер и очертя голову понесся к лестнице. Все мексиканцы, сколько их засело в форте, тут же открыли по нему бешеную пальбу, после чего братцу Медведю все же пришлось отступить в заросли. Сделал он это довольно-таки неохотно, богохульно и громогласно сотрясая окрестные скалы совершенно ужасными выражениями. Я окликнул его и, продолжая держаться за деревьями, направился в ту сторону.

— Как жизнь? — заорал он, едва я приблизился. — Говори как на духу, скольких прикончил?!

— Четверых, — ответил я.

— Ну а я таки пятерых уделал! — злорадно заявил Медведь Бакнер. — Понимаешь, уже подъезжал к лагерю, когда услышал позади стрельбу. Я понял так, что они сперва напали на твой обоз, повернул было обратно, чтобы помочь тебе...

— Разве я когда-нибудь просил тебя о какой-нибудь помощи? — сразу набычился я, но мой двоюродный братец только отмахнулся и продолжал:

— Да только я и мили проехать не успел, как увидел целую толпу мексиканцев, огибающих северный край той самой гряды. Тогда я засел у них на пути и успел подстрелить пяте-

рых. Повыбивал из седел, словно куропаток! Должно быть, они поняли, с кем имеют дело, потому как тут же развернулись и дали деру!

— Да ты просто самовлюбленный олух! — пренебрежительно фыркнул я. — Откуда ж им было про то знать? А удирали они стали скорее всего потому как решили, что нарвались на серьезную засаду!

Покуда мы с братцем так препирались, к нам подъехали парни Ричардсона во главе со своим стариком, который тут же встрял в разговор, раздраженно заявив:

— Сейчас не время спорить о пустяках! Главное, нам удалось на какое-то время загнать этих мерзавцев в ихнюю нору, так что теперь мы можем спокойно убраться отсюда, покуда они не пришли в себя и не перерезали нас всех, как кроликов!

— Что за чушь ты опять городишь?! — возмущенно взревел я. — Уж если кому и есть необходимость уносить ноги из каньона, так это именно тем подлецам! И ежели здесь вообще состоится какая-либо резня, так ее устроим мы с моим братцем Медведем, а вовсе не эти жалкие мартышки!

— Говорить так — значит искушать судьбу, мистер Элкинс! — заныл было старый хрыч Ричардсон, но я сурово указал ему заткнуться.

— Слушай, пошли пока кого-нибудь из своих в мой лагерь! — неожиданно разродился совершенно разумной мыслью братец Бакнер. — пускай мои парни поспешат сюда, на подмогу!

Я кивнул, подал знак Неду, и тот немедленно отправился за подкреплением.

Затем мы с двоюродным братцем выехали на открытое место, чтобы лучше изучить ситуацию. Мексиканцы, засевшие в своем бревенчатом форте, снова принялись в нас палить. Мимо наших ушей то и дело посвистывали пули, а вдобавок еще и старик Ричардсон, спрятавшийся со своим выводком в зарослях, всячески мешал нашей рекогносцировке, громким шепотом умоляя быть поосторожнее.

— Ну мы и влипли,— наконец задумчиво произнес братец Медведь.— Чертов выступ повсюду имеет совершенно отвесные края. Ни сверху, ни снизу со скалы к нему не подобраться. А карабкаться туда по лестнице под прицельным огнем двадцати с лишним винчестеров может решиться разве что безумец!

— Погоди! — прервал его я.— Приглядишься лучше вон к тому краю выступа, что нависает козырьком футок в десяти слева от лестницы. Под ним, у самого подножия скалы, запросто сможет укрыться человек, а те койоты ни за что не смогут его подстрелить, потому как не увидят!

— Верно! — подхватил Медведь Бакнер.— А еще тот человек запросто сумеет накинуть лассо на вот тот скальный отросток, что торчит на самом краю козырька. Стреляя через бойницы, они ни за что не сумеют перебить такой канат пулей. Чтобы добраться до веревки, кому-то из них обязательно придется

выйти наружу, да еще перегнуться вниз и резать ее ножом. Двери открываются в сторону лестницы, а других дверей у них просто нету! Поэтому кто-нибудь из нас может легко взобраться по канату прямо на козырек. А ежели мексикашки, вдобавок ко всему, зевнут и не сумеют подстрелить его, когда он будет перебираться через край козырька, то дело в шляпе!

— Хорошо, — сказал я. — Раз так, оставайся здесь. Будешь стрелять по ним, когда они попытаются перерезать веревку.

— Да пошел ты! — возмущенно взревел братец Медведь. — Тоже мне, нашел дурака! Я сразу разгадал твой дьявольский замысел! Ты задумал забраться туда первым, чтобы расправиться с этими мартышками прежде, чем у меня появится хоть малейший шанс добраться до ихних глоток! Надумал перехитрить меня! Ищи дурака! Клянусь всем святым, у нас свободная страна и мне...

— Ох, да заткнись же ты наконец! — с отвращением произнес я. — Надоело! Ладно уж, так и быть, полезем оба. Эй, вы, слушайте! — проорал я так, чтобы меня мог слышать Ричардсон со своими парнями. — Оставайтесь здесь, в зарослях. Лежите смирно, не высовывайтесь! Но стреляйте всей толпой в любого мексикашку, какой только вздумает высунуть свой нос!

— А что вы собираетесь делать?! — заорал в ответ старый хрыч Ричардсон. — Только, ради

всего святого, не предпринимайте опрометчивых...

Но мы с Бакнером уже пришпорили своих коней и во весь опор ринулись в сторону выступа. Такой странный маневр (а ведь любому болвану было ясно: подняться по лестнице, не слезая с наших лошадок, мы все равно никак не сможем) до того поразил мексиканцев, что они открыли стрельбу с большим запозданием, да и стреляли хуже некуда. Правда, одна пуля слегка повредила мой скальп, а другая продырявила Медведю Бакнеру левое ухо. Едва их пули стали ложиться уже совсем рядом, как мы неожиданно резко вильнули в сторону и почти сразу оказались под защитой каменного козырька.

Теперь торопиться нам было особенно некуда. Мы спешили, привязали наших коней как можно дальше друг от друга, чтобы те не учинили между собой ненужную потасовку, и занялись делом.

Прямо над нами непрерывно раздавались удивленные вопли мексиканцев, которые никак не могли понять, чего мы хотим. Но видеть нас они не могли, а уж тем более никак не могли стрелять в нашу сторону. Тем временем я спокойно раскрутил лассо и с первого раза набросил петлю на каменный палец, выступавший из скалы чуть пониже края козырька.

— Ну, я полез,— заявил я, но Медведь Бакнер сразу же свирепо оскалится и выхватил из ножен охотничий нож.

— Ни хрена подобного! — злобно проревел он. — Будем тащить карты. Кто вытащит старшую, тот выиграл и лезет первым!

Мы уселись друг напротив друга прямо на земле, но тут из-за деревьев раздался истошный вопль старика Ричардсона:

— Боже мой! Ну чем еще таким вы там занялись?! Те парни сверху уже приготовились скатить вам прямо на голову целую кучу здоровенных булыжников!

— Занимался бы ты лучше своим делом, дед! — посоветовал ему я, тщательно тасуя колоду, которую выудил из своих штанов братец Медведь.

Но старый хрыч оказался прав. Оказывалось, у мексикашек в доме было заранее запасено множество валунов. Теперь они просто приоткрыли двери и начали скатывать эти каменюки вниз. Булыжники ударились об небольшой выступ на самом краю козырька, подпрыгивали и шлепались на землю далеко позади нас.

Бакнер вытащил карту и торжествующе воскликнул:

— Я выиграл! У меня туз! Побить его тебе никак не удастся!

— Побить — да! — холодно возразил я, выживая из колоды туза бубен. — Но и проигравшим меня никак не назовешь. Пока что получается ничья!

— Все равно я выиграл! — с пеной у рта настаивал братец Медведь. — Потому как черви отродясь били бубей!

— Это смотря какая игра! — Я пожал плечами.— Про масти мы никак не договаривались.

— Ну, ты даешь! — прошипел Бакнер, наклоняясь вперед, чтобы забрать у меня колоду, но тут очередной валун, размером с пивной бочонок, перекатился через край козырька, стукнулся о другой камень, изменил направление движения и, вместо того чтобы, как обычно, грохнуться за нашими спинами, свалился почти отвесно вниз и угодил братцу Медведю точнехонько промеж ушей, оглушив его на какое-то время.

Я сразу бросился к канату, начал карабкаться по нему вверх, не обращая никакого внимания на продолжавшие сыпаться сверху валуны, и был уже на полдороге, когда Медведь Бакнер наконец очухался, вскочил на ноги и начал в бешенстве трясти канат и яростно реветь:

— Какого хрена?! Да как ты посмел?! Проклятый обманщик, так твою перетак! Ты у меня еще попляшешь!

С этими словами он принялся подбирать с земли по-прежнему падавшие сверху булыжники и швырять ими в меня.

Поднялся ужасный шум. Мексиканцы были внутри форта, камни грохотали, ружья палили не переставая, братец Медведь крыл меня по-чем зря и швырялся громадными каменюками, а из-под деревьев доносились громкие причитания старого хрыча Ричардсона:

— Да они просто умом рехнулись! Истинно рехнулись, говорю я вам! Все равно как две ненормальные старухи! Нет уж, теперь меня никто не обманет! Теперь мне доподлинно известно, что к западу от Пекоса обитают одни только сумасшедшие!

Наконец братец Медведь утратил последнюю надежду стряхнуть меня с каната и принялся карабкаться за мною следом. Вот как раз тут один из мексиканцев рискнул выскочить из дома, чтобы перерезать веревку. Но ему крупно не повезло. Мои глупые соратнички, Ричардсоновы идиоты, вдруг ни с того ни с сего оказались на высоте положения. Мексикашку встретил свинцовый дождь. Наткнувшись разом на добрую дюжину пуль, он качнулся назад, потом вперед и вниз головой рухнул на самом краю козырька, в точности над тем каменным пальцем, на который было заброшено мое лассо.

Вышло очень удачно — когда я уцепился руками за край выступа, чтобы подтянуться и влезть на козырек, именно его тело помешало моим врагам разглядеть, что же такое здесь происходит. К сожалению, как раз в тот момент, когда мне оставалось всего-навсего перелезть через тот труп, булыжник, пущенный наугад, который и размером-то был никак не больше тыквы, ударился об тело мертвого удалца, подпрыгнул и смачно угодил мне прямоком в физиономию.

Дико зарывчав от охватившего меня бешенства, я единым духом взлетел на козырек и,

выпрямившись во весь рост, ринулся к бревенчатой постройке. Мое неожиданное появление настолько поразило мексикашек, что они успели дать по мне всего лишь один нестройный залп и, конечное дело, промахнулись. Правда, одна злодейская пуля все же прошла навывлет через мое плечо, но для настоящего Элкинса это пустяки! Не успели они выстрелить еще по разу, как я в несколько прыжков уже очутился у стены, прислонился к ней между бойницами и начал быстро загигать во все стороны торчавшие из этих бойниц дула винчестеров. Переломав таким образом все винтовки, до каких мне удалось дотянуться, я просунул руки в одну из бойниц, ухватился за обтесанный край бревна и принялся яростно трясти стену. Ведь никак нельзя было забывать, что на козырьке вслед за мной вот-вот появится братец Медведь, который тоже не останется в стороне. Клянусь всем святым, я просто никак не мог позволить себе упустить с таким трудом завоеванное преимущество!

Наконец мне удалось вырвать здоровенный кусок стены, после чего крыша немедля рухнула внутрь строения, повалив в разные стороны все остальные стены.

* * *

Некоторое время я ничего не мог разглядеть вокруг, кроме падавших, катившихся и подпрыгивавших бревен. Из развалин на открытое место разом высыпала целая свора

мексикашек. Кое-кого из них тут же зашибло бревнами, некоторых сразили выстрелы моих чрезвычайно воодушевившихся соратников из Канзаса и только что прибывших к месту сражения бакнеровских парней из Иллинойса, а несколько подлых бандитов попросту свалились вниз с козырька, начисто свернув свои дурацкие шеи.

Но один мексиканец, по-видимому обезумев от ужаса, вдруг набросился на меня с ножом, так что мне пришлось схватить его за шиворот и сбросить с козырька вниз, вслед за его глупыми друзьями.

— Слышь, Медведь! — радостно завопил я. — За мной уже пятеро!

— Ах ты... — с явным недовольством в голосе отвечивший мне появившийся наконец на поле боя Бакнер.

Он яростно вращал налитыми кровью глазами и размахивал длиннющим охотничьим ножом. Какой-то здоровенный мексиканец, увидев моего разлюбезного братца, обрушился на него с мясницким секачом. При всем желании это никак нельзя было назвать мудрым поступком. Ибо даже мустанг не успел бы взмахнуть хвостом, как братец Медведь уже деловито зачислил на свой счет шестую жертву.

Я чуть с ума не сошел от огорчения. Но тут на глаза мне попались несколько мексикашек, с безумной скоростью карабкавшихся по лестнице вниз. Сделав два больших прыжка, я оказался рядом с ними. Тогда тот, что немного

отстал от остальных, вдруг обернулся и выпалил в меня из дробовика. По счастью, он малость промахнулся, но этот выстрел в упор едва не спалил дотла мои любимые усы! Пришлось мне отобрать у малого ту пушку и вдребезги расколотить тяжелый приклад об его глупую голову. После чего я радостно воскликнул:

— Слышь, братец Медведь! Теперь за мной — тоже шестеро!

— Чертов дурень! — яростно заорал в ответ мой двоюродный братец. — Заморра уходит!

И тут я действительно увидел Заморру, который не только успел закрепить толстую веревку на другом краю козырька, позади развалин дома, но уже скользил по ней вниз. Когда до земли оставалось футов десять, он спрыгнул и опрометью помчался к коралю. Тот кораль находился у самого горла ущелья, и в нем было полным-полно лошадей.

Удостоверившись, что остальные мексикашки либо валяются на земле, либо, преследуемые нашими переселенцами, разбегаются во все стороны по долине, я скатился вниз по лестнице. Медведь Бакнер предпочел воспользоваться веревкой. Мы одновременно вскочили в седла и погнали своих коней к выходу из ущелья, на всем скаку огибая тот скальный выступ, за которым только что исчез Заморра.

Надо признать, у этого малого была довольно-таки быстрая лошадка. Вдобавок еще в са-

мом начале он получил приличную фору. Но все равно я настиг бы его уже на первой миле, если бы Капитан Кидд не пытался все время устроить драку с конем Медведя Бакнера, почти таким же огромным и дурным, как он сам. Но когда мы, выбравшись из теснины на высокое плато, проскакали около пяти миль, мне все же удалось опередить братца Медведя ровно настолько, чтобы Капитан Кидд смог наконец позабыть о своем сопернике. Тут все быстро встало на свои места. Кэп рьяно принялся за дело и, закусив удила, всерьез нустился вдогонку за мустангом Заморры.

Теперь мы гуськом мчались по узкой тропе, налево от которой уходил вверх крутой откос, а справа от нее был обрыв футов в пятьсот высотой. Когда до Заморры дошло, что его лошадка совсем выдохлась, он спрыгнул на землю и принялся суетливо карабкаться по откосу. Мы с Бакнером, также спешившись, устремились за ним. Погоня была недолгой; очень скоро мне удалось ухватить проклятого Заморру за одну ногу, а подоспевший братец Медведь, тяжело пыхтя, мертвой хваткой вцепился в другую.

— Не тронь моего пленника! — заорал на меня Бакнер.

— Руки прочь от моей добычи! — яростно зарычал в ответ я. — Теперь на моем счету — семеро! Я выиграл!

— Как бы не так! — взревел братец Медведь и, сильно дернув, вырвал Заморру из

моих рук, после чего раскрутил мексиканца за ноги и с размаху огрел его телом меня по голове.

Такой подлый поступок немедля привел меня в бешенство, вот почему, едва отобрав Заморру у Бакнера, я тут же швырнул его прямо в морду своему нехорошему родичу. Так уж вышло, что шпоры мексикашки при этом угодили братцу в самое чувствительное место, отчего он взвыл как безумный и набросился на меня с кулаками. Он даже попробовал кусаться! Совсем рехнулся, мать честная!

Вслед за этим глупым, ничем не спровоцированным нападением разгорелась жестокая битва, в результате которой мы совсем позабыли про Заморру. Думаю, мы про него так бы и не вспомнили, если бы мексиканец сам не привлек наше внимание поистине ужасным воплем. Оказывается, негодяй тем временем улизнул от нас, шустро скатился со склона вниз и теперь пытался сесть верхом на моего Капитана Кидда!

Мы малость приостановили сражение и оглянулись на крик как раз вовремя, чтобы увидеть, как Капитан Кидд с такой силой лягнул мерзавца в брюхо, что тот, вскрикнув напоследок еще разок, перелетел через край обрыва и исчез навсегда.

— Вот черт! — проворчал братец Медведь. — Теперь мы остались с носом! Опять получилась ничья!

— Ни хрена подобного! — решительно заявил я. — Так или иначе, но подлеца прикончила именно моя лошадка! А значит, я имею полное право записать его на свой счет!

— Ну уж нет! — взвыл братец Медведь. — Только через мой труп! Послушай-ка, — вдруг добавил он на полтона ниже, — а ведь уже почти совсем вечер! Надо поскорее двигать обратно, покуда мои ребята из Иллинойса еще не принялись резать глотки твоим канзасцам. А это выйдет неправильно! Когда бы и где бы ни суждено свершиться великой битве за обладание этим каньоном, таковая битва должна состояться только между нами. Остальные тут ни при чем!

— Согласен, — ответил я. — Ты прав, надо спешить. И ежели мои мальчишки из Канзаса еще не успели начисто истребить твоих беспомощных идиотов, то позже мы проведем с тобой схватку по всем правилам. Там, где будет слегка посветлее да малость попросторнее, Одна беда: боюсь, мы уже опоздали и теперь застанем всех твоих чудаков из Иллинойса насмерть захлебнувшимися в реках собственной крови!

— Не волнуйся за моих парней! — прорычал братец Медведь. — Едва им стоит учуять запах этой самой крови, как они становятся неудержимыми, словно горные львы! Я моллю провидение об одном: чтобы к нашему возвращению мои орлы еще не успели скормить своим птенцам всех твоих молочных теляток из Канзаса!

* * *

Пришпорив скакунов, мы помчались назад в долину. И оказались там, когда было уже совсем темно. На равнине горело множество костров, вокруг которых под разухабистые звуки скрипок и губных гармошек весело танцевали парочки.

— Эт-то еще что такое?! — подъехав к ближайшему костру, грозно осведомился Медведь Бакнер.

— Счастлив снова видеть вас обоих в добром здравии, джентльмены! — радостно воскликнул бросившийся нам навстречу старый хрыч Ричардсон.

Лицо старикана буквально сияло от переполнявших его чувств.

— Сегодня поистине великая ночь! Ну, прежде всего, мой Джек жив. Парня лишь оглушило, а его рана — сушая царापина! А значит, все мы прошли сквозь пламя этого великого сражения живыми и почти что невредимыми! А кроме того...

— А кроме того, — злобно взревел Медведь Бакнер, — что такое вы тут устроили?! И что тут делают мои люди?!

— Ой! — опомнился старый хрыч Ричардсон. — Да вы же ничего не знаете! Как только закончилось то ужасное побоище, мы сразу же посовещались с вашими джентльменами из Иллинойса и порешили: эта чудесная долина достаточно велика, и нам всем хватит в ней места! Более того, мы будем строить

здесь не два поселка, а один, общий! И вот теперь мы устроили праздник по этому поводу. Ваши переселенцы из Иллинойса оказались чудесными людьми, ведь выяснилось, что они ничуть не меньше нашего хотят мира и покоя!

— Ох уж эти твои кровожадные горные львы! — насмешливо бросил я братцу Бакнеру. — Видишь, чего удумали! Будут теперь, на пару с моими молочными телятками, сообщать для своих птенцов совместное орлиное гнездо!

— Я ничуть не больший лжец, чем нежеля ты! — по привычке запальчиво возразил мой родич. Но в голосе его прозвучала не столько злость, сколько глубокая, искренняя скорбь. — Поехали отсюда! Мы сделали, что могли, но все наши усилия пропали зря! Хочу на свежий воздух, на Медвежью речку! Еще пять минут, и я задохнусь насмерть в этой удушливой атмосфере всеобщей братской любви.

Мы развернули лошадей, но все же какое-то время придерживали их, наблюдая за тем, как веселятся, танцуют и поют счастливые переселенцы. Потом я искоса глянул на брата Медведя, и, лопни мои глаза, ежели в пляшущих отсветах огня от костров мне не почудилось какое-то растроганное, совсем почти человеческое выражение, промелькнувшее на его лице! Подозрительно засопев, он отвернулся, выудил из штанов плитку, а потом, хотите верьте, хотите нет, но братец Медведь

даже предложил мне первому откусить от нее шматок жвачки!

Затем мы не спеша тронулись в обратный путь и довольно долго ехали бок о бок, в умиротворенном молчании.

Миль эдак через десять нашу семейную идиллию нарушил Капитан Кидд. Должно быть, у несчастного животного просто не выдержали нервы. Кэп поднатужился, извернулся и укусил за шею лошадку Медведя Бакнера. Конь братца Медведя тоже оживился и жизнерадостно вернул Кэпу должок, тяпнув его за ухо. Тут уж Кэп взбрыкнул по-настоящему, чисто случайно угодив Бакнеру прямо по лодыжке. Братец взвыл от боли и, недолго думая, шарахнул меня своим кулачищем по затылку.

Ну что ты тут будешь делать!

Пришлось как следует врезать ему в челюсть. Ну а затем все пошло как обычно. Мы обхватили друг друга, вывалились из седел на землю и, лягаясь, покатались с тропы в густые заросли колючего кустарника...

Теперь мне кажется, что в тот раз выяснение отношений заняло у нас часа два. Думаю, мы с братцем вообще дрались бы до сих пор, если бы в пылу битвы случайно не закатились прямо под ноги Капитану Кидду, который мирно пощипывал травку чуть в стороне. Возмущенный столь бесцеремонным нарушением его драгоценного покоя, Кэп яростно взбрыкнул, ловко угодив одним задним копытом в меня, а другим — в моего родича, отчего мы с брат-

цем немного полетали по воздуху, а потом рухнули в кусты по разные стороны от тропы.

Спустя какое-то время я с великим трудом поднялся на ноги и, болезненно кряхтя, пустился на поиски своей шляпы. Все окрестные придорожные заросли были напрочь переломаны и примяты к земле, потому мне не стоило никакого труда разглядеть среди этих жалких останков растительности стоящего на четвереньках брата Медведя.

— Как ты там, Брекенридж? — слабым голосом окликнул он меня. — У тебя все нормально?

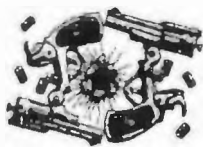
Возможно, моя одежда и оказалась изодранной сильнее, чем у него. Не спорю. Плюс — здорово разбитая губа, вкуче с парочкой треснувших ребер. Но зато я отлично мог различать большинство окружающих предметов, чего при всем желании никак нельзя было сказать о моем двоюродном братце, поскольку его глазделки заплыли настолько, что могли лишь с интересом рассматривать друг друга сквозь ужасно узенькие припухшие щелочки.

— Еще бы! — с достоинством ответил я. — Полный о'кэй! Ну, а у тебя как дела, братец Бакнер?

Бедолага тяжело застонал, после чего предпринял поистине героическую попытку встать на ноги. Раза с третьего это ему наконец удалось. Он кое-как воздвигся среди окружающей жизни, сильно пошатываясь и хватаясь за воздух руками.

— Отлично! — гордо прохрипел он. — Просто здорово! Вот теперь я чувствую себя куда как лучше, нежели чем там, у тех костров в Каньоне Охотничьих Ножей! Понимаешь, когда мы едва унесли оттуда ноги и ехали с тобой стремя к стремени, чуть ли не обнявшись, я дико перепугался. Мне вдруг пришло в голову, что ихняя проклятая братская любовь ну вроде болезни, что ли. И еще мне на минутку даже показалось, будто я умудрился подцепить от них эту кошмарную заразу!

Глава третья БУЙНОЕ ПОМЕШАТЕЛЬСТВО

И

а днях я получил письмо от тетушки Сарагоссы Граймс. Тетушка писала так:

Дорогой Брекенридж!

Время — лучший лекарь!

И мне думается, оно уже немного смягчило остроту тех чувств, какие еще совсем недавно испытывал в отношении тебя твой двоюродный брат Медведь Бакнер. Он тут заглянул к нам по-

ужинать на другой же вечер после того, как ему наконец удалось подстрелить трех молодых Эвансов. Мне кажется, в более лучшем расположении духа Медведь еще не бывал ни разу с тех самых пор, как вернулся из Колорадо. Заметив это, я рискнула, как бы невзначай, упомянуть твое имя. И ты знаешь, на сей раз он даже ни чуточки не побагровел! А ведь еще совсем недавно Медведь сразу становился бордовым, как переспелый помидор, едва в семейных беседах речь случайно заходила о тебе. Правда, на лбу и возле ушей у него вдруг выступили какие-то зеленые пятна, но я так думаю, это случилось лишь потому, что как раз в тот момент, когда я заговорила о тебе, Медведь слегка закаплялся и у него в горле, совершенно случайно, застрял небольшой кусочек медвежьего мяса. Мы с твоим дядюшкой долго колотили несчастного Медведя по спине, а когда тот злополучный кусочек мяса наконец выскочил обратно, твой двоюродный брат всего-навсего ограничился вполне связным рассказом о том, какую чудесную дубовую колотушку он припас, чтобы при первой же вашей случайной встрече начисто выпшибить тебе мозги. Уверяю тебя, Брекенридж, до такой степени спокойно и рассудительно Медведь Бакнер не говорил о тебе еще ни разу за все месяцы, прошедшие с тех пор, как он вернулся в Техас! Честное слово! Более того, мне кажется, что он наконец избавился от своей навязчивой идеи сперва оскальпировать тебя заживо, а затем перело-

мать обе ноги и бросить в самом сердце знойных прерий на корм стервятникам. А ведь еще совсем недавно Медведь клялся на Библии, что лишь надежда на осуществление этой заветной мечты придает хоть какой-то смысл его нынешнему земному существованию! Я почти уверена, что не пройдет и года, как ты уже сможешь, более-менее спокойно, встретиться с твоим любимым двоюродным братом, более не испытывая чрезмерных опасений за свою жизнь. Ну а ежели все-таки выйдет так, что тебе придется стрелять в Медведя Бакнера, то мне бы очень хотелось, чтобы ты в полной мере проявил свойственную тебе широту взглядов и подстрелил бы нашего дорогого Медведя в какое-нибудь не слишком опасное для его жизни место. В противном случае я буду страшно огорчена, ведь ты же сам прекрасно понимаешь, что во всей той истории виноват прежде всего именно ты! А так мы проживаем очень даже ничего себе. Никаких особенных событий не происходит. Вот разве что Джо Аллисон на днях нечаянно сломал себе руку, когда слегка поспорил с Медведем Бакнером о политике.

Надеясь на взаимную обоюдность наших чувств, остаюсь искренне преданная тебе
твоя любящая тетка Сарагосса.

* * *

У любого человека поневоле становится тепло на душе, когда он узнает, что родичи

иногда поминают его добрым словом и даже способны, хотя бы частично, отрешиться от давно прошедших мелочных обид. Но к моему глубокому огорчению, и на сей раз в бочке меда обнаружилась изрядная ложка яда, поскольку Медведю Бакнеру удалось-таки исказить истинное положение вещей и вселить в душу тетюшки Сарагоссы совершенно нелепые предубеждения по отношению ко мне, как легко можно было увидеть из ее случайной обмолвки по поводу какой-то мифической моей в чем-то там вины.

Ведь любой непредвзятый человек сразу скажет, что никакой моей вины в тех происшедших событиях нету. То есть, конечно, любой, ежели не считать братца Бакнера, поскольку ему пришлось куда как более солоно, нежели чем всем остальным участникам той поистине грустной истории.

Подряжаясь помочь старине Буйному Голландцу перегнать скот с Пекоса на Рио-Плату, я конечно же знал, что Медведь Бакнер болтается где-то в Колорадо. Но ведь с этим все равно ничего нельзя было поделаться! Мне уже давно приходилось мириться с тем обстоятельством, что я в любой момент мог наткнуться на братца Медведя в любом, даже самом неожиданном, месте, ежели только там можно было как следует напиться да еще всласть пострелять из обреза. А потому все его клятвенные заверения в том, будто бы я в тот раз специально заявился в Пьяную Лошадь с един-

ственной целью поломать ему жизнь и навсегда липнуть каких-либо надежд на светлое будущее, являются насквозь лживыми! От начала и до конца!

Я вообще тогда впутался в это дело лишь по своей доброте душевной, движимый самой глубокой и искренней привязанностью, каковую завсегда испытывал по отношению ко всем моим кровным родственникам. А чем отплатил мне мой двоюродный братец? Самой черной неблагодарностью!

И когда теперь я с отвращением вспоминаю о тех отбросах, какие мне приходилось жрать в трущобах Старого Мехико, и о тех жалких оборванцах-бандитах, в чьих убогих берлогах мне так долго пришлось скрываться, уклоняясь от необходимости ухлопать собственного родича, нынешняя позиция Медведя Бакнера, занятая им по отношению ко мне, не может не вызывать у меня чувства самой глубокой горечи!

Начнем с того, что у меня вовсе не было ни малейшего желания посещать Пьяную Лошадь. Просто в нескольких милях севернее этого городка у нас кончилась жратва. Незадолго до рассвета я проснулся, потому как Буйный Голландец нахально вытряхнул меня из моих одеял со словами:

— Немедля бери продовольственный фургон, катись в Пьяную Лошадь и закупи там жратвы! Даю тебе пятьдесят баксов. Но ежели ты истратишь из них хоть пенни на что-ни-

будь, кроме бекона, бобов, муки, соли и кофе, я вытряхну тебя из твоей собственной шкуры, не успеешь даже глазом моргнуть!

— А почему бы тебе не послать туда нашего повара? — сонно поинтересовался я, пытаюсь снова натянуть на себя мои одеяла.

— А потому что его бесчувственное тело до сих пор валяется в зарослях чапарала, отравляя весь здешний пейзаж омерзительной вонью перегара! — злобно заявил старик Голландец. — И повинен в нынешнем его плачевном состоянии не кто иной, как ты! К тому же, если б не твое ненасытное, воистину нечеловеческое брюхо, нам наверняка хватило бы наших старых запасов жратвы до самого конца пути. Причем с лихвой! Ну, вставай же да вали отсюда поживей! Один черт, кроме тебя, мне некому больше доверить деньги. Да и тебе-то, ежели б было куда деваться, я не рискнул бы доверить даже воспоминание о тени от бычьего хвоста!

Мы, Элкинсы, как правило, весьма болезненно реагируем на подобного рода замечания. Однако Буйный Голландец уже на свет из утробы матери явился с готовым убеждением, будто все вокруг спят и видят, как бы его половчее облапошить. Поэтому я, вместо того чтобы послать старого хрыча к дьяволу, предпочел встать, храня оскорбленное молчание, запряг в продовольственный фургон мулов и выехал из лагеря. Капитана Кидда я прихватил с собой, привязав его к задку фургона, по-

скольку наверняка знал, что ежели оставить моего мальчика без присмотра, то к моменту моего возвращения в лагере останутся только одни кобылы, так как всех коней он к этому времени, как пить дать, загрызет насмерть.

Ну да ладно. Я добрался до развилки, где тропа на Гальего ответвляется от дороги на Пьяную Лошадь. Вдруг где-то невдалеке от меня раздались нестройные звуки банджо и послышался гнусавый голос, громко напевавший:

— О Нора! Он действительно построил Ковчег!

Я пришпорил Кэпа и очень скоро, за крутым поворотом дороги, настиг совершенно невероятного вида повозку. Настолько нелепых экипажей мне не доводилось видеть с тех самых пор, как в Орлиное Перо последний раз приезжал бродячий цирк.

То был кабриолет, раскрашенный в красно-бело-синие цвета, с вкраплением нескольких пегих пятен, которые напоминали широко раскрытые безумные глаза. На козлах рядышком друг с другом восседали двое: какой-то малый, при цилиндре, в длинном сюртуке и совершенно невероятном разноцветном жилете, а также косоглазый мулат с мартышкой на плече, наяривавший на банджо.

Малый торжественно снял с головы цилиндр, отвесил в мою сторону глубокий поклон и несколько напыщенно заявил:

— Приветствую вас, о мой мастодонтический друг! Не будете ли вы так добры, дабы

известить меня, какая из вот этих двух прекрасных дорог приведет меня в замечательный город, именуемый Пьяная Лошадь?

— Та, которая идет на юг,— кратко ответил я.— Та, что сворачивает на восток, приведет вас в Гальего. Не иначе как отстали от бродячего цирка?

— Я до глубины души потрясен скрытым подтекстом ваших слов! — заявил этот чудак. — И оскорблен! При чем тут цирк?! О нет! В моем лице вы имеете честь созерцать величайшего друга всего человечества, ежели конечно не считать безвестного гения, подарившего миру рецепт кукурузного виски! Я — профессор Гораций Дж. Латимер, изобретатель и единоличный распространитель того бесценного дара свыше всему страдающему человечеству, каковой ныне повсюду именуется не иначе как Латимеровский Слабительно-Успокоительный Эликсир от Бешенства. Он является поистине живительной панацеей как для людей, так и для всякой иной твари!

С этими словами он выудил откуда-то из-под козел большую бутылку и торжествующе потряс ею в воздухе, демонстрируя сие чудо науки мне, а заодно и еще одному молодому парню, только что подъехавшему к нам со стороны Гальего.

— Верное средство, уважаемый незнакомец! — воскликнул он. — Вернее не бывает! Может, у вас есть лошадь, соблазнившаяся сор-

няками, от которых на их племя порой находит бешенство? Кстати, мне сдается, та здоровенная зверюга, что привязана к задку вашего фургона, уже давно поглядывает в нашу сторону каким-то в высшей степени исступленным глазом!

— Это мой Капитан Кидд! — с достоинством возразил я.— И никакой он не бешеный. Немного кровожадный, только и всего!

— В таком случае, я имею честь пожелать вам всех благ, наиуважаемые сэры,— вновь приподнял свой цилиндр обладатель раскрашенной повозки.— Сожалею, но вынужден спешить дальше, дабы хоть немного сократить ту пучину юдоли страданий, в какую ныне погружен весь род людской! Надеюсь в самом скором времени вновь увидеться с вами в Пьяной Лошади!

Нелепо раскрашенный кабриолет покатиł дальше, а я уже было всерьез принялся понукать своих мулов, как вдруг внимательно разглядывавший меня молодой парень из Галье-го снял шляпу и весьма вежливо поинтересовался:

— Не с Брекенриджем ли Элкинсом свел меня счастливый случай?

— Похоже на то,— столь же вежливо ответил я.

— Какая жалость! — с неподдельной горечью в голосе заявил этот достойный юноша.— Ведь тому самому Прохвессору вовсе нету никакой нужды тащиться в Пьяную Лошадь в

поисках всяческих там безумных созданий. Потому как прямо сейчас в Гальего обретается один малый, свихнувшийся, что твой клоп на ярком свету. И этот малый есть не кто иной, как ваш собственный родной двоюродный брат Медведь Бакнер!

— Как?! — сильно вздрогнув от неожиданности, переспросил я. — Что за чушь ты несешь?!

Ведь до сих пор среди всех моих родичей, вплоть до самых отдаленных пращуров, еще ни разу не приключалось ни единого случая умопомешательства. Ежели, конечно, сбросить со счетов старого Исая, внучатого дедушку Медведя Бакнера, который однажды настолько сильно повредился умом, что даже проголосовал против Гикори Джексона.

Но уже к следующим выборам, усилиями всего нашего клана, горячо любимый всеми родичами старей Исая сумел укрепить свое малость пошатнувшееся душевное здоровье и впредь голосовал только так, как подобает истинному джентльмену.

— К сожалению, я сообщаю вам одну только правду, — ответил мне парень. — Ваш двоюродный брат страдает от галлюцинаций. Считает, будто вскоре должен жениться на одной девушке из Пьяной Лошади, по имени Энн Уилкинс. Но беда в том, что девушки с таким именем просто-напросто не существует в природе! Совсем недавно, прямо в салуне, с Медведем Бакнером приключился очередной при-

падок, и я в слезах покинул Гальего, не в силах более лицезреть жалкие руины, оставшиеся от некогда столь благородного джентльмена! Я даже опасаюсь, как бы он не причинил вреда самому себе, ежели его немедленно не изолировать!

— Дьявол и преисподня! — воскликнул я, не сумев сдержать страшное волнение. — Да неужели же все это правда?

— Это такая же святая правда, как и то, что меня зовут Лем Кемпбелл! — заявил парень. — Слово джентльмена! И вот, увидев вас, мне подумалось: вдруг вам, как ближайшему родственнику достойного Медведя, удастся как-нибудь препроводить его в мой загородный дом, находящийся не далее чем в нескольких милях к югу от Гальего, и удержать его там в течение хотя бы нескольких дней. В надежде на то, что за это время он хоть немного успокоится и, быть может, вновь вернет себе временно утраченный рассудок...

— Ну нет! У меня появилась еще куда более лучшая идея! — воскликнул я, спрыгивая с фургона и привязывая мулов к ближайшему дереву. — Следуй за мной! — скомандовал я малому, мигом вскочив на Капитана Кидда.

Разноцветная повозка Прохвессора только что скрылась за ближайшим поворотом, и я, не мешкая, во весь опор припустил вдогонку. К тому моменту, как мне удалось нагнать кабrioлет, Лем Кемпбелл прилично поотстал.

— Кажись, ты говорил, будто твоим снадобьем можно лечить всех тварей земных? — требовательно спросил я у Прохвессора, так резко осадив Кэпа рядом с повозкой, что нас всех окутало громадное облако пыли. — И людей, значит, тоже?

— Всенепременнейше! — с глубокой убежденностью в голосе заявил Латимер.

— Тогда немедля поворачивай в Гальего! — велел я. — Там для тебя как раз имеется отличный пациент!

— Но ведь Гальего — это просто небольшой поселок где-то в самой глуши! — попробовал возразить Латимер. — Тогда как в достославной Пьяной Лошади имеется несколько салунов; к тому же там совсем рядом проходит железная дорога и...

— И ты еще смеешь лепетать что-то о железной дороге, когда на карту поставлен человеческий рассудок! — яростно взревел я, выхватив свой сорок пятый, и, совершенно произвольно, отстрелил несколько пуговиц от сюртука Прохвессора. — Я покупаю все твоё бешеное пойло! Чохом! А ну, живо! Поворачивай лошадей и счас же дуй напрямиком в Гальего!

— Нет, нет! Не надо! У меня даже в мыслях не было вам противоречить! — сильно побледнев, поспешно пробормотал Латимер. — Эй, Мешак! Разве ты не слышал, о чем нас только что попросил вот этот весьма уважаемый джентльмен? Ну-ка, вылезай из-под козел и заворачивай лошадей назад!

— Как скажете, машша Прохвессор! — ответил Мешак, опасливо выглядывая из-под сиденья.

Кабриолет развернулся в обратную сторону как раз к тому моменту, как к нам подсказал Лем Кемпбелл. Тут я вытащил из кармана штанов комок смятых бумажек, какими меня снабдил старик Голландец, и сказал молодому человеку:

— Хватай баксы! Закупишь на все в Пьяной Лошади жратвы, а потом переправишь ее в скотоводческий лагерь Буйного Голландца; сейчас он стоит на Малом Янктоне. А я прямо сейчас еду в Гальего и забираю с собой продуктовый фургон, потому как иначе мне будет просто не на чем переправить братца Бакнера в твой загородный дом!

— Насчет жратвы не волнуйся! — заверил меня Лем Кемпбелл, деловито запихивая баксы к себе в карман. — Это дело я беру целиком на себя. Слово джентльмена! А ты уж пригляди там за Бакнером, хорошо? Нет, ну как все-таки здорово! Ведь стоило мне тебя увидеть, и я тут же понял, что на тебя можно смело положиться. Целиком и полностью!

Ладно. Парень растолковал мне, как добраться до его дома, после чего прищпорил своего скакуна и помчался в Пьяную Лошадь. Ну а я, поторапливая Капитана Кидда, двинулся назад по дороге. Обгоняя кабриолет, я чуток придержал Кэпа и проорал:

— Следуйте за мной, в Гальего! Пускай кто-нибудь из вас пригонит туда мой продуктовый фургон, который сейчас стоит у развилки. И смотрите, не вздумайте смыться, воспользовавшись моим временным отсутствием!

— Подобная ужасная мысль просто никак не могла прийти мне в голову,— пролепетал Латимер дрожащим голосом.— Езжайте себе вперед и ни о чем не беспокойтесь. Мы последуем за вами со всей скоростью, на какую способны!

И чуть погода я уже во весь опор пылил по тропе, ведущей на Гальего.

Этот поселок оказался настолько мал, что в нем имелся лишь один-единственный салун, подъезжая к которому я явственно слышал знакомый яростный рев. Затем дверь салуна вдруг слетела с петель и через дверной проем, один за другим, ласточкой выпорхнули три или четыре парня. Пролетев ровно по семнадцать с половиной ярдов, они рядком чинно встали на уши в придорожной канаве. Едва бедолагам удалось подняться, они тут же неверными шагами (но весьма быстро) устремились куда-то в неведомую даль.

— Да уж! — вслух подумал я.— Похоже, брата Медведя мне долго искать не придется!

* * *

Этот мерзкий Гальего сейчас выглядел в точности так же, как любой другой мелкий

городишко, где вздумалось малость гульнуть и повеселиться моему двоюродному братцу.

Все двери и ставни домов и лавок были заперты наглухо. На улицах — ни единой живой души. И лишь на противоположной от салуна окраине городка виднелась быстро уменьшавшаяся фигурка всадника, во весь опор гнавшего свою лошадь по направлению к холмам. Не знаю, по какой причине, но я почему-то был готов поклясться, что этот малый — местный шериф.

Я спешил, привязал Капитана Кидда к коновязи и пошел к салуну, причем у самых дверей едва не упал, споткнувшись об какого-то малого, по-видимому — бармена. Тот, путаясь в своем переднике, бестолково ползал туда-сюда прямо у порога; оба глаза у него были подбиты, да так ловко, что полностью заплыли и свет Божий померк для их обладателя по меньшей мере на целую неделю.

— Не стреляй! — взмолился он, услышав мои шаги. — Сдаюсь на милость победителя!

— Какого хрена? — сурово спросил я. — Что тут происходит?

— Как странно! — робко пролепетал малый. — А ведь услышав твои шаги, я был готов поклясться, что ты — это он! Ну, тот самый парень, которого все зовут Медведь Бакнер. Видишь ли, последнее, что я могу припомнить, — мои слегка неосторожные слова насчет демократической партии. И тут на меня

сразу обвалилась крыша салуна. А может быть, поблизости случилось внезапное землетрясение? Ведь не мог же один-единственный человек так изувечить меня за какую-то пару секунд!

— Отчего же? — холодно отвечивал я. — Просто ты не знал, кто таков Медведь Бакнер. Теперь будешь знать! А ежели тебе вздумается еще разок ляпнуть какую-нибудь мерзость про демократов, имеешь шанс познакомиться поближе и с Брекенриджем Элкинсом. То есть со мной!

Переступив через жалобно стенавшие останки бармена и груды щепок, в которую превратилась сорванная с петель дверь, я вошел в салун. Признаться, сперва мне показалось, что Лем Кемпбелл несколько преувеличил свои буйные фантазии насчет братца Медведя, потому как тот явно действовал в самой обычной, издавна свойственной ему манере. Но стоило мне лишь разок глянуть на своего родича, как мнение мое тут же резко переменялось.

Бакнер в гордом одиночестве высился у стойки бара, щедрой рукой наливая себе виски в пивную кружку. На нем была надета прямтаки ужасающая, поистине невероятная рубашка, переливавшаяся красным, желтым, пурпурным, зеленым и еще черт его знает какими цветами!

— О Боже! — потрясенно промолвил я. — Где тебе удалось откопать такое... такую штуку?!

— Ежели твое неуместное замечание относится к моей новой рубашке,— резко и с нажимом отвечал братец Медведь,— так знай, что таков теперь высший шик! Эта рубашка — самый классный товар! Лучшее, что мне удалось добыть в Денвере! Она куплена специально ко дню моей свадьбы!

— Так и есть! — простонал я.— Взаправду обезумел!

Ведь даже пьяный койот сразу бы усек, что, находясь в здравом уме, никто ни в жисть не натянет на себя такой кошмар!

— А чего уж такого безумного в том, когда человек собрался жениться? — огрызнулся Бакнер, отбив горлышко очередной бутылки и переливая ее содержимое в кружку.— Ведь люди женятся каждый божий день!

Я осторожно обогнул своего родича, смерив его оценивающим взглядом с ног до головы. Чем, по-видимому, окончательно довел его до белого каления.

— Какого дьявола! — воинственно взревел он, инстинктивно хватаясь за пояс с револьверами.— Ей-богу, ты вызываешь у меня сильнейшее желание врезать тебе по...

— Не надо, братец Бакнер! — поспешил я его успокоить.— Да не волнуйся же ты так! Лучше скажи-ка мне, кто та девушка, на которой, как тебе сейчас кажется, ты собрался жениться?

— Ничего мне не кажется, дубина ты стеросовая! — сварливо возразил Медведь.— Ее

зовут Энн Уилкинс, и живет она в Пьяной Лошади. Я еду туда прямо теперь, вот только допью бутылку, а венчание у нас, чтоб ты знал,— сегодня!

— Должно быть, столь ужасное заболевание передалось тебе по наследству прямо от твоего внучатого дедушки Исайи! — скорбно покачав головой, заметил я. — Недаром мой папаша не раз говаривал, что безумие старика Исайи обязательно когда-нибудь еще возродится в последующих поколениях Бакнеров. Но ты не бери в голову! Ведь старый Исайя в конце концов все же излечился и до самого конца жизни голосовал только за демократов. Излечишься и ты, братец Медведь! Ведь я уже здесь и надежно взял это дело в свои руки! Ну, идем же отсюда скорей, братец! — ласково попросил я и, улучив удобный момент, ловко провел свой коронный удушающий захват.

— Да пошел ты! — яростно прохрипел Медведь.

С этими словами он вцепился мне в волосы.

Мы с грохотом рухнули на пол и покатались куда-то по направлению к задней двери салуна. При этом всякий раз, когда братец Бакнер оказывался сверху, он немедленно принимался гулко колотить об пол моей головой, каковое обстоятельство вскоре начало меня прилично раздражать.

Все же (теперь мне кажется, что это произошло примерно во время нашего десятого

переворота) я собрал всю свою волю в единый кулак и, с превеликим трудом вытащив изо рта у братца большой палец своей правой руки, вновь принялся терпеливо увещевать бедного безумца.

— Даю тебе слово джентльмена, Медведь,— говорил я,— мне страсть как не по душе применять против беззащитного больного родича грубую силу, однако... — И в этот самый момент Медведь Бакнер умудрился-таки извернуться и подло лягнул меня ногой в брюхо.

Любому непредвзятому человеку ясно— все это время мною двигали самые возвышенные побуждения, а следовательно, у владельца бывшего салуна нету ровным счетом никаких оснований скулить и на всех углах жаловаться на меня, чем он постоянно занимается с тех самых пор.

Ну скажите на милость, разве я виноват в том, что у братца Медведя дрогнула рука и он, промахнувшись по мне пятигаллонной оплетенной бутылью, вдребезги разнес роскошное зеркало за стойкой бара? А что я мог поделаться, когда Бакнер слегка повредил бильярдный стол, пролетая сквозь него после моего удара? А когда мне говорят про разбитую переносную печку-сушилку, я единственно могу развести руками. Потому как право на самозащиту есть одно из основных прав человека в нашей свободной стране. Ведь ежели бы мне не удалось так своевременно оглушить братца Медведя столь счастливо под-

вернувшейся мне под руку печуркой, тогда он, вне всякого сомнения, навеки искажил бы природное благородство черт моего лица той самой разбитой пивной кружкой, каковую он, без какого-либо предупреждения, вдруг вознамерился использовать в качестве кастета!

Говорят, что, начав неистовствовать, маньяки становятся поистине неудержимыми, но в тот раз мне не удалось обнаружить в поведении брата Медведя ровным счетом ничего сверхъестественного. Покуда мы катались по полу, он даже не забыл испробовать на мне свой обычный фокус, ловко зацепив меня шпорой за шею. Правда, было несколько неприятных мгновений, когда Бакнер слегка оглушил меня колесом от рулетки, сбил с ног, после чего с разбегу прыгнул обеими ногами прямо на мой живот. На долю секунды мне даже показалось, что я совсем ослабел и мой двоюродный братец вот-вот меня одолеет. Однако мысль об ужасном позоре, каковой падет на весь наш клан, едва станет известно о появлении в нашем роду маньяка, придала мне новых сил. И тогда я отшвырнул Медведя Бакнера, словно пушинку, и поднялся на ноги, и нагнулся, и оторвал из-под стойки бара медную перекладину для ног, и свернул ее обручем вокруг головы моего брата, и завязал концы этого обруча узлом.

Медведь пошатнулся, выронил охотничий нож, который он уже успел выхватить из но-

жен, обмяк, повалился на пол, пару раз дернулся и наконец затих.

Тут я перевел дух, утер рукавом кровь с лица (обнаружив при этом, что могу созерцать окружающую действительность лишь одним глазом), после чего развязал узел, снял медный обруч с головы моего родича и, ухватив бесчувственное тело покрепче за левую ногу, вытащил его на веранду салуна. За этим-то занятием меня и застал Латимер, как раз подъехавший к салуну на своей повозке. Следом за кабриолетом к месту событий подкатил мой продуктовый фургон, на козлах которого восседал Мешак с мартышкой на плече. Мешак таращился на меня во все глаза, а глаза у него почему-то были большие, как фарфоровые блюдца. И почти такие же белые.

— Ну так где же мой пациент? — спросил Прохвессор.

— Он тут и полностью к вашим услугам! — ответил я. — Бросьте сюда кусок каната из моего фургона, надо связать вашего пациента понадежнее. А потом мы все вместе отправимся в имение Лема Кемпбелла, где вы без помех сможете поить моего несчастного родича своим зельем до тех пор, покуда к нему не вернется здравый рассудок!

К тому времени, как я крепко связал Медведя Бакнера по рукам и ногам, возле салуна собралась порядочная толпа горожан. Ежели судить по их замечаниям, то никак нельзя было

сказать, чтобы у моего братца в Гальего имелось много друзей. А когда я принялся заталкивать безвольно обвисшую тупу в фургон, кто-то из зевак как бы невзначай поинтересовался, не являюсь ли я слугой закона. Занятый делом, я рассеянно ответил — нет, не являюсь; тогда этот тип тут же повернулся лицом к толпе и радостно заорал:

— Эй, парни! Пришло наше времечко! Что нам мешает прямо сейчас сполна расплатиться со злодеем Бакнером за все нанесенные им оскорбления и побои? Нельзя упускать верный шанс, говорю я вам! Потому как он валяется прямо тут, будто бесчувственная колода, крепко связанный по рукам и ногам, а мальтый, который грузит его в фургон, только что сам признался, что он вовсе никакой не шериф!

— Вережку сюда! — кровожадно взвыл кто-то в толпе. — Сейчас мы его вздернем!

Толпа горожан заколыхалась, потом грозно качнулась вперед... Латимер с Мешаком перепугались так, что вот-вот готовы были выронить вожжи и дать деру, но я вскочил в седло, поднял Кэпа на дыбы, мигом выхватил пару своих шестизарядных и внушительно произнес:

— Спокойно! Мешак, разворачивай продуктовый фургон и гони прямо на юг. Прохвессор! Не волнуйтесь и спокойно езжайте следом за Мешаком! А вам, парни, — повернулся я лицом к толпе, — советую держаться подальше от моих мулов!

Один из зевак не пожелал прислушаться к доброму совету и попытался-таки выхватить вожжи из рук трясущегося Мешака, а потому мне пришлось отстрелить шпору с его левого сапога. Парень шлепнулся лицом вниз в дорожную пыль и завопил:

— Караул! На помощь! Убивают!

— Прочь с дороги, кому жизнь дорога! — бешено взревел я, наведя на толпу сразу обе свои пушки. — Прохвессор, Мешак, вперед!

С этими словами я пару раз выстрелил прямо под ноги мулам, чтобы малость приободрить бедных животных. Продуктовый фургон рывком сорвался с места и, высоко подпрыгивая на ухабах, понесся прочь из Гальего. Мешак, отчаянно вереща от ужаса, достаточно ловко цеплялся за сиденье, чтобы не вылететь с козел на дорогу, а Латимер, нещадно погоня лошадок, запряженных в его дурацкий каб-риолет, немедля устремился вслед за фургоном. Я замыкал эту процессию, внимательно поглядывая назад, чтобы ненароком не пропустить момент, когда кому-нибудь из тех олухов у сатуна, уже повинытавивших свои пушки, вдруг да придет в голову глупая мысль малость пострелять мне в спину.

Однако вид моих револьверов, видать, изрядно поохладил их пыл. Наверно, потому никто так и не решился спустить курок, покуда я не отъехал на расстояние, превышавшее дальность надежного пистолетного выстрела. Только тогда кто-то выпалил в мою сторону из винчестера,

но промахнулся никак не меньше чем на целый фут, а потому я решил не обращать внимания на это вопиющее нарушение свярых правил гостеприимства, и вскоре наша процессия была уже далеко от Гальего.

Поначалу я опасался, что братец Медведь вскоре придет в себя и насмерть перепугает несчастных мулов своим диким ревом. Но на-верное, та медная перекладина все-таки оказалась крепче, чем я думал. Потому как Бакнер все еще валялся без сознания, когда мы подъехали к домику, уютно укывшемся в небольшом лесистом горном распадке, несколькими милями южнее Гальего. Я велел Мешаку прячь мулов и отвести их в кораль, а сам потащил тело своего родича в дом, где кое-как пристроил его на койке. Затем я сказал Прохвессору, чтобы он принес в дом весь свой замечательный эликсир, и Латимер покорно приволок десять галлонов своего пойла, в оплетенных бутылках по одному галлону. А в качестве платы я просто отдал ему все деньги, какие у меня на тот момент были.

Вскоре братец Медведь наконец очухался, приподнял голову и бессмысленным взором окинул рассевшуюся на другой койке, прямо напротив него, компанию: меня, Латимера в евонном долгополом сюртуке и цилиндре, ко-соглазого Мешака с краснозадой мартышкой, гордо восседавшей на его плече... Узрев такое, мой братец закатил глаза, снова уронил голову на койку и простонал:

— Боже мой! Не иначе как я рехнулся! Да ведь такого просто не может быть!

— Конечно! — обрадовался я. — Вот видишь, даже тебе самому уже понятно, что ты рехнулся! Но ты не волнуйся! — поспешил я успокоить его. — Ведь все присутствующие собрались здесь лишь с одной-единственной целью — навсегда излечить тебя от твоего ужасного недуга...

Мне очень хотелось добавить еще несколько ободряющих слов, но тут Медведь Бакнер неожиданно прервал мою речь, вдруг издав такой ужасающий вой, услышав который Мешак изменился в лице и суетливо полез под койку.

— А ну развяжи меня сейчас же, слышишь ты, навеки проклятый сын сатаны! — дико ревел Медведь Бакнер, бешено выгибаясь и извиваясь на койке, словно подхвативший расстройство желудка питон; братец с такой неистовой силой пытался порвать веревки, что на его висках мгновенно набухли тугие желваки синих вен. — Ведь я уже давным-давно должен был быть в Пьяной Лошади, где ждет меня венчаться моя будущая жена!

— Вот видите, Прохвессор! — скорбно вздохнув, сказал я Латимеру. — Какой поистине печальный случай! Лучше не затягивать с лечением, а, наоборот, приступить к нему немедленно. У вас есть рог для вливания лекарств лошадям? Тогда давайте его сюда. Какова вапа обычная доза?

— Ну, ежели бы речь шла о лошади,— с некоторым сомнением в голосе пробормотал Латимер,— то я бы назначил где-нибудь около кварталы. Но ведь тут у нас не лошадь...

— Не берите в голову! — твердо произнес я.— Значит, начнем с кварталы. А ежели понадобится, то мы всегда легко можем увеличить эту дозу!

* * *

Не обращая более никакого внимания на поистине кошмарные высказывания братца Медведя в мой адрес, я уже было принялся выковыривать пробку из первой бутылки, как вдруг чей-то склочный голос, над самым моим ухом, злобно произнес:

— Какого черта?! Что за... вы все устроили тут, в моей собственной хижине?

Я резко обернулся и увидел глупо тарашившегося на меня из дверей кривоногого замухрышку с довольно чахлой растительностью на скукоженной физиономии.

— Вот как? — раздраженно проворчал я, возмущенный столь бесцеремонным вмешательством постороннего в процесс лечения.— Говоришь, твоя хижина? А по-моему, этот дом принадлежит одному моему другу, который любезно разрешил нам всем воспользоваться его гостеприимством!

— О Боже! — вдруг заявил этот тип, конвульсивно вцепившись скрюченными пальцами в свою жидкую бородавку.— Да ты, парень,

либо пьян как сапожник, либо вовсе ума лишился! Ну-ка, решайте: или вы сейчас тихомирно уберетесь отсюда сами, или же я буду вынужден прибегнуть к насилию! — Тут он выудил откуда-то здоровенный револьвер и угрожающе взвел курок.

— Ха! — презрительно фыркнул я. — Ишь, какой любитель чужого добра выискался! Да ты, оказывается, не кто иной, как проклятый захватчик и хапуга!

С этими словами я небрежно отобрал у замухрышки револьвер. Но только он все никак не хотел успокоиться, а, наоборот, выхватил из ножен здоровенный охотничий нож. Тут уж мне пришлось взять его за шиворот и вышвырнуть вон. После чего мне вдруг пришла в голову удачная мысль — всадить несколько пуль прямо рядышком с ним, в дорожную пыль. Просто так, для остротки.

— Я еще сведу с тобой счеты, дубина стосеровая! — истошно завопил замухрышка, поспешно вскакивая на ноги и устремляясь по направлению к своей костлявой гнедой кобыле, которую он оставил привязанной к забору. — Да! Я обязательно с тобой разделаюсь, так и знай! — прокричал он еще раз, кроважно потрясая кулаками, а затем галопом вылетел со двора.

— Как вы полагаете, кто бы это такой мог быть? — слегка дрожащим голосом спросил меня Латимер.

— А какая нам на хрен разница? — пожал плечами я. — Чем скорее вы забудете об столь незначительном, давно прошедшем инциденте, тем лучше. А еще лучше, ежели вы поможете мне поскорее напоить моего дорогого брата вашим замечательным эликсиром!

Но это оказалось куда проще сказать, нежели чем сделать. Поскольку Медведь по-прежнему был туго спеленут канатом, у нас оставался лишь один выход: лить зелье прямо в евонную глотку. Я уже совсем было потерял надежду разжать ему челюсти кочергой, которую пытался использовать в качестве рычага, как вдруг братец Бакнер сам широко распахнул пасть, чтобы обрушить на мою разнесчастную голову новый поток ужасных проклятий. Тут уж Прохвессор не подкачал и успел воткнуть свою поильную воронку в разверстую пасть прежде, чем она снова захлопнулась. Кстати, когда потом мы разглядывали ту воронку, то обнаружили, что она прокушена почти насвозь; да и вообще, она выглядела так, будто пару раз побывала в медвежьем капкане.

Братец Медведь продолжал неистово дергаться и извиваться все то время, покуда мы не влили в него всю кварту целиком. После чего он вроде как разом окостенел, а глаза у него стали совсем стеклянными. Нам довольно легко удалось извлечь воронку из его челюстей, которыми он все еще продолжал слабо двигать, хотя уже не произносил ни звука. Но

Прохвессор поспешил успокоить меня. Все взбесившиеся лошади, сказал он, всегда ведут себя именно так, ежели удастся вовремя всадить им добрую порцию этого чудесного лекарства.

Облегченно вздохнув, я оставил Мешака приглядывать за моим несчастным братом, а сам, вместе с Латимером, вышел за двери и уселся на крылечке, дабы немного передохнуть и малость поостыть.

— Послушайте, Прохвессор, а почему Мешак не стал распрягать ваш кабриолет? — сурово спросил я.

— Как?! Неужели вы полагаете, что мы должны задержаться здесь на всю ночь? — с ужасом произнес Латимер.

— На всю ночь? — переспросил я. — Черта лысого на всю ночь! Вы пробудете здесь с нами ровно до тех пор, покуда мой любимый двоюродный брат не излечится окончательно. Даже ежели на это потребуется целый год! Надеюсь, Прохвессор, вам окажется не в тягость изготовить еще малость вашего чудесного эликсира, коли нам вдруг не хватит тех десяти галлонов?

— Другими словами, вы хотите сказать, что нам и впредь предстоит по три раза на дню сражаться с этим безумным маньяком так, как это было сегодня? — жалобно пискнул Латимер.

— Ну-у... — Мне хотелось чуть-чуть приободрить совсем упавшего духом Прохвессора, —

может быть, мой родич будет буйствовать чуть поменьше, когда ваше чудесное средство наконец окажет свое целительное воздействие... Нам никак нельзя терять надежду!

Слушая меня, Латимер постепенно багровел; по-моему, еще немного, и с ним случился бы припадок удушья, но тут из домика раздался такой невероятный рев, что даже у меня волосы встали дыбом. Это братец Медведь вновь обрел свой голос. Дверь распахнулась, и из дома выскочил Мешак, причем уже внутри он успел набрать такую скорость, что, с разбегу налетев на Латимера, отбросил Прохвессора во двор, а сам, прокатившись кубарем ровно семнадцать с половиной футов, рухнул на тело своего босса. Следом за Мешаком из дома вихрем вылетела мартышка.

— Хош-шпади! — верещал Мешак, с невероятной ловкостью карабкаясь следом за мартышкой на самое высокое дерево, какое нашлось поблизости от дома. — Тот сюмашедший манияк прорвал толстенный канат, как вило равно бумаш-шную бишовку! Шчас он пудет уше ждесь и канешно ше раждавит вшех наш, как ш-шалких мошкитоф!

Я ринулся внутрь дома, где обнаружил Медведя Бакнера в бешенстве катавшимся по полу и изрыгавшим настолько кошмарные проклятия и богохульства, каких я никогда от него не слышал. Вдобавок, к ужасу своему, я увидел, что ему действительно удалось порвать часть веревок, отчего его левая рука оказалась на

свободе. Я прыгнул вперед и всем телом навалился на эту руку, но, в течение нескольких ужасно долгих минут ничего не мог поделать, кроме как висеть на ней, покуда мой братец совершенно непринужденно размахивал ею, с легкостью мотая мое тело туда-сюда по всему дому. Наконец мне чудом удалось совладать с этой жуткой рукой, после чего я снова крепко-накрепко примотал ее канатом к телу братца Медведя.

Как раз в тот момент, когда я уже заканчивал свой тяжелый труд, в комнату ворвался Латимер и принялся в полном молчании скакать и кружиться по ней, исполняя не то танец живота, не то боевую пляску апачей.

— Мешак удрал! — вдруг завыл он, наконец вновь обретя дар речи.— Он так перепугался, что в обнимку со своей мартышкой спрыгнул с дерева прямо в мой кабриолет и угнал его в неизвестном направлении! А виноват во всем случившемся не кто иной, как ты!

К сожалению, я слишком запыхался и просто не мог достойно возразить Латимеру. Кое-как взвалив братца Медведя на одну из коек, я, пошатываясь, добрал до другой и, совершенно обессиленный, плюхнулся на нее. А Прохвессор тем временем все продолжал охать, стонать, приплясывать и костерить меня почем зря, время от времени выкрикивая, что теперь ему причитается целая куча баксов за кабриолет и уиряжку.

— Вот что! — сказал наконец я, когда мне удалось немного восстановить дыхание. — Никаких денег у меня теперь нету! Я все потратил на ваш чудодейственный эликсир. Но как только к моему дорогому брату Медведю Бакнеру вернется здравый рассудок, он будет настолько преисполнен благодарности, что с радостью лично уплатит вам любую разумную сумму! А пока временно отрепшитесь от низменных помыслов о столь жалком мусоре, как презренные баксы, и постарайтесь направить всю мощь вашего научного интеллекта на то, чтобы вернуть несчастному больному утраченное душевное здоровье!

— Душевное здоровье?! — внезапно взвыл слегка очухавшийся братец Медведь. — Связать меня, как все равно какого головореза, чтобы потом медленно, пинта за пинтой, вливать мне в глотку какой-то ужасный яд? Какой только дряни мне не пришлось испытывать на своем веку, но мне и в кошмарном сне не могло привидеться, что какое-либо, пускай даже самое отвратное, пойло может быть столь невероятно мерзостным на вкус, как та гадость, которой ты меня опоил! Да она же любого гризли в два счета парализует начисто! Развяжи меня сейчас же, будь ты проклят!

— А ты станешь вести себя спокойно, ежели тебя развяжут?

— Обязательно стану! — с чувством ответил братец Медведь. — Клянусь, что успокоюсь

мгновенно, когда закончу украшать деревья вон в той рощице гирляндами из твоих кишок!.. Но и ни единой секундой раньше! — немного поразмыслив, честно добавил он.

— Бедняга по-прежнему в буйной стадии! — печально покачав головой, сказал я. — По-моему, мы поступим мудро, ежели пока не станем развязывать его. Верно, Прохвессор?

— Слушай ты, тупица! Сколько раз я должен повторять, что прямо сейчас в Пьяной Лошади должна начаться моя свадьба! — яростно заорал братец Медведь и так резко рванулся на своей койке, что тут же слетел на пол.

Думаю, всякий непредвзятый человек согласится со мной: это была его собственная ошибка. Хотя позже мой братец именно меня винил в том, что, ударившись головой об угол печки, он надолго потерял сознание. Зря он так! Ведь настолько мелочная, вздорная подтасовка фактов еще никому и никогда не делала чести!

— Все к лучшему! — устало произнес я. — По крайней мере, у нас теперь будет хоть несколько минут передышки! Помогите мне снова положить его в койку, Прохвессор!

— Что? Что? Что это такое?! — вдруг взвизгнул Латимер, подпрыгнув чуть не до потолка, когда где-то неподалеку, в густых зарослях, внезапно рывкнула тяжелая винтовка, а сердито жужжащая пуля, пробив обе стены дома, унеслась дальше.

— Не что, а кто,— затолкнув Медведя на койку, поправил я Прохвессора.— Думаю, это Чахлая Бороденка. Ну, тот самый тип, который давеча заглядывал к нам сюда на огонек. Значит, мне не зря показалось, будто у него к седлу был приторочен здоровенный винчестер! Но это дело терпит. Послушайте, Прохвессор, пошарьте там, на кухне. Может, какая провизия найдется? А то я дико проголодался!

Хотя после того выстрела с Латимером приключился страшный приступ нервной лихорадки, это никак не помешало нам найти в кухне припрятанные Лемом Кемпбеллом запасы бекона и бобов. И мы разогрели их, и поели вдосталь, и даже кое-как покормили братца Медведя, который мигом пришел в чувство, едва учуял запах разогревавшейся жратвы. Правда, было не очень похоже, чтобы наша скромная трапеза доставила большое удовольствие Латимеру, потому как всякий раз, когда сквозь дом пролетала очередная пуля, Прохвессор опять подпрыгивал, а только что проглоченная еда опять оказывалась у него на тарелке. Не знаю, может, он тогда так и не наелся, но зато поел за один вечер много-много раз.

А тот тип, Чахлая Бороденка, к моему удивлению, проявил чрезвычайную настойчивость. Но он засел так далеко от дома, что не мог причинить нам серьезного беспокойства. Да и стрелком он оказался совсем никудышным,

поскольку все его пули проносились достаточно высоко над нашими головами. Желая слегка подбодрить Латимера, я указал ему на это обстоятельство, но Прохвессор почему-то совсем не обрадовался.

Чувствуя себя малость подуставшим, я не решился развязать Бакнера, чтобы тот мог поесть сам. Поэтому, усадив Латимера на грудь нашему пациенту, я велел ему кормить моего братца прямо с ножа. Но только Прохвессор все время чего-то боялся. Он то и дело испуганно вздрагивал, роняя горячие бобы за шиворот братцу Медведю, а тот в ответ шипел, плевался и произносил поистине ужасные, черные слова.

К тому моменту, как мы покончили с кормежкой, уже давно стемнело, и Чахлой Бороденке, волей-неволей, пришлось прекратить бестолковую пальбу. Вдобавок, как я узнал позже, у него почти совсем вышли боеприпасы, и он отправился призанять еще патронов на одно из ближайших ранчо. Медведь Бакнер вдруг прекратил поносить нас последними словами; теперь он просто молча лежал на койке, пристально глядя на нас с Прохвессором. Его глаза сверкали, а на лице застыло такое кошмарное, поистине зверское выражение, какое мне никогда прежде не случалось встречать на лицах людей. Под этим ужасным гипнотическим взглядом волосы на голове бедного Латимера встали дыбом и, словно заговоренные, ни за что не желали опускаться обратно.

Братец Медведь, не прекращая буравить нас безумным взором, тем не менее продолжал без устали трудиться над своими путами, поэтому мне приходилось проверять их чуть не каждые пять минут, время от времени заменяя перетертые веревки новыми. Наверно, сказал я Латимеру, будет куда лучше, ежели мы хотя бы на время успокоим моего родича новой дозой эликсира. На том и порешили.

А когда мы наконец покончили с этим многотрудным делом, Прохвессор кое-как, спотыкаясь, добрал до кухни, рухнул там под стол и мгновенно вырубился, и даже я чувствовал себя настолько изможденным, насколько такое вообще возможно для уважающего себя истинного Элкинса.

К сожалению, я не мог последовать примеру Прохвессора, потому как опасался, что мой братец все же сумеет каким-то образом освободиться и тут же прикончит меня, прежде чем я успею проснуться. И поэтому я уселся на вторую койку и стал следить за братцем Медведем. Спустя некоторое время он уснул, и теперь я отчетливо слышал доносившийся с кухни громкий храп Прохвессора.

Где-то около полуночи я зажег свечу, отчего Медведь Бакнер сразу проснулся и сварливо проговорил:

— Да чтоб тебя черти разорвали! То ты хочешь насильно меня усыпить, то будишь как раз тогда, когда мне снится самый лучший, самый сладостный сон во всей моей жизни!

Будто бы я ловлю акул у острова Мустангов... Нет, это было так прекрасно!

— А что может быть прекрасного в ловле акул? — недоуменно спросил я.

— Боюсь, тебе этого не понять! — с мечтательным выражением лица ответил Бакнер. — Ведь вся прелесть ловли была в том, что в качестве наживки я использовал куски твоего протухшего трупа! Эй! — вдруг встревожился братец. — Что это такое ты там делаешь?

— Ничего особенного, — сухо отозвался я. — Просто пробил час для очередного приема лекарства!

Ну, тут снова разгорелась кровавая битва. На сей раз он вцепился зубами в большой палец моей левой руки и наверняка сжевал бы его начисто, если б мне не удалось, очень вовремя, оглушить бедного безумца чугунной сковородкой. И прежде чем он пришел в себя, я влил-таки в него очередную порцию эликсира, при посильной помощи Прохвессора, разбуженного шумом нашей великой баталии.

— Интересно, как долго все это будет еще продолжаться?! — с отчаянием в голосе спросил Латимер. — Ой! — воскликнул он, позаячьи подпрыгнув от неожиданности. — Ой-ой-ой!

В наши дела опять вмешался Чохлая Бороденка. Но на сей раз он умудрился подползти совсем близко к дому, и пуля из его винчестера замечательно расчесала всклокоченные лохмы Прохвессора на косой пробор.

— Видит Бог! — в бешенстве прорычал я. — Я есть самый терпеливый из всех Элкинсов на всем белом свете! Но даже моему терпению имеется предел! — С этими словами я сорвал со стены дробовик. — Оставайтесь здесь, Прохвессор, — велел я, — и как следует наблюдайте за пациентом, пока я не вернусь обратно! Да растопите получше плиту на кухне, дабы к моему возвращению у нас уже была возможность хорошенько провялшить шкуру Чахлой Бороденки над нашим домашним очагом!

Я тихонько выскользнул из дома через окно, противоположное тому, через которое влетела пуля, и стал крадучись пробираться сквозь густые заросли, описывая большой полукруг. Свет восходящей луны становился все ярче, и я наверняка знал, что в два счета сумею зайти Чахлой Бороденке в глубокий тыл.

Действительно, всего через пару минут, обогнув место, где росли особенно густые кусты, я отчетливо увидел перед собой напряженно-оттопыренный зад Чахлой Бороденки. Причем именно в тот момент, когда этот чудак в очередной раз наводил на дом дуло винчестера. Недолго думая, я тут же всадил в такую замечательную цель щедрую порцию дроби из обоих стволов сразу, отчего этот паразит пронзительно завизжал и подпрыгнул куда как выше, нежели чем можно было бы ожидать от столь кривоногого субъекта, и выронил на землю свой винчестер, и с поисти-

не невероятной скоростью рванул по тропе в сторону Гальего, и очень скоро исчез за горизонтом.

Но на сей раз ничто не могло остановить меня в намерении начисто стереть этого презренного москита с лица земли. Выбравшись на тропу, я помчался за ним следом, и вскоре почти настиг его, и снова принялся палить ему в спину из дробовика. Но, к моему ужасному огорчению, проклятый обрез оказался заряжен бекасинником, и во всех чертовых патронах, какие я прихватил с собой, оказалась все та же мелкая дробь!

Расскажи мне кто другой, я ни в жисть бы не поверил, будто белый человек, да вдобавок такой старый и такой кривоногий, может бегать так быстро и так долго! Едва мне удалось хоть чуть-чуть приблизиться к Чахлой Бороденке, как он тут же увеличивал скорость. В общем, несмотря на все мои усилия, мне ни разу так и не удалось подобраться настолько близко к старому козлу, чтобы та поганая птичья дробь смогла нанести ему хоть сколько-нибудь серьезный урон. Тем не менее я продолжал упорно преследовать Чахлую Бороденку на протяжении целой мили, но потом он вдруг резко свернул с тропы, нырнул в густые заросли колючих кустов, и вскоре я окончательно потерял его из виду.

Ну да ладно.

Я повернул обратно и стал пробираться сквозь заросли в сторону дороги, и мне оста-

валось до нее буквально два шага, когда со стороны Гальего вдруг послышался топот копыт. Ну, раз так, то я решил пока не вылезать из кустов на тропу. Очень скоро из-за поворота показалась целая толпа вооруженных всадников, ехавших прогулочным шагом; бледные блики лунного света неярко поблескивали, отражаясь от стволов винчестеров.

— Двигайтесь тише! — предупредил чей-то голос. — Дом стоит совсем рядом с дорогой. Мы подкрадемся и окружим его раньше, чем те парни сообразят, в чем дело.

— Хотел бы я знать, что за пальбу мы слышали несколько минут назад? — слегка нервно поинтересовался другой голос.

— Почем знать, может, они там передрались друг с другом! — отозвался третий. — Какая на хрен разница? Главное — нагрянуть неожиданно и сразу разделаться с тем вторым громиллой прежде, чем он успеет расчухать, что к чему. Ну а потом уж мы спокойно вздернем Бакнера на ближайшем дереве.

— Интересно, за каким таким дьяволом они выкрали этого самого Бакнера? — начал было четвертый голос...

Но тут мое терпение лопнуло, я выпрямился во весь рост и решительно шагнул из-за кустов прямо на дорогу. Мое неожиданное появление напугало лошадей; они захрапели и попятились.

— Значит, вот вы как?! — в бешенстве взревел я. — Нагрянули сюда целой толпой, чтобы

повесить беспомощного больного человека только за то, что он один одолел вас всех в честной драке? Ах вы, храбрецы хреновы! Ну ничего, сейчас вы у меня попляшете!

С этими словами я навскидку выпалил в толпу этих мерзавцев из обоих стволов разом.

* * *

Те жалкие идиоты ехали настолько вплотную друг к другу, что промахнуться было просто невозможно. Досталось всем и каждому. Вот интересное дело: мерзкие людишки даже вопят как-то особенно мерзко! А бедных лошадок жалко. Насмерть перепуганные моим возмущенным ревом, а также вспышками и громом выстрелов, неожиданно раздавшихся всего в двух шагах от ихних морд, несчастные животные встали на дыбы, развернулись на месте и с диким ржанием понеслись прочь. Одним словом, вся та чертова банда загромыкала по дороге в сторону Гальего в тыщу раз быстрее, чем эти недоумки изволили ехать сюда. Для пущей убедительности я произвел им вслед несколько выстрелов из револьверов, хотя, похоже, они и не думали отстреливаться.

Довольно скоро жалобные стенания и скорбный вой затихли вдаль. Ну и горе-бандиты! Чистый маскарад!

Однако полной уверенности в том, что они не вернуться назад, у меня все же не было, поэтому я устроил засаду в кустах, в таком

месте, откуда хорошо просматривалась дорога на Гальего. Первая же мысль, пришедшая мне в голову с первыми лучами солнца, была весьма неутешительной: против своей воли я таки заснул! Как это могло случиться, до сих пор ума не приложу!

Едва проснувшись, я тут же вскочил на ноги, инстинктивно выпалив пару раз из револьверов в сторону дороги. Но вокруг было по-прежнему совершенно пустынно. Раз такое дело, то мне оставалось сделать единственное разумное предположение: с давешними джентльменами из Гальего, несомненно, приключилась медвежья болезнь! Тогда, уже со спокойным сердцем, я направился назад. Каково же было мое удивление, когда, подойдя к выгону, я вдруг обнаружил, что кораль пуст, а продуктовый фургон исчез! У меня подкосились ноги, я снова выхватил револьверы и уже собирался рвануться к дому, как вдруг заметил приколотую к изгороди короля записку. В ней говорилось так:

Дорогой мой мастодонт Элкинс!

Такое ужасное нервное напряжение оказалось мне не по силам! Я стал седым как лунь, покуда сидел в той комнате и медленно сходил с ума под огненным взглядом, каким меня неуклонно испепелял возлежащий в койке ужасный дьявол, и все время гадал, что он со мною сотворит, когда наконец перетрет свои путы. И тогда я решил, что мне пора уносить ноги.

Глубоко сожалею, но мне пришлось забрать ваш фургон и упряжку в возмещение убытков, понесенных мною в результате позорного бегства этого жалкого Мешака. Зато я оставил в полном вашем распоряжении все запасы своего чудотворного эликсира! Хотя, ежели честно, никак не могу избавиться от ощущения, что это поистине чудесное средство не принесет ни малейшей пользы бедному безумцу Бакнеру. Ведь то лекарство предназначено для взбесившихся животных, а никак не для лечения буйно помешанных гигантов, одержимых манией убийства!

*С глубочайшим уважением, искренне ваш
проф. Гораций Дж. Латимер, эсквайр*

— Скотина, скотина и еще раз скотина,— раздраженно бормотал я себе под нос, направляясь к дому Лема Кемпбелла.

До сих пор не знаю, сколько времени потребовалось Медведю Бакнеру, чтобы полностью выпутаться из довольно-таки крепких веревок. Но так или иначе, он поджидал меня прямо за дверью, с той самой чугунной сковородкой наизготовку. И ежели бы у нее не отвалилась ручка, когда он со всего размаху огрел меня по голове, то ему наверняка удалось бы нанести мне самые серьезные телесные повреждения.

И я до сих пор не могу понять, каким чудом мне удалось тогда одолеть своего двоюродного брата, поскольку он бился как са-

мый настоящий берсерк и изо рта у него шла пена. Всякий раз, когда ему удавалось вырваться из моих рук, он с диким упорством маньяка бросался на кухню и хватал там очередную бутылку латимеровского слабительно-успокоительного эликсира от бешенства, затем с торжествующим ревом вдребезги разносил ее об мою несчастную многострадальную голову. К тому времени, как я все же сумел изловчиться и оглушить братца Медведя тем самым дубовым чурбаком, который был вместо ножек у кухонного стола, все было уже кончено. Негодяй ухитрился переколотить все до единой бутылки. Пол был залит зловонной жижей, и моя одежда пропиталась этой мерзопакостью в тех местах, где она еще не успела пропитаться кровью...

Наконец мне удалось навалиться на Медведя всей тяжестью, и я скрутил-таки его снова по рукам и ногам. Добравшись кое-как до койки, я плюхнулся на нее и принялся гадать, что же мне теперь, черт меня побери, делать дальше. Потому как все запасы чудотворного эликсира безвозвратно иссякли, а никакого другого способа излечить моего любимого брата я не знал, а подлый Прохвессор целиком и полностью удрал вместе с моим продуктовым фургоном, а в результате чего я теперь не видел никаких способов к тому, чтобы вернуть братца Медведя в лоно истинной цивилизации. Откуда-то с запада донесся далекий гудок паровоза, и на меня

снизошло вдохновение. Я вспомнил, что железнодорожная ветка проходит всего в нескольких милях к югу отсюда! Ну ладно! Я сделал для своего двоюродного брата все, что только было в моих силах, а потому оставался один-единственный выход: отправить его назад в Техас, дабы там любящие родичи смогли заботиться о нем до самого конца его безумной жизни.

Я выбежал наружу и свистнул Капитана Кидда. Тот радостно бросился ко мне из-за угла дома и успел игриво лягнуть меня прямо в брюхо прежде, чем мне удалось увернуться. Но я был совсем не расположен дурачиться, тем более что эта любимая шуточка Кэпа была с бородой и изрядно поднадоела. Потому я раздраженно уклонился от следующего удара копытом и как следует треснул Кэпа кулаком по носу. Затем выволок из дома братца Медведя, швырнул его поперек седла, вскочил на Капитана Кидда и поспешил на юг.

Наверно, это была та самая дорога, по которой удирал сперва Мешак, а следом за ним — Латимер. Она пересекала железнодорожную ветку всего в трех милях от дома Лема Кемпбелла. А гудок паровоза, который я слышал раньше, был сигналом к отправлению поезда из Пьяной Лошади. Поэтому я успел выбежать на рельсы еще до того, как поезд показался из-за поворота. Я неистово замахал руками, и паровоз затормозил. Бригада, обслуживавшая

состав, поспрыгивала с подножек на насыпь — они пожелали узнать, какого такого дьявола я остановил поезд.

— Человек срочно нуждается в самом пристальном внимании лучших врачей! — внушительно заявил я. — Тяжкий случай временного умопомешательства. Необходимо срочно переправить парня в Техас, под надзор родных и близких!

— Вот черт! — хором ответили они. — Какая жалость! Но беда в том, что наш поезд на всем своем пути следования ни разу даже не приближается к границам Техаса!

— Ну что ж, — малость подумав, сказал я, — в таком случае придется выгрузить страдальца в Финт-Сити. Там у него полно друзей, которые, несомненно, почтут за честь временно приглядеть за ним. А я тем временем пошлю его родне весточку из Пьяной Лошади и попрошу их поскорее забрать беднягу из Финт-Сити домой.

Добравшись до Пьяной Лошади, я привязал Капитана Кидда неподалеку от железнодорожной станции и уже совсем было зашел внутрь вокзала, как вдруг у самых дверей столкнулся с человеком. Ну а поскольку я родился под счастливой звездой, этим человеком просто не мог оказаться никто другой, кроме как старый хрыч Буйный Голландец, который немедленно схватил меня за грудки и дико взвыл, словно изголодавшийся лесной волк.

— Ага, это ты, сын сатаны! — вопил он, не давая мне вставить ни слова. — Где же обещанная тобой жратва, чертов конокрад?!

— Как? — улучив момент, спросил я. — Разве Лем Кемпбелл не доставил ее в лагерь?

— Мне никогда не приходилось встречать человека с таким именем! — снова заорал Буйный Голландец. — Куда ты подевал мои пятьдесят баксов, сучий потрох?!

— Вот дьявол! — удрученно вздохнул я. — А ведь парень казался честным малым!

— Кто?! — продолжал бесноваться Буйный Голландец. — Какой такой парень? И где ты его откопал, подлый койот?

— Встретил у развилки на Гальего, — терпеливо принялся объяснять я. — Его зовут Лем Кемпбелл. У меня появилось срочное дело, и он согласился взять те пятьдесят баксов, чтобы потом переслать в лагерь купленную на них жратву. Да не волнуйся ты так, старина! — попытался я малость урезонить разбушевавшегося Голландца. — Отработаю я тебе твои пятьдесят зелененьких!

Тут старик вдруг побагровел, а евонные гляделки выпучились так, будто он собрался вот-вот помереть от удушья.

— А куда ты подевал мой продуктовый фургон, скотина?! — с трудом прохрипел он, давясь и кашляя.

— Его украл другой малый, — честно ответил я. — Мне он назвался Прохвессором Латимером. Но я отработаю тебе и фургон!

— Ничего ты мне не сможешь отработать! — брызгая слюной, заверещал Буйный Голландец и вытащил из-за пояса громадный револьвер. —

Никогда! Потому как ты у меня больше не работаешь! Ты уволен, ясно?! А что касается фургона и наличных, так я твердо намерен вышибить из твоей шкуры моральную компенсацию, прямо здесь и сейчас!

Вот черт! Ну да ладно.

Я аккуратно забрал у старикана пушку и еще разок попытался договориться с ним по-хорошему. Но в ответ на все мое деликатное обращение он лишь завопил куда громче, чем до того, выхватил свой здоровенный мясницкий нож и попытался с его помощью проверить дырку в моем брюхе.

Кажется, мне уже приходилось упоминать, что я становлюсь ужасно раздражительным всякий раз, когда кто-нибудь пытается пощекотать меня ножиком. Вот почему, отняв у Буйного Голландца тесак, я сгоряча малость перепутал: хотел отшвырнуть в сторону эту дурашкую зубочистку, а отшвырнул самого Голландца. Да притом так неудачно, что бедолага рухнул прямиком в стоявшее поблизости лошадиное корыто. Проклятая новомодная поилка! Голову старика Голландца намертво заклинило в узкой части того корыта, и он задергался, и начал пускать пузыри, и уже совсем было приготовился утонуть.

Тут к поилке довольно быстро понабежала целая толпа зевак, и они попытались вытащить старика оттуда за ноги, но Буйный Голландец так неистово месил воздух своими копытами, что всякий, кто пытался за них ухватиться, тут

же получал удар шпорой по физиономии. Пришлось мне самому подойти к тому корыту и, ухватившись руками за его противоположные края, разодрать эту чертову хреновину надвое. Вывалившись на землю, Голландец прежде всего срыгнул галлона два воды. А потом, едва к нему вернулся дар речи, тут же обвинил меня в предумышленной попытке злонамеренного утопления. Из каковых речей совсем нетрудно было сделать вывод, насколько чуждо некоторым людям чувство самой обыкновенной признательности!

Я пожал плечами и отошел в сторону. Но тут один малый потребовал слова и заявил:

— Да чтоб я лопнул! Тот громила вовсе ничего такого не злоумышлял! Это вышло случайно. Я стоял в двух шагах и все видел. Наоборот, он самоотверженно спас старикану жизнь!

— А я стоял еще ближе, чем ты, и видел еще лучше! — ужасно склочным голосом возразил другой зевака. — И готов под присягой подтвердить, что тот мордоворот сознательно хотел утопить этого весьма достойного пожилого человека!

— По-моему, ты только что назвал меня лжецом, разве не так? — хищно оскалился первый малый и неторопливо потянулся за револьвером.

Но тут в их беседу встрял третий парень; он малость припоздал, а потому и оказался у места событий уже к шапочному разбору.

— Понятия не имею, о чем тут идет спор, — честно признался он, — но готов побиться об заклад на мой последний доллар, что вы оба чертовски сильно ошибаетесь!

В этот бессмысленный разговор втягивалось все больше и больше народу, а затем все они принялись ругаться и поносить друг друга так, что почти оглушили меня. Еще несколько парней повытаскивали свои пушки и принялись беспорядочно размахивать ими. Я понял: вот-вот начнется пальба, а стоит одному парню ненароком подстрелить другого, как уже можно ждать серьезных неприятностей. Только поэтому я и вмешался.

Но едва я успел малость успокоить первого забияку, пару раз легонько стукнув его по макушке, как кто-то из его дружков ринулся на меня с криком:

— Ах ты, подлая гиена! Ну погоди!

После чего тут же попытался слегка меня зарезать. Думаю, этот мальчик еще года два будет горько сожалеть о своем весьма опрометчивом поступке. К сожалению, мое вмешательство уже ничем не могло помочь делу. Драка и пальба распространялись по всему городу словно степной пожар. Пьяная Лошадь на моих глазах погружалась в пучину острого буйного помешательства.

Я уже заканчивал обрабатывать рукоятками своих кольтов глупую голову очередного паразита, как вдруг малость опомнился и с глубоким отвращением сказал сам себе:

— Вот черт! Какой ерундой ты занялся, Брекенридж! Ведь ты же прибыл в этот безумный город совсем с иной целью. Пора наконец подумать о горе, каковое обрушилось на твою несчастную семью!

Подумав так, я начал проталкиваться сквозь ряды сражавшихся по направлению к станционному зданию. Но тут до меня сквозь невероятный гвалт вдруг донесся ужасно знакомый скрипучий пронзительный голос:

— Смотрите сюда, шериф! Вот он! Я требую, чтобы вы немедленно арестовали этого проклятого захватчика чужой собственности!

Я круто обернулся и, конечно же, совсем неподалеку увидел Чахлую Бороденку. Вокруг бедер у него болталось седельное одеяло, отчего чертов замухрышка сразу сделался похожим на старого индейца, а ходил он теперь очень осторожно и слегка враскоряку. Приближаясь ко мне, он тыкал в мою сторону пальцем и верещал так истошно, будто я действительно сделал этому чудаку что-то плохое. Свалка вокруг нас на мгновение прекратилась, потому как все невольно замерли, прислушиваясь к его крикам.

— Немедля арестуйте его, будь он проклят! — продолжал тем временем вопить Чахлая Бороденка. — Он вышвырнул меня из моего собственного дома, а мои лучшие штаны для верховой езды, дуплетом из моего же дробовика, превратил в непотребное решето! Я был в отъезде, на Кинжальной реке, и вернул-

ся обратно на пару дней раньше, чем собирался, и обнаружил этого здоровенного мерзавца нагло хозяйничающим в моей хижине! — Чахлая Бороденка перевел дух, набрал в грудь побольше воздуха и разорался снова: — Но проклятый мордоворот оказался слишком здоровенным, чтобы я смог управиться с ним самостоятельно, вот почему мне пришлось — как только лекарь выковырял из моей шкуры последнюю из четырехсот с лишним дробинок! — отправиться сюда, в Пьяную Лошадь, и просить помощи у шерифа!

— Вам есть что ответить на предъявленные обвинения? — спросил шериф. Он говорил угрюмо и как-то не слишком уверенно. Можно было подумать, будто ему, по той или иной причине, не очень-то нравится его работа.

— Конечно есть, черт возьми! — ответил я, с отвращением бросив взгляд на Чахлую Бороденку. — Мне действительно пришлось сперва выпшвырнуть этого паразита вон из дома, а затем слегка подправить его теловычитание доброй порцией бекасинника. Но у меня имелось на это полное право! Потому как я, на самых законных основаниях, находился в доме человека по имени Лем Кемпбелл, и...

— Лем Кемпбелл?! — взвизгнул Чахлая Бороденка, подпрыгивая так яростно, что едва не потерял одеяло, заменявшее ему теперь штаны. — Да у этого никчемного человечешки никогда и в помине не было никакого дома! Он работал у меня, покуда, перед самым моим

отъездом на Кинжальную реку, я не выставил его за двери! А выставил я его потому, что работник он был никудышный и толку с него было как с козла молока!

— Никому нельзя верить! — ошеломленно промолвил я. Да неужто честное слово джентльмена в наше ужасное время действительно стало пустым звуком? Черт возьми, незнакомец, — добавил я, обращаясь к Чахлой Бороденке, — приношу вам самые искренние мои извинения! Похоже, мы с вами оба пали жертвой глупой шутки этого подлого Лема Кемпбелла!

— Оба?! — задохнулся от негодования Чахлая Бороденка. — Оба пали?! — Замухрышка вдруг зашелся диким хохотом, от которого кровь застыла у меня в жилах, и без чувств повалился на землю.

Шериф чувствовал себя крайне неловко. Но, взглянув еще раз в сторону валявшегося в глубоком обмороке Чахлой Бороденки, он вздохнул, почесал в затылке и сказал:

— Мне очень жаль. Очень прошу не воспринимать это дело как личный выпад, но боюсь, что мне все-таки придется вас вроде как слегка арестовать... Ежели, конечно, вы не возражаете! — малость подумав, добавил он.

Именно в этот весьма щекотливый момент откуда-то с востока донесся далекий гудок паровоза.

— Что за черт? — недоуменно сказал кто-то из горожан. — Ведь в это время дня никаких поездов с востока быть не должно!

Но тут из здания вокзала выбежал начальник станции. Он размахивал руками и кричал, обращаясь к присутствующим:

— Немедля гоните с путей всех коров! Я только что получил телеграмму с Кинжальной реки! Поезд идет обратно! Маньяк по имени Бакнер вырвался на волю и заставил поездную бригаду развернуть паровоз на разъездных стрелках! Нам по линии отдали приказ срочно расчистить все пути! Паровоз летит сюда на всех парах, но никто в точности не знает, на какой станции этот Бакнер намерен остановиться! По слухам, он ищет какого-то родственника!

Тем временем шум, доносившийся с железнодорожной ветки, все более усиливался; но он мало чем напоминал шум парового двигателя. Нет, то были совсем иные, до боли знакомые мне звуки, невольно затронувшие родственные струны в моем сознании. А еще те звуки заставили меня задуматься о том, чем обернулась вся эта история для тех, кто работал в бригаде поезда.

— Может быть, это тот Бакнер, который Медведь? — задумчиво промолвила одна из стоявших поблизости женщин. — Судя по шуму, очень похоже! Тогда, наверно, он хочет увидеть Энн Уилкинс. Но парень малость опоздал. Теперь ему будет куда легче найти прошлогодний снег!

— Как? — воскликнул я. — Неужели? Выходит, в вашем городе действительно есть девушка по имени Энн Уилкинс?!

— Теперь уже нету! — глуповато хихикнув, ответила женщина. — Но была! Она как раз собиралась вчера выйти замуж за Медведя Бакнера, да только он, как на грех, куда-то запропастился. Ну, она, конечно, страшно обиделась, и, когда сюда появился ее бывший ухажер, Лем Кемпбелл, да еще с полсотней долларов в кармане, которые он добыл незнамо где, девчонка махнула на все рукой, обвенчалась с ним, и они тут же укатили проводить свой медовый месяц в Сан-Франциско... О Господи! Да что это с вами такое, молодой человек? У вас же лицо стало совсем зеленое! Может, случайно съели какую-нибудь гадость?

Но я позеленел вовсе не от скверной пищи. Выходит, я явился в эти края лишь для того, чтобы пустить под откос все надежды Медведя Бакнера на лучшее будущее. И как же я был к нему беспощаден! Именно это убивало меня больше всего. Я разрушил все мечты моего любимого двоюродного брата о мирном семейном очаге! Но ведь мои побуждения были самыми возвышенными: из последних сил я боролся, чтобы излечить бедного безумца... А что в итоге? О Боже!

Подняв голову, я увидел быстро приближавшееся с востока облако паровозного дыма и вновь услышал дикий рев, какой мог исходить разве что от целого стада разом взбесившихся буйволов.

— Глядите, глядите! — закричал кто-то из зевак. — Состав уже прошел поворот! Летит прямо как на пожар! Нет, вы только послу-

шайте, как ревет этот гудок! Того и гляди, что котел вот-вот лопнет!

Но мне совсем не хотелось ни смотреть, ни слушать. Я уже успел вскочить в седло и незамедлительно тронулся в путь. Кое-кто до сих пор поговаривает, будто бы тогда я испугался Медведя Бакнера. Пуццай говорят что им вздумается, мне плевать! Но только вся эта болтовня — сплошное вранье. Потому как всякий истинный Элкинс не боится никогда и никого. Ни людей, ни диких зверей, ни даже Бакнеров!

Однако, когда я понял, каким образом подлец Лем Кемпбелл сумел использовать меня, чтобы убрать со своей дороги опасного конкурента, то заодно понял также и другое: ежели я еще хоть на пять минут застряну в Пьяной Лошади и дождусь, пока здесь объявится братец Медведь, мне останется лишь одно. Либо убить своего брата, либо пасть от его руки самому. А у меня не было ни малейшего желания делать ни то, ни это.

Вот и выходит, что в тот раз я отправился так далеко на юг с одной-единственной целью: любой ценой спасти жизнь своего родича! И я не давал Капитану Кидду ни одной передышки, пока не добрался до самого Дураньо.

И уж поверьте на слово, та глупая революция, в которую я, по чистому недоразумению, оказался замешан по ту сторону границы, показалась мне эдаким легким майским ветерком по сравнению с теми поистине горячими деньками, какие нам довелось коротать бок о бок с моим двоюродным братцем Бакнером!

Глава четвертая
БИТВА С ЗЕЛЕНЫМ
ЗМИЕМ В УРОЧИЩЕ
ГОРНЫЙ АПАЧ

В

озможно, когда-нибудь наступит и такой день, когда борода моя засеребрится, а сам я сделаюсь мудрым настолько, что у меня наконец-то достанет здравого смысла, проезжая мимо дома дядюшки Чадраша Поляха, сделать вид, будто я не расслышал, как тетушка Таскоция Полях изволит меня окликать. Ибо ничего хоро-

шего разговоры с ней никогда никому не сулили.

Да взять хотя бы тот последний случай. Будь я малость поумнее, мне следовало бы изо всех сил прищипорить Капитана Кидда и сломя голову умчаться прочь, когда тетушка почти по пояс высунулась из окна и что было сил закричала:

— Бреккенридж! Эй! Бреккенрри-иджжж!

Но подозреваю, утверждение моего папашки не слишком далеко от истины, а именно: матушка-природа очень уж переутомилась, трудясь над моими мускулами, и потому совершенно позабыла предусмотреть в моей анатомии достаточно места для мозгов. Так или иначе, но я заставил Капитана Кидда развернуться, решительно оставив без внимания все его игривые попытки откусить изрядный кусок мяса с моего левого бедра, подъехал к крыльцу, почтительно сдернул с головы енотовую шапку и осведомился:

— Как ваши дела, тетушка Таскоция? Хорошо ли вы поживаете?

— Ах ты, бесстыдник! — горько отвечала тетушка. — И у тебя еще поворачивается язык спрашивать об этом! А как, по-твоему, должна поживать бедная слабая женщина, ежели Господь соизволил послать ей в мужья такую подлую тварь, как мой Чадраш?! Да ведь поистине чудом можно считать одно то, что у меня до сих пор есть крыша над головой, да еще бочонок с медвежьей солониной на зиму в подпо-

ле! Наш дом совсем обветшал и вот-вот готов развалиться, а хозяйство пришло в полное запустение! Взгляни хотя бы на эту сломанную ручку от топора! Как долго, по-твоему, слабая беззащитная женщина сможет выносить столь ужасное, столь оскорбительное к себе отношение?!

— Не хотите ли вы, тетушка, сообщить мне, будто дядюшка Чадраш колотил вас этим топором! — потрясенно спросил я.

— Вот еще! — возмутилась беззащитная слабая женщина. — Это я расколотила чертово топором об евонную глупую голову! И вот уже скоро целую неделю мой муженек наотрез отказывается чинить проклятую рукоятку! А всему виной одно лишь кукурузное виски. Скоро оно совсем сгубит беднягу! Вот ведь беда какая: покуда мой муженек трезв, он очень даже может сойти за человека, особенно издали. Но стоит ему хорошенько накачаться, как он тут же теряет всяческое человеческое обличье!

— Но ведь на вид он такой гладкий, такой упитанный, такой жизнерадостный толстяк! — сделал я робкую попытку вступить за своего родича.

— Не все то золото, что блестит! — сердито нахмурившись, отрезала тетушка Таскоция. — Твой дядюшка совсем как те обманные плоды, что произрастают на берегах Мертвого моря. Они на вид так прекрасны и сочны, что прямо таки глаз не отвести. Но стоит их проткнуть, и

они тут же рассыпаются в прах, не оставляя после себя ничего, кроме пыли! К примеру, известно ли тебе, где наш Чадраш изволит находиться прямо сейчас? — Тетушка столь резко выставила в мою сторону обличающий указательный палец, что даже Капитан Кидд испуганно отшатнулся.

— Не-а,— честно признался я.— И где же?

— Сбежал от меня в селение Горный Апах, чтобы натрескаться самогонки! — гневно проворчала тетушка.— Сбежал лишь для того, чтобы окончательно погрязнуть там в грехе и в кукурузном пойле, ежесекундно рискуя своей бессмертной душой и бессовестно пуская на ветер наши денежки, какие ему удалось недавно выручить за шкурки енотов. А ведь я только-только успела запереть его в амбар! С тем чтобы мне было сподручнее взывать к его лучшим чувствам и умолять наконец одуматься! Но стоило мне опрометчиво удалиться из коралла — вырезать хорошую дубинку из орехового дерева, с помощью которой я намеревалась достучаться со своей отчаянной мольбой до евовного одурманенного разума, как он вышиб двери и подло улизнул! — Тетушка приостановилась, чтобы перевести дух, после чего продолжала: — Но мне-то прекрасно известно то единственное место, куда он мог направить свои стопы! Только к Джоэлю Гарфильду, чье заведение является не чем иным, как оскорблением Господа нашего, и каковое следовало бы давным-давно спалить дотла, а пепел

хорошенько перемешать с кровью его завсегдаев-нечестивцев и забросить в горную реку! Ладно! У меня больше нету никакого желания торчать тут у окна, слушая твою бесконечную трескотню! И вообще, с какой такой целью ты заставляешь меня понапрасну терять время? Клянусь всем святым: чем дальше, тем больше меня подмывает пожаловаться на тебя твоему папаше! А ну отправляйся в Горный Апач и чтобы завтра мой муженек уже был тут как тут!

— Но ведь...— начал было я.

— Никак ты собрался спорить со мной, негодник упрямый?! — вконец разъярившись, завопила тетушка. — А ведь я-то думала, ты будешь просто счастлив оказать посильную помощь твоей бедной беззащитной родственнице вместо того, чтобы без толку дуться в карты и устраивать потасовки в каком-нибудь очередном Богом забытом притоне разврата, навроде того Орлиного Пера! Я желаю, чтобы ты сыскал наконец способ отвратить твоего дядюшку от пагубного пристрастия к зеленому змию до самого конца евонных дней! Ну а ежели ты не сподобишься в точности исполнить то, что я тебе сейчас говорю, ты, ни на что не годный бездельник и сын...

— Отлично! — заорал я в ответ, заткнув уши. — Сделаю! Я сделаю вообще что угодно, лишь бы никогда больше не слышать твоих воплей! Я поеду в Горный Апач, я ухвачу там твоего Чадраша за шкуру, я приволоку его

сюда, а по дороге я превращу его в абсолютного трезвенника! Даже если для того мне придется трижды кряду удавить этого старого сукиного сы...

— Как?! Как ты смеешь произносить здесь такие слова?! — еще пуще прежнего заверещала тетушка. — Или в тебе уже не осталось ни капельки почтения к истинной леди?! Да будь я проклята, ежели понимаю, к каким... чертям катится этот... мир! А ну проваливай отсюда! И чтоб я не видала нигде поблизости твоей мерзкой рожи, покуда ты навеки не отводишь своего любимого дядюшку от евонного гнусного рома!

Положим, насколько я знал дядюшку Чадраша, единственной причиной, способной заставить его давиться ромом, могла быть только полная невозможность сыскать где-нибудь поблизости бочонок доброй кукурузной самогонки. Но я не стал возражать тетушке Таскоции, а снова развернул Капитана Кидда и, вздымая облака пыли, помчался прочь по тропе, чувствуя себя так, будто меня изловили апачи, привязали к ритуальному столбу, после чего все ихнее подлое племя принялось деловито втыкать в мою шкуру раскаленные докрасна испанские кинжалы. Задушевные беседы с моей тетушкой оказывали именно такое воздействие на любого человека. Наконец я перевалил через невысокую грядку холмов и явственно услышал облегченный вздох Капитана Кидда, каковой он испустил, когда все еще доносившиеся

издали вопли тетушки Таскоции наконец-то были заглушены ласкающими слух мирными отзвуками драки волка с двумя рысями. И тогда я подумал: какой же все-таки спокойной и счастливой жизнью, должно быть, живут эти мои братья меньшие, поскольку уж у них-то наверняка нету такой тетушки!

Я ехал все дальше и дальше, позабыв о собственных заботах и преисполнившись сочувствия к своему несчастному родственнику. Ведь он, как-никак, был истинным джентльменом, без единого изъяна! Вряд ли кому удалось бы сыскать на всем Верхнем Гумбольте еще одного настолько приветливого и добросердечного малого. Очень жаль, что главной целью его жизни являлось полное изничтожение всей кукурузной самогонки, сколько ее есть на белом свете.

И покуда я продвигался вперед, я чуть не сломал голову, пытаясь придумать хоть какой-нибудь план, который помог бы навсегда отучить дядюшку Чадраша от его пагубной привычки.

Ведь я и сам был далеко не прочь пропустить время от времени глоток-другой доброго зелья, но, как правило, мне легко удавалось удержаться в границах благопристойной умеренности, и почти никогда, за исключением особо торжественных случаев, я не позволял себе проглотить больше галлона самогонки за раз. Или около того. А кроме того, я вообще не имел обыкновения доверять людям, кор-

чившим из себя трезвенников. Но все же те-тушке Таскоции удалось натравить меня на беднягу Чадраша, и вот теперь я ехал, чтобы прекратить его веселый и невинный кутеж, схватить несчастного за шкирку и силой вернуть домой!

Я столь усердно размышлял обо всякой такой ерунде по дороге в Горный Апач, что меня незаметно стало клонить ко сну. Капитан Кидд сразу же, почуяв такое, начал время от времени испытующе косить на меня глазом. Но мне-то было прекрасно известно, что ежели Кэп застучает меня задремавшим в седле, он тут же постарается свернуть мне шею. Ну а поскольку мы с Кэпом как раз проезжали мимо сарая моего двоюродного брата Билла Гордона, меня посетила замечательная идея: а не вздремнуть ли мне на сеновале? Авось, подумал я, мне привидится сон о том, каким способом можно заставить упрямца дядюшку отныне и во веки веков глотать одну только воду! Или еще что-нибудь в том же духе.

Я привязал Капитана Кидда у дверей и зашел в сарай. Трое младших сыновей Билла усердно размалевывали Джошуа, любимого осла дядюшки Джеспарда Граймса, в самые диковинные цвета.

— Какого черта?! — загремел я, и мальчишки, с виноватыми физиономиями, разом отпрянули от несчастного животного. — Что вы тут такое вытворяете над бедным Джошуа?

Когда дядюшке Джеппарду опять забредала в голову мысль отправиться на поиски золота, он использовал Джошуа вместо вьючного мула. Но такое случалось не чаще чем раз в три-четыре года, а в промежутках между дядюшкиными приступами золотой лихорадки Джошуа просто ел и спал. Он был самым сонливым ослом, какого мне когда-либо приходилось видеть, и дремал даже сейчас, не обращая ни малейшего внимания на художества юных идиотов.

Тут вот какое дело. В свое время Билл одолжил малость денегат одному парню, который держал лавку в Орлином Пере. Но малый разорился, а в уплату долга отдал Биллу кучу всякого барахла, каким прежде пытался торговать в своей лавке. Среди всего прочего там оказалось огромное количество жестянок с разноцветной краской. Билл зачем-то приволок ту краску домой, хотя на хрена она ему сдалась — ума не приложу! Потому как все дома у нас рублены из бревен и их никто никогда не красит. Ну разве кто-нибудь раз в сто лет белил свою хижину самой обыкновенной известью. Краска хранилась в сарае у Билла, и вот теперь его мальцы усердно раскрашивали ею безответного старину Джошуа.

Бедолага выглядел самым ужасным образом. Мальчишки провели широкую полосу вдоль хребта, ну прямо как у испанского мустанга; но только та полоса была не черной, а ядовито-зеленой, и в такой же цвет они выкрасили

уши. А еще они изобразили чертову прорву красно-бело-голубых полос и клякс вдоль ослиных ребер и на брюхе.

— За каким же чертом вы сотворили такое над несчастной животиной? — вновь сурово спросил я. — Если дядюшка Джеппард узнает, он заживо спустит с вас шкуру! Ведь он по сей день возлагает весьма большие надежды на этого самого осла!

— Ну-у, — хором заскулили мальчишки, — мы просто хотели повеселиться. А старику Джеппарду ни за что не догадаться, чьи это проделки. Правда?

— Начинайте немедленно соскребать краску! Прямо сейчас! — грозно приказал я мальчикам. — Иначе Джошуа проснется, начнет слизывать ее и тут же помрет от отравления!

— Да ничего с ним не будет! — поспешили заверить меня пацаны. — Этот дурень сам забрел к нам в сарай, еще вчера; и он сожрал всю краску из нескольких жестянок, а потом вылакал целый бочонок жидкой извести, и хоть бы хны! А Джошуа завсегда мог жрать что ни попадя. Другого такого прожорливого осла не найти на всем белом свете. Хоть сто лет ищи!

— Хи-хи-хи! — вдруг прыснул один из мальчишек. — Здорово у нас получилось! Чистый кошмар алкаша!

И тут меня осенило.

— Отдайте на время этого осла мне, — попросил я. — Мне сейчас нужно именно что-

нибудь подобное, чтобы навеки излечить дядюшку Поляха от его пристрастия к кукурузному пойлу. Стоит ему, в его нынешнем состоянии, один лишь разок глянуть на такое чудо природы, как дядюшка тут же решит, что он наконец допился до белой горячки, и, не сходя с места, даст зарок не прикасаться к спиртному на всю оставшуюся жизнь!

— Ну, ежели ты собрался тащить нашего Джошуа к Джоэлю в поводу, — отвечали мальчишки, так ты начисто ухлопаешь целый день, покуда туда доберешься. Потому как даже твой Капитан Кидд не сможет заставить Джошуа ползти быстрее улитки.

— Но в мои намерения вовсе не входит таскать его за собой на привязи! — веско возразил я. — Ступайте, запрягите пару мулов в ваш фургон. А Капитана Кидда я оставляю здесь, до моего возвращения!

— Тогда мы запустим его в кораль позади сарая, — предложили пацаны. — Там столбы на целых четыре фута залиты бетоном, а сама загородка сделана из старых железнодорожных рельсов, и потому кораль, очень даже может быть, устоит до самого твоего возвращения. Ежели, конечно, ты не удержишься слишком долго!

* * *

К тому времени, как мальчишки запрягли мулов, мне удалось связать ноги Джошуа и забросить его на тюфяк внутри фургона, где

он немедленно снова уснул. А я залез на козлы, щелкнул кнутом и тронулся в сторону селения Горный Апач. Но не успели мы проехать даже мили, как колесо наскочило на здоровенный булыжник, отчего Джошуа проснулся и принялся обиженно реветь. Ревел он до тех пор, покуда я не остановил повозку и не засунул ему в пасть большущий початок кукурузы, после чего он принялся задумчиво жевать его и на время заткнулся.

Но едва я снова тронулся вперед, как вдруг заприметил в кустах младшую дочку Дика Граймса, которая во все глаза таращилась на нашу процессию; а когда я окликнул ее, она опрометью бросилась прочь. Оставалось только надеяться, что она не слышала рева Джошуа. Видеть-то его она, понятное дело, не могла, но дело в том, что рев этого осла ни с чем нельзя было спутать. И все же мне очень хотелось верить, что эта пигалица не сообразила про валявшегося внутри фургона Джошуа, потому как, несмотря на юные годы, она была самой отчаянной сплетницей во всей долине Медвежьей речки, а ейный дядюшка Джеппард, в свою очередь, самым несговорчивым, самым упрямым старым хрычом в наших местах, объяснить которому никто никогда ничего не мог, поскольку дядюшка Джеппард уже на свет Божий появился с твердым убеждением, будто весь мир без устали плетет против него сети гнусных интриг и самых черных заговоров.

Еще до полудня я заметил вдалеке домишки Горного Апача. Приблизившись к селению, которое состояло из нескольких домиков, разбросанных тут и там по берегу заросшего кустарником ручья, я решительно свернул с наезженной колеи и пустился в обход, поскольку вовсе не хотел, чтобы кто-нибудь раньше времени увидел меня. Двигаться пришлось по самой обычной, протоптанной людьми и скотом тропинке, и это оказалось куда как непросто, потому что она была совсем узкой, и я каждые два шага останавливался и выдирали с корнем молодые деревца, чтобы расчистить проезд для фургона. К тому же я немного побаивался, что производимый мною шум разбудит Джошуа и тот опять заревет. Но этого чертова осла не смогла бы разбудить даже пушечная канонада, покуда какое-нибудь шальное ядро не угодило бы персонально в него.

Я уже был почти на окраине селения, когда мне в очередной раз пришлось спрыгнуть на землю и, пройдя вперед, оборвать нижние ветки кустов, которые намотались на колеса. Но едва я ухватился за ветки, как из-за куста вдруг навстречу мне метнулись две тени. Одной из них была Кейт, дочка моего двоюродного брата Бакнера Кирби, а вот другой тенью оказался молодой Гарри Брекстон, который проживал по ту сторону гор и никому из нас родней не приходился.

— Ой! — слегка задыхаясь, вскрикнула Кейт.

— Что это вы такое сейчас делали там, по ту сторону куста? — сурово спросил я, бурная Гарри взглядом, от которого он задрожал и начал судорожно хвататься за свой оружейный пояс. — И являются ли твои намерения подлинно честными, Брекстон?

— Это совсем тебя не касается, дядя Бреккенридж! — вздернув носик, произнесла Кейт.

— Теперь касается! — заверил я ее. — И ежели этот молодой бычок не сумел найти более подходящего времени и места, дабы оказывать тебе знаки внимания, соблюдая должные приличия, как подобает истинному джентльмену, тогда что ж! Тогда, пожалуй...

— Ваши слова весьма невежливы и намеренно оскорбительны! — внезапно покрывшись крупными каплями пота, но тем не менее вполне героически отвечал мне Гарри. — Я уже давным-давно с удовольствием бы назвал эту молодую леди своей женой, ежели бы самый закоренелый из всех возможных в этом мире моих будущих родичей не растоптал бы сладкие грезы юной любви, пройдясь своим ужасным сапогом двенадцатого размера по задней части моих наилучших штанов для верховой езды!

— А ежели попроще, дядя Бреккенридж, — добавила Кейт, — так, чтоб даже ты понял, то Гарри хочет жениться на мне, а мой папаша настолько вздорен и упрям, что никак не дает своего согласия. Он, видишь ли, на дух не переносит Брекстонов! И только

потому, что тридцать лет назад один, теперь уже давно покойный, ихний родич сумел-таки надуть его, предложив не глядя махнутья лошадьми!

— Мне Брекстоны тоже не особо по душе,— проворчал я,— так что дальше, я слушаю!

— А что дальше? — горько спросила Кейт.— После того как папаша пять или шесть раз подряд пинками вышиб Гарри вон из нашего дома, а в самый последний раз полностью превратил его лучшие бриджи птичьей дробью в настоящее решето, нас наконец вроде как осенило, что мой старик заранее предубежден против любого родства с Брекстонами. Но мы с Гарри любим друг друга и все равно встречаемся, пускай тайком.

— Тогда почему же вы до сих пор не дали отсюда деру и не обвенчались где-нибудь на стороне? — недоуменно спросил я.

— Что ты, дядя Брекенридж! — задрожала Кейт.— Мы о таком и думать даже не осмеливаемся! Папаша наверняка погонится за нами, да ежели догонит — как пить дать пристрелит Гарри прямо на месте! Вот, например, сегодня у меня вроде как появился неплохой шанс ускользнуть, ведь мать с младшими детишками поехала на несколько дней погостить к тетушке Оачите... Но папаша меня даже с ними не отпустил, опасаясь, что я где-нибудь по дороге встречу с Гарри. Мне и сюда-то удалось выбраться едва на несколько минут — отец думает, я пошла в огород

нарвать зелени к обеду,— но ежели я прямо сейчас не поспешу домой, он надерет возле дома ореховых прутьев и отправится меня искать!

— Вот дьявол! — промолвил я.— И когда только молодежь научится с толком использовать собственные мозги? К примеру, хотя бы вполовину так ловко, как это умею делать я! Нет, ну что ты с вами будешь делать! Ладно уж. Положитесь на меня! Нынешней ночью я постараюсь вывести вашего старика из строя, а уж ваше дело не упустить свой шанс и вовремя смыться!

— И как же ты намерен это сделать? — несколько скептически поинтересовалась Кейт.

— Не бери в голову! — успокоил ее я, не имея ни малейшего представления, как приступить к столь многотрудной задаче.— Раз уж за дело взялся я, значит, все будет в полном порядке! Лучше приготовь все свои вещички, а ты, Гарри, добудь коляску и подъезжай сюда сразу, как взойдет луна. Кейт уже будет тебя ждать. Поедете вместе в Орлиное Перо, там вас и окружат в два счета. А уж после того, как вы поженитесь, братец Кирби ничего больше не сможет поделаться!

— А вы наверняка знаете, что так оно все и будет? — просиял Гарри.

— Еще бы! — заверил его я.— Ну а теперь проваливай отсюда и доставай ту коляску хоть из-под земли!

Парень поспешил прочь, а я повернулся к Кейт:

— Залезай-ка в фургон, поедешь в поселок вместе со мной. Завтра, в это самое время, ты уже будешь счастливой женой, или я не Брекенридж Элкинс!

— Хотелось бы верить, — как-то немного грустно отозвалась она. — Да только я готова побиться об заклад, что в самую последнюю минуту все пойдет наперекосяк, мой папаша зацапает нас обоих, и всю следующую неделю мне придется в обед хлебать свой супчик с полочки над камином. Поэтому как сидеть за столом я не смогу довольно долго.

— Глупости! — подбодрил я ее, помогая залезть в фургон. — Доверься мне и ни о чем не беспокойся!

Нельзя сказать, чтобы Кейт сильно удивилась, когда, глянув на тюфяк, увидала на нем громко храпящего во сне Джошуа, со связанными ногами и разрисованного, словно елочная игрушка. У нас, на Верхнем Гумбольте, все давным-давно привыкли, что я порой могу отмочить самый неожиданный фокус.

— Не надо смотреть на меня так, словно у меня совсем чердак съехал! — несколько раздраженно сказал я. — Эта животина привезена мною сюда исключительно для укрепления здоровья дядюшки Поляха!

— Но... ежели дядюшка Чадраш неожиданно увидит перед собой такую штуку,— пробормотала Кейт,— он ужасно испугается!

— Моя цель состоит как раз в этом! — заявил я.— А у кого он остановился?

— У нас,— коротко ответила Кейт.

— Вот как? — слегка растерялся я.— Жаль. Это малость осложнит наши дела. А где он спит?

— На втором этаже.

— Отлично! — воскликнул я.— В таком случае он никак не может оказаться помехой моему предприятию с твоим бегством и вашей последующей женитьбой! Ну а теперь вылезай отсюда, ступай домой, да смотри, чтобы отец ничего не заподозрил!

— За кого ты меня принимаешь? — обидчиво сказала Кейт, спрыгнула на землю и скрылась в кустах.

Я остановил фургон почти на самом краю поселка, в густых зарослях, откуда мне хорошо была видна крыша бакнеровского дома. Вскоре с той стороны послышался зычный рев моего двоюродного брата:

— Кейт! Кейт! Где ты? Я же отлично знаю, что в саду тебя нет! Смотри у меня! Ежели мне сейчас придется выходить на поиски, то тебе несдобровать! Тогда, клянусь всем святым, я...

— Да не ори ты так! А не то штаны лопнут! — донесся до меня ответный крик Кейт.— Я здесь! Уже иду!

Братец Кирби прекратил орать, но до меня некоторое время еще доносилось постепенно стихающее ворчание и урчание, будто где-то там, около дома, разговаривал сам с собой здоровенный гризли. Я прикинул так, что мой родич сейчас стоит прямо на дороге, которая проходит мимо его дома, но увидеть Кирби мне не удалось. Зато меня тоже наверняка никто не мог увидеть: ни сам Кирби, ни кто-нибудь другой, кому вдруг случайно вздумалось бы прогуляться по дороге. Я распряг мулов и привязал их в таком месте, где они могли и попасться малость, и попить водички. После чего вытащил из фургона храпящего Джошуа, снял путы с его ног и, привязав его к дереву, разбудил. Затем я начал пробираться сквозь заросли вдоль ручья к заведению Джоэля Гарфильда, примерно полумилю вверх по течению ручья. Дорогой мне не встретилось ни единой живой души.

Как ни странно, но и Джоэль пребывал в полном одиночестве. Он возмещал временно наступивший упадок в торговле повышенным вниманием к своим запасам спиртного.

— А что, разве моего дядюшки Чадраша Поляха нигде поблизости нету? — спросил я, и Джоэлю пришлось ненадолго оторваться от бутылки с кукурузной самогонкой, чтобы дать мне вразумительный ответ.

— Не-а,— протянул он.— Наверно, все еще отсыпается после вчерашней попойки. Он засиделся тут чуть не до утра,— добавил Джо-

эль, сделав еще один приличный глоток из бутылки.— Как пришел, так сразу и пустился во все тяжкие. А притащился он сюда сразу после полудня и к уходу до того налил глаза, что едва сумел потом доковылять до дома Бакнера Кирби. Готов побиться об заклад, он там с большой приятностью провел часок-другой, прокладывая курс на второй этаж. Лично я всегда боюсь заблудиться на тех ступеньках даже тогда, когда бываю трезв как стеклышко! Нет уж! Когда я желаю взобраться на второй этаж, все, что мне нужно,— это старая добрая приставная лестница. Но Бакнеру вечно приходят в голову какие-то ужасно помпезные идеи по поводу самых простых вещей! К примеру, не далее как вчера он устроил тут с твоим дядюшкой целый диспут о вреде пьянства. И конечно же, выбрал для своих словопрений именно такой момент, когда несчастный Полях уже и на бровях-то стоял с колоссальным трудом!

— Да, кстати,— я задумчиво почесал в затылке,— как насчет моего двоюродного братца Кирби? Он уже заглядывал сюда за своей обычной порцией?

— Нет пока,— ответил Джоэль, нетерпеливо поглядывая на бутылку.— Думаю, он придет как обычно, сразу после обеда.

— Не придет, ежели ему станет известно то, что случайно стало известно мне! — позволил я себе высказать свое веское сомнение. В моей голове уже полностью сложился план,

как вчистую избавиться от Бакнера Кирби на всю нынешнюю ночь, а заодно и на несколько последующих. — Потому как в таком разе он немедля поспешит в Волчий каньон. Ежели, конечно, сумеет после вчерашнего диспута не слишком часто вываливаться из седла. Ведь мне только что попался навстречу Гарри Брекстон, с парой вьючных мулов, торопившийся как раз в ту сторону.

— Уж не желаешь ли ты намекнуть, будто кто-то напал в Волчьем каньоне на золстую жилу? — наострил уши Джоэль, разом позабыв о вожденной бутылке.

— Желаю! — твердо произнес я. — Причем на такую, перед какой стыдливо бледнеют все рассказы о тех золотых россыпях, какие когда-то обнаружили в Ольховом ущелье!

— Хм-м!.. — задумчиво пробормотал Джоэль, в рассеянности чувств вновь инстинктивно схватившись за бутылку, откуда как бы сама собой тут же налилась в большую жестяную кружку примерно кварта кукурузной самогонки.

— Дельце верняк! — громким шепотом вскричал я. Разжав судорожно стиснутые пальцы Джоэля, я отнял у него кружку и опорожнил одним глотком. — Или можешь навеки считать меня команчем!

После чего я поспешил покинуть заведение, вернулся назад, залег в кустах и принялся терпеливо наблюдать за домом Кирби. Я был очень доволен, нет, я прям-таки гордил-

ся собой, поскольку отлично знал, каким зверем становится Бакнер Кирби, стоит ему услышать о вожаке золоте. Ежели что сейчас могло погнать этого дурня прочь от дома и от ненаглядной дочки, так только надежная весть о вновь открытом золотом месторождении. Я был готов поставить оба мои револьвера против какого-нибудь паршивого кактуса, что едва Джоэль обмолвится при нем о столь горячих новостях, как братец Кирби тут же сорвется с места и сломя голову помчится в Волчий каньон. Тем более, он будет уверен, что идет по следам Гарри Брекстона, а значит, у Кейт нету ни малейшей возможности куда-либо улизнуть с этим парнем, покуда ее старик находится в отсутствии.

* * *

Вскоре я увидел, как Бакнер Кирби вышел из дому и направился по дороге в сторону заведения Джоэля. А чуть погодя из дверей, малость пошатываясь, вывалился дядюшка Чадраш Полях, немедленно взявший курс в том же направлении. Вдосталь насладившись плодами своей находчивости, я пошел туда, где оставил фургон Билла Гордона. Зажарив на костре пять или шесть фунтов оленины, я с большим аппетитом уплетал их за какую-то пару минут и утолил жажду водой из ручья. Затем прикорнул в тени дерева и с чистой совестью продрых несколько часов.

И проснулся, когда солнце уже было готово нырнуть за край горизонта. Я сразу же двинулся сквозь заросли в сторону дома Кирби, покуда не оказался совсем рядом с коровьим загоном, где увидел Кейт. Девушка доила корову. Я спросил у нее, остался ли кто сейчас в доме.

— Никого, кроме меня,— ответила она.— А ежели вы про сейчас, так и меня там нету. Потому как сейчас я здесь с вами разговариваю. Ни папашу, ни дядюшку нигде не видать; оба ушли сразу после обеда и словно в воду канули. Неужто ваш план все-таки сработал?

— А как же еще? — самодовольно усмехнулся я.— Дядюшка Чардаш счас лакает кукурузное пойло у Джоэля и будет лакать его аж до полуночи, а твой папаша, вне всякого сомнения, уже летит на всех парах по направлению к Волчьему каньону! Так что заканчивай побыстрей все свои домашние дела, чисти перышки и готовься к побегу. Но света в комнате все же не зажигай! Очень даже возможно, что мой братец попросил кого-нибудь из родичей залечь в зарослях и наблюдать за домом — ведь старина Бакнер с самого рождения отличался ужасно мелочной подозрительностью! А нам совсем не с руки омрачать родственным кровопролитием самый светлый день в твоей жизни. Как только я услышу, что Гарри подъезжает на коляске, сразу прибегу за тобой. Да, кстати! Ежели вдруг услышишь в доме слегка необычные звуки, не пугайся. Они

будут всего-навсего означать, что я тащу Джошуа на второй этаж по вашей роскошной лестнице.

— Но ведь ежели эта тварь вдруг заревет, то все мертвецы на сто миль вокруг разом восстанут из могил! — попробовала возразить Кейт.

— Не заревет,— уверенно произнес я.— Он недавно нажрался до отвала. Теперь его несколько часов из пушки не разбудить. А потому дядюшка Чадраш так ничегошеньки и не заподозрит, покуда не зажжет свечу, чтобы залезть в постель. Ну а ежели старик надрызгается так, что даже свечу зажечь не сумеет и просто рухнет не раздеваясь в темноте на кровать, тогда он проснется через пару часов, чтобы хлебнуть глоточек холодной воды. Так или иначе, но где-то между полночью и рассветом он обязательно увидит Джошуа. Нам остается только надеяться, что эта встреча не повлечет за собой фатального исхода! Ну да ладно. Теперь ступай в дом и будь наготове!

Я вернулся к фургону, где поджарил себе еще капельку оленины, слегка скрасив свой скудный ужин корзинкой кукурузных лепешек, дюжиной яиц и галлоном сливок, которые дала мне Кейт. Быстро покончив с этой легкой закуской, я запряг мулов в фургон, снова погрузил туда Джошуа и, едва стемнело, медленно и осторожно тронулся по дороге к дому Кирби. Поставив повозку позади коралля, я привязал мулов, взял Джошуа на руки, вта-

шил его в темный тихий дом и начал осторожно подниматься с ним по лестнице. Я слышал, как Кейт весело копошится в своей комнате, но, кроме нее, в доме действительно никого не было.

* * *

В доме Бакнера Кирби наверх вела самая настоящая лестница с широкими ступенями, вроде тех, какие обычно устраивают лишь в таких больших городах, как Орлиное Перо или, скажем, Вашингтон. Большинство же обитателей долины Медвежьей речки и близлежащих окрестностей издавна привыкла скромно довольствоваться простой приставной лестницей да люком в потолке, а потому некоторые из них поговаривали, что Кирби рано или поздно навлечет на себя гнев Божий, потому как бессовестно потакает своей тщеславной, греховной и срамной страстишке: любви к ничем не оправданной роскоши. Но все же скрепя сердце я вынужден честно признать: втаскивать связанного осла на второй этаж по такой вот лестнице куда как легче, нежели чем по приставной.

Джошуа проснулся, приоткрыл один глаз и с укором взглянул на меня. Но ни реветь, ни лягаться он явно не собирался. Мне кажется, его вообще очень мало интересовало, что же такое вокруг делается; разумеется, только до тех пор, покуда происходящее не требовало от него никаких личных усилий. Я распутал

ему ноги, один конец веревки завязал у него на шее, а другой примотал прямо к изголовью койки дядюшки, после чего вручил ослу шляпу, которую обнаружил на вешалке. Надо же бедняге чего-нибудь пожевать, покуда он снова не погрузится в сон. Я был уверен, что мне не придется долго ждать, когда Джошуа соизволит вновь заснуть.

Так оно и вышло.

Затем я осторожно спустился по лестнице и снова услышал, как Кейт возится в своей комнатухе. Но поскольку до появления Гарри еще оставалось время, я вышел наружу, свернул за угол, присел прямо на землю около коралла, прислонился спиной к изгороди и, как я теперь понимаю, малость задремал. Что поделаешь: любой, кто хоть недолго имел дело с Джошуа, быстро приобретал стойкую привычку засыпать где и когда попало.

Разбудил меня грохот колес проезжавшей по мосту над ручьем коляски. То оказался Гарри — раздираемый страхами и сомнениями, но тем не менее твердо намеренный предъявить права на свою возлюбленную. Луна еще не взошла, но над вершинами деревьев, покрывавших гряду холмов на востоке, уже разлилось мягкое серебристое сияние.

Я встряхнулся, вскочил на ноги, быстро и неслышно — ведь, несмотря на свои размеры, я, ежели захочу, могу ступать по земле мягче, чем любой кугуар, — подбежал к окну Кейт и тихонько позвал:

— Кейт! Кейт, ты готова?

— Готова! — прошептала она в ответ дрожащим голосом. — Не кричи так громко, дядя Брекенридж! Всю округу перебудишь!

— Но ведь нам совершенно нечего бояться! — удивился я, но тоже перешел на шепот, лишь бы успокоить девушку. — Твой папаша, как я полагаю, сейчас как раз добрался до Волчьего каньона, и в доме никого, кроме нас, нету. К тому же я все время сидел в засаде около коралля, очень внимательно следя за происходящим!

— Как же, как же! — презрительно фыркнула Кейт. — Конечно, сидел в засаде! А разве не твои шаги я совсем недавно слышала в большой комнате?

— Тебе почудилось! — уверил я девушку. — Ну давай же, поторопись! Гарри с повозкой уже совсем рядом!

— Сейчас! Вот только прихвачу еще несколько вещичек! — прошептала она, снова принимаясь что-то искать на ощупь в темноте.

Таковы все женщины, скажу я вам. Будь у них на сборы даже целая вечность, они все равно найдут себе еще какое-нибудь занятие в самую последнюю минуту!

Я продолжал терпеливо ждать, стоя у окна, а Гарри с разгону проскочил мимо дома ярдов на пятьдесят, остановился, привязал своих лошадок к дереву и быстро вернулся, осторожно ступая по земле. Его лицо показалось мне ужасно бледным при свете звезд.

— Иди же наконец! — сказал я Кейт. — Иди, он уже ждет тебя у дверей! Хотя нет, погоди! — вдруг насторожился я.

Потому как именно в этот момент Гарри метнулся прочь с дороги, одним махом перепрыгнул изгородь и оказался рядом со мной у окна. Бедняга трясся, что твой осиновый листок.

— Кто-то идет по дороге! — пролепетал он. — Пешком! И в нашу сторону!

— Отец! — в ужасе выдохнула Кейт.

Они с Гарри буквально до судорог боялись старика, а потому перешептывались так тихо, что даже индеец ничего не расслышал бы с расстояния более чем в три ярда.

— Бросьте! — Я также невольно понизил голос. — Такого просто не может быть! Он в Волчьем каньоне. А сюда топает дядюшка Полях, в надежде проспаться после очередной пьянки. Правда, он почему-то явился гораздо раньше, чем я рассчитывал, но это неважно. Он ничуть не помешает, хотя нам все же следует поторопиться. Ну же, Кейт! Давай сюда свою сумку. Вот так! Счас я помогу тебе выбраться через окно. Отлично! Теперь — проваливайте отсюда! А я остаюсь. Залезу вон на то дерево, откуда удобнее всего наблюдать за предстоящей потехой. Ну, ступайте, ступайте же!

Они успели-таки крадучись выскользнуть через боковую калитку как раз тогда, когда дядюшка Чадраш ввалился с дороги во двор.

Заметить беглецов он никак не мог, потому что их загораживал дом. К тому же они двигались так неслышно, что даже Бакнер Кирби ни за что бы не проснулся, если б он сейчас каким-то чудом оказался в доме. Они уже подбегали к коляске, когда дядюшка протопал по ступенькам крыльца и прошел через веранду в большую комнату. Мне было хорошо слышно, как он, побряхтывая, карабкается по лестнице к себе наверх. Я бы даже смог увидеть его, если б было чуть посветлее, потому как с того дерева, на котором я засел, открывался превосходный вид на все передние окна дома.

Но вот он вошел в свою комнату, и в окне мелькнул огонек зажженной спички. Никакой прихожей наверху, конечно, не было; ступеньки лестницы заканчивались у дверей комнаты. Дядюшка малость помедлил на пороге, зажигая свечу, что стояла на полочке сразу за дверьми. Свеча разгорелась, и я смог разглядеть Джошуа, который, повесив голову, спал стоя на дядюшкиной койке. Может, его разбудил шум, производимый Чадрашем, а может — свет от свечи, судить не берусь. Но только чертов осел вдруг вскинул голову и немедля потряс все окрестности горы Апач поистине громовым ревом.

И тогда дядюшка Полях обернулся, и увидел на своей койке раскрашенного в патриотические цвета Джошуа, и завизжал от ужаса, и впереди собственного визга скатился по лестнице обратно вниз...

* * *

Неровный, мечущийся огонек свечи осветил большую комнату, и тут я испытал едва ли не самое сильное потрясение в своей жизни. Потому как, стоило дядюшке, отчаянно оглашавшему всю округу призывами о помощи, прогроыхнуть по лестнице вниз, ему в ответ тут же раздался взбешенный бычий рев. Дверь под лестницей распахнулась, и из нее в большую комнату вывалилась чья-то громадная фигура, размахивавшая дробовиком, зажатым в одной руке, а другой рукой отчаянно пытавшаяся натянуть на себя штаны. Я узнал своего двоюродного брата Бакнера Кирби, каковой, по моему разумению, в этот самый момент должен был спать сном праведника у походного костра в Волчьем каньоне! Наверное, именно он потревожил Кейт звуком своих шагов, когда, вернувшись домой, укладывался спать буквально за несколько минут до появления Гарри.

— Какого дьявола?! — яростно ревел он. — Что там такое стряслось, Чадраш?! Куда ты?!

— Изыди! Прочь с моей дороги! — провизжал в ответ дядюшка — Мне только что явился сам сатана! В образе звездно-полосатого осла! Пусти! Я хочу на волю! Мне душно!

Вышибив пинком наружную дверь, он скатился с крыльца, одним прыжком перемахнул через изгородь и, быстрее любого иноходца, помчался по дороге прочь от дома.

Бакнер Кирби наконец справился со штанами и выскочил на двор следом за дядюшкой

Чадрашем. К этому времени луна уже взошла, и коляска с влюбленными беглецами как раз тронулась в сторону Орлиного Пера. Оглянувшись на шум, Кейт увидела отца и испуганно вскрикнула. Братец Кирби услышал этот неосторожный вскрик, и круто обернулся, и увидел громыхавшую по ухабам коляску, и сразу сообразил, что к чему, и взревел еще ужаснее, чем прежде, и выпалил вслед беглецам из дробовика. Но коляска уже скрылась за поворотом дороги.

— Где моя лошадь?! — яростно заорал оскорбленный отец, рванувшись в сторону ко-раля.

Мне было ясно, что ежели позволить Бакнеру Кирби добраться до его проклятущего, чудовищно длинноногого гнедого мерина, то он в два счета настигнет бедных беззащитных детей. Я спрыгнул с дерева и окликнул взбесившегося папашу:

— Послушай-ка, что я скажу, братец Кирби! У меня...

Бакнер Кирби резко обернулся и тут же, даже не разглядев толком, с кем он имеет дело, начисто отстрелил хвост с моей любимой енотовой шапки.

— Что ты имел в виду, сваливаясь мне на голову? — проревел Кирби. — И что ты там делал, на дереве? И вообще, откуда ты взялся?!

— Сейчас это не имеет никакого значения, — рассудительно отвечал я. — Ведь ты, перво-наперво, желаешь сцапать Гарри Брексто-

на, покуда он безвозвратно не удрал с твоей девчонкой, разве не так? Тогда не трать время, чтобы седлать лошадь. С той стороны кораля стоит мой фургон. На нем мы настигнем их без всякого труда!

— Тогда пошли! — загремел Кирби.

Лично мне показалось, что мы рванулись в погоню почти мгновенно. Я правил, а братец стоял за моей спиной, ругался на чем свет стоит и угрожающе размахивал дробовиком.

— Я заживо сдеру с него скальп! — неистово ревел Кирби.— Я вырву евовное подлое сердце, засолю его и скормлю зимой своим охотничьим псам! Чего плетешься?! Гони во весь дух!

Проклятые мулы оказались куда более резвыми, чем я предполагал. К тому же, зная подозрительность, свойственную моему братцу, я побаивался придерживать их слишком явно. Вскоре я понял, что мы, ярд за ярдом, начинаем настигать коляску. Лошадки у Гарри оказались так себе, а вот мулы Билла Гордона неслись вихрем, едва не пластаясь брюхом по земле.

До сих пор не знаю, о чем подумала Кейт, когда оглянулась и увидела меня в фургоне с ее отцом. Но уж Гарри-то точно решил, что я их подлю предал. Ведь иначе он не принялся бы палить в меня из револьвера. Но ему единственно удалось отколоть пару щепок от фургона да разок зацепить мое плечо. Старина Кирби в нетерпении приплясывал за моей спи-

ной, стораю от желания открыть ответный огонь, но все же пока не стрелял. Он опасался, что может ненароком попасть в Кейт, поскольку повозки, подсакивая и громыхая, продолжали бешено нестись вперед и таковое досадное обстоятельство мешало моему братцу сделать прицельный выстрел.

И тут, как-то вдруг, мы оказались у развилки. Кейт с Гарри повернули направо. А я, как бы ненароком, налево.

— Ты что, с ума сошел, дурак проклятый?! — взревел братец Кирби. — А ну, вертай взад, на ту дорогу!

— Никак невозможно! — твердо возразил я. — Мулы понесли!

— Черти тебя понесли! — волком взвыл Бакнер Кирби. — Ты лжешь! Прекрати хлестать их кнутом! Прекрати ты... и счас же вертай взад! Вертай взад, будь ты проклят!

И с этими словами мой родич принялся исступленно колотить меня по голове прикладом своего дробовика.

* * *

Мы мчались по дороге, которая петляла по краю крутого откоса. Когда братец Кирби очередной раз шарахнул меня по голове прикладом, дробовик случайно выстрелил, и мулы на этот раз действительно перепугались и действительно понесли. Причем как раз в тот момент, когда я, бросив вожжи, обернулся, чтобы забрать у Бакнера Кирби евонную пуш-

ку. Потому как мне в конце концов надоела эта весьма монотонная долбежка прикладом, каковой мой братец занимался, словно заведенный, на протяжении всей последней полумили.

Но едва я успел выдернуть дробовик из его руки, как левое заднее колесо наскочило на здоровенный пенъ, задок фургона подпрыгнул высоко в воздух, а чертово дышло зацепилось за землю и сломалось. Мулы вырвались из лопнувшей упряжи и понеслись дальше, а мы, вместе с фургоном и с братцем Кирби, перевалили за край и покатались вниз с крутого откоса, мигом превратившись в туго перекрученный пыльный клубок рук, ног, колес, остатков упряжи и поистине ужасных проклятий.

Этот клубок благополучно докатился донизу и остановился, с размаху налетев на ствол большущего дерева.

Я кое-как поднялся на ноги и изрыгнул парочку раскаленных добела богохульств, прикинув на глазок, какую чертову прорву денег мне теперь придется заплатить моему двоюродному братцу Биллу Гордону за трижды проклятый фургон. Однако Бакнер Кирби предоставил мне не так уж много времени на мои скорбные раздумья. Вскоре ему удалось стащить с себя заднее колесо, сквозь которое он очень странным образом проделся во время нашего путешествия к подножию холма, и теперь он, воздевая руки к небу под призрачным

лунным светом, с пеной у рта, вдохновенно и яростно исполнял боевой танец апачей.

— Ты мне все это подстроил! — неистовствовал он. — Ты с самого начала вовсе не собирался ловить этих юных негодников! Ты нарочно свернул на неправильную дорогу! Ты специально перевернул фургон! И теперь мне уже никогда — слышишь, никогда! — не суждено отловить и примерно наказать мерзавца, умыкнувшего мою доченьку, мою несчастную, глупенькую, доверчивую и... пока еще совершенно невинную дочурку!

— Да не волнуйся ты так, братец Кирби! — пытался я успокоить безутешного отца. — Все хорошо, что хорошо кончается. У твоей малышки теперь будет прекрасный муж. Сейчас молодым предстоит приятная прогулка в Орлиное Перо, а вслед за ней — счастливая семейная жизнь. Поверь мне, братец, самое лучшее, что ты можешь придумать, так это простить своих детей и дать им свое отеческое благословение!

— Ладно! — злобно прорычал Бакнер Кирби. — Хотя ты, по счастью, не приходишься мне ни зятем, ни дочерью, у меня найдется чем благословить и тебя! Получай!

Никак нельзя назвать достойным то вознаграждение, которое воспоследовало мне за все хорошее, что я уже успел сделать для братца Кирби. Он отблагодарил меня, усадив с размаху на ужасно колючий кактус, а вдобавок расколол об мою голову булыжник размером с

довольно-таки приличный арбуз. Однако, принимая во внимание явное нервное переутомление моего родича, как и то, что он вообще был несколько не в себе, мне все же удалось сдержаться. А потому я просто проигнорировал столь явное проявление неучтивости с его стороны и ограничился лишь тем, что малость успокоил двоюродного братца, разнеся вдребезги об его черепушку пару спиц от сломанного им же самим колеса.

После этого я полез наверх по откосу, с достоинством пропуская мимо ушей чрезвычайно несдержанные и даже слегка оскорбительные замечания, какими меня напутствовал поверженный родственник. Выбравшись на дорогу, я покрутил головой, выглядывая, куда удрали мулы. Оказалось, они убежали совсем недалеко и теперь мирно паслись чуть поодаль от дороги. Я уже было двинулся в ту сторону, как вдруг услышал быстро приближавшийся топот копыт, и из-за поворота показался дядюшка Джеппард Граймс во главе целого отряда. Человек девять или десять его сыновей скакали вплотную за своим предводителем, бакенбарды которого в лунном свете сверкали точно серебряные.

— Вот он! — кровожадно взвыл дядюшка Джеппард, произвольно разрядив в мою сторону оба своих шестизарядных. — Вот он, изверг рода людского! Гиена огненная в человеческом обличье! Вот он, злобный похититель

беззащитных ослов! Делайте ваше дело, мальчики!

Молодые Граймсы быстро окружили меня плотным кольцом и начали спрыгивать с лошадей, блистая налитыми кровью глазами, угрожающе размахивая револьверами и винчестерами.

— Попридержите руки, парни! — строго указал им я. — Ежели вы устроили весь этот дурацкий сыр-бор из-за Джошуа...

— Ага! Вот! — снова волком взвыл дядюшка Джеспард. — Он сам сознался в своем преступлении! Ежели из-за Джошуа, сказал ты? Конечно из-за него, из-за кого же еще? И ты сам это отлично знаешь! Ведь мы прочесываем все окрестные холмы с тех самых пор, как моя любимая внучка принесла мне поистине ужасную вест! Признавайся, мерзавец, что ты с ним сотворил!

— Ну-у... — неохотно начал я. — В общем-то, с ним все в порядке. Просто я собирался с его помощью...

— Он уклоняется от честных ответов на простые вопросы! — брызжа слюной, завопил дядюшка Джеспард. — Мальчики, вперед! Скальп! Скальп! Сдерите с него скальп!

* * *

— Сказано же вам: ваш проклятый ишак в полном порядке! — взревел я, приходя в неопишуемую ярость.

Но эти парни не дали мне ни малейшего шанса объясниться. С Граймсами, с ними все-

гда так. Еще никому не удавалось спокойно втолковать им даже какую-нибудь совсем простую вещь. Им вообще ничего нельзя втолковать, можно только вколотить силой.

Они налетели на меня со всех сторон разом, орудуя жердями от изгороди, спицами от колес, булыжниками, рукоятками арапников, ружейными прикладами и Бог знает чем еще. Причем от их ужасной настырности могло бы лопнуть терпение даже у святого. Но лично я всегда стараюсь быть со своими родичами терпеливым настолько, насколько такое вообще возможно. Вот и в тот раз я всего-навсего поотбирал у молодых Граймсов все ихние цацки, а потом вроде как слегка оттолкнул их от себя, и больше ничего, честное слово! И ежели бы они повнимательнее смотрели, куда падают, то Джим, Джо и Эзра не переломали бы себе руки и ноги, свалившись с обрыва, а Билл ни за что не повредил бы череп об то самое дерево, рядом с которым все еще отдыхал от трудов праведных мой двоюродный братец Кирби.

Одним словом, я не только раз за разом расшвыривал молодых Граймсов в разные стороны, словно малых детишек, но и сумел полностью сохранить присутствие духа, несмотря на то, что дядюшка Джепшард гарцевал вокруг нашей кучи-малы на лошади и пронзительно вопил:

— А ну, навалитесь на него, ребятушки! Да не бойтесь вы этого здорового гризли! Один хрен, победа наша!

Притом дядюшка умудрялся еще и стрелять в меня всякий раз, когда ему казалось, будто он может это сделать, не зацепив случайной пулей кого-нибудь из сыновей. И разумеется, он-таки малость подстрелил двоих, а может — троих своих отпрысков, и, конечно же, он потом винил в собственной непроходимой глупости именно меня, старый осел!

А ведь никто в целом мире не стал бы реагировать так аккуратно, почти нежно, как это сделал я, когда Дик Граймс сломал лезвие своего тесака об мою большую берцовую кость! А те семь ребер, которые я слегка попортил его братцу Якобу, разве могли они хоть в малой степени возместить тот моральный ущерб, какой я понес из-за напрочь изжеванного им моего уха? Но больше всех других меня огорчил Исайя Граймс. Не иначе как дьявол внушил ему безумную мысль воткнуть вилы с железной ручкой в мои лучшие штаны для верховой езды именно в тот момент, когда внутри этих штанов находился я сам! Ни один другой поступок не смог бы так пошатнуть столь свойственную мне гуманность и прирожденную доброту.

От моего рева на милое вокруг со всех дубов разом попадали желуди. Я повернулся к безумному Исайе так резко, что он не сумел удержать вилы в руках, и они так и остались торчать из меня. Я сумел извернуться и, вцепившись в ручку, выдернул их рывком. Вторым же рывком повязал ту желез-

ную ручку Исайе на шею вместо галстука. А потом я покрепче ухватил глупого Исайю за лодыжки и начал с его помощью усовершенствовать местный, недостаточно ухоженный ландшафт.

Сперва я выкосил его телом весь лишний чапараль, потом подровнял с его помощью все близлежащие заросли кактусов, придав им вид изящных садовых клумб, затем аккуратно расчистил им от пыли довольно большой участок дороги, а когда остальные Граймсы робко попытались спасти своего братика, я принялся нещадно лупцевать Исайевым телом по их головам и довел их до такого состояния, что они ничего уже не могли, кроме как бессмысленно бегать кругами. Тут дядюшка Джеппард пришпорил свою лошадку и попытался сбить меня с ног и, разумеется, растоптать, а проклятый Исайя к тому времени почему-то сделался таким мягким, что его уже никак нельзя было дальше использовать в качестве дубинки. Тогда я поднял его над головой, и хорошенько раскрутил, и метнул его прямо в дядюшку. Все это, вместе с лошадью, на свежеподметенной дороге образовало большую кучу нового мусора. А дядюшка Джеппард вопил так, что случайный человек мог бы даже подумать, будто здесь кто-то и в самом деле хочет причинить моему любимому родственнику тяжкие телесные повреждения. Нет, эти вопли звучали поистине отвратительно! Честное слово!

Как раз к этому времени пятеро или шестеро его парней уже очухались настолько, что прекратили бегать кругами и снова ринулись на меня. Я по очереди легонько стучал каждого из них кулаком по голове и затем бросал поверх той кучи мусора, которая состояла из дядюшкиного коня, Исайи и самого дядюшки.

Коню в конце концов сделалось неважно, и он попытался выбраться наружу. Его копыта начали выбивать звонкую дробь по черепам и зубам семейки Граймсов, и дядюшка Джеппард снова завопил, да так громко, что я не на шутку испугался и подумал: а вдруг мой горячо любимый дядюшка на самом деле серьезно пострадал или случилось еще что-нибудь в таком роде. Пришлось мне порыться в той куче, осторожно схватить дядюшку Джеппарда за бакенбарды и очень аккуратно выдернуть на свет Божий из-под лошади и из-под тел его глупых сыновей.

— Ты не очень пострадал, дядюшка Джеппард? — участливо спросил его я.

— Ах ты!.. — запальчиво отвечал дядюшка, пытаясь вознаградить меня за мою трогательную заботу ударом охотничьего ножа.

Подобная черная неблагодарность настолько уязвила меня, что я обиделся и раздраженно отшвырнул дядюшку Джеппарда в сторону. И тут, выдираясь из колючих объятий большого кактуса, на который он совершенно случайно свалился, дядюшка внезапно испустил

такой вопль, по сравнению с которым все его предыдущие крики показались мне тихим журчанием лесного ручейка.

Где-то совсем рядом послышался легкий топот копыт, и из-за поворота дороги вдруг показался глупенький дядюшкин любимец Джошуа, который, судя по всему, окончательно сжевал канат, каким я привязывал его к койке Чадраша Поляха, а заодно и шляпу, и теперь устремился в родные края, в поисках занятия для своих челюстей. В потоках лунного света чертов осел выглядел как воплощенный четырехногий ночной кошмар безумца, но дядюшка Джеппард был дальтоником, а потому патриотическо-боевая раскраска Джошуа представилась ему исключительно в красном цвете.

— Все сюда! — отчаянно взвыл дядюшка Джеппард. — Караул! На помощь! Они смертельно ранили это беззащитное, робкое создание! Еще немного, и мой милый Джошуа скончается от потери крови! Ему надо немедленно сделать перевязку!

Повинуясь приказу своего патриарха, те из молодых Граймсов, кто еще был в состоянии как-то ковылять, послушно покинули поле боя и бросились ловить Джошуа, дабы немедленно повернуть вспять льющиеся из него реки крови. Но стоило глупому ослу завидеть мчавшееся ему наперерез стадо сильно помятых и изрядно взъерошенных Граймсов, как он перепугался до смерти и, проявив

несвойственную ему прыть, с диким ревом ломанулся в самую гущу колючих зарослей. Граймсы неотступно преследовали его по пятам. Перед тем как шум погони окончательно затих вдали, я услышал умоляющие вопли дядюшки Джеппарда:

— Джошуа! Да остановись же ты наконец, будь ты проклят! Ведь все мы тут — твои верные друзья! Вернись к нам, Джошуа, чтоб ты лопнул! Мы всего лишь жаждем излечить тебя от смертельной опасности, чертов дурень!

Я пожал плечами и вернулся назад, чтобы посмотреть, нельзя ли оказать какую-нибудь помощь тем жертвам великой битвы, которые во множестве валялись на дороге и у подножия откоса, оглашая окрестности весьма болезненными стонами. Но эти идиоты в один голос заявили, будто бы воспитание никак не позволяет им принимать помощь от заклятого врага, под которым врагом они, как мне показалось, подразумевали меня — меня! — своего кровного родича! Во всяком случае, все молодые Граймсы вместе и каждый по отдельности заверили меня, что, как только им будет позволено передвигаться на костылях, они сразу же вырвут сердце из моей груди, хорошенько замаринуют его, разделят по-братски, а потом будут съедать по малюсенькому кусочку перед каждой воскресной проповедью. Наконец, осознав всю тщету моих лю-

блящих родственных усилий, я еще раз пожал плечами и обратил свои взоры обратно, в сторону селения Горный Апач.

* * *

Гром великого сражения изрядно перепугал мулов, и они отбежали довольно далеко, но все же мне удалось изловить их, после чего, пожертвовав одной из своих подтяжек, я изготовил некое подобие уздечек и сел на одного мула верхом, а другого повел за собой в поводу. Чертово селение Горный Апач уже сидело у меня в печенках, поэтому я сперва намеревался направиться напрямик домой, на Медвежью речку, но потом любопытство все же пересилило и заставило меня свернуть к Джоэлю: хотелось узнать, отчего это мой двоюродный братец Бакнер Кирби так и не поехал в Волчий каньон.

Оказавшись наконец рядом с домом, я не обнаружил там никаких признаков жизни. Окна были темны, а дверь — заколочена наглухо. Впрочем, к двери была приколота записка. Как всякий культурный человек, я, разумеется, умел немного читать по складам. Записка гласила:

*Временно отбыл в Волчий каньон
Джоэль Гарфильд*

Вот дьявол, подумал я. Выходит, этот проклятый сукин сын просто не обмолвился ни

словечком ни братцу Кирби, ни кому-либо еще об открытой мною специально для них новой золотой жиле! Он просто потихоньку раздобыл выючного мула и в одиночку рванул в Волчий канон! Нечего сказать! Ведь он посмел отказать бедняге Бакнеру Кирби в тех самых надеждах на лучшее будущее, какие он сам получил возможность питать некоторое время лишь благодаря моей бескорыстной любви к кровным родственникам!

Примерно в миле от поселка мне повстречался Джек Гордон, возвращавшийся с танцулек откуда-то с той стороны горы. Джек сообщил мне, что видел издали дядюшку Чадраша Поляха, который изо всех сил пылил вниз по тропе верхом на неоседланном муле, и даже без уздечки! Отлично, подумал я. Во всяком случае, сработала хотя бы часть моего плана, направленная на то, чтобы дядюшка Чадраш навеки позабыл вкус спиртного!

До ранчо Билла Гордона мне удалось добраться, лишь когда совсем рассвело. Я вернул Биллу его мулов и расплатился за разбитый фургон, а заодно за опустошительный урон, нанесенный Капитаном Киддом здешнему коралю. Урон оказался настолько велик, что Биллу теперь было куда как проще построить совсем новый кораль. Вдобавок Капитан Кидд загнал далеко в горы лучшего призового жеребца, в клочья изжевал оба уха

длиннорогому племенному быку, а притомившись после своих подвигов, вломился в амбар, где сожрал почти на двадцать долларов семенного овса.

Одним словом, я вновь тронулся в путь к Медвежьей речке далеко не в самом благодушном настроении; но все же не уставал напоминать сам себе: может, овчинка и стоила выделки, ежели вся эта история помогла наконец превратить дядюшку Чадраша в стопроцентного водохлаба.

Солнце стояло почти в зените, когда я остановился у дверей дома и окликнул тетушку Таскоцию. Почти невозможно представить себе охватившие меня негодование и удивление, когда вместо ответного приветствия меня вдруг накрыл целый потоп хлынувшего из окна крутого кипятка! А следом в окно просунулась голова взбешенной тетушки, и эта голова сказала:

— И у тебя еще хватает наглости разгуливать под моими окнами, выпятив грудь, словно глупый индюк?! Ах, ежели б только я не была подлинной леди, я не постеснялась бы сказать все, что о тебе думаю, дурень ты...! А ну, проваливай отсюда, покуда я не успела сходить за дробовиком!

— Что-то не пойму, о чем это вы таком толкуете, тетушка Таскоция! — вежливо осведомился я, потряхивая шевелюрой, чтобы избавиться от остатков слегка подостывшей воды.

— И он еще осмеливается задавать какие-то вопросы! — воздела руки к небу тетушка. — Каков нахал! Да разве не ты, всего лишь вчера поутру, пообещал мне излечить моего муженька от любви к рому? Или это был кто-то другой? Ну а теперь зайди в дом, взгляни на своего пациента! Бедняга примчался домой на рассвете, едва не насмерть загнав одного из мулов Бакнера Кирби. И с тех самых пор он сражается с большущим кувшином рома, который был у него где-то припрятан. Может, он хоть тебе расскажет, что там такое стряслось? Потому как мне до сих пор не удалось добиться от него никаких вразумительных объяснений!

Я зашел в дом и обнаружил дядюшку Чадрапа в кухне, где он сидел на табуретке у задней двери, нежно прижимая к груди тот самый кувшин с ромом. Побелевшие дрожащие пальцы удерживали ручку этого кувшина куда крепче, нежели чем сведенная судорогой рука утопленника цепляется за соломинку.

— Ты меня удивляешь, дядюшка! — укоризненно покачал я головой. — Какого такого дьявола ты...

— Прикрой-ка дверь, о друг мой Брекенридж! — прохрипел он. — Да как можно плотнее! И больше никогда не поминай ты все ни имени, ни кличек Князя Тьмы! Вчера я спасся чудом, Брекенридж! — Тут дядюшка прервался, чтобы сделать добрый глоток из кув-

шина, после чего продолжал уже более спокойно:

— Я был обманут, страшно обманут, Брекенридж! Я позволил себе прислушаться к аргументам Бакнера Кирби, этого сладкоголосого сына Велиала; я позволил ему победить меня в великом споре о вреде пьянства! Не далее как вчера, утомленный домогательствами, я сказал ему: ладно, разок попробую. Я как бы пошутил, Брекенридж, просто чтобы отделаться от него. И, верный своему слову джентльмена, я за целый день не пропустил ни глоточка, Брекенридж! Я пил одну только гнусную, мерзкую, отвратительную воду!

Не в силах справиться с охватившим его волнением, дядюшка Чадраш снова как следует приложился к горлышку кувшина.

— И ты знаешь, Брекенридж, хочешь верь, хочешь — нет, но клянусь честью всех Поляхов, когда я ночью вернулся в дом этого Кирби, чтобы лечь спать, я узрел стоящего прямо на моей кровати красно-бело-синего звездно-полосатого осла с изумрудно-зелеными ушами, громко распевавшего наш славный гимн! Клянусь тебе, я видел его так же ясно, как вижу сейчас тебя, Брекенридж! Это вода, Брекенридж! Все это со мной сделала вода! — Дядюшка на мгновение разжал судорожно скрюченные пальцы и любовно погладил рукой пузатый бок кувшина. — Вода манит благочестивых людей бесплодными ми-

ражами и расставляет на их пути коварные ловушки! Никогда не унижайся до воды, мой мальчик! Вчера целый день я пил одну только воду, и посмотри, к какому ужасному состоянию это меня привело! Отныне я больше никогда не выпью ни единой капли этой отравы! Да! Отныне я больше никогда, нигде и ни за какие коврижки даже одним глазком не позволю себе взглянуть на столь коварную жидкость!

— Ну, это вряд ли, дядюшка Чадраш! — сказал я, будучи окончательно выведенным из себя в результате катастрофического провала всех моих хитроумных планов. — Ведь ежели я швырну тебя вон в то лошадиное корыто на заднем дворе, то, ей-богу, тебе все же придется разок-другой хлебнуть водички!

Так я и поступил.

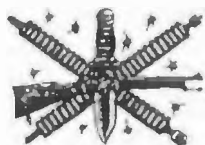
Но именно в результате этого жеста отчаяния по всему Верхнему Гумбольту пополз гадкий слухок о том, что будто бы я попытался утопить в лошадиной поилке своего родного двоюродного дядюшку Чадраша Поляха всего лишь за его категорическое нежелание отказаться от лишнего стаканчика кукурузного пойла.

А ответственным за повсеместное распространение столь низких, откровенно порочащих меня наветов оказался конечно же не кто иной, как тетушка Таскоция. Именно таким бесчестным образом она отплатила мне за все те добрые дела, какие я ради нее совершил.

Ну да ладно.

Ведь меня уже давным-давно ни за что не удивишь подобными проявлениями самой черной людской неблагодарности!

Глава пятая ШЕСТИЗАРЯДНАЯ ПОЛИТИКА

П

олитика и оторван-
ная от жизни книжная уче-
ность — вещи достаточно
скверные сами по себе, даже
ежели их брать по отдель-
ности. Но всякая попытка
их совместить поистине па-
губна; она таит в себе семе-
на гибели и должна быть
предана вечному проклятию.
Взять хотя бы ту историю,
случившуюся в Брехливой

Собаке, лагере золотоискателей в долине Индейской реки.

Брехливая Собака слыла вполне уютным, мирным местечком до тех самых пор, покуда политика не подняла там свою змеиную голову, а по пятам за нею в нашу дружную общину не проскользнула стоглавая гидра культуры и образования. А ведь еще совсем недавно виски в этом поселке старателей было совсем неплохим на вкус и стоило не так уж чтобы очень дорого, а игра в покер и фараон велась очень даже честно, если вы были в состоянии достаточно внимательно присматривать за своими партнерами. За ночь в лагере обычно происходило не больше трех-четырёх совсем пустячных потасовок, и, насколько мне теперь припоминается, частенько выпадала неделька-другая, когда ни единая живая душа в поселке не получала смертельных огнестрельных ранений. И вдруг, как сказала бы моя тетушка Таскоция Полях, грянул всемирный потоп.

Все началось в тот день, когда Винчестер Харриган решил перенести свое игорное заведение в Олдервиль, отчего в Брехливой Собаке (а она была по большей части палаточным лагерьем) освободилось одно из немногих бревенчатых строений. И тогда один умник, Гусак Уилкерсон, предложил передать тот дом под мэрию. Но разве кто-нибудь когда-нибудь видал мэрию без мэра? Нет, сказал Уилкерсон, никто не видал. Потому как такого просто не бывает! После чего тут же объявил, что ради

всеобщего блага он согласен претендовать на столь многотрудную и ответственную должность. Бык Хокинс, еще один весьма влиятельный гражданин Брехливой Собаки, также не замедлил выставить свою кандидатуру. Дата выборов была назначена на одиннадцатое апреля. В качестве штаб-квартиры Гусак избрал салун «Серебряное седло», а Бык со своей командой разместился на другой стороне улицы, в заведении под названием «Красный томагавк». Остальные граждане поселка мигом разделились на две враждующие партии. Таким образом, никто и охнуть не успел, как Брехливая Собака уже по самые... эти... ну, одним словом, по уши погрязла в пучине политики.

Избирательная кампания стремительно набирала силу; потери, понесенные сторонниками обеих партий, множились с каждым днем, по мере того как нездоровый интерес обществу все возрастал, катастрофически приближаясь к точке кипения. Девятого апреля, во второй половине дня, Гусак появился в своей штаб-квартире и заявил:

— Парни! Нам придется перейти в сокрушительное наступление по всем фронтам! Потому как Бык Хокинс оказался неплохим стратегом и вот-вот положит нас на обе лопатки! Вчерашнее соревнование по стрельбе, где он раздавал в качестве призов парное мясо только что забитого бычка, имело весьма большой успех среди тупых обывателей. Хокинс из всех сил пытается убедить граждан Брехливой

Собаки, что после избрания он сумеет обеспечить их куда более первосортными развлечениями, чем это смог бы сделать я. Брек Элкинс! Ты можешь хоть на минутку оторваться от своей соски и послушать, что я говорю? В конце концов, я просто требую твоего внимания! Как глава вот этой самой политической организации!

— Я не глухой! — с достоинством ответил я, отставляя в сторону пустую бутылку. — И отлично все слышу! Кроме того, я сам участвовал в том соревновании, и, ежели бы они не успели снять меня с дистанции перед самым концом, придравшись к какой-то там нустяковой формальности, мне бы наверняка достался весь бычок целиком. Но назвать первосортным то увеселение у меня язык не поворачивается. Я очень сильно скучал! Ведь там за весь день подстрелили всего лишь одного парня.

— Который к тому же собирался голосовать за меня! — хмуро проворчал Гусак. — А ведь в наше суровое время каждый избиратель на счету! И теперь нам тем более необходимо побить Быка Хокинса евовным же собственным оружием! Я имею в виду — превзойти его по всем статьям в умении увеселять толпу, потакая ее низменным вкусам. К тому же в последние дни Бык все чаще прибегает к недостойным, подлым и коварным закулисным интригам, откровенно покупая голоса избирателей. Тогда как я просто не могу себе позво-

чить унизиться до подобных грязных методов, поскольку и так уже скупил все голоса, за какие был в состоянии заплатить, да еще десятка два приобрел в долг под честное слово и будущие дивиденды! Значит, нам остается лишь устроить в Брехливой Собаке такое представление, какое начисто затмит то проклятое соревнование по стрельбе!

— Может, родео? — предложил Лошак Мак-Граф. — Или старые добрые тараканьи бега?

— Да пошел ты! — нетерпеливо оборвал его Гусак. — Ни в коем случае! Мое шоу должно предстать перед общественностью в виде ослепительного символа культуры и прогресса! Нет, мы должны не позднее чем завтра вечером устроить в новой мэрии состязание по устной орфографии!

— Чиво, чиво? — ошарашенно переспросил Лошак.

— Да ничаво! — ответил Гусак. — Все очень просто. — Судья будет называть какое-нибудь длинное и заковыристое слово, а участники должны правильно произнести те буквы, из которых оно составлено, вот и все! А на следующее утро, когда откроется доступ к урнам для голосования, наши славные избиратели наверняка еще будут пребывать под впечатлением от этого грандиозного увеселения, и моя кандидатура пройдет на пост мэра подавляющим преимуществом голосов!

— Интересно, — пробормотал я, глядя в потолок, — сколько тут у нас сыщется народу,

способного правильно произнести по буквам хотя бы свое собственное имя?

— Убежден, что в нашем лагере наберется никак не меньше трех дюжин человек, какие очень даже умеют читать и писать! — несколько раздраженно ответил Гусак. — А этого больше чем достаточно! Но нам будет нужен судья, который станет диктовать слова. Сам я этим заняться не могу, поскольку это не пойдет на пользу моему положению в обществе. Кто еще у нас достаточно образован, чтобы справиться со столь ответственным поручением?

— Я! — одновременно сказали Джерри Бреннон и Билл Гаррисон.

После чего, угрожаяще оскалась, они злобно уставились друг на друга. Этих двоих можно было обвинить в чем угодно, но только не в том, что они испытывают друг к другу дружеские чувства.

— Но судьей может стать лишь кто-то один! — авторитетно заявил Гусак. — Придется подвергнуть проверке ваши способности. Кто из вас правильно скажет, как пишется Константинополь?

— К-у-н-с-т-к-а... — начал было Гаррисон.

Но Бреннон тут же разразился громогласным издевательским и весьма обидным хохотом, а отсмеявшись, добавил несколько нравоучительных фраз о невежественных выскочках.

— Сам ты невежда! — довольно-таки кроважно возразил ему Гаррисон.

— Джентльмены! — пронзительно выкрикнул Гусак. Развить свою мысль ему уже не удалось, поскольку он и так едва успел нырнуть под стол, когда спорщики одновременно потянулись за револьверами. Стрелять они начали тоже одновременно.

Когда пороховой дым наконец слегка рассеялся, Гусак вылез из-под стола для игры в рулетку и принялся ругаться.

— Вот и еще два моих самых надежных избирателя навеки увенчали себя посмертной славой! Хорошенькую же свинью они мне подложили! — неистовствовал он. — Какого черта ты не остановил их, Брекенридж?

— Мой отец приучил меня никогда без спросу не лезть в чужие дела, — вежливо объяснил я. — А оба покойных были взрослыми, очень даже совершеннолетними людьми, вполне способными отвечать за свои поступки. Что они, собственно говоря, и сделали.

Я потянулся за новой выпивкой, поскольку шальная пуля вышибла стакан из моей руки, и при этом случайно увидел нечто, уязвившее меня до глубины души.

— Эй ты! — окликнул я бармена. — Ты зачем записал на мой кредит разбитую выпивку? Перепиши ее сейчас же на Джерри Бреннона, ведь это его пуля разнесла вдребезги мой стаканчик!

— И не подумаю! — резко отозвался бармен, но, взглянув на мое потемневшее лицо, торопливо снизошел до объяснений. — Видишь

ли, Брек, все дело в том, что я уже довольно давно подметил: мертвецы почему-то никогда не платят по счетам!

— Прекратите счас же ваши ничтожные, жалкие препирательства по поводу пустых и бессмысленных пустяков! — зашипел Гусак Уилкерсон. — Вам только дай волю, и вы уже готовы битый час препираться из-за стаканчика дрянного пойла, тогда как я только что навеки потерял два отличных голоса! А ну-ка, парни, вытащите их отсюда куда-нибудь! — указав на тела, велел он остальным членам нашей предвыборной команды. Они уже слегка пришли в себя и начали осторожно выглядывать из-под стойки бара и из-за бочонков с пивом, за которыми благоразумно попрятались, едва началась пальба. — Черт возьми! — с горечью в голосе продолжал Гусак. — И за какие только грехи судьба решила в самый последний момент нанести поистине смертельный удар по моей избирательной кампании?! Ведь я потерял не просто два надежных голоса, но и вся общественность Брехливой Собаки только что понесла тяжелейшую утрату, разом лишившись двух самых образованнейших своих граждан! Ежели, конечно, не считать меня. Кого же, спрашивается, мы можем назначить теперь судьей для проведения нашего замечательного соревнования?

— Да кого угодно! Сойдет всякий, кто хоть немного умеет читать! — лениво ковыряя но-

жом в зубах, сказал известный конокрад Волк Гаррисон, имевший на редкость мерзкую физиономию и крайне извращенные вкусы. Он всегда был готов дать лишних три мили крюку только для того, чтобы пнуть ногой какого-нибудь шелудивого пса.— Даже Элкинс и тот сойдет!

— Разумеется! — презрительно фыркнул Гусак.— Но лишь в том случае, ежели у него будет откуда прочесть длинное слово! А у нас в лагере ни у кого даже Библии нету! У нас тут вообще нету никакой прессы, кроме этикеток на бутылках из-под виски! Нам срочно нужен грамотей, у которого имеется целая куча длинных слов прямо в голове! Черт бы тебя побрал, Брекенридж! Если я даже и попросил хозяина бара списывать всю поглощаемую моими парнями выпивку на издержки предвыборной борьбы, это вовсе не означает, что ты должен непрерывно торчать у стойки бара до окончания своих дней! Немедля езжай в Олдервиль и добудь там для нас самого образованного человека!

— А откуда же ему знать, кто образованный, а кто — нет? — презрительно и криво ухмыльнулся Волк Гаррисон, который, имея на то веские причины, питал ко мне самую жгучую ненависть.

— Все очень просто, — ответил Гусак.— Пускай Брек заставит нашего претендента произнести по буквам, как пишется Константинополь!

— Но Брек не может ехать в Олдервиль! — заметил Проньера Джексон. — Тамошние парни спят и видят, как бы линчевать его за то, что он оставил ихнего шерифа калекой на всю жизнь!

— У меня и в мыслях не было калечить того придурка-шерифа! — возмущенно произнес я. — Он искалечил себя сам, когда так неловко пролетел сквозь колесо от фургона после того, как я его малость от себя оттолкнул. Притом совсем легонько! Да ну его к черту! Давай, Гусак! Учи меня, как правильно писать по буквам эту самую Констанцию Нопиль!

После того как Хокинс раз тридцать или сорок повторил мне буквы, я-таки зазубрил на зубок это мудреное слово, погрузился на Капитана Кидда и отчалил в Олдервиль.

Когда я туда прибыл, граждане Олдервиля встретили меня довольно-таки холодно. Более того, они тут же принялись собираться в кучки на всех углах и перешептываться, то и дело бросая на меня угрожающие взгляды. Но я решил не придавать этому никакого значения. А ихний шериф вообще ни разу не попался мне на глаза, ежели, конечно, его не было среди тех трех парней, которые, как только я въехал в город, тут же вскарабкались на самый высокий в округе дуб и навсегда скрылись среди его могучих ветвей.

Спешившись у дверей салуна «Белый орел», я зашел внутрь, заказал себе выпивку и спросил у бармена:

— Кто у вас в Олдервиле самый образованный человек?

— Пожалуй что Змеюка Мургатройд,— почесав за ухом, ответил бармен.— Он как раз сейчас играет в карты в «Элит-паласе».

Тогда я двинулся напрямиком в «Элит-палас», но, только уже войдя внутрь, вдруг вспомнил, что не кто иной, как Мургатройд (в связи с некоторыми разногласиями, возникшими у него со мной во время одной карточной игры), поклялся продырявить меня без предупреждения при первой же нашей следующей встрече. Однако я никогда не позволял себе чересчур беспокоиться из-за подобных незначительных пустяков. Подойдя к столу, за которым играл Мургатройд, я сказал:

— Привет!

— Привет, привет! — не поднимая головы, отозвался Змеюка.— Садись и делай свою ставку! — Но тут, видимо узнав мой голос, быстро взглянул на меня.— Черт! Вечно ты путаешься у меня под ногами! — процедил он сквозь зубы и потянулся за револьвером, но я успел первым предъявить ему свою пушку, решительно сунув дуло Мургатройду прямо под нос.

— А ну-ка, тварь, произнеси по буквам слово Константинополь! — вежливо попросил я.— Да поживее!

Змеюка вдруг переменялся в лице и страшно побледнел.

— Ты что, рехнулся? — прошептал он дрожащими губами.

— Кому было сказано?! — проревел я так, что на стойке бара разом лопнуло штук шесть стаканов. — По буквам! Или ты оглох?!

— К-о-н-с-т-а-н-т-и-н-о-п-о-л-ь! — пролепетал он. — Что с тобой, Элкинс? Какого черта?..

— Отлично! — сказал я, отшвырнув пистолет Мургатройда в дальний угол, дабы уберечь малого от ненужных соблазнов. — На завтра в твоих услугах крайне нуждается весь свободолюбивый народ Брехливой Собаки. Тебе выпала великая честь стать судьей на нашем состязании по устной фортографии!

Все, кто находился в игорном зале, затаили дыхание, а у Мургатройда, вроде как от волнения, вдруг так сильно затряслись руки, что он зацепил рукавом бубнового валета и сбросил его со стола на пол. И тогда он полез под стол за тем валетом, но вместо того, чтобы поднять с пола карту, вдруг выхватил из-за голенища охотничий нож и довольно шустро попытался пырнуть этим ножиком меня в брюхо. Из-за опасения сорвать завтрашний матч мне пришлось отказать себе в удовольствии пристрелить мерзавца на месте и на самых что ни на есть законных основаниях. Вот почему я просто отнял у него эту цацку, а затем взял его за лодыжки, перевернул вниз головой и хорошенько потряс, чтобы вытряхнуть из подлеца все орудия убийства, какие еще могли при нем находиться.

Должен сказать, куча барахла получилась довольно внушительной.

— Караул! На помощь! Элкинс хочет меня прикончить заживо! — истошно завизжал Мургатройд.

— Вперед, парни! Дадим достойный отпор коварным обитателям Брехливой Собаки! — словно очнувшись, взвыл кто-то из игроков.

И уже в следующее мгновение воздух в игорном зале буквально загудел, разом наполнившись разнообразными летающими предметами: тарелками, ложками, пивными кружками, плевательницами и канделябрами. Причем некоторые из тех плевательниц были на удивление тяжелыми, и, когда один такой сосуд с тяжким звоном отскочил от головы Мургатройда, тот жалобно пискнул и начал лихорадочно извиваться в моих руках, словно червяк, которого только что насадили на крючок.

— Смотрите, смотрите туда! — хором завопили сразу несколько подстрекателей с таким жаром, будто черепушка Змеюки была ихней собственностью и пострадала исключительно по моей вине. — Он уже совсем почти убил нашего бедного Мургатройда! Вперед, парни! Свернем шею этому мордовороту!

И толпа завсегдатаев обрушилась на меня со всех сторон, так яростно орудуя бильярдными киями и ножками от стульев, что в моей груди невольно зародилось сомнение: а слышали ли они вообще когда-нибудь в своем дол-

баном Олдервиле о правилах цивилизованного гостеприимства?

Сообразив наконец, что словесные аргументы тут заведомо бесполезны, я покрепче ухватил Змеюку левой рукой, а правым кулаком принялся направо и налево вколачивать священные принципы вежливости в тупоумные головы нападавших. Подозреваю, что именно тогда превратился в руины роскошный бар «Элит-паласа». На поверку тот дурацкий бар оказался на редкость непрочным. За всю свою предыдущую жизнь мне еще не приходилось видеть, чтобы люди пробивали своими головами стены так легко, будто чертово сооружение было целиком возведено из папиросной бумаги. Не прошло и двух минут, как около дюжины чудом уцелевших забияк позорно бежали с поля боя, высыпав на улицы городка с истопными воплями:

— На помощь! Убивают! Поднимайтесь, граждане Олдервиля! Брехливая Собака вот-вот вцепится в наши глотки! Грудью встаньте на защиту ваших домов, ваших любимых чад и домочадцев!

Случайный человек мог бы даже подумать, будто на Олдервиль напали апачи, которые намерены спалить весь город дотла — с таким остервенением вопили разобиженные граждане, обзывая меня разными нехорошими словами и осыпая градом свинца из всех видов оружия, когда я, взобравшись на Капитана Кидда, с достоинством направился в сторону Брехливой Собаки.

Выехав из городка, я на всякий случай свернул с главной дороги и двинулся сквозь густые заросли по едва приметной, мало кому известной старой тропе, поскольку знал, что целая толпа жителей Олдервиля уже отправилась в погоню за мной. И хотя я был уверен, что Капитан Кидд с легкостью уйдет от любых преследователей, но все же малость опасался за жизнь Змеюки. Ведь тот легко мог оказаться жертвой шальной пули, ежели кому-нибудь из олдервильцев удалось бы случайно оказаться от нас на расстоянии револьверного выстрела. Местами заросли становились почти непролазными, и, как мне теперь кажется, Мургатройда привели в чувство колючие ветки молодых деревьев, непрерывно хлеставшие его по лицу. А придя в себя, он немедленно принялся за старое.

— На помощь! — вопил он так, будто его резали. — Негодяй! Ты везешь меня вовсе не в Брехливую Собаку! О нет! Ты хочешь обманом умыкнуть меня в глухие холмы, чтобы там, без лишних помех, насладиться зрелищем моей агонии! На помощь, люди добрые! Спасите! Спасите!

— Заткнись! — презрительно фыркнул я. — Раз совсем ничего не соображаешь, так уж лучше бы помолчал! Просто мы едем более короткой дорогой!

— Но ведь никакой другой дороги, кроме как по мосту через Индейскую реку, отсюда в Брехливую Собаку нету! — От удивления Зме-

юка даже на секундочку прекратил свои отчаянные вопли.

— Почему же нету? — в свою очередь удивился я. — Очень даже есть. Мы прекрасно переправимся по пешеходному мосту!

— Что? — испуганно взвизгнул Мургатройд. — Как?!

И, продолжая непрерывно завывать от ужаса, он принялся конвульсивно дергаться. В конце концов он порвал на части свою куртку, за которую я его держал. Мне не сразу удалось сообразить, что я сжимаю в руке одну только эту драную куртку, а сам Змеюка вывалился из нее на землю и, негромко подвывая, уже со страшной скоростью удаляется от меня на четвереньках... Страхнув оцепенение, я пустился в погоню, но негодяй так хитро и замысловато петлял между высокими пнями и деревьями, что мне все никак не удавалось его догнать, и я уже начинал подумывать, не упростить ли процесс поимки, подстрелив его в левую ногу. Все же он допустил непростительную ошибку, попытавшись вскарабкаться на высоченное дерево. Капитан Кидд подскочил к тому дереву прежде, чем Мургатройд успел оказаться вне пределов моей досягаемости, и я привстал на стременах, и сумел вовремя схватить беглеца за левую ногу, и стащил его вниз. Больно было слышать из уст образованного человека столь ужасные, поистине кошмарные выражения!

К тому же он так неистово лягался, что умудрился-таки снова выскользнуть у меня из

рук. И уж конечно, то была его собственная ошибка! И нечего ему теперь кричать на всех углах, будто бы я специально выпустил его ногу с таким расчетом, чтобы он рухнул головой прямо на камень!

Я уже было нагнулся, чтобы снова поднять Змеюку, но тут вдруг услышал невдалеке бешеный топот лошадиных копыт и посмотрел в ту сторону. Сквозь чащу неслась чертова погоня, снаряженная доблестными гражданами Олдервиля. Дьявол! Оказывается, я потратил чертову прорву времени, гоняясь за Мурга-ройдом по кустам, и позволил преследователям приблизиться к нам почти вплотную! Поэтому я одним рывком поднял его с земли, переброшил бессознательное обмякшее тело через луку седла и помчался в сторону Индейской реки. Капитан Кидд снова оторвался от погони с такой легкостью, будто у тех идиотов все лошади в одночасье охромели. А когда Кэп вынес нас на восточный берег реки, олдервильцы уже находились так далеко, что их пули не могли достать нас.

За прошедшие несколько часов вода в реке заметно поднялась, она бурлила, кипела, плелась клочьями пены; а пешеходный мостик был всего-навсего простым, хотя и толстым бревном, переброшенным с берега на берег.

Но мой Капитан Кидд смог бы перейти на ту сторону даже по жердочке! Так что мы уверенно двинулись вперед, и все шло отлично, но как раз на самой середине бревна Зме-

юка вдруг очнулся и увидел прямо под собой грохочущий седой водоворот. Он опять начал дергаться, лягаться, завывать от ужаса и, неистово дрыгая ногами, оцарапал Капитану Кидду шкуру своими дурацкими шпорами. Тогда Кэп страшно обиделся и повернул голову, чтобы укусить меня за бедро, поскольку во всех наших неприятностях привык винить одного меня. Так или иначе, он потерял равновесие, и все мы с громким плеском свалились в ревущий поток. Едва нам удалось вынырнуть, как я тут же ухватил одной рукой Капитана Кидда за хвост, а другой успел сцапать за шкурку Мургатройда, и Кэп бодро устремился по направлению к западному берегу. Я вообще иногда сомневаюсь, найдется ли в мире такая река, какую не сумел бы переплыть мой Кэп! Мы были уже недалеко от цели, когда позади нас раздалась пальба: это погоня наконец-то добралась до берега реки. Тем идиотам из Олдервиля очень уж хотелось меня подстрелить! Но, по-видимому, они не могли толком разобрать издали, какая голова кому принадлежит, и потому часть народу стреляла и в Змеюку тоже. Просто так, на всякий случай. Для гарантии. Умник Мургатройд не выдержал и разинул пасть, чтобы объяснить тем дурням, что к чему, но тут же нахлебался воды и, черт его побери, чуть не утонул!

А затем из зарослей на западном берегу вдруг отрывисто зарывкали винчестер, и кто-то из преследователей отчаянно завопил:

— Стой, ребята! Это ловушка! Проклятый Элкинс заманил нас в засаду!

И эти придурки разом повернули своих лошадок и галопом умчались обратно в свой долбаный Олдервиль.

* * *

И что б вы думали? С перепуганным пальбой и нахлебавшимся воды Змеюкой сделался самый настоящий припадок. Он опять принялся отчаянно брыкаться, выкручиваться и выкрутился-таки из своей нижней рубашки, оставив ее у меня в руках; и как раз в тот момент, когда я уже нащупал ногами твердое дно, чертов дурень окончательно вырвался из моих объятий. Река закрутила его в водовороте и помчала вниз по течению.

Я одним прыжком выскочил из воды на берег и, не обращая внимания на Капитана Кидда, который на радостях от души лягнул меня, схватил с седла свое лассо. Тут из зарослей на берег выбежал Гусак Уилкерсон. Он размахивал над головой винчестером, нелепо приплясывал и вопил:

— Не вздумай дать ему утонуть, чтоб ты лопнул! Вся моя предвыборная кампания поставлена на кон из-за соревнования по орфографии! Сделай же что-нибудь!

Тогда я шустро пробежал по берегу несколько сот ярдов, хорошенько раскрутил лассо и набросил его на Змеюку. Петля, правда, затянулась прямо у него на голове, чуть пониже

ушей. Такой бросок при всем желании трудно назвать удачным, но на большее в тех условиях я оказался просто не способен, а в природе мало какая вещь умеет отрастать заново так же быстро, как кожа на человеческих ушах!

Но я все же вытащил парня из реки; и ни один непредвзятый человек не назовет иначе как самой черной неблагодарностью те обвинения Змеюки, какие он позже постоянно выдвигал в мой адрес! Подумать только, мерзавец имел наглость утверждать, будто бы я намеренно протащил его по самым острым камням, сколько их нашлось на дне Индейской реки. Это подлая ложь! Хотел бы я знать, как можно вытащить человека из Индейской реки, не ободрав, хотя бы малость, евою шкуру об тамошние камни! А ведь Мургатройд, ко всему прочему, так нахлебался воды, что вообще едва не испустил дух!

Едва он оказался на берегу, как к нему тут же подскочил Гусак Уилкерсон, перевернул его на живот и начал плясать у него на спине, стараясь посильнее притоптывать обеими ногами. Позже Гусак несколько туманно объяснял мне, будто именно так следует делать искусственное дыхание утопленникам. Честно говоря, не думаю! Ежели судить по тому, как ужасно вопил при этом Змеюка, эта процедура нанесла ему куда больше вреда, нежели чем пользы.

Так или иначе, но всячески поощряемый Гусак Мургатройд изрыгнул никак не мень-

ше трех галлонов воды. Когда он вновь обрел дар речи, то сразу же начал использовать этот бесценный дар не по назначению, перемежая свои жалкие угрозы весьма невнятными богохульствами. Гусак наконец оставил его в покое и сказал мне:

— Забрось его на спину своему зверю, и поспешим обратно, в Брехливую Собаку! Моя лошадка сбежала, едва началась пальба. Мне почему-то с самого начала казалось, что те придурки из Олдервиля погонятся за тобой, а ты станешь уходить от них короткой дорогой. Потому-то я и встречал тебя здесь. Поторапливайся! Ведь нам еще придется оказывать Змеюке определенные знаки медицинского внимания. Потому как в своем нынешнем плачевном состоянии он вряд ли сможет быть хорошим судьей на нашем празднике орфографии!

Мургатройд был еще слишком слаб, чтобы твердо сидеть в седле; поэтому мы просто повесили его поперек, словно коровью шкуру на заборе, и двинулись вперед. Я вел Капитана Кидда в поводу, а надо сказать, что мой Кэп начинает буквально сходить с ума, ежели на его спине оказывается еще кто-то кроме меня. Вот почему мы не успели пройти даже мили, когда Капитан Кидд вдруг резко извернулся и сладострастно вонзил зубы прямо в заднюю часть мургатройдских штанов. До этого самого момента Змеюка лишь слабо, болезненно стонал, да еще время от времени униженно

умолял остановиться и спустить его на землю, дабы он мог сообщить нам свое самое заветное, последнее предсмертное желание. Но, познакомившись поближе с зубами Кэпа, он испустил поразительно громкий вопль и разразился выражениями, совершенно неуместными в устах умирающего.

— Какого дьявола! Да неужто, ради одного лишь сиюминутного увеселения самых низменных орфографических вкусов подлой черни из Брехливой Собаки, столь истинный джентльмен, как я, должен так бесславно окончить свои дни, пойдя на корм для этой хищной жвачной твари? Ни за что и еще раз ни за что! — Такими пылающими подлинной страстью словами Мургатройд проникновенно закруглил свой яростный экспромт.

Мы все еще продолжали с ним препираться, когда совсем рядом вдруг затрещали кусты и на тропу из зарослей тяжело вывалился старик Джейк Хансон. Несмотря на почтенный возраст, его широченная спина только боком позволяла ему протискиваться в амбарную дверь, а громадная борода лопатой была способна на долгие годы поразить воображение случайного зрителя.

— Что за возмутительный шум вы устроили здесь, вблизи от моего мирного жилища, негоддя? — свирепо спросил он. — И кто тут кричал караул?

— Я кричал! — вызывающе ответил Змеюка. — Ибо аз есмь тот агнец Божий, какого эти

злодеи вознамерились обречь на заклятие во имя нелепых прихотей жестокой толпы!

— Заткнись! — злобно прошипел Гусак. — Не верь ему, Джейк! Этот джентльмен уже неоднократно давал нам свое молчаливое согласие стать судьей на завтрашнем соревновании по устной орфографии!

— Вот как? — внезапно заинтересовался Джейк. — Значит, передо мною — образованный человек, да? Ни за что бы ни подумал! Ведь ежели поменять его лохмотья на нормальную человеческую одежду, да хорошенько помыть, да еще обтереть кровь с лица, его будет почти невозможно отличить от нас, простых смертных! Послушайте, парни! Давайте пока затащим этого малого ко мне в дом! Там я обработаю ему раны, накормлю, уложу спать и вообще позабочусь о нем, а завтра к вечеру доставлю в поселок для участия в вашем соревновании по этой, как ее там... ну, по той самой вашей фотোগрафии, причем в целости и сохранности. А за это пусть он малость подучит мою младшенькую, Саломею, как половчее складывать буквы.

— Я решительно отказываюсь преподавать мое столь высокое искусство всяким там деревенским сопливым пигалицам!.. — заносчиво задрал нос, начал было Змеюка, но вдруг резко остановился, заметив некое весьма миловидное личико, с жадным любопытством поглядывавшее на нас из тех самых зарослей, откуда появился Джейк Хансон. — А кто это

там прячется? — странно изменившимся голосом поинтересовался Мургатройд.

— Моя младшая дочь, Саломея! — с гордостью заявил старина Джейк. — Ей совсем недавно исполнилось девятнадцать, но бедняжка не умеет ни читать, ни писать. Впрочем, честно говоря, в нашем роду никто никогда и не умел, ежели верить семейным преданиям. Но мне бы очень хотелось предоставить моей любимой доченьке хотя бы малость этого самого вашего образования!

— Конечно! — вдруг с неожиданным энтузиазмом воскликнул Змеюка. — Обязательно! Я сделаю это с удовольствием! Ведь неуклонно нести в народ неугасимый светоч знаний — есть первейший долг всякого поистине образованного человека!

Вот так оно и вышло, что мы оставили Мургатройда в хижине старика Джейка Хансона, где он, подоткнутый со всех сторон одеялами, расположился полулежа на койке, а Саломея сразу же принялась кормить этого бездельника с ложечки и отпаивать его первосортным виски! Ну а мы с Гусаком Уилкерсоном поспешили в Брехливую Собаку, до которой от дома старины Джейка оставалось чуть больше мили.

— Имей в виду! — втолковывал мне по дороге Гусак. — Нам даже словом нельзя обмолвиться о том, что Змеюка остался в хижине Джейка! Потому как Бык Хокинс уже давно положил глаз на Саломею, а он настолько рев-

нив, что начинает сходить с ума, когда какой-нибудь другой мужчина всего лишь на минутку позволит себе задержаться возле ее дома, чтобы переброситься парой словечек с кем-нибудь из Хансонсв. Мы просто не можем допустить, чтобы подобная ерунда вдруг помешала нашему замечательному шоу!

— Ты ведешь себя так, будто заранее уверен в успехе своей сомнительной затеи! — предостерегающе заметил я.

— Все, что у меня было, есть и будет, я смело поставил на эту одну-единственную карту! — проникновенно ответил мне Гусак. — Потому как орфография есть главный и подлинный символ нашей великой цивилизации!

Ладно. Хрен с тобой. Пускай будет символ, подумал я.

На самой окраине поселка нам навстречу попался Лошак Мак-Граф; сильнейший запах кукурузного виски клубился вокруг него подобно грозовой туче.

— Послушай меня, Гусак! — потребовал он. — Мне только что стало известно об ужасно коварном заговоре, каковой доподлинно злоумышляет Бык Хокинс, войдя в роковой сговор с Джеком Клинтоном. Они собираются в день выборов, прямо с раннего утра, так подпоить большинство наших сторонников, чтобы те даже ползком не смогли бы добраться до избирательных урн! Я предлагаю прямо сейчас отменить матч по той твоей фортографии и немедленно же атаковать «Красный тома-

гавк», дабы каленым железом выжечь ихнее поганое крысиное гнездо!

— Не-а! — решительно ответил Гусак. — Не пойдет! Мы должны показать, что умеем держать свое слово! Но ты не беспокойся, мой верный Лошак, мы сумеем найти способ, как разрушить злокозненные замыслы этих гнусных политических варваров!

Лошак пожал плечами и, неодобрительно покачивая головой, деловито устремился ко входу в «Серебряное седло», а Гусак присел на край лошадиного корыта и глубоко задумался. Я уже совсем было решил, что он заснул, но тут Гусак вдруг тряхнул головой, вскочил на ноги и сказал:

— Вот что, Брекенридж! Ступай-ка найди Подлизу Джексона и вели ему пока убраться из лагеря, а вернуться назад только утром одиннадцатого числа. А одиннадцатого, еще до того, как начнется голосование, он должен прискакать в лагерь на взмыленном коне и начать распространять слухи о чудовищно богатой золотой жиле, только что разведанной в ущелье Диких Лошадей. Готов побиться об заклад на что угодно: большинство парней сразу же рванет в то ущелье, начисто позабыв об избирательных урнах. А ты, еще с вечера, начинай крутиться среди тех, о ком наверняка известно, что они согласны проголосовать за меня. Будешь потихоньку объяснять им глубинный смысл нашей новой избирательной стратегии. И ежели все мои

сторонники останутся в лагере, а большинство подпевал Быка Хокинса умчится за тридевять земель, в ущелье Диких Лошадей, тогда справедливость и законность всенепременно восторжествуют. А следовательно, я буду избран сокрушительным большинством голосов!

Ну ладно. Я побродил по поселку и нашел Подлизу, после чего в точности передал ему слова Гусака, а Подлиза, осознав всю важность поручения, немедленно отправился в «Серебряное седло» и начал там хлопать один стаканчик за другим, пользуясь кредитом, предоставленным всем членам нашей избирательной команды. А я счел своим долгом отправиться вместе с ним и проследить, чтобы он не накачался чересчур сильно и не позабыл те указания Гусака, какие ему надлежало исполнить.

Мы уже успели опрокинуть по шести стаканчиков каждый, когда в салун ввалились Джек Мак-Дональд, Джим О'Лири и Тарантула Алисон, все трое из команды Хокинса. Тогда Подлиза напрягся, кое-как собрал в кучку свои разбегающиеся глаза и спросил:

— К-х... К-кто тут смеет извращать своей персоной столь замечательный пейзаж? П-почему сии с-сосункам не с-сидится там, в «Красном томагавке», где им и надлежит б-быть!

— По-моему, у нас свободная страна! — с несколько излишним апломбом ответил Джек Мак-Дональд. — Что вы скажете насчет того проклятого соревнования по орфографии, о

котором ваш Гусак успел раззвонить по всему городу?

— А что вы, собственно, изволите иметь в виду? — угрожающе спросил я, поправив оружейный пояс.

Должен заметить, что политические противники Элкинсов, посмеявшие потревожить кого-либо из них в их собственной берлоге, обычно живут очень недолго!

— Мы требуем, чтобы нас оповестили, кто будет судить этот матч! — нагло заявил О'Лири. — Мы требуем честной игры!

— Для судейства нами приглашен некий весьма образованный джентльмен из другого города, — ледяным тоном отвечал я на эти крайне неблагоприятные домогательства.

— Кто именно? — с нажимом спросил Алисон.

— Не ваше собачье дело! — вдруг проревел Поддиза, в груди которого кварта-другая кукурузного пойла, как всегда, возбудила небывалую доблесть, круто замешанную на мании величия. — Являясь светочем прогресса и кладезем гражданской совести, я бросаю свой вызов всем коррумпированным политическим скунсам, сколько их есть в Брехливой Собаке и во всем мире, и...

Бумм! Бильярдный шар, метко пущенный Мак-Дональдом, угодил точно в цель, и бедный Поддиза, так и не успев закончить свою обличительную речь, рухнул лицом в блюдо с закуской.

— Полжуйтесь, что вы наделали! — возмущенно указал я непрошеным визитерам. Раз уж вы, подлые койоты, не желаете вести себя в приличном обществе, как подобает истинным джентльменам, я вынужден просить вас немедленно удалиться отсюда к чертовой матери!

— Ежели тебе так не нравится наша компания, то, может быть, ты наберешься смелости выпшвырнуть нас? — вызывающе захохотали эти идиоты.

Вот единственная причина, по которой, допив свой последний стаканчик, я был вынужден отобрать у чудаков все ихние пушки, а их самих по очереди вышибить из салуна сквозь боковую дверь! Но дверь-то была закрыта! Так откуда же мне было знать, что прямо за той дверью именно в тот день какой-то придурок установил новомодную чугунную кормушку для лошадей!

Друзья троих павших героев с трудом выковыряли их из ребер той кормушки, после чего повлекли в «Красный томагавк», дабы там наспех заштопать изрядно пострадавшие скальпы. А я вернулся в «Серебряное седло», чтобы посмотреть, как себя чувствует Подлиза. Я уже собирался войти в зал, когда он самолично возник в дверях, слегка пошатываясь, бормоча под нос невнятные ругательства и бестолково размахивая громадным револьвером.

— Ты хоть помнишь, о чем мы с тобой толковали? — строго поинтересовался я.

— К-кх... К-кхое што вроде бы помню! — сознался Джексон, старательно тараща разбегавшиеся в разные стороны глаза.

— Тогда проваливай! — поторопил я его, помогая ему влезть в седло, после чего стрельнул разок под ноги его лошадке.

И Подлиза Джексон на приличной скорости покинул пределы поселка, не будучи в силах нащупать стремяна и уздечку, а потому нелепо болтая ногами и крепко-накрепко обхватив руками шею своего скакуна.

— Пьянство есть ужасная мания и сущее проклятие всего рода человеческого! — с отвращением и скорбью извещил я бармена. — Взгляни на сей поистине ужасный пример, и да послужит он тебе впредь самым суровым предупреждением! Посмотрел? А теперь вот что: подай-ка ты мне вон ту бутылочку ржаной водки!

* * *

Должен признать, Гусак Уилкерсон потруился на славу, афишируя свое грандиозное шоу. На следующий день в городок начали стекаться старатели со всех заявок, расположенных как вверх, так и вниз по ручью. Уже за полтора часа до начала великого матча в зале было яблоку негде упасть. Все скамьи сдвинули к стенам, освободив в центре зала свободное место. Потом начались жаркие споры о том, кто должен принять участие в соревновании и кому предстоит возглавить

команды. Но в конце концов, после небольшой стрельбы, без которой в Брехливой Собаке отродясь не обходилось ни одно новое начинание, все было кое-как улажено: в команды отобрали ровно двадцать человек, а капитанами были выбраны Волк Харрисон и Джек Клинтон.

Но, по странному стечению обстоятельств, ровно половину из тех двадцати человек почему-то составляли люди Быка Хокинса, а во второй команде оказались одни лишь сторонники Гусака Уилкерсона. Ну и ясное дело, Джек решил возглавить своих ребят, а Волк — своих.

— Мне это совсем не нравится! — прошептал Гусак. — Я бы предпочел перемешать команды. Потому как теперь выходит что-то вроде состязания между моими людьми и людьми Быка. Ежели они выиграют, вся моя затея обернется против меня! Что за черт? Куда подевался проклятый Змеюка?

— Лично мне он сегодня на глаза не попался, — ответил я. — Послушай, надо бы перед началом отобрать у всех игроков револьверы, а то так и до беды недалеко!

— Типун тебе на язык! — прошипел Гусак Уилкерсон. — Вечно ты пытаешься накликать неприятности! Ну что может случиться во время столь мирного, почти что дамского развлечения, как невинное соревнование по устному правописанию? Нет, ну куда же подевался проклятый Змеюка? Ведь старина Джейк клятвен-

но пообещал доставить его сюда минута в минуту!

— Эй, Гусак! — вдруг заорал Бык Хокинс, не поднимаясь со скамейки, на которой он сидел в окружении самых ярых своих сторонников. — Какого черта ты не начинаешь свое долбаное шоу?!

Бык был довольно-таки высокорослым — всего лишь на полголовы ниже меня — и весьма широкоплечим детиной с длинными, черными, свисающими словно у старого моржа усами. Вздурораженная провокационным воплем толпа тут же принялась орать, ругаться самыми черными словами и оглушительно топать ногами, чем доставила подлому Хокинсу изрядное удовольствие.

— Ну отвлеку же их чем-нибудь на время, Брек! — умоляюще прошептал Уилкерсон. — А я пока пойду, попытаюсь узнать, куда запропастился чертов Мургатройд!

Он выскользнул через боковую дверь, а я встал и обратился с речью к переполненному залу.

— Джентльмены, — сказал я. — Получилась небольшая заминка. Но долго она не продлится. А тем временем я продемонстрирую свои таланты, дабы слегка развлечь вас. Полагаю, никто из присутствующих не станет возражать, ежели я спою вам песенку «Барбара Аллен»?

— О нет! — хором взвыли все присутствовавшие.

— И все-таки вам придется ее выслушать! — взревел я, взбешенный столь прискорбным отсутствием нежных чувств в огрубелых сердцах так называемой публики. — Приступаю к исполнению, — добавил я, вытаскивая свой любимый сорок пятый, — и клянусь, что немедленно вышибу мозги из любого койота, какой посмеет меня прервать!

Вслед за тем я спел без каких-либо помех и, по окончании номера, отвесил глубокий поклон, после чего стал ждать аплодисментов. Но увы, единственным, чего я дождался, было прозвучавшее в гробовой тишине крайне невоспитанное замечание Харрисона:

— Боже мой, с каким ужасом приходится мириться бедным, ни в чем не повинным волкам, обитающим в окрестностях Медвежьей реки!

Подлецу удалось-таки задеть меня за живое, но не успел я подыскать хоть сколько-нибудь подходящий ответ, как через дверь снова, уже в обратном направлении, проскользнул Гусак.

— Мне так и не удалось нигде найти Змеюку! — громко прошептал он мне на ухо. — Но зато бармен дал мне книжку, которую случайно где-то откопал. Правда, там не хватает большей части страниц — наверно, пошли на самокрутки, — но и осталось тоже немало. Я отметил там некоторые самые длинные слова. Брекенридж, ты читаешь достаточно хорошо и сумеешь прочесть их вслух. В конце концов, ты просто должен это для меня сделать! Ведь ежели

мы не начнем обещанное представление прямо сейчас, толпа сперва растерзает нас, а потом разнесет по бревнышку здание нашей замечательной будущей мэрии! А ты — единственный человек в лагере, не считая меня и Быка, кто хоть чуть-чуть умеет читать, но не участвует в соревновании. Думаю, будет не совсем правильно, ежели за судейство возьмусь я и, чтоб мне лопнуть, ежели я позволю взяться за это Быку!

В общем, как и следовало ожидать, я влип.

— Ах, черт! — с отвращением сказал я. — Ну да ладно. Мне следовало бы заранее знать, что козлом отпущения окажусь именно я. Давай сюда свою проклятую книгу!

— Держи! — Гусак протянул мне тощую пачку разрозненных засаленных листков. — Она называется «Похождения французской графини». Но смотри, не вздумай читать какие-нибудь слова кроме тех, какие я подчеркнул!

— Эй вы там! — вдруг заорал Джек Клинтон. — Мы уже устали ждать! Пора переходить к делу!

— Уже! — с достоинством отвечал я. — Мы начинаем!

— Ха! — заявил Билл Хокинс. — Нас никто не предупреждал, что парадом будет командовать Элкинс! Мы так не договаривались. Нам был обещан некий образованный джентльмен из другого города!

— А я, по-вашему, откуда? — несколько раздраженно спросил я. — Да будет вам из-

вестно, что мы, Элкинсы, родом вовсе не из Брехливой Собаки, а спокон веку обитали в окрестностях Медвежьей речки. Кроме того, все мои родичи не менее образованы, чем любая прозябающая здесь змеиная душа. А ежели кто из присутствующих полагает себя более культурным человеком, нежели чем я, пусть он сделает два шага вперед, чтобы я знал, кому мне следует оборвать уши!

Желающих почему-то не нашлось, поэтому я продолжил:

— Отлично! Бросаю доллар! Пусть случай решит, кто будет произносить по буквам первое слово!

Выпала решка, а значит, первыми должны были начинать парни Гусака Харрисона. Я заглянул в книжку, и первым подчеркнутым словом оказалось женское имя.

— Екатерина! — произнес я.

Ответом мне было глухое, мрачное молчание.

— Екатерина! — заревел я, свирепо уставившись на Волка Гаррисона.

— Какого черта ты на меня вылупился?! — вспыхнул Волк. — Я и знать не знаю девушки с таким именем!

— Это никакая не девушка! — произнес я с чувством. Это — слово, какое я только что вычитал в книжке. А ты, дубина стоеросовая, должен произнести его по буквам! А ну, давай, чтоб ты лопнул!

— А-а,— пробормотал он.— Вот оно что! Ну тогда ладно. Тогда слушай: К-а-т-и-р-и-н-а! Вот!

— Неверно! — поглядев еще разок в книжку, рассудил я.

— Это как — неверно?! — обиженно взревел Волк.— Еще как верно! Верней быть не может!

— В книжке записано не так! — сурово ответил я.

— Да пошла она знаешь куда твоя книжка! — зловеще прошипел Гаррисон.— Мне прекрасно известны все мои права, и я не позволю так вот запросто облапошить меня какому-то там невежественному гризли с никому не известной Медвежьей речки!

— Это кого ты позволил себе поименовать невежественным и никому не известным?! — Мерзавцу удалось-таки уязвить самые чувствительные струны моей нежной души.— Сядь сейчас же! Ты переврал слово!

— Ты лжешь! — взвыл Гаррисон и потянулся за своей пушкой. Но разумеется, я начал стрелять первым.

Когда дым слегка рассеялся, я увидел, что половина зрителей толпится у дверей, явно готовясь удрать на улицу. А другая половина отчаянно сражается, пытаясь отвоевать себе уютное местечко под дубовыми скамейками. Поэтому я еще разок выпалил в потолок и сурово воззвал:

— А ну-ка немедленно сядьте! Никаких причин для вашего волнения нету! Состязание по

устной фортографии только начинается! И я лично пристрелю каждого негодяя, какой попытается ускользнуть отсюда, покуда наше увеселение само собой не подойдет к надлежащему концу!

— Чтоб тебя черти разорвали! — жарко зашептал мне на ухо Гусак. — В конце концов, смотри внимательней, в кого стреляешь! Ведь из-за тебя я только что лишился еще одного голоса!

— Выволоките вон этого самонадеянного пустозвона! — строго указал я, утирая кровь, струившуюся из простреленной Волком Гаррисоном мочки левого уха. — Наше соревнование по устной фортографии продолжается!

Ответом мне было повисшее в воздухе напряженное молчание. Люди как-то неопределенно шаркали ногами, со значительным видом подкручивали кончики усов, подтягивали и поправляли оружейные пояса, но я решил не обращать на все их телодвижения никакого внимания и сурово обратился к Джеку Клинтону:

— Теперь ты! Можешь произнести по буквам слово «Екатерина?»

— Е-к-а-т-е-р-и-н-а! — дрожащим голосом сказал Джек.

— Клянусь всем святым, ты прав! — провозгласил я, сверившись с книжкой. Часть публики тут же разразилась дикими воплями восторга и принялась почему зря палить в потолок.

— Эй! — вдруг опомнился игрок другой команды, Билл Старк. — Вели ему сейчас же сесть! Он ошибся! Ведь «Катерина» всю жисть начиналась с буквы «К»!

— Но он прочел в точности так, как написано в книге! — с достоинством ответил я. — Можешь поглядеть сам!

— И не подумаю никуда глядеть! — в бешенстве заорал Билл, ловко вышибив ногой из моих рук «Французскую графиню». — Это подлая опечатка! Вы все сейчас же должны признать, что «Катерина» начинается с буквы «К», или на полу появится еще одна лужа крови! Клинтон произнес слово неправильно и должен немедленно сесть на место! А ежели он не сядет добровольно, так уж наверняка ляжет! Потому как я пристрелю его на месте!

— Что-то никак не возьму в толк, кто тут у нас судья! — заревел я, начиная понемногу выходить из себя. — Прежде чем застрелить кого-нибудь еще, подлая гиена, тебе сначала придется пристрелить меня!

— С превеликим удовольствием! — яростно зарычал Старк и потянулся за револьвером...

Сами понимаете, дурень поставил меня просто в безвыходное положение. Пришлось хорошенько врезать ему по челюсти, после чего он, рухнув на составленные вместе скамейки, тут же мирно задремал среди кучи ихних обломков. Увидав такое дело, Гусь Уилкерсон пронзительно взвизгнул и принялся изо всех

сил колотить меня по спине своими жалкими кулачками.

— Да чтобы черти на семнадцать с половиной частей разодрали твою бессмертную душу, Брек! — истошно вопил он. — Счас же прекрати гнусное избиение моих сторонников! В конце концов, на кого ты работаешь, на меня или на этого подлого Хокинса?!

— Хо-хо-хо! — зашелся в приступе громового хохота Хокинс. — Уах-ха-ха! Я настаиваю на незамедлительном продолжении столь замечательного представления! Настолько потешного шоу мне еще не случалось видеть за всю мою жизнь!

— Бум-мм! — с треском отворилась входная дверь будущей мэрии, и на пороге возник неистово размахивавший обрезом старина Джейк Хансон.

— Добро пожаловать на наш замечательный фестиваль, Джейк! — приветствовал я достойного патриарха. — А куда же ты подевал подлого Мургатройда?..

— Ты скунс и сын вонючего скунса! — неожиданно заявил Джейк, импульсивно разрядив в моем направлении оба ствола.

Дробь из старенького ружьишка почти равномерно рассеялась по всему помещению. Не думаю, чтобы на мою долю пришлось больше пяти или шести картечин. Все остальное щедро распределилось среди зрителей. Трудно даже представить себе, какой тогда поднялся в зале вой!

— Какого дьявола?! — взвизгнул первым пришедший в себя Гусак Уилкерсон. — Ты что, рехнулся? И куда ты подевал нашего Змеюку?

— Он удрал! — обливаясь горячими слезами, завопил не своим голосом старик Хансон. — Смылся! Сбежал с моей ненаглядной дочуркой!

Тут с дубовой скамьи вскочил Хокинс и, выдирая крупные клочки из своей бороды, потряс стены зала нечеловеческим ревом.

— Саломея?! — громоподобно завывал он. — Сбежала?!

— Да! — проорал ему в ответ старина Джейк. — Сбежала! Вместе с тем проклятым шулером-грамотеем, с тем чертовым весельчаком-аферистом, какого они поутру приволокли ко мне из Олдервиля! — Старина Джейк мычал, блял и исполнял некое уродливое подобие боевой пляски апачей. — Эти подлые Элкинс и Уилкерсон обманом уговорили меня пригреть на своей груди гремучую змею! Несмотря на все мои самые униженные мольбы и протесты, они силком заставили меня принять того изверга в мирный круг моих.... беззащитных домочадцев! И злодей сумел таки оболстить неискушенное сердце моего невинного глупенького ягненочка своей образованностью, якобы культурным поведением и гладкими, лстивыми речами! И вот теперь они удрали незнамо куда, чтобы пожениться!

— Это есть хитрое политическое злоумышление! — брызгая слюной, завизжал Хокинс, хватаясь за свой громадный револьвер. — Уилкерсон нарочно подстроил мне эту западню!

Я метко вышиб из рук Быка его пушку, но в тот же самый момент Джек Клинтон с треском обрушил одну из уцелевших скамей на голову Гусаку Уилкерсону, после чего Гусак принялся целоваться с какими-то грязными ошметками на полу. Впрочем, Джек тут же распростерся поверх Гусака, поскольку Лошак Мак-Граф испробовал на его черепе крепость рукоятки своего револьвера, а мгновение спустя в голову Лошаку со всего размаха угодил метко пущенный кем-то обломок кирпича, и он с тихим вздохом рухнул поперек тела Клинтона. После чего разгоревшуюся битву не смогло бы предотвратить даже немедленное вмешательство потусторонних сил. Зрители в мгновение ока разделились на две враждующие политических группировки, и эти две волны тут же грозно сшиблись, осыпаемые щепками от разбитых вдребезги скамеек, в пистолетном дыму и в ревущем гуле проклятий.

* * *

При подобном стечении обстоятельств я всегда полагал, что самое лучшее — не давать воли своим чувствам. Только поэтому в течение нескольких бесконечных минут мне уда-

валось сдерживать яростный напор девяти или десяти сторонников Быка Хокинса. Я даже не подстрелил ни одного из них, а сохраняя полное хладнокровие, всего лишь лупил по ихним глупым головам вырванной из пола толстой доской. Я почти совсем не топтал ногами этих дурней. А зря!

Потому как они ошибочно приняли мою природную доброту за слабость и продолжали наседать с удвоенной силой, а Джеку Мак-Дональду вообще втемяшилась в голову навязчивая идея, будто бы ему удастся повалить меня на пол, ежели он с разбегу запрыгнет мне верхом на шею. А когда он таки претворил свою дурацкую идею в жизнь и обнаружил, что ошибочно находился во власти бесплодных иллюзий, то принялся изо всех сил лгать меня ногами по груди, вслед за чем накрутил на левую руку изрядное количество моих изящных локонов, а правой принялся заунывно молотить меня по голове рукояткой громадного револьвера.

Черт возьми! Это монотонное постукивание меня дьявольски раздражало! К тому же, почти одновременно, несколько других отъявленных дурней вцепились в обе мои ноги, пытаясь любой ценой завалить меня на пол. Все бы ничего, да только один из этих недомумков, навеки проклятый Небом сын Велиала, жестоко отдал мне мою любимую мозоль на большом пальце левой ноги! И ежели до тех пор я сносил все причиняемые мне

невзгоды не менее терпеливо, нежели чем Иов ниспосланные ему Господом язвы, то поистине ужасные муки в большом пальце моей левой ноги буквально свели меня с ума!

И тогда я огласил всю округу безумным ревом, от которого на землю с крыши горохом посыпалась дранка, и, изнывая от полноты чувств, так пнул прямо в брюхо злокозненного мерзавца, посмеявшегося отдавить мне любимую мозоль, что он, издав совершенно кошмарный стон, без чувств повалился на пол и до самого конца битвы уже не проявлял ни малейшего интереса к происходящим историческим событиям. А потом я, изогнувшись, поймал за шкирку Мак-Дональда, отодрал этого клеща от моей шеи, словно наклейку от бычьей шкуры, и вышвырнул в ближайшее окно.

Тем не менее его наветы, будто бы я специально бросил его в ту здоровенную бадью для дождевой воды, есть не что иное, как самая гнусная ложь! Я даже понятия не имел, что за окном стоит эта самая бадья, куда своими ушами не услышал, как Мак-Дональд крушит своей умной головой бочарные клепки!

Затем я стряхнул со спины человек девять или десять идиотов, утер рукавом кровь, малость заливавшую мне глаза, окинул орлиным взором поле боя и с горечью убедился, что сторонники Гусака Уилкерсона, включая самого Гусака, подверглись сокрушительному

разгрому. Тогда я взревел с новой силой и уже приготовился разделаться с уцелевшими сторонниками Хокинса подобно тому, как матерый гризли расправляется со сворой второсортных охотничьих псов; но тут вдруг обнаружилось, что один из этих негодяев под шумок крайне предательски запутал мою шпору в своей бороде.

И тогда я нагнулся, чтобы выпутать драгоценную шпору, и сделал это очень вовремя, поскольку заряд картечи просвистел в воздухе как раз там, где только что находилась моя голова. Тем временем три или четыре мерзавца атаковали меня одновременно, бестолково размахивая своими охотничьими ножами. Уворачиваясь от тех олухов, я дернулся изо всех сил и наконец высвободил застрявшую ногу. И разве можно меня теперь обвинять в том, что одновременно почему-то выдернулась целая половина бороды у того подлеца? Ну а я, не теряя времени, ухватил последнюю уцелевшую дубовую скамью и одним ударом начисто смахнул всю первую шеренгу нападавших. Этот маневр ужасно пришелся мне по душе, и я уже как следует размахнулся, чтобы покончить с остатками армии Хокинса, как вдруг чей-то вопль начисто перекрыл шум сражения.

— Золото! — истошно визжал вновь прибывший. — Зо-ло-то!

Все участники битвы словно окаменели в том самом положении, в каком их застал этот вопль. Даже Бык Хокинс, стоя на коленях на груди Гусака, запустив одну руку в шевелюру поверженного политического противника, а другой — сжимая здоровенный мясницкий нож, и тот поднял голову. Все остальные тоже мгновенно перестали размахивать кулаками и вперили свои взоры в дверь. А там, на пороге, хватаясь руками за воздух и размахивая опустевшей бутылкой, пошатывался Подлиза Джексон, продолжая выкликать новости.

— Большая руда в ущелье Диких Лошадей! — торопливо сыпал он словами. — Коренная порода! Залежи, каких еще вовеки не видел наш благословенный Запад! Самородки размером со страусиные яйца! Гульп!

Бедный пьяница бесследно исчез, разом погребенный под девятым валом людской толпы, состоявшей из напрочь обезумевшего населения Брехливой Собаки, стремительно покидавшего поле недавней битвы. И даже Билл Хокинс, с явным сожалением отказавшись от кровожадного намерения заживо оскальпировать своего поверженного политического соперника, в числе первых присоединился к истине великому исходу.

Людские волны, не найдя себе выхода сквозь довольно-таки узкие двери, в героическом порыве начисто вынесли наружу весь фронтон бывшего здания будущей мэрии. Те из бой-

цов, кто оказался сбитым с ног и затоптаным почти что насмерть, находили в себе достаточно сил, чтобы кое-как подняться и, пошатываясь, из последних сил устремиться вслед за быстро удалявшейся толпой.

Когда пыль слегка осела, а топот людей и цокот лошадиных подков постепенно затих вдаль, единственными представителями рода человеческого в Брехливой Собаке остались мы с Гусаком Уилкерсоном да еще весьма неустойчиво стоявший на карачках Подлиза Джексон, недоуменно повернувший в нашу сторону свою довольно-таки невзрачную физиономию, которая не стала ничуть краше, будучи испещренной четкими отпечаткам множества сапожных гвоздей с большими шляпками, какими граждане Брехливой Собаки привыкли подбивать отстающие подметки своих сапог.

Уилкерсон, пошатываясь, подошел к Подлизе и дико уставился на него.

Затем с нашим Гусаком сделались самые настоящие конвульсии, и сперва он даже не мог произнести ни единого слова, только изо рта у него бешено летели во все стороны брызги слюны. Когда же он наконец обрел дар речи, слова его были оскорбительны для слуха любого истинного джентльмена.

— Какого х...хрена ты объявился здесь именно сейчас?! — Гусак выл так, что даже у меня мороз по коже подирал. — Брекенридж! Ведь

говорил же я тебе, чтобы этот х...хрен появился в поселке утром, а вовсе не вечером?! Или не говорил?

— Говорил,— с достоинством подтвердил я.— И я самолично пару раз ему об этом напомнил!

— Вот оно! — вдруг радостно воскликнул Подлиза.— Это как раз и есть то самое оно, какое я давеча никак не мог припомнить! Мерзавец Мак-Дональд так крепко приварил мне по мозгам, что они совсем протухли. И я хоть и чувствовал, будто бы обязательно должен припомнить нечто очень важное, но вот только никак не мог сообразить, что же именно!

— О Господи! — простонал Гусак, после чего добавил еще несколько слов для дополнительного эффекта.

— Ну чего ты так расстраиваешься? — несколько раздраженно спросил я, к пригорьбию своему обнаружив, что во время драки кто-то пырнул меня ножом в ногу. И теперь в моем левом сапоге хлюпала кровь, а ведь я сдуру надел на праздник совершенно новую пару сапог! — В конце концов все вышло как нельзя лучше, верно? Все турки умчались в ущелье Диких Лошадей, причем Хокинс — в числе первых. И раньше чем послезавтра нам их обратно не видеть!

— Да! — вдруг принялся неистовствовать Гусак Уилкерсон.— Ты абсолютно прав, чтоб

ты лопнул! Они все умчались туда! Включая и моих собственных людей! Проклятый лагерь пуст, словно выжженное крысиное гнездо! Как ты мыслишь себе мои победные выборы, когда тут не осталось ни одного человека, способного провести эти самые выборы или даже просто б-бросить в урну б-бюллетень!

— Вот черт! — сказал я. — А ведь ты прав! Об этом я как-то совершенно не подумал!

Тут Гусак вдруг вперил в меня пылающий, поистине ужасный взор.

— А предупредил ли ты, — начал он тихим, но до мозга костей ледящим кровь голо-сом, — предупредил ли ты моих дорогих избирателей, что вестъ, каковую должен принести Подлиза, всего только пункт нашего стратегического плана?

— Вот дьявол! — смущенно пробормотал я. — Понимаешь ли, такая незначительная подробность как-то совершенно выпала из моей головы! Похоже, на этот раз я остался в дураках!

— Не-ет! — истошно завопил Гусак Уилкерсон, вытаскивая револьвер. — Нет! Это я остался в дураках! Но теперь я исправлю ужасную ошибку и навсегда вычеркну тебя из своей прискорбной жизни!

Ничего не скажешь, всадить пулю в человека — вот поистине благородный способ, какой избрал Гусак, чтобы воздать мне по заслугам за всю мою самоотверженную де-

тельность, направленную исключительно ему во благо! Клянусь, я отбирал пистолет у бедного безумца со всеми предосторожностями, на какие только был способен. А потому этот глупый Уилкерсон должен винить лишь одного себя в том, что у него, совершенно случайно, одновременно вывихнулись обе руки.

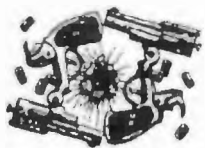
И знаете ли, у меня вдруг сделалось так муторно на душе, что я немедленно оседлал Капитана Кидда и навсегда отряхнул со своих ног прах того проклятого лагеря, поскольку осознал, что Брехливая Собака, как таковая, абсолютно чужда примитивной признательности за добрые поступки.

К тому же я раз и навсегда понял, что не создан для того, чтобы погружаться в глубинные хитросплетения высокой политики. И что мне, как я теперь полагаю, давным-давно следовало вовремя прислушаться к мудрым словам моего папаши.

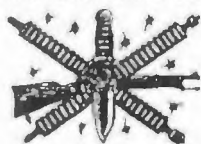
— Единственный закон, какой действительно необходим каждому человеку, — не раз говаривал он, — так это надежный револьвер в кармане и доброе ружье, постукивающее по его спине на каждом шагу. А вся подлинная, глубинная суть образования, в котором действительно нуждается этот самый человек, должна сводиться к тому, чтобы он твердо осознавал, из какого конца эвонного оружия имеет обыкновение вылетать пуля!

А то отношение к жизни, что вполне устраивает моего отца, джентльмены, оно, смею вам доложить, очень даже устраивает и меня!

Глава шестая
НЕПОБЕДИМЫЙ ГЕРОЙ
ИЗ ВЕРХНЕГО
ГУМБОЛЬТА

В

озвратясь из утомительной поездки в Цимаррон, я расслабился и позволил себе малость передохнуть. Вот тут-то меня и настигло письмо от Абеда Рэкстона, в котором тот изъяснялся так:

Дорогой Брекенридж!

Мне страсть как неловко напоминать тебе о том давно прошедшем случае

когда я с великой гордостью уплатил причитавшуюся с тебя пеню за переломанную ногу того очень глупого письмоводителя из Таксона. И ты великодушно пообещал мне протянуть руку помощи ежели я вдруг буду в таковой нуждаться. И вот Брекенридж этот прискорбный миг настал. Слышишь Брекенридж я нуждаюсь в ней именно сейчас когда злодеи угонщики скота обобрали меня почти до нитки низведя до столь жалкого состояния когда мне вот-вот придется на ночь приколачивать свое постельное барахло гвоздями к койке а иначе они стащут с меня мои одеяла прямо во сне. Но это не все Брекенридж. Некий мерзкий подлый камень преткновения на столбовой дороге прогресса по имени Тед Биссет учинил свое гнусное овцеводческое ранчо прямо рядом со мной и это гораздо больше того что может вынести простой трудящийся человек.

И вот теперь я прошу тебя бросить все и явиться в наши края прямо сейчас и помочь твоему другу мне наконец то узнать какой такой подлец угоняет мой скот и заодно вдребезги разнести башку этому Биссету за одно уже лишь то как он есть самый пошлый вонючий скунс.

Надеясь на то же самое с твоей стороны остаюсь как всегда в самом совершеннейшем почтении искренне преданный тебе,

Твой униженный и оскорбленный друг,
А. Рэкстон, эсквайр.

Р.С. А шерифом в здешних краях обретается та самая дурья башка всем известный недо-тепа Джонни Уиллогби какой прежде работал у меня на Зеленой Реке и он так и не в силах поймать ни одной самой завалящей мухи даже когда они все поголовно уже по самые глаза завязли в патоке.

* * *

Вот такие дела.

И хотя мне вовсе не улыбалось втягиваться в какие-то там дрязги, которые могли случиться промеж скотоводом Абедом и овцеводами, покуда обе стороны действовали относительно честно, но вот подлецы, ворующие чужой скот,— это совсем другое дело! Мы, Элкинсы, на дух не переносим подобное подлое ворье! А потому, выдержав обычную очередную стычку с Капитаном Киддом, я все же оседлал его и направился в сторону Унылой Клячи, городка, находившегося поблизости от ранчо моего знакомого приятеля.

Ближе к полудню раскаленного добела жаркого летнего дня я обнаружил, что до этой самой Унылой Клячи уже совсем недалеко. Оставалось лишь пересечь долину густо поросшего лесом ручья, как вдруг окружающая мирная тишина была внезапно нарушена отчаянным визгом и призывами о помощи. Вдобавок где-то совсем рядом дико заржала испуганная лошадь, и Капитан Кидд сразу же принялся рассерженно фыркать и грызть уди-

ла, как он делал всякий раз, когда где-либо поблизости от него случайно оказывался медведь или кугуар. Тогда я спешил и привязал его к дереву: ведь ежели мне предстояло вступить в схватку с какой-нибудь из вышеназванных тварей, то никак нельзя было допустить Кэпа к участию в подобной стычке. В подобных случаях он лягался без разбору, и еще неизвестно, кому досталось бы от него больше — мне или напавшему на нас хищнику.

Затем я, уже пешком, двинулся вперед, в том направлении, откуда доносились крики, с каждой минутой становившиеся все более отчаянными. Довольно скоро я оказался возле густых кустов, посреди которых росло большое дерево. Вот с этого-то дерева и разносились по всей округе те самые вопли. По ветвям дерева, забираясь все выше и выше, карабкалась одна из самых хорошеньких девушек, каких мне доводилось встречать в своей жизни, а следом за нею — здоровенный кугуар. Насмерть перепуганная девушка из последних сил зывала о помощи.

— Помогите! — дико выкрикнула она, едва увидев меня. — Подстрелите скорее эту кошмарную кошку!

— Должен сказать, мэм, — непринужденно начиная светскую беседу, я, разумеется, при этом не забыл почтительно сдернуть с головы свою стетсоновскую шляпу (ведь ни один из Элкинсов ни при каких обстоятельствах, никогда и ни за что не позволит себе забыть о

хороших манерах),— мне ничего сейчас не хотелось бы так сильно, как чтобы под этим вот самым деревом каким-нибудь чудесным образом собрались все те изнеженные кабинетные бумагомаратели, какие имеют наглость именовать себя натуралистами! Ведь кое-кто из них не единожды пытался убедить меня в правоте и справедливости ихних домыслов. Причем одни утверждали, будто кугуары вообще не нападают на людей; другие говорили, что эти звери не умеют лазить по деревьям, а третьи втолковывали мне с пеной у рта, что представители кошачьих никогда не имеют обыкновения рыскать днем в поисках добычи. Готов побиться об заклад на целый доллар, мэм, что сегодняшнее зрелище доказало бы даже самому твердолобому из тех писак, насколько глубоко их заблуждение. Помнится, как еще прошлым летом я говорил какому-то из этих чудаков, повстречавшись с ним в Орлином Пере, штат Невада: прислушайтесь-ка лучше к совету бывшего человека, потому как...

— Может, вы пока прекратите ваши умные речи и попытаетесь хоть что-нибудь предпринять? — слегка раздраженно сказала девушка. — Ой!

Последнее высказывание относилось к кугуару, поскольку тот тем временем вскарабкался еще выше и попытался цапнуть своей левой лапой за ногу прекрасную незнакомку. Тут уж я и сам сообразил, что дело, пожалуй,

зашло слишком далеко, и сурово велел тому коту слезть на землю, но он, пренебрежительно оглянувшись вниз, изволил лишь злобно зашипеть и плюнуть мне в лицо самым оскорбительным образом.

И тогда мне пришлось-таки дотянуться до него, и схватить подлого кота за хвост, и сдернуть его с дерева, и раскрутить посильнее над головой, и хорошенько шарахнуть его телом об землю разочка три-четыре. И когда я наконец выпустил кугуара на волю, он, пошатываясь, отбежал на несколько ярдов в сторону и еще с минуту сидел там, нервно облизываясь и как-то странно поглядывая на меня. Потом вдруг решительно встряхнул головой, с таким видом, будто все еще никак не мог поверить, что она по-прежнему сидит у него на шее, задрал хвост трубой и, завывая, ровной иноходью рванул на север. Причем с такой скоростью, будто уже завтра к вечеру намеревался обосноваться где-то неподалеку от Северного полюса.

— Но отчего же вы не пристрелили его? — недоуменно спросила девушка, слегка отодвигаясь от ствола дерева, чтобы лучше видеть удирающего кугуара.

— А зачем? Все равно назад он уже не вернется,— поспешил я успокоить ее.— Эй! Осторожнее там! Сук под вами вот-вот обломится!..

Но едва я успел высказать такое предположение, сук действительно треснул, и де-

вужка, пронзительно вскрикнув от ужаса, кувырком полетела вниз. Тем не менее она зачем-то продолжала отчаянно цепляться за ту сломавшуюся толстенную ветку, вот почему мне довольно-таки здорово досталось по голове, когда я поймал их обеих на руки.

— Ой! — сказала девушка, выпустив ветку и судорожно вцепившись в меня. — Как вы думаете, я серьезно пострадала?

— Не знаю, — немного подумав, честно ответил я. — Но мне кажется, будет лучше, ежели вы позволите мне отнести вас в любое указанное вами место!

— Нет! — малость отдышавшись, произнесла она. — Пожалуй, не стоит. По-моему, со мной все в порядке. Будьте добры, поставьте меня на землю!

Так я и сделал, после чего девушка пустилась в объяснения.

— Позади вон той большой елки привязана моя лошадь. Я ехала домой из Унылой Клячи и остановилась тут, чтобы спугнуть белку — она при моем приближении нырнула в большущее дупло вон того дерева. Мне хотелось всего лишь немного позабавиться. Но оказывается, это был рыжий кончик хвоста кугуара! Если вы приведете сюда мою лошадь, я прямо сейчас поеду дальше, домой. Ранчо моего папы — за гребнем вон той гряды холмов, к западу отсюда. А зовут меня Маргарет Брюстер.

— Ну, а я — Брекенридж Элкинс, с Медвежьей речки, из Невады, — поспешил представиться я. — Сейчас направляюсь по делам в Унылую Клячу, но вскоре вновь буду в здешних местах, проездом обратно. Вы не против, ежели я нанесу вам небольшой визит?

— Почему бы нет? — пожала плечами девушка. — По правде говоря, я помолвлена с одним парнем, но все это дело под большим вопросом. Понимаете, мне вдруг начало казаться, что он — жалкий неудачник, безвольный и бестолковый; тогда я дала ему от ворот поворот и прямо сказала, что ежели он не добьется удачи в том деле, которым сейчас занимается, пускай не вздумает возвращаться обратно. Терпеть не могу неудачников. Вот почему вы сразу же пришлись мне по душе! — добавила она, одарив меня восхищенным взглядом. — Мужчина, который в состоянии голыми руками разделаться с горным львом, заслуживает внимания всякой уважающей себя девушки! Я непременно пришлю вам весточку в Унылую Клячу. Ну, а ежели мой жених, по своему обыкновению, опять все проשляпит, то буду счастлива принять вас у себя в доме!

— Буду ожидать вашей весточки с самым горячим нетерпением в сердце и с самыми честными намерениями в душе! — поклонившись, ответил я.

Девушка покраснела от смущения, быстро взобралась в седло и торопливо поскакала прочь.

Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась из вида, после чего испустил такой тяжкий вздох, что со всех окрестных дубов на землю градом посыпались желуди, и, словно бы окруженный каким-то розовым облаком, неуверенно направил свои стопы в ту сторону, где оставил Капитана Кидда. Я был под таким впечатлением от случившегося, что даже попытался влезть на Кэпа не с того конца и не желал прекращать своих бесплодных попыток до тех пор, пока Кэп не лягнул меня изо всей силы прямо в живот.

— Известно ли вам, о дражайший Капитан Кидд,— мечтательно сказал я ему, предварительно хорошенько врезав промеж ушей рукояткой револьвера,— что любовь есть наисладчайшая из всех грез юности?

Но Капитан Кидд ничего не ответил, а только нетерпеливо переступил ногами, ловко отдавив мне парочку любимых мозолей. Такая уж у него была натура — совершенно чуждая каким-либо нежным чувствам.

Тогда я вскочил в седло и направился в сторону Уньлой Клячи, куда вполне благополучно прибыл примерно час спустя. Там я загнал Кэпа в ту платную конюшню, чьи стены на первый взгляд показались мне достаточно прочными, проследил, чтобы его напоили и задали корму, предупредил конюхов, что моей лошадке ни в коем случае ни в чем нельзя перечесть, а затем со спокойной совестью направился в салун под названием «Краснокожий

воин». Потому как прежде, чем навестить ранчо Абеда Рэкстона, мне явно следовало малость подкрепиться.

Заказав себе сразу несколько стаканчиков, я принялся толковать с парнями, собравшимися в баре. Почти все они были ковбоями; а что касается овцеводов, так те предпочитали тратить свои денежки в заведении «Шаловливый баран», находившемся на другой стороне улицы. В тот раз я был в штате Монтана впервые, и, ежели судить по поведению собравшихся в заведении людей, слава о моем добром имени еще не успела достигнуть здешних мест.

Как бы оно там ни было, но ребята вели себя достаточно вежливо, и, после того как мы опрокинули по несколько порций кукурузного пойла, один из них поинтересовался, откуда я прибыл; по такому его вопросу сразу стало ясно: парни считают меня честным человеком, которому нечего скрывать. Я ответил, и тогда другой малый сказал:

— Ей-богу, ежели судить по тебе, в Неваде умеют выращивать здоровенных парней! Пожалуй, ты — самое громадное существо в человеческом обличье из тех, кого мне приходилось встречать за всю свою жизнь!

— Готов поклясться, он — такой же громада, как и Большой Джон. А может, даже того крепче! — заметил еще один ковбой.

— Такого просто не может быть! — сразу вступил в разговор его сосед. — Потому как

этот джентльмен явно человек, а Большой Джон — нет!

Только я решил выяснить, что за гусь такой этот самый Большой Джон, как вдруг один из присутствовавших глянул в окно, сплюнул на пол и с отвращением произнес:

— Видать, верно говорят: стоит помянуть дьявола, как в воздухе тут же начинает вонять серой! Вон, Джон идет через улицу, и, по моему, сюда. Наверно, увидел, как в наш салун вошел этот джентльмен, и теперь ему не терпится отколоть свой обычный номер — предложить померяться силами. Любой человек такого же роста, как он сам, действует на этого паразита как красная тряпка на быка!

Тогда я тоже посмотрел в окно и увидел типа размерами с хороший амбар, направлявшегося от «Шаловливого барана» напрямик к дверям нашего салуна. Его сопровождала целая толпа людей, заметно поменьше росточком.

— Это что за народ такой? — полубопытствовал я. — Вроде не индейцы, но и не мексиканцы... Однако на белых людей они тоже совсем не похожи!

— А! — скривившись, сказал один маленький коротконогий ковбой. — Они — *вэнгры*. Тед Биссет привез их сюда, чтобы они пасли его овец. Вон тот, самый здоровый, и есть Большой Джон. У него нету ни капли мозгов, но уверяю вас, такой горы мускулов вы не видели еще ни разу в жизни!

— Откуда же они такие взялись? — удивился я. — Из Канады, что ли?

— Не-а, — ответил ковбой. — Они все родом из какого-то местечка под названием Ивропа. По правде говоря, я точно не знаю, где оно находится, но, по-моему, это где-то к востоку от Чикаго.

Но я чувствовал, что ковбой ошибается. Эти парни были родом вообще не с нашего континента. В грубой одежде, с засунутыми за пояса здоровенными ножами, они выглядели сущими дикарями и не походили ни на одно из индейских племен, какие мне случалось встречать прежде. И так, они ввалились в бар и тот, которого все звали Джоном, сразу же принялся враждебно пиявить меня колючим взглядом крохотных, словно черные бусинки, глаз. Затем он выпятил грудь, чуть ли не на целый фут, и пару раз стукнул по ней кулачищем размером с приличную кувалду. Звук при этом получился такой, будто он колотил по большущему барабану.

— Ты — сильный человек! — заявил он. — Но я тоже сильный! Мы будем меряться силой, так?

— Не-а! — ответил я. — Не так. У меня нету ни малейшей охоты ни с кем меряться силой!

Тогда он фыркнул, да так, что разом послудвал пену со всех пивных кружек в баре, после чего победоносно огляделся вокруг. Тут на глаза ему попался толстый железный прут, ва-

лявшийся на полу. Похоже, то была длинная ручка от клейма, каким обычно клеймят скот. Джон сграбастал эту штуковину, одним рывком согнул ее почти пополам, а затем швырнул на стойку бара прямо перед моим носом. *Вэнгры* тут же восхищенно залопотали что-то неразборчивое.

Подобная хвастливая выходка малость разозлила меня, но я сдержался и спокойно опрокинул еще один стаканчик виски. А бармен перегнулся через стойку и прошептал:

— Поосторожнее с этим мерзавцем! Он хочет разозлить вас и втянуть в драку. Он уже чуть не придушил вот так человек девять или десять своими медвежьими лапами!

— Ну что ж.— Я швырнул на стойку доллар и повернулся, чтобы выйти вон.— В конце концов, у меня есть дела поважнее, чем устраивать глупую потасовку в вапем баре с каким-то чужаком-иностранцем. Прежде всего, мне надо как следует пообедать, а затем я отправлюсь на ранчо Рэкстона.

Но придурковатый Большой Джон снова распахнул свою дурацкую пасть. Бывают же на свете такие люди, которым вечно неймется, когда вокруг них все чинно-благородно!

— Трус! — издевательски захохотал он.— В штаны наложил! Уах-ха-ха! Уох-хо-хо!

Его приятели также разразились воплями и взрывами хохота, а сидевшие в баре скотоводы разом помрачнели.

— Что это ты там вякнул такое насчет труса? И насчет птанов? — Я чувствовал себя скорее ошеломленным, нежели взбешенным.

Но меня можно было извинить. Ведь прошло так много времени с тех пор, как я в последний раз слышал от кого-либо подобные высказывания в свой адрес... И наконец до меня дошло: ведь я находился среди незнакомцев, которым пока еще была совершенно неизвестна моя ничем не запятнанная репутация! Мало-помалу подумав, я решил, что обязан немедленно устранить это огорчительное недоразумение, чтобы впредь в здешних краях никто не пострадал случайно, всего лишь в силу своей прискорбной невежественности. И тогда я сказал:

— Будь по-твоему, заморская баранья башка! Ладно, я стану с тобой бороться!

Но едва я сделал шаг в его сторону, как Большой Джон сжал кулаки и пару раз довольно чувствительно врезал мне по носу; а его дружки тут же снова зашлись громовым, ужасно грубым хохотом. Такое поведение ну никак нельзя было назвать благоразумным! Гораздо безопаснее попытаться связать зигзаги пары молний, чем вот так, без предупреждения, стукнуть Элкинса по носу! Я взревел от возмущения, сграбастал Большого Джона в охапку и наконец дал волю своим чувствам, с превеликим воодушевлением нанося ему одно тяжкое телесное повреждение за другим. Сначала я смел его телом

все бутылки и стаканы со стойки бара, после чего посбивал им все светильники, а затем принялся колотить этой тушей об пол, покуда она совсем не обмякла; и только потом я как следует размахнулся и швырнул его через весь салун. Вообще-то, я собирался вышвырнуть Джона наружу через окно, но малость промахнулся, и он, пробив головой толстенную заднюю дверь, частично остался лежать внутри. Тут *вэнгры* вышли из состояния окаменелости и с воплями ужаса бросились вон из салуна. Ну а я, чтобы немного успокоиться, подобрал с пола согнутую Джоном железную палку, разогнул ее, обернул кольцом вокруг евонной шеи, а концы завязал морским узлом. Как мне стало известно позже, когда этот чудак спустя несколько часов наконец пришел в себя и ту железку собрались снять, без кузнеца обойтись не удалось.

А ковбои, которые были в баре, так и остались сидеть, остолбенело выпучив глаза и совершенно утратив дар речи. Поэтому я лишь громко фыркнул, выразив таким образом свое глубокое отвращение к этому гадкому происшествию, и с гордым видом покинул салун, в надежде найти поблизости какое-нибудь другое местечко, где бы я мог спокойно пообедать. Напоследок, уже в дверях, я расслышал, как один малый, цеплявшийся за стойку бара с таким видом, будто у него подгибаются ноги, слабым голосом умо-

лял так же еще не вполне припедшего в себя бармена:

— Плесни-ка мне четыре порции в одну посудину, да поживее! Неужели я дожил до такого дня, когда просто-напросто не могу поверить в то, что происходит у меня прямо на глазах!

Парень был явно не в порядке и нес какую-то, совершенно непонятную мне, чепуху. Ну да ладно. Я пожал плечами и направился в поисках жратвы в кабачок при баре отеля «Монтана». Но недолго мне пришлось тешить себя надеждами на тихий, мирный обед. Едва я принялся за четвертый бифштекс, какой-то здоровенный тип в щегольских башмаках, одетый во все покупное, ворвался в харчевню с безумным воплем:

— Эй ты! Это тебя зовут Элкинс?!

— Меня,— согласился я.— Но только не надо так орать. Я не глухой и все отлично слышу.

— Так какого же черта ты позволяешь себе вмешиваться в мои дела?! — продолжал горланить этот тип, не обратив никакого внимания на мой мягкий упрек.

— Не имею ни малейшего понятия, о чем речь! — уже слегка раздраженно проворчал я, опорожнив сахарницу в свою чашку с кофе. Было очень похоже на то, в Унылой Кляче наблюдается явный избыток ненормальных.— Так или иначе, но кто вы такой?!

— Я?! Я — Тед Биссет, вот кто я такой! — взвыл этот чудака, судорожно хватаясь за руко-

ятку шестизарядного.— И я выведу тебя на чистую воду! Уж я-то знаю, что ты за птица! Ты не кто иной, как тот самый проклятый наемный бандит из Невады, которого старик Абед Рэкстон нанял специально, чтобы разорить меня и выжить из здешних краев! Он сам растрезвонил об этом по всему городу! И ты уже умудрился разогнать всех моих пастухов!

— О чем это вы? — изумленно переспросил я.— Каких таких ваших пастухов я разогнал? Никого я не разгонял!

— Разгонял, не разгонял! — чернея лицом, заскрежетал зубами этот грубиян.— Не придирайся к словам! Какая мне разница! Они сами разбежались кто куда после того, как ты изувечил Большого Джона! Ты их так перепугал, что теперь они не вернутся ко мне, ежели я не повышу их жалованье вдвое! Я не позволю так обращаться со мной, слышишь, ты, скотина!

Еще не родился тот человек, которому удалось бы так грязно обругать меня и при этом остаться безнаказанным! Я тут же, причем совершенно инстинктивно, швырнул в его мерзкую рожу свой недожеванный бифштекс; тогда чудак истощно завизжал и выхватил из кобуры револьвер. Но горячий жир запил ему глаза, а потому первым выстрелом он всего-навсего вдребезги разнес кувшинчик с соусом возле моей тарелки. Биссет взвел курок, но, прежде чем ему удалось выпалить в меня второй раз, я прострелил

ему руку. Мальчик тут же выронил свою пушку, зажал другой рукой простреленное место и понес такое, что эти выражения я просто не решаюсь здесь повторять.

Тут, конечно, началась небольшая суматоха. Я орал, требуя, чтобы мне немедленно заменили бифштекс. Биссет орал, требуя, чтобы к нему немедленно привели доктора. А хозяин харчевни орал, требуя, чтобы кто-нибудь немедленно вызвал сюда шерифа...

Вышеупомянутая личность прибыла с большим запозданием. К тому времени уже появились доктор, а также новый бифштекс, и он — тут я конечно говорю о докторе, а вовсе не о том бифштексе, который трясущимися руками водрузил передо мной на стол перепуганный официант, — почти закончил вправлять руку Биссету.

Возле нас собралась приличная толпа зевак, они с большим интересом наблюдали за работой доктора, наперебой предлагая всякие ценные советы, и эти советы, по-видимому, приводили Биссета во все большее бешенство. Ежели, конечно, судить по тем весьма сильным выражениям, какие он себе позволял. Одновременно он с большим жаром пытался обсуждать с доктором серьезность полученной раны, но тот совсем не хотел тревожиться по такому пустячному поводу. Я вообще первый раз видел такого неунывающего костоправа. Он неизменно сохранял бодрость и веселость духа, нис-

колько не обращая внимания на вопли своего пациента.

Зато приятели Биссета были вне себя от ярости. А его главный подручный, Джек Кемпбелл, даже начал бормотать насчет того, что пора бы им взять исполнение закона в свои руки, когда в харчевню наконец вприпрыжку влетел шериф. Он размахивал своим шестизарядным во все стороны и возбужденно кричал:

— А ну! Где он?! Подайте мне сюда этого негодяя!

— Да вот же он! — раздался в ответ нестройный хор голосов, после чего все присутствовавшие мигом попрятались под столами, в ожидании неминуемой перестрелки.

Но я даже не шевельнулся, поскольку сразу же узнал шерифа, а он, едва разглядев меня, мигом поубавил прыти и тут же выронил револьвер, будто у того вдруг докрасна раскалилась рукоятка.

— Брекенридж Элкинс! — оторопело констатировал он, после чего, обдумав ситуацию, приказал перетащить Биссета в бар и там влить в него хорошую порцию спиртного. Когда же вся публика повалила в бар, шериф подошел ко мне, уселся на краешек стола и сказал следующее:

— Послушай, Брек! Мне хочется, чтобы ты понял: я ничего не имею против тебя лично, но все же мне придется тебя арестовать. Стрелять в людей в нашем городе есть противозаконное дело!

— Но у меня совсем нету времени на всякие там аресты! — возразил я. — Потому как мне уже давно надо быть на ранчо старины Абеда Рэкстона!

— Но что подумают люди, Брек, — принялся урезонивать меня шериф (а шерифом тут действительно оказался Джонни Уиллогби, как и предупреждал в своем письме Рэкстон), — ежели я не засажу тебя в тюрьгу за то, что ты подстрелил одного из самых видных наших граждан? Ведь на носу выборы! — добавил он, отхлебывая кофе из моей чашки.

— Биссет стрелял в меня первым! — снова возразил я. — Так почему бы тебе не арестовать его?

— Стрелял, да не попал! — заметил Джонни, рассеянно зачихнув в рот разом половину моего слоеного пирога, после чего тут же принялся ковырять вилкой картошку на моей тарелке. — А ты попал! Так или иначе, но сейчас у него в руке здоровенная дыра, поэтому по состоянию здоровья я не могу отправить его в тюрьму прямо сейчас. А кроме того, мне позарез нужны голоса овцеводов!

— Вот черт! — раздраженно произнес я. — Терпеть не могу все эти ваши тюрьмы!

Тогда Джонни принялся хныкать. Даже слезу пустил.

— Если б ты был мне настоящим другом, — ныл он, — ты бы с радостью провел одну ночь, всего-навсего одну ночку, в тюрьме, чтобы

только помочь мне переизбраться! А ведь когда-то я так много сделал для тебя! Меня и так уже склоняют на все лады из-за того, что мне никак не удастся поймать ни одного из тех проклятых угонщиков скота. А ежели, вдобавок ко всему, я еще не сумею и тебя арестовать, то на выборах у меня шансов будет не больше, чем у какого-нибудь китайца! Как ты можешь так со мной обращаться, после всего, что нам пришлось пережить вместе в былые деньки?..

— Да ну тебя совсем! — с отвращением сказал я. — Перестань канючить! Ладно, арестуй меня, если тебе так невмоготу. Какой с меня причитается штраф?

— Но я вовсе не хочу брать с тебя штраф, Брек! — воскликнул Джонни, вытирая навернувшиеся слезы краем клеенки, которой был накрыт стол. — Мне так кажется, что приговор к тюремному заключению куда сильнее повысит мой авторитет, чем какой-то там жалкий штраф. Ну а утром я отпущу тебя на все четыре стороны. Ты ведь не станешь ломать нашу тюрьму, Брекенридж? Поклянись!

Я пообещал, что не стану, и тогда чуть повеселевший Уиллогби захотел забрать у меня мои пистолеты, а я все никак не хотел их отдавать.

— Боже правый! Опомнись, Брек! — снова принялся умолять меня Джонни. — Ведь я же стану всеобщим посмешищем, ежели у меня в

тюрьме будет сидеть вооруженный до зубов заключенный!

Ладно. Пришлось согласиться и отдать ему мои револьверы, лишь бы он заткнулся. Но не тут-то было! Ему сразу же захотелось нацепить на меня наручники, да только они оказались совсем крохотными и все никак не желали защелкиваться на моих запястьях. Тогда Джонни потребовал, чтобы я одолжил ему денег, а он тогда наймет кузнеца — выковать для меня специальные ножные кандалы. Тут уж я возмутился и отказался наотрез, для пущей убедительности изрыгнув парочку крепких богохульств. Тогда он начал бормотать, дескать, это он просто так, всего лишь дружеское предложение, никто никого здесь обижать не собирается... В общем, отправились мы в тюрьму.

Тюремщика поблизости не оказалось; на-верно, отсыпался где-то с похмелья, а ключи он так и оставил болтаться в дверях, и мы вошли внутрь. Довольно-таки скоро явился помощник Джонни, по имени Байдж Гантри, а по прозвищу — Семафор. Этот Гантри был тот еще тип, длинный, расхлябанный, с каким-то странным блеском в глазах. Джонни послал его в салун «Краснокожий воин» за пивом, а пока тот ходил туда и обратно, принялся расхваливать мне этого парня на все лады.

— Черт возьми! — заявил он. — Мой Байдж — единственный в нашем графстве, кому когда-

либо удалось приблизиться к тем проклятым бандитам на расстояние выстрела! К несчастью, тогда он был один. А ведь ежели бы рядом с ним в тот раз оказался я, то вдвоем мы, как пить дать, захватили бы мерзавцев врасплох и перебили бы их всех до единого!

Я спросил, есть ли у него хоть какие-нибудь подозрения, что за люди эти угонщики, а Джонни ответил, дескать, Байдж считает, что вся ихняя шайка пожаловала сюда из штата Вайоминг. Хорошо, ежели так, сказал ему я, ведь в таком случае у них обязательно должно быть логово где-то в холмах, а значит, их будет куда проще накрыть всех разом, чем жуликов, которые после каждого налета разбегаются в разные стороны.

Тут как раз вернулся Байдж и принес пиво, и Джонни сообщил ему по секрету, что, как только я выйду из тюрьмы, он сразу же назначит меня своим вторым помощником. Вместе мы учиним облаву на тех, кто ворует скот, и Байдж одобрил эту грандиозную идею. После чего мы уселись за стол — играть в покер и пить пиво. Ближе к вечеру наконец появился тюремщик, имевший весьма бледный и очень нездоровый вид, и Джонни приказал ему что-нибудь для нас состряпать.

Мы уже заканчивали ужин, когда тюремщик заглянул к нам в камеру и сообщил:

— Там какой-то джентльмен жаждет немедленно видеть аудиенцию у мистера Элкинса!

— Скажи ему, что заключенный в настоящий момент оччень занят! — велел Джонни.

— Я говорил, — ответил тюремщик, — а он заорал, что ежели вы не намерены выпустить его прямо счас, тогда он ворвется сюда сам и перережет вашу глотку. Сэр.

— Это наверняка старина Абед Рэкстон, — вздохнул Джонни. — Пожалуй, будет благоразумнее его выпустить. Я рассчитываю на твое заступничество, Брек! На тот случай, ежели старый хрыч затаил против меня какую-нибудь грубость.

Полминуты спустя к нам в камеру, сверкая глазами и распространяя вокруг себя запах, свидетельствовавший о том, что он переполнен кукурузным пойлом, ворвался старина Рэкстон. Завидев меня, он начал воинственно вопить:

— Эх ты, дубина стоеросовая! Хорош помощничек, нечего сказать! Когда я просил тебя приехать, то надеялся, что ты действительно поможешь мне разделаться с этой чертовой бандой овцеводов и угонщиков скота, а ты?! Едва явившись сюда ты не нашел ничего лучшего, как сразу же угодить в тюрьму!

— Моей вины тут нету, — возразил я. — Эти овцеводы сами начали меня задирать.

— А раз так, — сердито проворчал Рэкстон, — отчего же ты продырявил Биссету руку, а не сердце? Промахнулся, что ли?

— Я приехал сюда, чтобы перебить здесь всех угонщиков чужого скота, а вовсе не за-

тем, чтобы стрелять в мирных овцеводов! — с достоинством ответил я.

— Не вижу разницы! — прорычал старина Абед.

— Разница такая, что у овцеводов, скорее всего, не меньше прав на здешние пастбища, чем у скотоводов, — пояснил я ему свою мысль.

— Счас же прекрати такие возмутительные, святотатственные речи! — потребовал Рэкстон. — Пока что ты просто окончательно запутал ситуацию! Одно хорошо: Биссету придется платить тем чертовым *вэнграм* двойное жалованье, чтобы они снова согласились на него работать, а он скорее готов удавиться, чем потратить лишний доллар, жмот проклятый! Может, и в самом деле удавится? Ладно, какой штраф надо за тебя уплатить?

— Никакого, — покачал головой я. — Джонни хочет, чтобы я малость посидел в тюрьме.

Услыхав такое, Абед судорожно схватился за свою пушку, а Джонни тут же спрятался у меня за спиной и жалобно закричал оттуда:

— Не смей! Тебе никто не давал никакого права стрелять в представителя закона!

— Он до сих пор злится на меня за то, что я его уволил! — брызгая слюной, заверещал старина Рэкстон. — После того как я выпшвырнул его с моего ранчо, он выставил свою кандидатуру на должность шерифа, а в тот вечер, когда были выборы, весь народ перепился до изумления. Вот они и проголосовали за него, может по ошибке, может в шутку, а может

просто сдурю! И с тех самых пор, как он засел в конторе шерифа, он позволяет проклятым овцеводам грабить меня и на пастбищах, и на моем ранчо, и чуть ли не в моей собственной постели!

— Это подлая ложь! — горячо возразил Джонни. — Я защищаю тебя точно так же, как и всех остальных, старый хрен! Просто мне пока не удалось поймать никого из той банды негодяев, вот и все! Но ты еще увидишь! Байдж уже почти выследил их, и все они окажутся за решеткой еще до того, как выпадет снег!

— Ты, наверно, хотел сказать: до того как он выпадет в Гватемале! — презрительно фыркнул Абед. — Черт с тобой, чтоб ты лопнул! Я ухожу! Но я еще вернусь и в два счета вытащу Брекенриджа отсюда, даже ежели мне придется спалить твою проклятую тюрьму дотла! Рэкстоны никогда не прощают обид! — Сказав так, Абед яростно сверкнул глазами и направился к выходу, но на пороге обернулся и язвительно добавил: — Шериф! Фу-ты ну-ты! Семь нераскрытых убийств в графстве с тех пор, как ты начал просиживать штаны в своей конторе! Ты спокойно позволяешь проклятым овцеводам резать нас в наших собственных постелях! Да что там говорить! С того времени, как тебя избрали, у нас еще никого не повесили!

После того как хлопнула дверь, Джонни надолго погрузился в раздумья. Наконец он сказал:

— Насчет тех семи убийств старый волк прав. Однако он не желает замечать, что четверо из семерых были как раз овцеводами. Скотоводы и овцеводы сами убивают друг друга, и каждая сторона обвиняет другую в угоне скота. Я давно подозреваю тех и других, да только ничего не могу доказать. Вот ежели бы мне хоть разок действительно удалось кого-нибудь повесить, это мигом примирило бы меня с моими избирателями! — Тут Джонни как-то плотоядно взглянул на меня и мечтательно добавил: — Было бы совсем неплохо, если б кто-нибудь вдруг взял бы да и признался, прямо сейчас, в совершении хотя бы некоторых из этих убийств...

— Не смотри на меня так! — строго указал я ему. — Я еще никогда никого не убивал в Монтане. Я здесь вообще впервые!

— Ну и что? — пожал плечами Джонни. — Тем более! Значит, никто здесь не сможет доказать, что ты этого не делал! Ну а уж после того, как тебя повесят...

— Послушай-ка, ты! — Я чуть не задохнулся от возмущения. — Помочь другу переизбраться на должность — святое дело. Тут я с дорогой душой! Но ведь всему есть свои границы!

— Да ладно тебе, ладно! — разочарованно вздохнул Джонни. — Если честно, я не больно-то рассчитывал, что ты согласишься. В наше время люди стали так чертовски недалеко-видны; только о себе и думают! Но вот что я

хочу тебе сказать: если б вдруг мне удалось разогнать толпу линчевателей, это было бы почти так же полезно для моей предвыборной кампании, как самое настоящее законное повешение! Давай договоримся так. Сегодня ночью я соберу несколько своих друзей, они наденут маски, придут сюда, вытащат тебя из тюрьмы и притворятся, будто собираются вздернуть всерьез. А когда они уже начнут затягивать петлю на твоей шее, я вдруг выскочу из засады и примусь палить в воздух. Тогда они разбегутся, а я мгновенно приобрету репутацию надежного стража законности и правопорядка.

Джонни так мне надоел, что я махнул рукой: ладно, черт с тобой, согласен, и тогда он принялся объяснять мне, как себя вести, чтобы не изувечить случайно кого-нибудь из тех линчевателей, потому как все они — его друзья, а скоро станут и моими добрыми друзьями. Тогда я спросил у него, станут ли они ломать дверь и не надо ли мне им в этом помочь, а он сказал, нет, зачем же портить казенное имущество, просто его друзья попутно как бы ограбят тюремщика и заберут у него ключ от двери.

Вскоре Джонни ушел, чтобы договориться с нужными людьми и устроить все как надо, а вслед за ним убрался этот Байдж Гантри, зачем-то сообщив мне на прощание, что он уже прямо сейчас идет по горячему следу и совсем вот-вот найдет важную улику, с помощью ко-

торой раскроет всю шайку угонщиков скота. Тюремщик тут же принялся подмешивать себе в текилу какое-то чудодейственное средство для ухода за волосами, и это средство действительно оказалось чудодейственным, потому как меньше чем через час в стельку пьяный тюремщик уже валялся прямо под дверями тюрьмы словно куча мокрых грязных тряпок.

Ну да ладно.

Подстелив шерстяное одеяло, я, не снимая сапог, улегся спать на полу, а ближе к полуночи у тюрьмы собралась толпа в масках, и им даже не пришлось грабить тюремщика, поскольку еще никому не удавалось ограбить ворох ветоши, насквозь пропитанный средством для волос. Они просто порылись в этом мусоре, выудили оттуда ключ, а заодно — немного мелочи и пару плиток жевательного табака, а потом открыли дверь. Я поинтересовался:

— Вы, случаем, не те джентльмены, которые должны меня вешать?

— Да, это мы! — ответили они.

Тогда я встал с пола и спросил, не найдется ли у них спиртного, и один из них позволил мне как следует приложиться к его карманной фляге, после чего я сказал:

— Отлично! Ну а теперь давайте поскорее покончим с этим делом, потому как я ужасно хочу спать!

Тот, который угощал меня кукурузным пойлом, был единственным, кто разговаривал со

мною; все остальные не проронили ни слова. Я так решил, что они малость оробели.

— Надо связать вам руки за спиной,— предложил этот малый.— Чтобы все выглядело как взаправду!

Я не стал возражать, и они скрутили мне руки сыромятными ремнями, а затем мы вышли наружу. Там, неподалеку от тюрьмы, рос вполне приличный дуб, а рядом с ним начинались густые заросли кустарника. Наверно, где-то в тех кустах притаился Джонни, подумал я.

Они притащили с собой бочку, на которую я должен был встать, и я послушно влез на нее. Мне перекинули веревку через толстый дубовый сук, а потом надели на шею петлю, и тот малый спросил:

— Хочешь сказать несколько последних слов?

— Вот черт! — ответил я.— Все это как-то ужасно глупо! Вам не кажется, что Джонни малость запаздывает?..

Как раз тут они и вылибли из-под меня бочку.

Разумеется, я слегка удивился, но затем напряг свои шейные мускулы и стал ждать, когда же наконец Джонни выскочит из кустов и поспешит ко мне на выручку, но его все не было и не было, а проклятая петля прищемила мне сзади кожу на шее, и это мне сильно не понравилось, и тогда я заявил:

— Эй! Может, хватит? А ну спустите меня вниз!

И тут один из тех парней, что до того молчали, словно воды в рот набравши, вдруг выпалил:

— Боже правый! Первый раз в жизни слышу, чтобы человек разговаривал после того, как его уже удавили!

Я сразу узнал его по голосу. То был не кто иной, как Джек Кемпбелл, главный подручный Биссета! Что бы там ни говорил мой двоюродный братец, Медведь Бакнер, но уверяю вас, когда надо, я соображаю очень быстро, а потому до меня сразу дошло: тут что-то не так! Поэтому я напрягся, и ремни на моих запястьях с треском лопнули. Я схватился обеими руками за чертову веревку, на которой висел, и оборвал ее. А те мерзавцы настолько опешили, что даже не начали стрелять, покуда веревка еще не порвалась. Когда же они все-таки принялись палить, было поздно: я свалился на землю, а все пули просвистели у меня над головой. Услыхав выстрелы, я окончательно убедился, что передо мной не друзья, а злодеи, и в дальнейшем действовал соответствующим образом.

Я обрушился на всю толпу разом, сбив с ног троих, и в течение нескольких секунд малость придушил их, а затем отдубасил до бессознательного состояния. Остальные не решались стрелять из опасения угодить в своих же приятелей, покуда мы вчетвером плотным клубком катались по земле. Поэтому они

просто сгрудились вокруг и принялись колотить меня по голове рукоятками револьверов, но я с ревом вскочил на ноги, словно медведь среди своры шелудивых псов, схватил еще четверых и сдавил их так, что у них затрещали ребра. Во время этого процесса с них посваливались маски, под которыми, разумеется, оказались физиономии подручных Биссета.

В этот момент кто-то ткнул в мою ногу охотничьим ножом; такое подлое поведение взбесило меня окончательно. Я швырнул тех четверых в толпу остальных и принялся месить кулаками направо и налево, каждым ударом сшибая с ног одного или двоих, и так продолжалось до тех пор, покуда я не заметил валявшуюся на земле ось от фургона. Но едва я наклонился, чтобы поднять ее, как какой-то подлец накинул мне на голову толстую куртку, совершенно ослепив меня, после чего человек шесть или семь разом прыгнули мне на спину. Почти сразу же после этого я споткнулся об парня, которого сам только что сбил с ног, и лицом вниз шлепнулся на землю, после чего вся шайка с большим воодушевлением принялась прыгать у меня на спине, норовя повредить своими сапогами что-нибудь существенное.

Все еще ничего не видя, я на ощупь пошарил вокруг и схватил-таки одного из негодяев и подтащил его поближе, чтобы сподручнее вцепиться зубами в его ухо. И

я бы наверняка откусил это мерзкое ухо с первой попытки, если б мне не помешала все еще находившаяся на моей голове куртка. Но все же, ежели судить по тем поистине душераздирающим воплям, какими оглашал округу подлый бандит, я потрудился на славу.

Предпринимая одно отчаянное усилие за другим, ему удалось-таки вырваться. Негодяй, завывая, отбежал в сторону и, к счастью, утащил с собой проклятую куртку. Тогда я наконец стряхнул с себя всех остальных и, несмотря на все жалкие потуги мне помешать, поднялся на ноги, крепко сжимая ось от фургона в своих руках.

Ось от фургона — отличное, очень удобное оружие; его всегда так приятно иметь под рукой во время доброй драки, а вдобавок ко всем своим остальным достоинствам оно полностью деморализует противника. И хотя та ось, которая досталась мне на сей раз, оказалась страшно непрочной и разлетелась вдребезги после четвертого или пятого удара, дело было уже сделано. Те из мерзавцев, какие еще были в состоянии двигаться, бросились враспынную, да так, будто их черти кусали за пятки, полностью оставив за мной поле недавней битвы, сплошь усеянное стонущими и кошмарно ругающимися телами своих менее удачливых соучастников.

Некоторые высказывания этих жалких типов были поистине отвратительными, но я

решил не обращать на них внимания. Весь во власти охватившего меня бешенства, я решительно направился к конторе шерифа, находившейся всего в нескольких сотнях ярдов от тюрьмы. Едва обогнув угол здания проклятой тюрьмы, я вдруг нос к носу столкнулся с какой-то смутно различимой в ночной тьме личностью, которая крадучись пробиралась сквозь заросли кустов, сопровождая свои движения странными звякающими и лязгающими звуками. Не успел я как следует разобраться, что к чему, этот чужак изо всей силы огрел меня здоровенным железным прутом, и я повалился на землю, увлекая за собой нападавшего. Слегка придушив очередного подлеца, я принялся колотить его головой об землю и колотил до тех пор, покуда из-за облаков не выглянула луна, осветив призрачным светом украшенную изрядно всклокоченной бородой физиономию старика Абеда Рэкстона!

— Какого дьявола?! — недоуменно сказал я, обращая свой вопрос разом ко всей Вселенной. — Что у вас тут, в Монтане, все разом рехнулись, что ли? Зачем вы нарушили мой сон, пытаетесь отправить меня на тот свет?

— Я ничего такого не делал, ослиная ты башка! — возмущенно зарычал Абед, едва к нему вернулся дар речи.

— А что ж ты тогда такое делал, когда лупил меня по голове железным ломом? — едко поинтересовался я.

— Но откуда мне было знать, что это ты? — ответил он, поднимаясь на ноги и отряхивая пыль и грязь со своих штанов. — Я подумал, что впопыхах налетел на здорового гризли. Что ж еще может подумать человек, когда на него из темноты ломится по кустам такая машина? Тебе как, здорово досталось? Ничего нигде не сломано?

— Не-а, — сказал я. — Пустяки. У меня никогда ничего не ломается. Слушай, я ведь уже говорил тебе, что согласился посидеть в тюрьме, решил оказать услугу этому недотепе Джонни. А как отплатил мне за добро этот сын Велиала? Подлец сговорился с друзьями Биссета устроить так, чтобы меня вздернули! Идем со мной. Я намерен прямо сейчас взять у этого вонючего скупса небольшое интервью!

В общем, отправились мы с Рэкстоном к шерифу. Дверь оказалась открытой, на столе догорала свеча, но самого Джонни поблизости не оказалось.

Зато там был небольшой стальной сейф, где, как я прикинул, наверняка находились мои любимые револьверы; поэтому я взял увесистый булыжник и расколол тот сейф как гнилой орех. Мои пушки конечно же оказались там, как я и предполагал; а еще большая бутылка, в которой плескалось около галлона кукурузного пойла. Но едва мы с Абедом развернули дискуссию о том, имеется ли у нас моральное право стрескать

эту самогонку, как вдруг я услышал, что кто-то явно хочет вмешаться в обсуждение столь животрепещущей темы, издавая приглушенные и совершенно невнятные восклицания.

Тогда мы с Абедом принялись озираться вокруг, и я заметил пару шпор, высывавшихся из-под стоявшей в углу раскладной койки, и эти шпоры разумеется, были приделаны к сапогам. Когда же я схватил те сапоги и вытащил их на свет Божий, то вместе с сапогами наружу извлеклось вставленное в них тело, чьим владельцем оказался не кто иной, как Джонни Уиллогби. Шериф Уньлой Клячи был связан по рукам и ногам, во рту у него торчал кляп, а на его голове красовалась шишка размером с большое индошечье яйцо.

Я вытащил кляп, и как вы думаете, что сразу прохрипел шериф? Правильно.

— Ежели вы, сыны Велиала, посмеете вылакать мою частную собственность, я на законном основании перегрызу ваши глотки!

— Грызи сколько угодно! Но сперва тебе придется дать кое-какие объяснения! — возмущенно прервал его я. — Что ты имел в виду, когда натравил на меня тех прихвостней Биссета?!

— Но я ничего такого не делал! — горячо запротестовал он. — Я завернул к себе в контору и уже собирался позвать сюда своих приятелей, чтобы вместе с ними продумать план

фальшивого линчевания. Вдруг кто-то вошел, кого я так и не увидел, и оглушил меня ударом по голове. Я даже не подумал обернуться, потому как посчитал, что это Байдж! Ну а потом меня спеленали как младенца и засунули под койку. Я вообще только что пришел в себя, а уж связали меня на совесть, как ты сам мог видеть!

— Ежели он говорит правду,— заметил старина Абед,— а похоже, так оно и есть, хотя я признаю это с очень большой неохотой, значит, выходит, кто-то из приятелей Биссета подслушал весь ваш разговор насчет тех дурацких планов фальшивого линчевания. Ну а дальше все просто. Тот человек вошел сюда следом за Джонни, убрал его на время с дороги, а затем собрал команду своих собственных линчевателей, заранее зная, что этот умник Брекенридж не окажет им никакого сопротивления, посчитав их едва ли не за своих лучших друзей. Говорил же я вам... а это еще кто такой?!

Мы разом выхватили свои пушки и наставили их на дверь. Спустя мгновение в контору ворвался Байдж Гантри, державшийся одной рукой за окровавленную голову.

— У меня только что была кровавая стычка с проклятыми преступниками! — закричал он. — Я преследовал их всю ночь! А потом они подстроили мне засаду всего в трех милях от города и почти начисто отстрелили ухо! Но и

я не остался в долгу. Провалиться мне на этом самом месте, ежели я не уложил наповал парочку негодяев!

— В погоню! — взвыл Джонни, хватая винчестер и пояс с патронами. — Сперва ведем нас обратно, Байдж, к тому самому месту, где ты влип в переделку, а уже оттуда мы...

— Одну минуточку! — прервал я его, стремительно хватая Байджа за плечо. — Сперва я хочу взглянуть на вот это ухо! — И, не обращая внимания на шпору, которую помощник шерифа воткнул мне в ногу, я отбросил в сторону его руку, прижатую к голове. — Точно, черт побери! Так я и знал! Это ухо не отстрелено. Оно изжевано, а изжевало его не кто иной, как я! Твой помощничек, Джонни, — один из тех самых сукиных сынов, которым нынче ночью избрело в голову меня вздернуть!

Услыхав такое, Байдж мигом выхватил свою пушку, но я вышиб револьвер у него из руки, а затем врезал ему по челюсти так, что он вылетел из конторы через закрытую дверь. Тогда я пошел следом за ним, и забрал у него здоровенный охотничий тесак, которым он размахивал во все стороны, покачиваясь на подгибающихся ногах, и взял его за шиворот, и швырнул обратно в контору, после чего снова прошел внутрь, и снова взял его за шиворот, и снова выкинул наружу, и опять пошел за ним следом, и опять зашвырнул его внутрь.

— Как долго все это будет продолжаться? — сварливо спросил он, очередной раз вылетая наружу.

— Во всяком случае, до утра, — заверил я, швыряя его с улицы обратно. — Но вообще-то, у меня крайне скверное настроение, а потому очень возможно, что такое замечательное занятие не надоест мне до завтрашнего вечера.

С этими словами я опять выдворил его подышать свежим воздухом.

— Прекрати сейчас же! — прохрипел он, вновь оказавшись в конторе. — Я тоже твердый орешек, но понимаю, когда игра проиграна. Признаюсь! Это сделал я!

— Сделал — что? — требовательно спросил я, снова ухватив его за шкуру.

— Как что? Шарахнул Джонни по башке, связал его и засунул под койку! Да прекрати же наконец! — дико взвыл он, предприняв отчаянную попытку ухватиться за косяк, когда в очередной раз пролетал сквозь дверной проем. — Это я собрал подставную толпу линчевателей! — прокричал он уже с улицы. — Я с самого начала был сообщником угонщиков чужого скота!

— А ну прекрати кидать его туда-сюда! — неожиданно заорал малость пришедший в себя старина Абед и вцепился сзади в мою рубашку. — Джонни, чтоб ты лопнул, на помощь! Да быстрее же! Шевелись, покуда Брекенридж окончательно не прикончил столь ценного свидетеля!

Но я нетерпеливо отстранил старика, взял Гантри за шиворот и попытался поставить его. Однако он сразу же обмяк, поэтому мне пришлось поддерживать его за воротничок, пока мерзавец, задыхаясь, торопливо шептал:

— Я все лгал насчет той перестрелки с преступниками! Я с самого начала водил Джонни за нос. Эти угонщики и конокрады — вовсе никакая не пайка из Вайоминга; все они живут тут, в нашей округе. А ихний главарь — не кто иной, как Тед Биссет...

— Ага! — радостно завопил Абед, исполняя боевую пляску апачей, и, не помня себя от ликования, принялся пинать меня по ногам. — Тед Биссет! Что я тебе говорил? Теперь ты понял, дубина стоеросовая? А ведь ты питал такие нежные чувства по отношению к этим проклятым овцеводам! Всего-навсего прострелить Биссету руку! Это надо же! Будто он тебе родной брат или даже еще более близкий родственник! Просто удивительно, что ты не пригласил его отобедать с тобой, в знак вашей вечной дружбы! Да я ума не приложу, отчего ты его не расцеловал в обе...

— Ах, да заткнись же ты наконец! — раздраженно оборвал его я. — Давай, Гантри!

— Тед Биссет даже не думал заниматься законным овцеводством, — продолжил бывший помощник шерифа. — И разведение овец у него только для отвода глаз. Ни один из

настоящих овцеводов никак не связан с этими делишками. А его шайка состоит сплошь из местных подонков, которые отсиживают у него на ранчо, когда начинает пахнуть паленым. Когда же им удастся провернуть очередное дельце втихую, они просто расходятся по своим домам. Именно они убивали честных овцеводов и скотоводов — пытались натравить тех на этих. Пока те ссорятся, им же легче красть скот и у одних, и у других. *Вэнгры* же вообще ни о чем не знали; Биссет просто нанял их приглядывать за своими овцами, потому как его собственные люди ничего такого делать не умели и не хотели, а связываться с местными пастухами он не желал, справедливо опасаясь, что те быстро выведут его на чистую воду.

Тут Гантри перевел дух, облизнул пересохшие губы и снова заговорил:

— Ну и естественно, мы решили убрать с дороги тебя, как только узнали, что ты должен появиться здесь, чтобы разделаться с шайкой угонщиков скота. То есть с нами. А сегодня, когда вы с Джонни начали обсуждать, как бы вам устроить это ваше представление с фальшивым линчеванием, я сразу понял, что мне подвернулся счастливый случай. Выйдя из тюрьмы, я пошел следом за Джонни, шарахнул его по башке, связал, засунул под койку, а сам отправился к Биссету и все ему рассказал. После чего мы быстренько собрали на-

ших людей... Остальное вы знаете сами. Затея была — пальчики оближешь! И все прошло бы, как по маслу, ежели бы мы имели дело с обычным человеком, а не с каким-то кошмарным чудовищем! Вот и все. Теперь отправляйте меня в камеру. Отныне хорошая, добротная тюрьма с надежными замками и крепкими стенами, где моя жизнь больше не будет подвергаться никаким опасностям, есть предел моих мечтаний!

— Ну что ж, — сказал я Джонни, когда тот посадил Гантри под замок, — дело сделано. Теперь тебе остается только добраться до ранчо Биссета и арестовать мерзавца. Он наверняка лежит в постели с простреленной рукой, а большинство его людей искалечено. Кстати, ты можешь подобрать довольно много негодяев прямо под стенами тюрьмы. Думаю, вся эта история должна помочь твоему переизбранию.

— Еще бы! — ликующе воскликнул он, от радости исполнив тот же самый военный танец, какой недавно исполнял Абед Рэкстон. Наверно, у них тут, в Монтане, такой обычай, подумал я. — Можно смело считать, что меня уже переизбрали! Но знаешь, Брек, все это время я думал не только о своих обязанностях. Бывают вещи и поважнее! Ведь если бы я проиграл предвыборную гонку, то навсегда потерял бы свою девушку. Но она твердо пообещала мне выйти за меня замуж, ежели я поймаю всех этих убийц и

угонщиков скота и меня переизберут шерифом на новый срок. А она всегда верна своему слову!

— В самом деле? — вяло поинтересовался я, размышляя о своем собственном трепетном чувстве. — И как же ее зовут?

— Маргарет Брюстер! — с гордостью ответил Джонни.

— Как?! — взревел я таким громовым голосом, что старину Рэкстона повалило на спину и отшвырнуло далеко в сторону не хуже, чем ударом горного циклона.

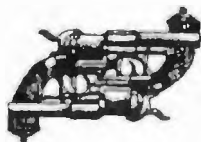
Дело прошлое, но должен сказать: те, кто обвиняют меня теперь в ничем не оправданном применении насилия и ненормальном поведении, просто не могут понять мое тогдашнее состояние. Неужели мне пришлось испытать все те унижительные передраги только затем, чтобы помочь своему сопернику отбить у меня мою возлюбленную!

Что было, то было. Я действительно вышвырнул Джонни на улицу через окно его собственной конторы, а потом пару раз пнул по стенам этого богомерзкого заведения, и все здание рухнуло целиком. Но ведь я был вне себя от горя и выразил обуревавшие меня чувства самым достойным, самым кротким образом, на какой оказался способен при столь печальных обстоятельствах.

И вместо того чтобы по-дурацки обижаться, шериф Уньлой Клячи должен был бы век благодарить меня за то, что, горюя о своей

очередной растоптанной трепетной любви, я напел-таки в себе силы и подавил свой вполне естественный порыв настолько хорошо, насколько сумел!

Глава седьмая
ТОРНАДО
С РАЗБИТЫМ СЕРДЦЕМ

Т

ут на днях мне кто-то сказал, будто граждане Боевого Клича решили организовать комитет общественного спасения с единственной целью — защитить их глупый город от меня, Брекенриджа Элкинса. Подобные дурацкие выходки всегда вызывают мое раздражение, потому как из-за них человеку посторон-

нему может показаться, что я вроде бы представляю собой угрозу общественному спокойствию.

Я чертовски устал от подлых наветов, распространяемых этими злостными клеветниками. Ну, прежде всего, я вовсе не превращал ихнюю проклятую тюрьму в развалины, а повинны в том одни лишь бизоньи браконьеры. Да я же просто не мог ничего подобного сделать, потому что как раз сидел в этой самой тюрьме! А о салуне «Серебряный сапог» и дансинг-холле и говорить нечего. Они тоже не превратились бы в решето, окажись у их хозяйина хотя бы капля здравого смысла. В том, что нога Туза Миддлтона прострелена в трех местах, виноват лишь сам Миддлтон, и больше никто. А уж о глупом шефе городской полиции я вообще молчу. Ежели бы он занимался своими собственными делами вместо того, чтобы преследовать бедного беззащитного странника, ему не пришлось бы так долго выковыривать крупную дробь из некой части своего тела, которую не защитили бриджи. Утверждение, будто я приехал в Боевой Клич с заранее обдуманном намерением разгромить город, есть гнусная ложь! Во избежание кривотолков, скажу сразу: у меня и в мыслях не было посещать этот притон разврата. Ведь он находится в стороне от железной дороги и кишмя кишит хвастливыми картежниками без гроша в кармане, браконьерами и прочими паразитами; а потому парням, честно зараба-

тывающим на жизнь перегонкой скота, в такую дыру соваться совершенно незачем.

Мой визит в это логовище порока начался так: я нанялся ехать в голове стада лонгхорнов, которое мы перегоняли от самого Нижнего Пекоса в Гошен, где проходила железная дорога. Оттуда старший гуртовщик с остальными парнями отправился на юг, а я задержался в городе — малость приударить за первой городской красавицей. Девушку звали Бетти Уилкинсон, и она была ослепительно прекрасна, ну прямо что твой самый лучший новенький охотничий нож. Она относилась ко мне довольно-таки неплохо, но у меня под ногами все время путались соперники, в особенности же много неудобств проистекало от одного ковбоя, курносого увальня из Аризоны по имени Бизз Риджуэй.

В конце концов его постоянное присутствие рядом с Бетти сделалось для меня совершенно невыносимым и однажды утром я неожиданно нагрянул в тот номер «Испанского мустанга», где он проживал, и сказал ему следующие слова:

— Послушай-ка ты, репейник, прилипший к штанам прогресса! Известно ли тебе, что я — очень миролюбивый, очень великодушный и безмерно застенчивый человек? Но даже мое, поистине сказочное, долготерпение все-таки имеет границы! Скажи честно, разве у вас в Аризоне уже совсем не осталось девушек? А ежели они все еще там есть, тогда

какого черта ты докучаешь мне своим нехорошим поведением? И вообще, почему бы тебе не вернуться поскорее в родные края? В любом случае, я обращаюсь к тебе, как к истинному джентльмену, и убедительно умоляю держаться подальше от Бетти Уилкинсон, дабы, неровен час, с тобою не стряслась бы потом какая-нибудь пренеприятнейшая неожиданность!

Тут Бизз Риджуэй слегка попятился от меня и ответил так:

— Мне сдается, Брек, что я далеко не единственный истинный джентльмен, имеющий виды на Бетти. Почему же ты решил обратиться со столь воинственными речами именно ко мне, а скажем, не к Радвеллу Шэпли-младшему?

— Шэпли — пустое место! — презрительно ответил я. — Зеленый молокосос, у которого недоваренная каша в голове. Я не могу рассматривать его глупые домогательства хоть в сколько-нибудь серьезном свете! Любая здравомыслящая девушка — а у Бетти здравого смысла с избытком — не обратит на такого щенка, как Шэпли, ни малейшего внимания. Но ты — совсем другое дело. Ты умеешь нравиться девушкам и говорить им сладкие речи, а значит, можешь перебежать мне дорогу. Вот почему я и решил объявить свое последнее предупреждение именно тебе!

Тут Риджуэй сделал резкое движение, и я сразу же перехватил покрепче свой охотничий нож, но Бизз вдруг рухнул обратно на

стул и, к моему немалому удивлению, неожиданно разразился горячими слезами.

— Какого дьявола?! — спросил я, недоуменно почесав в затылке. — Что это с тобой такое стряслось?

— Горе мне! — простонал в ответ Риджуэй. — Ты совершенно прав, Брекенридж! Мне не следовало увиваться вокруг Бетти! Но откуда же мне было знать, что она — твоя девушка? Ведь на самом-то деле у меня даже в мыслях не было жениться на ней! Я всего лишь искал в ее обществе утешения после того, как жестокий рок разлучил меня с той, которую я преданно и трепетно люблю на всю свою оставшуюся жизнь!

— Вот как? — Я аккуратно поставил на место взведенный уже было курок револьвера и наострил уши. — Выходит, ты не испытываешь к Бетти нежных чувств? Значит, у тебя где-то есть другая девушка? И кто же она?

— О, эта девушка — подлинный сосуд самой неземной, поистине божественной красоты! — захлебываясь слезами, сообщил мне Бизз, раскачиваясь на стуле и утирая глаза моей банданой. — Ее зовут Глория ла Веннер, и она поет по вечерам в салуне «Серебряный сапог», самом большом заведении в Боевом Кличе. Мы с ней собирались пожениться, но...

* * *

Но тут чувства окончательно захлестнули Риджуэя, и он разрыдался в голос.

— И вот в нашу судьбу вмешался злой рок! — слегка успокоившись, простонал он. — Меня навеки изгнали из Боевого Клича, и у меня нету ни малейшей надежды когда-либо туда вернуться. Случилось так, что я вроде как невзначай слегка отпихнул тамошнего бармена гвоздодером, а его, совершенно нехстати, потрянул алоплексический удар или что-то вроде того. Одним словом, вскоре он помер, а во всем обвинили меня. Пришлось срочно бежать из ихнего городка, причем я даже не успел ни слова сказать своей возлюбленной о том, куда направляюсь! — Риджуэй снова утер глаза моей банданой. — И вот теперь, — всхлипывая продолжил он, — я не осмеливаюсь туда вернуться, ведь тамошние жители отчего-то настолько предубеждены против меня, что угрожают арестовать при первом же моем появлении и вздернуть на ближайшем дереве! А моя несчастная возлюбленная наверняка уже выплакала все глаза и надорвала свое сердце, ожидая, когда я наконец появилось, чтобы объявить о нашей помолвке! Я же тем временем вынужден влачить свои жалкие дни здесь, в изгнании! О бедный я, несчастный!

С этими словами Бизз вдруг заплакал навзрыд, уткнувшись хлопающим носом прямо в мое плечо. Я в некотором смущении, но довольно решительно отодвинул его от себя, и тогда он повалился лицом вниз на кровать, по-прежнему сотрясаясь в рыданиях.

— Тогда почему же ты до сих пор не написал ей письмо, проклятый дурень? — все еще с некоторой долей недоверчивости спросил я.

— Только потому, что, к стыду своему, я так и не научился ни читать, ни писать, — провыл Риджуэй. — А доверить столь деликатное дело кому-то другому я не решался. Моя Глория такая красавица; наверняка тот, кому бы я ни поручил отвезти весточку, сразу же забудет обо всем на свете и примется волочиться за моей ненаглядной! — Тут Бизз судорожно вцепился в мою руку и проговорил сквозь слезы: — Брекенридж! У тебя такое славное, честное лицо! И уж я-то, во всяком случае, никогда не верил во все те гадости, какие про тебя рассказывают! Так почему бы тебе не съездить в Боевой Клич, чтобы передать от меня весточку моей любимой?

— Я готов сделать гораздо больше, лишь бы ты не вертелся рядом с моей Бетти! — сгоряча заявил я. — Просто возьму и привезу твою Глорию сюда, в Гошен, и вся недолга!

— Ты настоящий джентльмен! — воскликнул Риджуэй, пылко трясая мою руку. — Никому другому я просто не осмелился бы доверить столь священную миссию! Думаю, лучше обойтись совсем без письма, ведь, поскольку мы с тобой оба не умеем толком писать, мне пришлось бы посвящать в свою сокровенную тайну кого-нибудь еще. Самое простое, ежели ты прямо сейчас отправишься в Боевой Клич, найдешь там в ихнем самом большом салуне

«Серебряный сапог» малого по имени Туз Миддлтон и спросишь у него, как бы тебе увидеться с Глорией ла Веннер.

— Договорились! — кивнул я. — Пожалуй, придется нанять коляску, чтобы все выглядело прилично, когда мы с твоей девушкой вернемся обратно.

— А я останусь тут и буду считать мгновения, оставшиеся до той поры, пока ты не появишься на горизонте вместе с той, которую я так трепетно и нежно люблю! — с великим воодушевлением воскликнул Риджуэй, потянувшись к стоявшей у него под кроватью бутылке виски.

Ну, раз так, значит, так. Я повернулся и, намереваясь побыстрее покончить с этим делом, поспешил прочь из комнаты; но не успел сделать даже нескольких шагов, как налетел на того самого жалкого карлика по имени Радвелл Шэпли-младший, о котором упомянул Риджуэй. Шэпли был одет в смешотворную куртку на обезьяньем меху, в непристойные обтягивающие штаны для верховой езды и в мягкие лакированные английские сапожки. Мы столкнулись с ним прямо в дверях «Испанского мустанга», и этот тип жалобно пискнул, и отшатнулся назад, и отчаянно закричал:

— Не надо! Не стреляй в меня, Брекенридж!

— А кто тут вообще говорит о стрельбе? — слегка раздраженно поинтересовался я.

Тут этот заморыш вроде как немного пришел в себя, и лицо его малость порозовело. Он окинул меня с ног до головы таким взглядом, будто перед ним был не я, а какой-то людоед из детской сказки или еще что-нибудь в том же духе. Впрочем, он всегда на меня так смотрел.

— Послушайте, мистер Элкинс! — решился он открыть рот. — Ведь ваши родные края находятся довольно далеко отсюда, не так ли?

— Ага, — кивнул я. — Совершенно верно. Я родом с той Медвежьей речки, что в Неваде.

— Вот как?! — воскликнул он с совершенно непонятной мне надеждой в голосе. — Надеюсь, вы вскоре будете иметь счастье вернуться к себе на вашу любимую родину?

— Не-а, — ответил я. — Конечно, грустно, но, вероятно, мне придется пробыть в здешних краях всю осень.

— Ах вот как! — пробормотал он с таким скорбным выражением лица, будто его только что лягнул в задницу мул.

Странно было видеть, насколько этот малый огорчился всего лишь только из-за того, что я так не скоро попаду домой; он сделался вообще прямо как в воду опущенный!

Да и, собственно говоря, какого дьявола такой нелепый тип, как Радвелл Шэпли-младший, вообще пожаловал в Гошен? Однажды я спросил его об этом в лоб, и знаете, что ответил мне этот шут гороховый? Он, видите ли, вдруг почувствовал настоящую необ-

ходимость попробовать жизнь, так сказать, в сыром виде, просто чтобы понять, какова она на вкус! Такой, говорит, у меня был порыв души. Ну сырая, так сырая. Я и решил, что это он про жратву. Мало ли на свете чудиков! Правда, повар из ресторанчика Ларами утверждает, что чертов сосунок ест такие же хорошо прожаренные бифштексы, как все нормальные люди!

Ну да ладно. Я быстро заседлал Капитана Кидда и тронулся в сторону Боевого Клича, который находился в нескольких десятках миль к западу от Гошена. В мои намерения не входило тратить время попусту, поскольку чем быстрее я разобрался бы с этим делом, тем быстрее мог снова оказаться рядом с Бетти, получив наконец полную свободу действий. Разумеется, того же самого результата можно было бы добиться куда проще — всего лишь пристрелить Бизза. Но, к сожалению, я не мог предсказать заранее, как Бетти отнесется к такому повороту событий. Ведь женщины, они в этом смысле все какие-то малость чудные!

Я рассчитывал мирно пообедать в «Охотничьей хижине», кабачке, стоявшем прямо посреди прерии, примерно на полпути из Гошена в Боевой Клич. Но неподалеку от этого кабачка мне навстречу неожиданно попался очень странно выглядевший всадник. Сильно скособохась в седле, он с большим трудом двигался мне навстречу, на восток.

Когда всадник подъехал поближе, я сразу признал в нем одного знакомого ковбоя, по имени Тамп Гаррисон, но сейчас этого малого словно только что пропустили через мельничные жернова. Поля шляпы были целиком оторваны от тульи и болтались на шее, словно какой-то диковинный воротник, а одежда была начисто изодрана в клочья. Физиономия у парня представляла из себя одну сплошную ссадину; вдобавок ко всему левое ухо выглядело таким образом, будто его совсем недавно кто-то жевал. Причем очень долго и очень упорно.

— Угодил в торнадо? — подъехав поближе, поинтересовался я. — И как долго оно тебя крутило?

Тамп Гаррисон принялся крайне подозрительно разглядывать меня тем единственным глазом, каким еще мог смотреть на мир.

— А, это ты, Брекенридж! — после тягостного раздумья наконец произнес он. — Извини. Просто я сейчас очень туго соображаю, вот и не признал тебя сразу. По правде говоря, — добавил он, нежно поглаживая шишку на голове размером с хорошее индюшечье яйцо, — вряд ли прошло больше трех минут с тех пор, как мне с огромным трудом удалось припомнить свое собственное имя!

— Так что же с тобой все-таки стряслось? Расскажи! — сильно заинтригованный, попросил я.

* * *

Гаррисон боязливо развел руками, словно пытался убедиться, что они по-прежнему приделаны к его плечам.

— Видишь ли, я не совсем уверен,— начал он, сплунув на землю два или три зуба, мешавших ему говорить.— То есть, по крайней мере, я не совсем уверен в том, что случилось потом, уже после того, как об мою голову раскололась та ножка от стола. Потому как после этого момента многие вещи видятся мне как бы в тумане. Но что касается всего предыдущего, моя память безупречна. А ежели быть совсем кратким, Брекенридж,— пояснил Тамп, приподнимаясь на стременах, чтобы почесать свои штаны как раз в том месте, где на них виднелся большущий отпечаток подметки сапога,— я внезапно понял, что временно не являюсь желанным гостем в «Охотничьей хижине»! И хотя ты — здоровенный парень, я бы очень посоветовал тебе пока не соваться в это заведение. Ну, например, как если бы ты вдруг стал негром, китайцем и индейцем сразу!

— Это общественное заведение! — сурово сказал я.

— Как бы не так! — возразил Гаррисон, производя правой ногой такие движения, словно хотел удостовериться, что она по-прежнему присоединена к телу.— Да, возможно, оно таким и было. Но только до тех пор, как Лось Харрисом, бизоний браконьер, не вздумал ос-

тановиться там, намереваясь хорошо провести время! Видишь ли, Лось очень не любит домашнюю скотину, а заодно — всех тех, кто хоть как-то с ней связан. Он сам об этом сообщил, а затем шарахнул меня по голове той ужасной колотушкой, какой хозяин «Охотничьей хижины» обычно вышибает пробки из пивных бочек!

Гаррисон перевел дух, выплонул еще один мешавший ему зуб и продолжил:

— А еще этот Лось добавил, что не потерпит, чтобы во время евовного отдыха ему докучали всякие там проклятые тexasские ковбои, мешая малость расслабиться после трудов праведных. Сказав это, подлец надел мне на голову колесо от рулетки.

— Но ведь ты вовсе не из Техаса! — недоуменно возразил я. — Ты же откуда-то с Востока!

— Именно это я и пытался ему втолковать, когда он плясал у меня на животе; чуть грудную кость не сломал! — печально ответил Тамп. — Но он возразил, дескать, у него слишком широкий взгляд на проблему в целом, чтобы беспокоиться из-за таких мелких подробностей. По его словам, все ковбои есть не что иное, как пожирающая лучшие охотничьи уголья чума на теле матушки-земли, притом абсолютно вне зависимости от того, откуда они родом!

— Он что, в самом деле так сказал? — несколько раздраженно переспросил я. — Ну

что ж, ему повезло! Поскольку у меня сейчас нету времени сводить счета с глупыми охотниками. Ведь я, из сострадания к ближнему своему, занят весьма важным делом. Но пусть этот дурень не вздумает при мне трепать своим длинным языком! Потому как я твердо намерен пообедать в «Охотничьей хижине», даже если там соберутся разом все бизоньи браконьеры, сколько их ни есть в прериях к северу от Цимаррона!

— Я бы отдал последний доллар, чтобы посмотреть на эту потеху! — грустно вздохнул Тамп. — Но мой последний глаз закроется уже совсем скоро, и мне хотелось бы в этот момент находиться среди друзей. Желаю удачи!

Сказав так, он потрусил дальше, в Гошен, а я прищпорил Капитана Кидда и спустя несколько минут был уже около «Охотничьей хижины», где сразу заметил привязанного к коновязи большущего гнедого коня. Напоив Кэпа, я вошел внутрь помещения.

— Тссс! — шепнул метнувшийся мне навстречу бармен. — Уезжайте отсюда побыстрее! В гостевой комнате спит Лось Харрисом!

— Ну и что? — пожав плечами, я уселся за стол, который находился рядом со стойкой бара. — Я проголодался! Принесите мне бифштекс с картошкой и огурцами, а к нему — кварту кофе и банку консервированных персиков. Но чтобы обязательно без косточек! А покуда готовят еду, подайте-ка

сюда бутылочек девять или десять пива; мне необходимо срочно смыть дорожную пыль со своей глотки!

— Прислушайся к доброму совету, парень! — сказал бармен. — Поразмысли как следует, пораскинь, черт возьми, своими мозгами! Ведь ты так молод, а жизнь так прекрасна! Разве тебе не приходилось слышать, что Лось Харрисом готов бросаться на все, хоть немного напоминающее ковбоев, словно бык на красную тряпку? А уж когда он принимается кутиль напропалую и хлестать виски ведрами, вот как сейчас, он вообще превращается в зверя, прям в пантеру какую-то. В нем не остается ничего человеческого! От его лап уже пало больше народу, чем в битве при Геттисберге!

— Не будете ли вы так добры перестать бляеть? — вежливо попросил я бармена. — Да поторопите своих на кухне!

— Хорошо, хорошо! — торопливо прошептал он, печально покачав головой. — В конце концов, парень, это ведь ты рискуешь собственной шкурой, а не я! Постарайся, по крайней мере, не поднимать шума. Лось поклялся, что вытряхнет душу из всякого, кто посмеет его разбудить!

Я ответил, что очень спешу и что у меня нет ни малейшего намерения ни с кем заводить ссору, и тогда бармен на цыпочках прокрадся в кухню и там шепотом передал мой заказ повару, после чего притащил мне девять

или десять бутылок пива, а затем совершенно бесшумно скользнул за стойку бара и притаился там, время от времени поглядывая в мою сторону с самым скорбным и меланхолическим выражением лица.

А я стал пить пиво, и, пока я его пил, мне не давала покоя одна мысль: с какой стати этот Лось Харрисом набрался такой ужасной наглости приказывать всему миру, чтобы, покуда он дрыхнет, все остальные вели себя тише воды ниже травы?! Но хочу сказать: те, кто утверждает, будто бы я нарочно швырнул опустевшие бутылки из-под пива в дверь задней комнаты только для того, чтобы разбудить этого самого Харрисома, — отъявленные лжецы! Ничего такого я не делал!

Просто-напросто, когда официант принес мне мою жратву, я захотел малость очистить стол, чтобы освободить место для тарелок и прочего; только поэтому я и отодвинул слегка те пустые бутылки в сторону. И почему-то они сами вдребезги разбились об дверь комнаты. Вдобавок ко всему откуда ж мне было знать, что Лося Харрисома может разбудить столь незначительное пустячное происшествие!

Грохот бьющегося стекла еще не стих, но бармен, застонав в отчаянии, уже нырнул под стойку. Официант, как испуганный кролик, метнулся в кухню, а уж оттуда выскочил наружу через заднюю дверь и пустился вдогонку за поваром, который к тому вре-

мени почти совсем исчез из виду, затерявшись на бескрайних просторах прерий. И тут из комнаты донесся в высшей степени примечательный, поистине нечеловеческий рев.

В следующее мгновение дверь с треском слетела с петель, и в помещение бара, размахивая кулаками, ворвался какой-то мерзкий тип в одежде из бизоньих шкур. Он и так был довольно большим, но от злобы раздулся чуть ли не вдвое. Борода и остальная растительность на голове были всклокочены, а глаза налились кровью не хуже, чем у вдрызг пьяного команча.

— Проклятье! — проскрежетал он голосом, от которого в заведении разом треснули все оконные стекла.— Какого дьявола?! Неужели меня подводит зрение, лопаются мои глаза? Да неужто я на самом деле вижу здесь какого-то замухрышку-ковбоя, рассеявшегося в моем баре за лучшим столом и пожирающего бифштекс с таким видом, как будто он есть настоящий белый человек?!

— Попридержи язык или я заставлю тебя проглотить твои оскорбления! — взревел я, вскакивая из-за стола; и тут Харрисом малость выпучил глаза, разглядев наконец, что я выше его ростом дюйма на три.— У меня ничуть не меньше прав находиться здесь, нежели чем у тебя!

— А ну, выбирай оружие! — завыл Лось как ураган в печной трубе. К тому времени я уже

разглядел у него за поясом огромный мясницкий нож да еще пару шестизарядных в растегнутых кобурах.

— Выбирай сам! — презрительно фыркнул я. — Ну, а ежели, как я слышал, ты считаешь себя таким мастаком по части помахать кулаками, тогда снимай к чертям собачьим оружейный пояс, и я голыми руками оторву тебе уши!

— Вот это мне подходит! — прорычал он. — Счас я разукрашу весь бар гирляндами из твоих потрохов!

Сказав так, он взялся за оружейный пояс с таким видом, будто и впрямь собирался его растегнуть, но затем его рука быстрее молнии метнулась к рукоятке револьвера. Однако я ждал от него подобной бесчестной выходки, и шестизарядный в моей правой руке выпалил как раз в то мгновение, когда дуло его пушки уже смотрело мне в грудь.

Чуть погода бармен осторожно высунул голову из-за стойки.

— Ни хрена себе! — заявил он, глядя на меня безумными глазами. — Ты успел-таки выхватить пушку раньше, чем Лось Харрисом, и уложил его на месте? А ведь у него было преимущество! Ежели бы я не видел этого сам, нипочем бы не поверил! Но теперь его друзья возьмутся за тебя. Да так, что только держись! Будут выслеживать днем и ночью.

— Но разве это не была чистая самозащита? — требовательно спросил я.

— Ясное дело! — торопливо подтвердил бармен. — Но для этих полубезумных, неотесанных и поросших дикой шерстью обдирателей бизоньих шкур совершенно неважно, кто прав, а кто виноват. У них свои понятия о справедливости. Возвращайся-ка ты лучше в Гошен, парень. Туда, где у тебя есть друзья!

— Не могу, — сказал я. — У меня в Боевом Кличе весьма важное дело. Черт возьми, мой кофе совсем остыл! Не будете ли вы так добры убрать отсюда эту тупу, а заодно подогреть мне кофе?

И тогда бармен начал вытаскивать тело Харрисона за дверь, проклиная покойника за неподъемный вес. У порога он остановился, чтобы перевести дух, и потребовал от меня помощи. Но я покачал головой — нет, это не мой салун, а также отказался платить за тот графин с виски: Харрисон разнес его вдребезги своим предсмертным выстрелом. Бармен почему-то пришел в ярость и заявил, что будет очень рад, когда бизоньи браконьеры поймут меня и вздернут. А я сказал, нет, это вряд ли, потому как им надо не просто поймать меня, а поймать меня без моих револьверов, а я не расстаюсь со своими любимыми пушками, даже когда сплю.

Ну а потом я все-таки как следует пообедал, после чего поспешил напрямик в Боевой Клич.

Я добрался туда незадолго до заката и по дороге опять успел здорово проголодаться, но все же твердо решил сначала увидеться с девушкой Бизза. Поэтому я сразу поставил Капитана Кидда в платную конюшню, приглядел за тем, чтобы ему задали побольше корму, а затем, не мешкая, направился в «Серебряный сапог», который действительно оказался самым большим заведением во всем городке.

В салуне шло какое-то шумное веселье. Среди гуляк не оказалось ни одного ковбоя. Зато сплошь и рядом бизоньи браконьеры, всякого рода картежники, а также военные и торговцы. Кажется, я уже говорил, что скотогонов Боевой Клич мало привлекал, ведь в этом городке не было ни крупных покупателей, ни перевалочных загонов для скота. Да и в смысле развлечений этот глухой городишко Гошену даже в подметки не годился!

Войдя в заведение, я спросил у бармена, где мне найти Туза Миддлтона, и он указал мне на одного здоровенного малого с сильно напояженными усами и выпяченным пузом, едва прикрытым модным жилетом, по которому струилась золотая часовая цепочка, размерами скорее смахивавшая на колодезную. Еще я обратил внимание на отлично сшитый костюм и замысловатый галстук с бриллиантовой заколкой в виде лошадиного копыта.

Ну ладно, подошел я к нему, и он окинул меня взглядом, не сулившим ничего хорошего.

— Вот как? — сказал Миддлтон. — Значит, к нам пожаловал ковбой? Что ж, твои деньги ничуть не хуже, чем чьи-то другие. Ешь, пей, веселись, но помни свое место. И главное, смотри не вздумай затеять здесь ссору!

— Я никогда ни с кем не затеваю ссор! — с достоинством ответил ему я. — И вообще, я пришел сюда не веселиться. Мне нужно срочно повидаться с Глорией ла Веннер!

Стоило мне произнести такие слова, как он судорожно дернулся, подавившись своей сигарой. Смех и разговоры вокруг нас мгновенно стихли, а все находившиеся поблизости разом обернулись в мою сторону.

— Как?! — прохрипел Туз Миддлтон, наконец выплюнув свою сигару. — Неужели меня не подвел слух и ты действительно только что заявил, будто хочешь повидаться с Глорией ла Веннер?!

— Ну да, — недоуменно пожал плечами я. — А что тут такого? Я собираюсь забрать ее с собой в Гошен, чтобы она могла спокойно выйти там замуж за...

— Ах ты... — Он схватил ближайший столик, с корнем оторвал от него ножку и изо всей силы огрел меня этой ножкой по голове.

Клянусь, все случилось совершенно неожиданно, вот почему проклятому Миддлтону удалось-таки застать меня врасплох. Ведь я спер-

ва понятия не имел, зачем ему понадобилось ломать стол, а потому просто не успел уклониться от удара. И ежели бы у меня на голове не было моей любимой стетсоновской шляпы, мерзавец как пить дать проломил бы мне череп.

Но, к счастью, шляпа оказалась на месте, и поэтому удар просто отбросил меня назад, на толпу зевак. Пока я пытался восстановить равновесие, трое или четверо вышибал успели схватить меня за руки и мигом выгудили у меня из кобуры револьверы.

— Вышвырните его вон! — проревел Туз. Он вел себя, словно буйно помешанный дикарь, а его лицо так налилось кровью, что сделалось иссиня-багровым. — Нет! Погодите! Значит, ты хотел умыкнуть мою девушку, вот как?! Держите его, парни! Держите как следует, покуда я не разукрашу как следует евонное свиное рыло!

С этими словами он набросился на меня и, пользуясь тем, что вышибалы по-прежнему висли на моих руках, довольно чувствительно стукнул меня по носу. Должен признаться, до тех самых пор я не сопротивлялся, потому как был слишком изумлен всем происходящим. Но тут уж Туз зашел слишком далеко. Непозволительно далеко даже для такого ненормального психа, каким он несомненно оказался!

Поскольку никто не догадался держать меня еще и за ноги, я подогнул их и пнул Туза в

живот со всей силы. Он, придушенно вскрикнув, отлетел далеко в сторону и повалился на пол, свернувшись в клубок. А я тем временем принялся втыкать свои шпоры в ноги вышибалам, и они завопили благим матом, отпустив наконец мои руки. Как раз в этот момент какой-то подлец огрел меня по уху дубинкой.

Тут уж я взбеленился окончательно и нагнулся, чтобы вытащить из-за голенища охотничий нож, но какой-то здоровенный рыжий сосунок изо всех сил пнул меня ногой в лицо, когда я нагибался. Его удар выпрямил меня как раз настолько, чтобы я смог от души врезать этому чудаку в челюсть, и тот, не издав ни звука, рухнул прямо на Туза, который все еще катался по полу, держась руками за живот, и слабым голосом призывал на помощь.

Пока я разбирался с тем рыжим, сзади мне на спину прыгнул еще один низкопробный мерзавец, который стал душить меня сзади за шею и одновременно лупцевать по голове медным пестиком. Такое дело мне очень сильно не понравилось, я резко нагнулся и перебросил подлеца через голову, а затем пару раз лягнулся, сбив со спины на пол еще парочку негодяев. Но тут ко мне сбоку подкрался какой-то бандит со шрамом на роже и со всего размаху ударил колотушкой, какой обычно вышибают затычки из бочек. Я рухнул на колени и начал сомневаться, уце-

лел ли мой череп и на сей раз. Воспользовавшись моей секундной нерешительностью, на меня с радостными воплями набросилось еще человек шесть или семь разом, и тут уж я увидел, что, несмотря на все мое прирожденное миролюбие, без насилия мне обойтись ну никак не удастся. Поэтому я вытащил-таки свой охотничий нож и принялся с его помощью пробивать себе дорогу сквозь жаждавшую моей крови толпу! Трудно поверить, но они скатились с меня и бросились во все стороны даже быстрее, чем если б на моем месте был кугуар! Они рассыпались кто куда, окропляя пол салуна кровью, истошно вопя и призывая на помощь, и я наконец поднялся на ноги, вздохнул полной грудью и взревел, весь вне себя от охватившей меня буйной ярости!

* * *

Тут кто-то выстрелил в меня сзади, и тогда я круто обернулся, пытаясь определить, откуда именно стрелял очередной подлец, но именно в этот момент через наружные двери вбежал человек с револьвером и навел этот револьвер на меня. Я уже шагнул в его сторону, имея самые серьезные намерения проткнуть чудака своим ножом насквозь, как вдруг он завопил:

— Брось оружие! Бросай его сейчас же, кому говорю! Я — шеф городской полиции, и отныне ты под арестом!

— За что? — резко спросил я. — Ведь я еще ничего такого не успел сделать!

— Ничего?! — свирепо заскрежетал зубами нетвердо державшийся на ногах Туз Миддлтон, которого поддерживали под руки его прихвостни. — Конечно ничего! Всего лишь отрезал по несколько кусочков от пяти или шести самых видных граждан нашего города! А еще вот тут, прямо у меня под ногами, валяется без чувств, но зато со сломанной челюстью мой самый лучший вышибала, Рыжий Крохан! А уж о таких пустяках, как мой желудок, размазанный по моему собственному хребту, вообще говорить не приходится! Ох! Чтоб ты лопнул! Не иначе как среди твоих предков затесался на редкость здоровенный мул!

Сантри! — малость переведа дух, приказал Туз Миддлтон шефу полиии. — Этот человек явился сюда пьяный, начал буйствовать и угрожать присутствовавшим, после чего затеял драку без малейшего к тому повода! Тебе надлежит выполнить свой долг и немедленно арестовать проклятого преступника!

Черт с вами, подумал я. Во-первых, отец вечно втолковывал мне, чтобы я никогда и ни при каких обстоятельствах не оказывал сопротивления представителям закона. Во-вторых, полицейский все равно уже забрал мой пистолет, а в-третьих, вокруг толпилась такая куча народу и все они так орали, ру-

гались и галдели, что в результате я вроде как даже пришел в легкое замешательство. А когда мне надо как следует обдумать дальнейшие действия, я люблю шевелить мозгами где-нибудь в тихом, спокойном месте, и еще очень желательно, чтобы у меня имелось достаточно времени на эти самые размышления.

Ну а дальше Сантри первым делом защелкнул на моих запястьях наручники, после чего вытолкнул меня из салуна и повел по улице, причем следом за нами тащилась большая толпа зевак и они всю дорогу отпускали замечания, которые им самим наверняка казались весьма ехидными. Так мы дошли до бревенчатого барака с зарешеченным задним окном и толстой дверью. Тогда Сантри снял с меня наручники и втолкнул внутрь, после чего запер дверной замок. В общем, оказался я в тюрьме, так и не сумев даже словечком перемолвиться с Глорией ла Веннер. Надо сказать, подобное положение дел расстроило меня до глубины души.

Тем временем толпа зевак, продолжая ругаться и толкаться, развернулась и валом повалила назад, в «Серебряный сапог», чтобы поглазеть, как там зашивают тех парней, что в недавней свалке ненароком наскочили на мой охотничий нож. Ушли все, кроме одного очень толстого малого, который, зевая, сообщил мне, что он — мой тюремщик. Пос-

ле чего этот толстяк тут же преспокойно уселся прямо под дверями тюрьмы, положив на колени двуствольный дробовик, и мгновенно заснул.

Ну да ладно.

Внутри тюрьмы было совершенно пусто, ежели не считать койки, на которой сверху валялась старая шерстяная попона, да еще деревянной скамейки. Койка, конечно же, оказалась слишком короткой, чтобы на ней можно было спать хоть с какими-то удобствами, поскольку ее делали в расчете на человечка всего шести футов ростом. Поэтому я просто уселся на нее и стал ждать, когда кто-нибудь придет и принесет мне пожарть.

Немного погодя к тюрьме снова пришел шеф полиции, но никакой жратвы он не принес, а всего лишь заглянул внутрь через окно и снова принялся ругать меня на чем свет стоит, а потом заявил:

— Тебе еще повезло, что ты не зарезал никого из тех парней в салуне насмерть! Но раз уж так вышло, то мы, может быть, и не станем тебя вешать!

— Ежели мне не принесут чего-нибудь пожарть в самом скором времени,— сварливо ответил я,— то вы не сумеете повесить меня, даже если очень захотите! Вы что, вознамерились дожидаться, покуда я помру с голоду в вашей проклятой тюрьме?

— Мы не намерены поощрять преступность в нашем городе, обеспечивая преступников

дармовым пропитанием! — ответил мне полицейский. — Так что, ежели хочешь жрать, дай мне денег, и я куплю тебе еду!

Тогда я сказал ему, что у меня нету никаких денег, кроме пяти баксов, какими я думал уплатить штраф, а он рассмеялся и заявил, дескать, эти пять баксов и близко не стоят к сумме моего штрафа, такой он будет большой. После подобных разъяснений я поскреб в затылке и отдал ему свои последние деньги на жратву, а он забрал их и ушел.

Я все ждал и ждал, а Сантри все не шел и не шел. Поэтому я стал кричать, пытаюсь разбудить своего тюремщика, но тот продолжал громко храпеть под дверью и даже не пошевелился. И тут я вдруг услышал, как рядом с окном кто-то довольно громко сказал мне:

— Тс-с-с!

Я подошел к окну, выглянул наружу и увидел у стены женщину. Над прериями висела яркая полная луна, от которой было светло почти как днем, а потому я сумел разглядеть ее лицо. Незнакомка была чертовски хороша собой!

— Меня зовут Глория ла Веннер, — представилась она. — Я рискую жизнью, появившись здесь! Но мне ужасно хотелось посмотреть на человека, который осмелился подойти прямо к Тузу Миддлтону и объявить ему, что ищет встречи со мной!

— А чего уж тут такого безумного? — спросил я.

— Как? Разве вы не знаете? Туз уже застрелил троих парней только за то, что они попытались ухаживать за мной! — воскликнула Глория ла Веннер. — Конечно, мужчина, который сумел одним ударом сломать челюсть Рыжему Крохану, силен как гризли, но все равно: сказать Тузу, будто вы хотите жениться на мне, — чистейшее безумие!

— А-а, — протянул я, — вот оно в чем дело! Значит, вышло небольшое недоразумение. Но ведь этот ваш Туз не дал мне и слова вставить! Жениться на вас хотел не я, а совсем другой человек. И все равно никак не пойму, кто дал Миддлтону право вмешиваться? Ведь у нас — свободная страна!

— Вот и я так думала! — грустно вздохнула женщина. — До тех пор пока не начала работать на этого человека. А потом, к несчастью, он влюбился в меня. Тут-то все и началось. Туз оказался ревнивым до безумия, он даже не позволяет никому просто поговорить со мной. Я живу в Боевом Кличе практически на положении узницы; Миддлтон все время зорче ястреба следит за мной. У меня нет ни малейшей возможности бежать от него, потому что никто во всем городе не осмеливается помочь мне. Даже в платной конюшне отказываются предоставить мне лошадь во временное пользование за мои же собственные деньги!

Она немного помолчала, переводя дух, а потом продолжила:

— Вы, наверно, уже поняли, что Миддлтон подчинил себе почти весь город; большинство людей ходит у него в должниках. А остальные просто запуганы. Я уже начинаю думать, что мне суждено провести остаток своих дней на положении его рабыни! — с неподдельным отчаянием воскликнула Глория.

— Ни в коем случае! — заверил ее я. — Как только мне удастся передать весточку своим друзьям в Гошен, чтобы они ссудили мне денег, а потом прислали сюда сумму, достаточную для уплаты штрафа, и вытащили меня из этой дурацкой тюрьмы, я сразу же заберу вас с собой в Гошен, где ваш возлюбленный сгорит от нетерпения, считая часы в ожидании встречи с вами!

— Мой возлюбленный? — слегка удивившись, спросила Глория. — Но кого вы имеете в виду?

— Разумеется, Бизза Риджуэя, — ответил я. — Кого же еще? Он как раз сейчас в Гошене, но, поскольку в Боевой Клич ему путь заказан, он попросил съездить за вами меня.

Девушка некоторое время молчала, а затем снова заговорила, но уже более торопливо:

— Хорошо. Пусть будет так. Но теперь мне необходимо спешить назад, в «Серебряный сапог». Иначе Туз Миддлтон заметит мое отсутствие и примется повсюду искать. Сегодня же я найду Сантри и уплачу ему причитающийся с вас штраф. А когда он вас выпустит, приходите к задней двери «Серебряного сапога» и жди-

те меня там. Я выйду, как только мне снова удастся ускользнуть из-под надзора.

Ну, я конечно согласился, и девушка поспешно ушла. Тюремщик, продолжавший храпеть под дверями во время нашего разговора, даже ухом не повел. Зато минут через пятнадцать после того, как ушла Глория, он вдруг вскочил как ошпаренный. И было от чего: по улице, направляясь в сторону тюрьмы, двигалась целая толпа отчаянно ругавшихся и громко вопивших мужчин.

— Та-та-та! — воскликнул тюремщик. — В эту сторону прет не кто иной, как сам Брант Хансон, во главе целой кучи своих приятелей, бизоньих браконьеров. Они тащат с собой здоровенную веревку и направляются не иначе как напрямик к тюрьме!

— Как ты полагаешь, кто им тут нужен? — поинтересовался я.

— А чего тут полагать, ведь в тюрьме, кроме тебя, все равно никого нету! — язвительно ответил тюремщик. — А через минуту и рядом с ней никого не будет, кроме тебя и этих парней. Потому как я уношу ноги! Когда Хансон и его свора в стельку пьяные начинают колобродить вот таким вот образом, им все равно, в кого стрелять! Лишь бы пострелять. А мне жить еще пока не надоело!

С этими словами тюремщик аккуратно положил возле стены дробовик, быстро свернул за угол барака и рванул прочь от тюрьмы, да так, что только пятки засверкали.

А минуту спустя человек пятнадцать бизонных браконьеров, все в одежде из кожи, со всклокоченными волосами, возбужденно толпились около тюрьмы, пытаясь вышибить дверь. Но дверь оказалась довольно-таки прочной и не поддавалась. Тогда они обошли бревенчатый барак вокруг и стали заглядывать в окно.

— Вон он сидит,— сказал один из них.— все в порядке, парни! Давайте просто пристрелим его, прямо через окно.

— Не-а,— отозвался другой.— Так не пойдет! Надо сделать все честь по чести!

Тут я решил поинтересоваться, чего они хотят.

— Повесить тебя! — с большим воодушевлением ответили они.

— Вы не можете так поступить! — возразил я.— Потому как это против закона!

— А нам плевать! — заявил самый здоровенный из браконьеров, которого все остальные звали Хансоном.— Ты застрелил Лося Харрисома, и ты умрешь!

— Но все было честно! — возмутился я.— Этот ваш Лось первым напал на меня, и шансы у нас были равные!

— Достаточно словесных уверток! — проревел Хансон.— Я не желаю тебя больше слушать! Все равно мы уже твердо решили тебя вздернуть, а потому всякие дальнейшие споры на эту тему излишни! Сюда, парни! — командовал он своим спутникам.— Вяжите веревку вон за те перекладины, а затем мы

подналяжем и выдернем всю решетку целиком! Так получится куда проще, чем ломать ту дурацкую дверь. И давайте покончим с этим поживее, потому как я тороплюсь назад, в «Ревущий бизон», где меня ждут партнеры по покеру!

Ну, значит, накинули они свою веревку на решетку, и навалились все вместе, и крякнули, и поднатужились; несколько перекладин выскочили из бревен с одной стороны окна. А я подобрал скамейку и стал ждать, полный решимости разбить головы всем тем идиотам, какие вздумают полезть внутрь, но тут, сильно запыхавшись, прибежал еще один малый.

— Пойдите, парни! — заорал он. — К чему тратить силы понапрасну! Я только что встретил Сантри в казино «Королева Топеки», где он просаживает денежки, какие ему удалось выманить у этого дурня-ковбоя, и он, узнав о наших затруднениях, дал мне ключи от тюрьмы!

Тут браконьеры радостно завопили, бросили возиться с решеткой и беспорядочной толпой вновь побежали к входной двери. Я быстро заклинил ту дверь скамейкой, вернулся к окну и вырвал те перекладки решетки, которые уже были расшатаны людьми Хансона. Мне было хорошо слышно, как они переговариваются и гремят ключами, а когда я уже вылезал в окно, один из линчевателей недоуменно сказал:

— Странно! Замок открылся, а дверь один черт не поддается. А ну-ка, навалимся на нее как следует, парни!

Одним словом, покуда они ломились в дверь, я успел обежать тюрьму вокруг и по дороге подобрал дробовик тюремщика. Тут как раз скамейка с треском сломалась, дверь распахнулась настежь, и эти чудаки попытались одновременно ворваться внутрь. Ну и конечно же, они всей толпой застряли в дверном проеме, свирепо ругаясь и проклиная друг друга.

— Прекратите пихаться! — заорал Хансон. — Черт возьми! Он удра! Клянусь кутуаром! Проклятая тюрьма пуста!

Тут я не торопясь навел дробовик и выпалил из обоих стволов по задницам этих дурней. Мне даже не пришлось особо целиться, потому как промахнуться по такой обширной мишени было просто невозможно. Дружный вопль, вырвавшийся из ихних глоток, потряс всю округу. А затем они дружно дернулись и всей гурьбой ввалились внутрь тюрьмы. Причем некоторые так и не сумели остановиться, пока не врезались своими глупыми головами в противоположную стену и не свалились без чувств. Остальные же, споткнувшись об этих бедолаг, тоже попадали на пол.

В результате на полу образовалась куча-мала, от которой неслись такие неистовые вопли и проклятия, что даже дьяволу, пожа-

луй, стало бы тошно. Ну а я быстренько запер дверь и опять побежал к окну, и успел туда как раз вовремя, потому как очень шустрый Хансон уже почти вылез через него наружу. Поэтому я шарахнул его по башке дробовиком; он свалился с окна внутрь и заорал благим матом.

— На помощь! — выл он. — Я получил ужасную, смертельную рану!

— Немедля прекрати свои непристойные вопли! — сурово велел ему я. — Никто из вас пока что серьезно не пострадал! А теперь выкиньте все ваши пушки из окна сюда ко мне и ложитесь на пол, лицом вниз, и лежите смирно. Да поторопитесь, иначе я еще разок хорошенько угощу вас!

Они понятия не имели, что дробовик у меня разряжен, а патронов к нему нету, а потому торопливо повыкидывали наружу все свое оружие и покорно улеглись на пол. Но вот лежать смирно они никак не могли — птичья дробь, засевшая у каждого из них в мягком месте, причиняла довольно сильные и весьма унижительные неудобства; поэтому они вертелись и ерзали на полу, оглашая стены тюрьмы всякими нехорошими громогласными высказываниями, слушать которые было в высшей степени неприятно. Я нагнулся, подобрал с земли пару револьверов и заткнул их за пояс.

— Ежели в течение ближайшего часа какой-нибудь умник решится высунуть свою башку

в окно,—предупредил я этих мелких жуликов,—то он тут же с ней распрощается раз и навсегда!

* * *

Сказав так, я неслышно отошел в сторону и, стараясь держаться тех мест, где было потемнее, направился к платной конюшне.

Ее владелец сидел у стола и при свете фонаря читал газету. Увидев меня, он очень удивился и сообщил мне, что, по его мнению, я должен сейчас сидеть в тюрьме. Я пропустил мимо ушей столь глупое замечание и велел, покуда я седлаю Капитана Кидда, запрячь в коляску самую быструю лошадь.

— Погоди-ка! — ответил он.— До меня дошел слух, парень, будто бы ты заявил Тузу Миддлгтону, что собираешься тайно бежать отсюда с Глорией ла Веннер. Не заказываешь ли ты эту коляску для нее?

— Какая уж тут тайна, ежели я сказал ему это при всех? — удивился я.— И не бежать, а уехать. А коляску я действительно заказываю для нее.

— Видишь ли,—продолжил владелец конюшни,—Туз Миддлгтон — мой друг! И я отказываюсь предоставить тебе мой экипаж с лошадью!

— Тогда не вертись под ногами! — посоветовал я ему.— Так и быть, я сам выберу лошадь и запрягу ее тоже сам!

Тут он ни с того ни с сего вдруг выхватил свой охотничий нож, и мне, против моей воли,

пришлось с ним немного сцепиться. Но во время нашей борьбы этот малый зачем-то стукнулся головой об дышло, которое в тот момент чисто случайно оказалось у меня в руке, после чего он, с каким-то булькающим звуком, повалился на пол и на время успокоился. Тогда я аккуратно связал его и затолкал за ларь с овсом, после чего выкатил наружу коляску и запряг в нее самую лучшую лошадь, какую мне удалось найти в конюшне. Должен сразу сказать: люди, распространяющие повсюду сплетни о том, что я будто бы украл эту упряжку, — отъявленные лжецы! Ведь после тех событий даже года не прошло, как она была возвращена обратно!

Ну да ладно.

В общем, заседлал я Капитана Кидда, привязал его сзади к коляске, сел на козлы и тронулся в сторону «Серебряного сапога», по дороге размышляя о том, как долго те глупые бизоньи браконьеры еще будут валяться на полу в тюрьме, прежде чем сообразят, что я их надул и ушел, а вовсе не прячусь позади тюрьмы с целью расправиться с ними, как только они начнут вылезать через окно.

Я свернул в проезд позади «Серебряного сапога», привязал лошадей к дереву, а потом подошел к задней двери, приоткрыл ее и осторожно заглянул внутрь. Глория ждала прямо за дверью. Женщина прям-таки вцепилась в меня, и я почувствовал, что она вся дрожит.

— Я уже думала, что вы никогда не придете! — прошептала она. — Осталось всего несколько минут до моего следующего выступления. Я жду вас здесь с того самого времени, как уплатила этому Сантри причитающийся с вас штраф. Отчего вы так сильно задержались? Ведь он ушел из «Серебряного сапога» сразу же, как я дала ему деньги! Он должен был выпустить вас давным-давно!

— Он вовсе не собирался меня выпускать, этот вонючий и бесчестный скунс! — проворчал я. — Он просто присвоил ваши деньги, а освободили меня другие люди; кое-кто из... м-м-м... ну, в общем, кое-кто из моих друзей. Что же вы стоите? Залезайте быстрее в коляску!

Я помог девушке взобраться на место кучера и передал ей вожжи.

— Мне придется малость подзадержаться в городе, — сказал я Глории. — Необходимо вернуть кое-какие долги. А вы поезжайте потихоньку вперед и ждите меня возле той тополиной рощицы, что растет чуть к востоку от городка. И не тревожьтесь, я скоро буду!

Дернув за вожжи, Глория поспешно прокатила прочь от «Серебряного сапога», а я залез на Капитана Кидда, объехал вокруг салуна, спешил к передней двери и привязал своего коня возле кормушки. В «Серебряном сапоге» было полно людей. Среди них я разглядел Туза Миддлтона, который,

словно индюк, с самодовольным видом расхаживал по своему заведению, перекатывая во рту большущую черную сигару. Он то и дело отпускал плоские шуточки и одобрительно похлопывал присутствовавших по спинам.

В салуне шло такое бурное веселье, что никто даже не обратил на меня внимания, когда я появился в дверях. Подобная неучтивость немного огорчила меня, и я решил исправить положение, пару раз выпалив в большое зеркало за баром из тех револьверов, какие я недавно одолжил у бизоньих браконьеров возле тюрьмы.

Тогда меня наконец заметили, и бармен жалобно тявкнул, уворачиваясь от града зеркальных осколков. Туз Миддлтона сперва чуть не подавился своей сигарой, а потом кое-как выплюнул ее изо рта и яростно взвыл:

— Чтoб я лопнул! Это опять тот проклятый ковбой! А ну, задайте ему жару, парни!

Но все его вышибалы сделали вид, будто не расслышали Миддлтона. Все, кроме одного. Тот головорез со шрамом на роже, который в прошлый раз едва не оглушил меня деревянной колотушкой, быстро выхватил из-под куртки свою пушку. Но прежде, чем он успел выстрелить, я уже продырявил ему правое плечо, и он грохнулся прямо на столик для карточной игры.

Ну а затем я принялся щедро поливать толпу горячим свинцом, и все они сломя голову

бросились кто куда. Одни начали выпрыгивать через окна и сквозь стеклянную витрину, другие ринулись к боковым дверям. Те, кто рванулся к задней двери, вдруг позабыли, в какую сторону она открывается, и, желая немедленно оказаться на свежем воздухе, разнесли ее вдребезги.

Ну а я, слегка возбужденный происходящим, изрешетил все зеркала в заведении, а затем посбивал почти все светильники, после чего расколошматил большинство бутылок на полках.

Туз Миддлтон нырнул за пивные бочки, составленные в одном из углов, и оттуда принялся было палить в меня, но позицию он выбрал крайне неудачно, не заметив, что оказался прямо под очередным светильником. Я сшиб тот светильник одним выстрелом, и он рухнул на голову Миддлтону. Невозможно описать словами, как истошно завопил Туз, когда горящее масло потекло ему за шиворот!

Он тут же выскочил из-за бочек на открытое место, подпрыгивая и вертясь, стряхивая масло с шеи одной рукой и пытаясь одновременно стрелять в меня другой. И тогда я продырявил ему левую ногу, после чего он рухнул на пол, заревев словно бык, прищемивший хвост в воротах загона.

— Проклятый убийца! За такие фокусы я однажды выпью твою кровь до последней капли!

— Заткнись, болван! — зарычал я в ответ. — Какие там еще фокусы! Я всего лишь вернул тебе должок за все те издевательства и унижения, какие мне пришлось претерпеть здесь, в вашем логове порока и беззакония!

* * *

Как раз в этот момент дурень-бармен слегка высунулся из-под бильярдного стола, попытался выстрелить в меня из обреза, но я с первого же выстрела вышиб дробовик у него из рук. Придурок повалился обратно под стол с истошным воплем:

— Пощади! Я больше не буду!

А сразу вслед за тем раздался другой, почти такой же истошный крик:

— Именем закона, стой! Руки вверх!

И тогда я оглянулся и увидел в дверях жалкого пустозвона по имени Сантри, шефа полиции в этом ничтожном городишке.

— Я вынужден арестовать тебя снова! — заорал он. — Немедля положи на пол свое оружие!

— На этот раз я скорее положу на пол твой труп! — сурово ответил ему я. — Ты недостойн представлять закон. Ты подло проиграл в карты пять баксов, какие я уплатил тебе за еду, которой так и не дождался. И ты присвоил себе деньги, полученные от мисс Глории ла Веннер в качестве штрафа, но не выпустил меня, как обещал, а наоборот —

отдал ключи от тюрьмы толпе пьяниц, жаждавших вздернуть меня на ближайшем дереве. Ты никакой не слуга закона! Ты есть самый гнусный преступник в вашем мерзком городишке! И вот теперь у тебя в руке такой же точно револьвер, как у меня. Игра равная. Либо начинай стрелять, либо бросай свою пушку на пол!

— Погоди! — отчаянно завопил Сантри. — Не стреляй!

С этими словами он отшвырнул револьвер в сторону и поднял руки. Тут я увидел, что у него за пояс заткнуты мой охотничий нож и мой любимый револьвер, и я отобрал их у него, после чего швырнул на бильярдный стол те два сорок пятых, какими я только что пользовался, и сказал:

— Отдашь это барахло тем браконьерам. Мне чужого не надо!

И тут, улучив момент, когда я на мгновение отвлёкся, Сантри выхватил тот тридцать восьмой, какой он таскал в наплечной кобуре, и выпалил в меня почти в упор и промахнулся, всего лишь сбив с меня шляпу. Так что и стрелком этот малый оказался совсем никудышным! Увидев, что промазал, он повернулся и побежал вдоль стойки бара, согнувшись так, чтобы его голова была мне не видна. Но придурок-полицейский совсем забыл про другую часть своего тела. А потому я схватил валявшийся рядом дробовик бармена и всадил добрую порцию дробы из обоих

стволов в эту самую часть, покуда она не успела тоже скрыться из виду!

Сантри истошно взвизгнул, рухнул у бара на пол и закатил самую настоящую истерику. В общем, махнул я на них на всех рукой, отшвырнул дробовик так, что он случайно пролетел сквозь колесо рулетки, и быстро вышел из салуна.

Я, по-видимому, застал врасплох нескольких чудаков, засевших с оружием за лошадиной поилкой в надежде подстрелить меня, когда я покажусь в дверях. Они испуганно засуетились, и их выстрелы оставили на мне всего несколько царапин. В ответ мой шестизарядный рывкнул несколько раз, обратив этих жалких типов в беспорядочное бегство.

Вскочив на Капитана Кидда, я направился по улице на восток, не обращая никакого внимания на прихвостней Миддлтона, стрелявших в меня из проездов и из окон. Впрочем, проезжая мимо них, я иногда для порядка отстреливался. Думаю, именно таким образом мэр Боевого Клича и лишился мочки уха. Во всяком случае, мне вроде как послышалось, что кто-то отчаянно взывал за забором его дома, когда я выпалил в ту сторону из своего шестизарядного в ответ на просвистевшую мимо меня пулю.

В общем, довольно скоро мы с Кэпом добрались до тополиной рощицы, да только там уже не оказалось ни Глории, ни лошади, ни

повозки. Зато там нашлась записка, приколотая к стволу одного из тополей. И вот что я прочел при свете луны:

Дорогой мой ковбой!

Ваш друг, наверно, просто хотел над вами подшутить. Я в жизни не встречала ни одного человека по имени Бизз Риджуэй. Но я решила воспользоваться подвернувшимся случаем, чтобы навсегда сбежать от Миддлтона. Поэтому я, не дожидаясь вас, направились отсюда напрямиком в Тревано-Спрингс, откуда обязательно вышлю вам назад коляску и лошадь. Благодарю вас за все, что вы для меня сделали.

Глория ла Веннер

Я гнал Кэпа со всей скоростью, на какую тот был способен, и оказался в Гошене на рассвете. Бизза Риджуэя я нашел легко: тот все еще торчал в баре «Испанского мустанга». Увидев меня, Риджуэй смертельно побледнел и попытался было выпрыгнуть в окно, но я успел-таки схватить его за шиворот.

— Что ты имел в виду, когда скормил мне ту лживую басню про себя и про Глорию ла Веннер? — разъяренно спросил я. — Небось, просто хотел, чтобы меня прикончили?

— Ну-у, — протянул он, дернувшись пару раз и поняв, что я держу его крепко, — видипь ли, Брекениридж... Ежели честно, то да, хотел! Сам знаешь: в любви, как и на войне, все средства хороши. Мне надо было как-то убрать тебя с дороги, чтобы никто не мешал мне спокойно

сделать предложение Бетти. Я краем уха слышал про ту историю с Тузом Миддлтоном и Глорией, а потому прикинул так, что он очень даже может управиться с тобой раз и навсегда, если я пошлю тебя в Боевой Клич с таким поручением. Но тебе совершенно незачем так беситься! Ведь вся эта заваруха не принесла мне добра. Бетти уже замужем.

— Что-о?! — оглушительно взревел я.

Риджуэй непроизвольно присел и долго тряс головой.

— Вот именно! — сказал он наконец. — Все выгоды из твоего отсутствия извлек другой. Подлец тут же побежал к Бетти и сделал ей предложение, и она приняла его, и теперь они оба укатили в Канзас-Сити, чтобы провести там медовый месяц. Он никогда бы не осмелился сделать такое, покуда ты был в городе, потому как опасался, что ты его просто-напросто пристрелишь. Да он и сейчас тебя как огня боится, вот потому-то они и собираются обосноваться где-нибудь на Востоке, как можно дальше отсюда.

— Кто он?! — вскричал я так яростно, что изо рта у меня даже полетели брызги слюны.

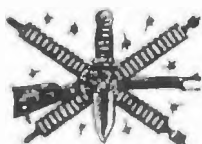
— Как это кто? — искренне удивился Риджуэй. — Конечно же, Радвелл Шэпли-младший, кто ж еще? Но ведь ты сам во всем виноват, Брек! Ведь я же тебя предупреждал, что...

Точно не скажу, но, наверно, именно в этот момент у Бизза Риджуэя и вывихнулась случайно нога, которой он, вылетая в окно,

так неловко зацепился за подоконник. Тем не менее я решительно отвергаю все упреки в мой адрес по поводу моего тогдашнего поведения, совершенно естественного в подобной ситуации.

Потому как Элкинс с разбитым от горя сердцем — совсем не тот человек, с чьими чувствами кому-либо позволительно шутить!

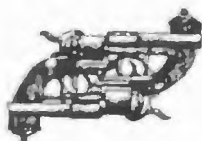

ГОЛОС ТЬМЫ

ГОЛОС ТЬМЫ

С

эр Холдред Таверел
сел в постели, охваченный
безотчетным, испепеляющим
ужасом. Обхватив голову ру-
ками, он пытался собраться
с силами, как человек, вне-
запно пробудившийся от глу-
бокого сна.

Он видел сон — но было
ли сном это плавающее пе-
ред ним ужасное желтое
лицо? Сэр Холдред содрог-

пулся. Воспоминания об этих сверкающих нечеловеческих глазах и разинутой звериной пасти были еще до боли свежи. Но он не мог сказать, был ли это сон или...

Он принялся собирать воедино фрагменты беспорядочных воспоминаний, блуждая глазами по огромной, дорого и мрачно обставленной спальне. Пытаясь уловить глазами малейшее движение старинных портьер, он вспоминал события последних нескольких месяцев.

Смерть дальнего родственника превратила молодого лорда из обедневшего помещика в сравнительно богатого человека. Всего за одну неделю сэр Холдред оказался вырванным из той среды, к которой привык с детства, и, когда исчез эффект новизны, это головокружительное перемещение показалось ему не слишком приятным. Из милой его сердцу южной Англии он приехал на этот дикий пустынный северный берег, чтобы стать единственным обитателем мрачного старого замка, населенного, согласно преданию, призраками минувших преступлений.

Впрочем, он не был единственным обитателем замка — от предыдущего владельца ему достался слуга Ло Кунг, гордость поместья. Худой, молчаливый, бесшумно, словно призрак, исполняющий приказания, Ло Кунг, размышлял сэр Холдред, вполне соответствовал облику замка. Правда, молодой человек почему-то не мог избавиться от чувства, что он знал слугу раньше: что-то неуловимо знакомое чудилось

ему в покатых плечах и тихом, свистящем голосе этого выходца с Востока.

Но Ло Кунг уверял его, что они никогда раньше не встречались: настаивал на этом вежливо, бесстрастно, но твердо. И все же, почему он так странно вел себя в тот день, когда сэр Холдред впервые приехал в замок? Открыв дверь в ответ на звонок, он отступил в сторону и впустил молодого человека, но затем вдруг остановился как вкопанный и мгновение стоял совершенно неподвижно. Его глаза, казалось, прожигали сэра Холдред сквозь тяжелые темные очки, которые китаец никогда не снимал, но лицо с тоненькой острой бородкой оставалось при этом совершенно бесстрастным.

Сэр Холдред зябко повел плечами под тонкой шелковой пижамой, вспоминая свою жизнь в поместье Таверела — недолгую, но далеко не веселую. Гости к нему заезжали нечасто; большую часть времени он проводил, расхаживая по старому мрачному замку и пытаясь привыкнуть к тишине, невидимым наблюдателям и ощущению вкрадчивых шагов...

Вдруг он с нетерпеливым возгласом соскочил с постели. Приснилось это ему или действительно несколько минут назад в его спальне был человек — мужчина? А, может быть, и не человек вовсе, а какое-то существо с ужасающим желтым лицом, похожее на Ло Кунга или любого другого китайца не более, чем на самого сэра Холдред. Больше всего оно по-

ходило на обриту обезьяну с пергаментной кожей — сэр Холдред быстро пересек комнату и открыл дверь, испуганно вздрогнув, когда ручка легко поддалась под рукой. Неужели он оставил дверь открытой?

Промчавшись по темному коридору, в который лунный свет с трудом пробивался сквозь зашторенные окна, он стал спускаться по лестнице в крошечную тьму первого этажа. Не было слышно ни звука, но он с гневом поймал себя на том, что у него от страха перехватило дыхание. Он пожалел, что у него нет оружия; этот старый замок явно действовал ему на нервы. Только сегодня утром Ло Кунг заметил его бледность и посоветовал отправиться на несколько дней в Лондон. Ло Кунг был достаточно настойчив, и теперь сэр Холдред, вспоминая этот разговор, пытался сообразить, что за чувство звучало в тоне слуги. Нашупывая путь по затемненной лестнице, он жалел, что не последовал этому совету. У него не было фонаря, а замок не был подключен к местной электростанции.

Наконец он добрался до нижней ступеньки лестницы, ведущей в холл. В доме стояла мертвая тишина. И вдруг он, споткнувшись, тяжело упал на что-то распростертое возле лестницы.

Он вскочил, зажег спичку и, пока она горела, стоял в оцепенении, раскрыв рот от ужаса. У его ног лежал Ло Кунг, и беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что тот мертв.

Китаец был ужасающе изувечен, словно его терзал какой-то огромный зверь. Сэр Холдред зажег еще одну спичку и наклонился поближе. Очки были сорваны, и широко раскрытые безжизненные глаза смотрели куда-то вверх. У молодого человека перехватило дыхание. Он потянул за тоненькую острую бородку — и она осталась в его руке. Сэр Холдред уставился на нее, не веря своим глазам, но вдруг внезапный звук заставил его встrepенуться.

В конце холла что-то двигалось — сэр Холдред слышал крадущиеся шаги чьих-то необу-тых ног — то ли человеческих, то ли нет. Он схватил тяжелую кочергу и со злобешим выражением лица быстро зашагал по холлу. Ужасная драма, сценой для которой сегодня послужил этот темный безмолвный замок, еще не закончилась.

В конце холла помещалась любопытная реликвия, говорящая о том, что прежний владелец замка был заядлым путешественником, — ужасающее языческое надгробие. За низким раскрашенным алтарем стоял высокий, грубо вырезанный пьедестал, плотно приставленный к стене холла. На пьедестале сидел огромный идол, отвратительный и устрашающий, гротескное изображение человека.

Сэр Холдред остановился, озадаченный, уставившись на этого идола. Вдруг его глаза загорелись ужасом и недоверием, кочерга выпала из ослабевшей руки, и он издал ужасный, душераздирающий крик, разорвавший злове-

щую тишину. Затем тишина, как черный смог, снова нависла над жутким местом, и нарушали ее только нервные шажки крысы, которая выбралась из своей норки и, крадучись, шла посмотреть на мертвого человека, лежащего у подножия лестницы.

* * *

— Но, дорогая моя девочка, как же я помогу вам, если это не удалось даже Скотленд-Ярду?

Девушка, к которой обращались, беспомощно перебирала пальцами, в то время как глаза ее нервно блуждали по причудливо обставленной комнате. Кроме нее в комнате находились еще четверо — рядом с ней девушка и молодой человек; двое других сидели к ней лицом, и именно к ним она только что обратилась. Один из них был высокий широкоплечий человек, худощавый, загорелый, с пронзительными серыми глазами. Другой был не так высок, но более крепкого сложения, со смуглым, неподвижным, как у индейца, лицом.

— Видите ли, дорогая,— мягко произнес тот, что был повыше,— на самом-то деле я не сыщик; я некоторым образом связан с Британской Секретной Службой, это так. Но настоящее мое поле деятельности находится на Востоке...

— Это одна из причин, почему я обратилась именно к вам! — перебила его девушка.—

Основная же причина заключается в том, что, после того как полиция отказалась от этого дела, мне некуда было обратиться, к тому же в подобных обстоятельствах...

— Сэр Холдред Таверел очень много значил для вас, не так ли?

— Мы были помолвлены,— ее голос прервался сухим рыданием.— Затем произошел этот ужасный случай...

— Позвольте мне рассказать все подробно, сэр,— прервал девушку молодой человек, сидевший сбоку от нее.— Об этом, конечно, много писали, но есть кое-что еще. Видите ли, мистер Гордон, Холдред Таверел родился и вырос в нашем приходе. Мы все росли вместе, и я знаю его, как брата. Если бы речь шла о ком-нибудь другом, я бы подумал, что он попал в переделку и удрал, но к нему это не относится! Если бы он даже и натворил что-нибудь, он бы сумел ответить за свои поступки. Поэтому я убежден, что тут что-то нечисто. Когда он исчез, я навел справки у его соседей и пришел к выводу, что у замка весьма непривлекательная история. Сто лет назад эту ветвь семьи Таверел постигла печальная участь — в отличие от наших южных деревенских Таверелов. Они умирали один за другим, и, наконец, в замке никого не осталось. Сэр Руперт Таверел, последний по прямой линии, большую часть жизни скитался по всему свету, но за несколько месяцев до смерти решил привести в порядок родовое поместье. Он поселился там со

своим слугой, китайцем, и через несколько месяцев умер, то ли выпав из окна верхнего этажа, то ли будучи выброшенным. Поползли всевозможные слухи, но доказать никто ничего не мог. В доме тогда никого больше не было; слуга-китаец в то время был в деревне, в таверне. Сам собой напрашивается вывод, что сэр Руперт выпал из окна спальни или сильно пьяным, или блуждая во сне. Он был очень эксцентричным человеком, и после него не осталось ни друзей, ни завещания. При отсутствии завещания поместье перешло к сэру Холдреду, дальнему родственнику. Он переехал туда, так как, согласно обычаю, наследник всегда жил в поместье Таверел, но одной ужасной ночью произошло это несчастье. Холдред Таверел и его слуга-китаец, тот самый, который до него служил у сэра Руперта, бесследно исчезли.

— Неужели нет хоть какой-то зацепки? — на пронизательном смуглом лице Гордона читался неподдельный интерес. — Ни одного следа, который бы дал понять, убиты они или живы, но сбежали?

— На полу в холле возле лестницы были обнаружены пятна крови — свидетельство борьбы. В другом конце холла поперек алтаря довольно своеобразного надгробия лежала тяжелая кочерга. Больше — ничего! Наверху, в спальне Холдред, одежда, которую он, судя по всему, надевал за день до исчезновения, лежала, сложенная так аккуратно, словно он

ее снял перед сном. Ничего из его вещей не пропало, даже часы и бумажник. Если он убежал, то убежал в ночной одежде! Местная полиция была сбита с толку, и Скотленд-Ярд прислал своего человека, которому тоже мало что удалось. Было это почти месяц назад. И полиция, и агент из Скотленд-Ярда обыскали весь замок от погреба до чердака, но ничего не нашли.

— В замке сейчас кто-нибудь живет?

— Да, некто Хаммерби — степенный мальч, похожий на священника, у которого имеется купчая, подписанная Джозефом Таверелом. После смерти — или исчезновения — Холдред Джозеф последний в роду, и поместье переходит к нему. Но Джозефа, как только он вернется в Англию, ждет веревка, потому что несколько лет назад он бежал из страны, с особой жестокостью убив девушку, с которой у него были определенные отношения, — неприятная была история. Полиция, конечно, поинтересовалась, где Джозеф, но Хаммерби поклялся, что не знает, где он сейчас, и вообще ему ничего не известно о преступлении. Хаммерби англичанин, но почти двадцать лет прожил в Америке. Он сказал, что имел там с Джозефом деловые отношения, хотя утверждал, что тот жил под чужим именем. Джозеф ограбил его на крупную сумму, а когда Хаммерби пригрозил засадить его за решетку, Таверел сообщил ему, представив неоспоримые доказательства, что является наследником боль-

шого поместья в Англии, так как его кузен, владелец поместья, исчез. Джозеф предложил Хаммерби свои права на поместье в счет уплаты долга, но для этого надо еще доказать, что Холдред мертв. У Хаммерби было письмо, подписанное Джозефом, в котором тот утверждает, что Хаммерби его представитель и вправе полностью распоряжаться поместьем, пока не будет доказано, что Холдред жив. Если окажется, что он жив, Хаммерби, разумеется, тотчас же удалится. Если же он мертв, поместье переходит к Хаммерби в качестве уплаты долгов. Хаммерби крупно рискует, но Джозеф почему-то не сомневается, что Холдреда нет в живых. Это против правил, но Джозеф, разумеется, не может сам приехать и заниматься поместьем, так как над ним висит смертный приговор. А письмо не было подделкой; сравнение образцов почерка Джозефа доказало подлинность письма, представленного Хаммерби. Так как заниматься замком никто не захотел, Хаммерби было позволено поселиться в нем, что он и сделал. Он может некоторое время жить в замке, не внося плату. Если объявится Холдред, Хаммерби согласен заплатить за жилье и покинуть поместье. Если будет доказано, что Холдред мертв, Хаммерби становится владельцем и замка, и денег. Конечно, это против правил, но иногда творятся странные дела!

— А что за человек Хаммерби? — полюбопытствовал Гордон.

— Чопорный, довольно педантичный, малый средних лет. Он из тех англичан среднего класса, у которых есть деньги, но которые что угодно продадут за титул или высокое положение в обществе! Вы таких людей знаете; неплохие ребята, но сухие и скучные.

— Но мы уходим от темы,— вскричала девушка, которая заговорила первой.— Мистер Гордон, вы друг моей семьи с незапамятных времен! Вы сделаете это для меня, правда? Прошу вас, поезжайте с нами в поместье Таверела и осмотрите место! Пожалуйста! Я сойду с ума, если мы ничего не предпримем!

— Конечно, Марджори, я поеду,— мягко произнес Гордон.— Я буду рад помочь вам, чем могу, но боюсь, мне ничего не удастся. Если уж этот случай поставил в тупик Скотленд-Ярд, то, боюсь, вам нечего ожидать от человека, привыкшего работать в открытую. А теперь за дело. Нам с Костигеном надо еще подготовиться к дороге.

Марджори Харпер молча протянула к нему руки, и на ее неяркие серые глаза навернулись слезы. Гордон ласково похлопал ее по плечу, а ее брат и другая девушка встали. Он проводил их до двери, Костиген же не сделал ни малейшего движения, чтобы подняться. Юноша Гарри Харпер оглянулся на мрачную фигуру, набивающую табак трубку.

— Станный малый ваш друг,— прошептал он Гордону, выходя вместе с ним в коридор.

Гордон кивнул.

— Тому, кто его не знает, он кажется неразговорчивым и угрюмым. Но он замечательный друг. Во время войны он был ранен и контужен, а потом пристрастился к наркотикам и много лет провел в Лимхаузе, а это настоящая преисподняя. Понадобилась бы целая ночь, чтобы рассказать вам историю про то, как я помог ему расстаться с губительной привычкой, а он помог мне уничтожить банду закоренелых преступников. Ну все, за дело. Мы с Костигеном встретим вас через два часа в антикварной лавке. Отправляемся в поместье Таверела, да?

Джон Гордон вернулся к себе и закрыл дверь.

— Какое несчастье,— произнес он, слегка нахмурившись.— Марджори Харпер и ее брата я еще качал на колене. Они чудесные дети, а эта история более чем досадна. Я не могу им отказать — но что я могу сделать? Дело о контрабанде отнимает у меня массу времени.

Костиген, прежде чем ответить, затянулся трубкой.

— Похоже, Гордон, мы не очень-то преуспеваем в этом деле.

— Знаю,— вскричал Гордон, расхаживая по комнате, как огромный тигр.— Это самое запутанное дело, над которым мне доводилось работать. Путь опиума прослеживается от Китая через всю Европу и приводит сюда! Где-то есть брешь, но где именно — пока не пойму.

Это все равно, что подогнать крысу к забору, увидеть, как она улизнула, но не суметь найти дыру. Ну ладно! Хоть на несколько дней забудем об этом. Ума не приложу, в каком направлении продолжать поиск — Лондон я уже прочесал, так что, вероятно, стоит повнимательнее приглядеться к северным берегам. Просто зло берет — ведь знаем же, что эта отравка проникает в страну через какую-то лазейку, а найти эту лазейку не можем. Так что же вы думаете об исчезновении сэра Холдред Таверела? — Джон Гордон повернулся к другу и резко сменил тему, что вообще было для него довольно характерно.

— Я думаю, что он попал в какую-то передрягу и поспешил замести следы, — ответил Костиген, невольно перейдя на уголовный жаргон. — Или этот косоглазый прикончил его, а сам смылся.

— Тогда где же труп? И куда девался китаец?

— Не спрашивайте. — Тон Костигена оставался безразличным, но глаза его загорелись диковатым огнем.

* * *

Мистер Томас Хаммерби слегка прищурился, глядя на посетителей. Он был довольно тучным человеком среднего роста и казался бы мужчиной среднего возраста, если бы не белоснежные вихры, придававшие ему очень добродушный вид. Это впечатление усиливали живые приветливые глаза, блестевшие из-под очков.

— Надеюсь,— виновато произнес он,— друзья сэра Холдред не считают меня самозванцем, который воспользовался печальными обстоятельствами, чтобы завладеть родовым имением.

— Ни в коем случае, мистер Хаммерби,— успокоила его Марджори Харпер.— Мы пришли еще раз осмотреть дом в надежде...

Она запнулась. Мистер Хаммерби сочувственно наклонил голову.

— Прошу вас, не смущайтесь моим присутствием и без колебаний зовите меня, если понадобится моя помощь. Думаю, излишне говорить вам, как я сожалею о случившемся и как надеюсь, что сэр Холдред вернется целым и невредимым, хоть это и будет означать, что я потерял поместье.

Гордону незачем было вести расследование после того, как сыщики всенародно опубликовали свои выводы. Во-первых, он знал, что полиция давно обнаружила бы любые возможные улики, если бы таковые были. Во-вторых, в глубине души он почему-то был убежден, что сэр Холдред Таверел тайно сбежал.

Он посмотрел на чуть заметные красноватые пятна на полу возле лестницы и обследовал странное надгробие в конце коридора. Это некоторое время занимало его внимание.

— Что вы об этом скажете, Костиген?

— Тибетское,— ответил его немногословный друг.— Горная страна — культ Сатаны, так ведь?

— Думаю, вы правы,— кивнул Гордон.

Он был поглощен идолом — на черном резном пьедестале в неудобной позе сидела на корточках человеческая фигура с обезьяньедьявольским лицом. Она была искусно вырезана в натуральную величину из какого-то старинного желтого камня. Вместо глаз с лица смотрели два полудрагоценных камня.

— Человеческие жертвы,— пробормотал Гордон, бросив взгляд на застарелые пятна на низком алтаре перед пьедесталом.

— Несомненно,— педантично, как школьный учитель, произнес Хаммерби над самым локтем детектива.— Думаю, сэр, вы правы, говоря о его тибетском происхождении. Насколько я разбираюсь в антропологии, это произведение какого-то неизвестного горного народа. Местные жители говорят, что капитан Хилтон Таверел привез его из Индии в 1849 году, и с тех пор он тут и стоит. Наверное, потребовалось немало труда и денег, чтобы привезти из такой дали такую громадину. Но я слышал, что Таверелы, если чего-нибудь захотят, никогда не жалеют ни сил, ни денег.

— Кочергу нашли на этом алтаре,— сказал Гарри.— А на ней обнаружены отпечатки пальцев Холдредра. Правда, это мало о чем говорит. Может быть, он положил ее на алтарь за день или за месяц до своего исчезновения и забыл об этом.

Гордон коротко кивнул. Его интерес к этому делу, похоже, ослаб. Он взглянул на часы.

— Уже поздно,— сказал он.— Нам лучше вернуться в деревню.

— Я был бы рад, если бы вы согласились здесь переночевать,— предложил Хаммерби.

Гордон помотал головой, прежде чем остальные успели что-либо произнести.

— Благодарю. Полагаю, нам лучше всего вернуться в гостиницу. Сегодня мы ничего не сможем сделать — хотя, погодите. Думаю, мы с Костигеном в конце концов воспользуемся вашим предложением.

Когда Гарри, Марджори и Джоан ушли, Гордон вернулся к хозяину.

— Вы знали этого Джозефа Таверела. Что это за человек?

— Негодяй он, сэр! — Глаза Хаммерби сверкнули, и доброжелательное выражение его лица сменилось гневом.— Мошенник и плут, каких мало! С ним совершенно невозможно иметь никаких деловых отношений. Он без колебаний обводил вокруг пальца своих партнеров и обманывал тех, кто ему верил. Со мной он расплатился только под угрозой тюрьмы. Познакомившись с ним, я понятия не имел о том, что он имеет отношение к какому-то титулу и к какому-то поместью. Я его знал как Джона Уолшпира, подрядчика. Он клялся, что у него нет никакого состояния, и это было вполне правдоподобно, потому что вел он себя беспутно, сорил случайными заработками. Он сам предложил мне приобрести поместье в качестве уплаты долга.

— Долг, наверное, был солидный,— заметил Гордон.

— Уверяю вас, это так! — воскликнул Хаммерби.

— Вам здесь не очень одиноко?

— Это мне по вкусу. Здесь у меня есть время для раздумий и пополнения своих знаний, а кроме того,— он покраснел, и на лице его появилась наивная смущенная улыбка,— я всегда хотел жить в замке! Я вырос в лачуге, мне не стыдно об этом говорить, и в детстве я часто мечтал о том дне, когда собственными усилиями добьюсь процветания и у меня будет замок не хуже других. Детские мечты, мистер Гордон, иногда сильнее всех амбиций. Моя мечта осуществилась, я счастлив об этом сказать, хотя мне очень жаль, что это произошло при подобных обстоятельствах. Что же касается одиночества, то, если мне захочется человеческого общения, поблизости находится деревня, и, хотя никто из жителей никогда сюда не заходит, мне ничто не может помешать туда отправиться. Потом, здесь есть миссис Дрейк, моя экономка, и Хансон, выполняющий самые разные работы. Нет, уверяю вас, мистер Гордон, мои дни здесь заполнены работой и учением, и если даже через несколько недель меня отсюда высадят, о времени, проведенном здесь, у меня всегда останутся самые лучшие воспоминания. Как жаль, что, для того чтобы я приобрел это поместье, с сэром Холдредом должно было произойти такое несчастье! Но так уж устроен

мир; хотим мы того или нет, кто-то теряет, а кто-то находит!

— Как далеко отсюда до берега? — резко спросил Гордон.

— С полмили будет. Во время прилива можно слышать, как волны бьются о скалы.

— Прогуляемся до берега, Костиген, — поднялся Гордон. — У меня есть странная склонность гулять в тумане, и меня привлекает шум моря у этих северных берегов.

— Как вам угодно, сэръ, — сказал Хаммерби. — Вы должны простить меня за то, что я с вами не пойду, но холодный ночной воздух и чрезмерные нагрузки мне вредны. Если хотите, я пошлю с вами Хансона.

— Нет, нет, не надо. К скалам ведет прямая дорога, не так ли? Мы и сами благополучно дойдем. И можете нас не ждать, мы, наверное, там немного задержимся.

Они шли молча, пока замок Таверела не скрылся в тумане у них за спиной. Оба флегматично пробирались сквозь густой сырой туман, попыхивая трубками. Далеко впереди слышался слабый шум моря. Вокруг, насколько можно было разглядеть сквозь туман, простирались голые пустынные болота.

— Наверное, Джозеф Таверел задолжал нашему другу Хаммерби кругленькую сумму, — размышлял Гордон.

Костиген засмеялся.

— Я тоже так думаю. Все поместье пошло в уплату долга? Ба! Хаммерби надавил на Таве-

рела и, если хотите знать, вытряс из него все денежки.

— Хотите сказать, что он его шантажировал — угрожал ему тюрьмой? Что ж, это достаточно правдоподобно. Я не верю, что Таверел предложил передать Хаммерби поместье. Полагаю, идея принадлежала Хаммерби. Он всегда мечтал о поместье в Англии, а тут ему представился случай приобрести поместье за полцены. Ему стыдно признаться, что он заставил Таверела... нет, я нисколько не симпатизирую этому убийце. Вероятно, он с радостью променял свое родовое гнездо на свободу.

— А зачем мы остались ночевать в поместье? — резко спросил Костиген.

— Без всяких особых причин. В этом деле не за что зацепиться — если это можно назвать делом. Я должен сделать для Марджори все, что в моих силах, но не вижу ни единого намека на разгадку. Мне от всей души жаль девочку, к тому же меня преследует мысль, что сэр Холдред исчез не случайно.

— Местные жители говорят, что его похитили призраки давно умерших Таверелов.

— Ну, это вздор! Мы, однако, уже подошли к берегу!

Перед ними предстали дикие, голые, зазубренные скалы, у подножия которых лениво переворачивались серые волны. Монотонная серая пустыня моря исчезала в тумане, и они, пораженные чувством одиночества и бесплод-

ности человеческих усилий, словно потеряли дар речи. Затем Гордон вздрогнул.

— Смотрите! Что это?

Далеко в море сквозь туман пробивался слабый свет.

— Приглядитесь! Мерцание слишком ритмичное, чтобы быть случайным! Это сигналият кому-то, кто находится на берегу.

— Один парень из деревни говорил мне о судне, судя по всему иностранном, которое пару дней сновало здесь взад-вперед,— пробормотал Костиген.— Он предположил, что оно должно высадить пассажира и ждет благоприятной погоды, чтобы пристать к берегу. А к этому берегу не очень-то подойдешь. Запросто можно напороться о скалы.

Гордон обернулся, озаренный внезапной догадкой, и посмотрел в том направлении, откуда они пришли. В густом тумане можно было лишь смутно угадать очертания замка Таверела, но на самой высокой башне поблескивал слабенький огонек.

— Там кто-то есть! — вскричал Гордон.— Как хорошо, что мы решили остаться! Назад, в поместье! Быть может, нам удастся выяснить, кто подает сигналы!

Они молча бежали в сгущающемся тумане.

— Ей-Богу,— сказал вдруг Гордон, когда они пробирались сквозь низкорослый кустарник.— Хотел бы я знать...

В этот момент Костиген пронзительно вскрикнул, но было слишком поздно. Гордон

упал на колени, сраженный внезапным ужасным ударом выскочившей из кустарника фигуры. Мгновение спустя Костиген стал центром вихревой атаки; какие-то темные фигуры, казалось, материализовались из земли и бросились на него.

Но неизвестные нападающие сразу же обнаружили, что дело, которое они затеяли, не из легких. С пронзительным воинственным криком могучий американец незамедлительно перешел к смертоносным действиям. Первого атакующего он встретил прямым сильным ударом, оставив его корчиться, отбросил второго, бросившегося на его мощные плечи, и быстро, по-кошачьи развернувшись, всем своим весом встретил нападение зловещей фигуры, бросившейся на него с каким-то блестящим стальным предметом.

Костиген почувствовал, как по его взметнувшейся руке полоснуло каким-то острым лезвием. Тяжелой, как железо, рукой он нанес одному нападавшему сокрушительный удар в челюсть, а другому выстрелил в спину, и тот, нелепо взмахнув руками, рухнул на расстоянии десяти футов.

В этот момент раздался еще выстрел, кто-то пронзительно вскрикнул и выругался. Гордон стоял на коленях и стрелял. Неизвестные головорезы, как призраки, растаяли в тумане, оставив лишь съжившееся тело человека, которого подстрелил Костиген.

Американец в мгновение ока был возле друга.

— Ранены?

— Нет, просто немного кружится голова, удар-то был не из слабых. Но у вас кровь!

— Пустяки,— Костиген нетерпеливо спрятал руку.— Легкая царапина. Посмотрим на того, кто это сделал. Он еще не пришел в себя.

Гордон наклонился над сраженным врагом и, издав пронзительный возглас, оторвал от рубашки толстый кусок материи и быстро перевязал ему ногу выше колена.

— Жгут! — поспешно воскликнул он.— У этого несчастного опасное кровотечение; он может умереть. Он упал на собственный нож и, по-видимому, повредил большую артерию ниже колена. Кровь хлестала рекой!

Костиген, нахмурившись, склонился над лежащим без сознания человеком.

— Этот человек малаец! — сказал он вдруг.— Достаточно посмотреть на его нож с кривым лезвием, да и лицо его говорит обо всем достаточно красноречиво!

— Точно! — воскликнул Гордон, когда человек открыл глаза.— Малаец! Похоже! Более того, это Али Массар, которого за множество преступлений разыскивают и в Бирме, и в Сиаме! Я раньше видел этого мошенника! Что ты здесь делаешь?

Малаец уже окончательно пришел в себя, хотя по его белым губам было видно, что ему очень плохо. Узнав Гордона, он сверкнул змеевидными глазами, но не произнес ни слова.

— Говори! — рычал Гордон. — Или мы оставим тебя здесь умирать.

Малаец даже глазом не повел.

— Нет, — спокойно произнес сыщик, — ты не умрешь. Ты будешь жить, чтобы поплатиться за свои преступления на виселице.

Малаец сверкнул глазами. Ни один мусульманин не может думать о виселице без содрогания.

— Вы меня повесите? — заговорил он, наконец, слабо, почти шепотом.

— Если скажешь мне, что ты здесь делаешь и что означает эта тайна, приговор, может быть, удастся смягчить.

Малаец пристально взгляделся в пробивающийся сквозь туман слабый лунный свет, и вдруг неистовым рывком вырвался из сжимающих его рук Гордона, перевернулся на бок и сорвал с ноги жгут. Его действия были молниеносны, неожиданны и ужасны. Кровь хлынула невероятным потоком, тело Али Массара дрогнуло и застыло неподвижно, но мертвые глаза со злорадным торжеством смотрели вверх.

— Вот так! — прошептал потрясенный Джон Гордон.

Костиген даже не шелохнулся. Тяжелая жизнь на дне ожесточила его более, чем кого бы то ни было, даже более, чем Гордона, привыкшего к сценам насилия.

— Вряд ли человек может так быстро умереть от потери крови, получив рану в ногу, — сказал он.

— Он потерял невероятно много крови, прежде чем я перевязал ему ногу, — сказал Гордон. — Это большая артерия, и она соединена с главной аортой брюшной полости.

— Что нам делать с трупом? — спросил Костиген равнодушно, коснувшись мертвеца, точно мертвой змеи, ногой.

— Придется оставить его здесь, — решил Гордон. Выглядит немного жестоко, но не нести же нам его через болота, в любую минуту ожидая нападения. Потом мы возьмем карету и вернемся за телом. А сейчас каждая минута дорога. Из замка еще сигналият, видите? Но на судне больше нет света.

Пока они спешили к поместью, Гордон предавался раздумьям:

— А что, если судно должно не высадить человека, а взять на борт? Что, если этот человек сейчас притаился где-нибудь в поместье и ждет удобного момента, чтобы ускользнуть незамеченным? Может быть, он прячется там уже месяц или еще дольше?

— Вы имеете в виду сэра Холдред? Думаете, сигналы подает сэр Холдред?

— Ничего не могу сказать с уверенностью.

Проделав, как им казалось, бесконечный путь, они подошли к поместью Таверела, где их встретил Хансон, слуга на все руки — коренастый, крепко сложенный человек с тяжелыми, простоватыми чертами лица.

— Вы ранены, сэр, у вас вся рука в крови?

— Мистер Костиген упал и порезал руку об острую скалу,— отрезал Гордон, чтобы избежать дальнейших расспросов.— Хансон, ваш хозяин уже в постели?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Проведите нас в самую высокую башню в этом здании.

— Хорошо, сэр,— Хансон повернулся и без лишних вопросов повел детективов к башне.

Они шли за ним по бесчисленным пролетам винтовых лестниц и темным коридорам и в конце концов оказались в самой верхней комнате башни, возвышающейся над западным крылом замка. Гордон понял, что это та самая башня, откуда посылались сигналы. Теперь здесь не было ни души; пыль и паутина подтверждали слова Хансона, что в этой маленькой, скудно обставленной комнате никогда никто не жил.

Гордон подошел к окну, выходящему на море, и взял из рук Хансона свечу, служившую им единственным источником света. Он предполагал, что тот, кто подавал сигналы, должно быть, пользовался более мощным источником. Ему казалось невозможным, чтобы слабое пламя свечи могло быть видно так далеко, да еще сквозь туман. Но, повинуясь неосознанному порыву, он начал регулярно размахивать свечой.

Не успел он закончить свои эксперименты, как Хансон, бросив взгляд в дверь на темный коридор, заорал, как бешеный, и,

отскочив назад, всей тяжестью своего тела навалился на Гордона, выбив у него из рук свечу и погрузив комнату в крошечную темноту.

* * *

Гордон в мгновение ока оказался у почти невидимой двери и выхватил пистолет. В наступившей тишине он слышал рядом с собой частое, тяжелое дыхание Хансона и спокойное, размеренное дыхание Костигена.

— Черт бы все это побрал, Хансон,— довольно раздраженно бросил он.— Что означает эта потасовка?

— Лицо, сэр,— тяжело дыша, произнес Хансон, в темноте схватив детектива за руку.— Лицо прямо за дверью! Ужасное, желтоватое лицо с отвисшими губами!

Костиген зловеще рассмеялся в темноте.

— Пойду посмотрю, есть ли там еще кто-нибудь!

— Стойте, где стоите! — резко приказал Гордон.— Хансон, вот спички. Найдите свечу и зажгите ее, а я пока наблюдаю за дверью.

Вспыхнувший огонек спички на мгновение осветил черный проем двери, за которой, естественно, никого не было.

— Плохо дело, сэр,— сказал, наконец, Хансон.— Не знаю, как это объяснить, но свеча пропала!

— Чуть! Она, должно быть, упала к моим ногам, когда вы наткнулись на меня.

— Ну вы же сами видите, сэр,— ответил Хансон, ползая по полу с зажженной спичкой.

Гордон окинул взглядом покрытый пылью пол. В том месте, где упала свеча, на пыльном полу остался след, но сама свеча бесследно исчезла.

— Кто-то проник сюда и стащил ее! — бормотал Хансон, трясаясь от неподдельного страха.— Я это знаю! Это не впервые. Я предупреждал хозяина, но он меня не слушал! Я говорил ему, что слышал ночью чьи-то шаги и шуршание портьер — да, и видел это противное желтое лицо, смотрящее из темноты! Я его видел дважды!

— В самом деле? — отрезал Гордон.— Что же вы ничего об этом не рассказали?

— Хозяин приказал мне молчать,— угрюмо ответил Хансон.— Думает, я был пьян. Впрочем, мне все равно. Завтра я уезжаю из этого ужасного места. Никакие деньги не заставят меня здесь остаться.

— Мы что, будем торчать здесь всю ночь? — нетерпеливо вмешался Костиген.

— Вперед,— кратко ответил Гордон и широким шагом прошел в дверь, держа наготове револьвер.

Спускаться по темной лестнице было жутковато, но обошлось без нападения. Ни один звук не нарушил зловещую тишину.

Когда они оказались внизу в огромном холле, Гордон сказал:

— Хансон, если я не ошибаюсь, в болотах лежит раненый человек. У вас есть телега, на которой мы бы смогли добраться до него и привезти его сюда?

Хансон, казалось, оправился от страха и впал в свое обычное глуповатое состояние.

— Есть, сэр.

— Запрягите в нее пони и немедленно подведите ее к парадному.

— Слушаюсь, сэр.

Приказание было исполнено с проворством, достойным похвалы, и в то время как они трусили сквозь туман, который, казалось, еще более сгустился, Костиген заметил:

— Глупый мальчик.

— Глупый или невероятно хитрый. Вы верите всему этому вздору насчет желтого лица? Я что-то сомневаюсь. А если Хансон просто не хотел, чтобы я махал свечой из окна, так как это могло быть истолковано как сигнал? А если он нарочно набросился на меня, а в остальном умело притворялся? Он вполне мог взять свечу и спрятать ее в карман, в то время как мы ждали, что из двери на нас нападет какое-нибудь пугало?

— Но если в этой башне прячется сэр Холдред, то какое отношение к нему имеет Хансон? И почему полиция, обыскав весь дом, так и не нашла сэра Холдред?

— Ничего не могу сказать о связи Хансона с сэром Холдредом. Насколько мне известно, он приехал сюда с Хаммерби. Что же касается

того, где прячется пропавший дворянин, в старинных замках обычно полно всевозможных потайных мест.

— Значит, о них никто не знает. Полиция не нашла никаких тайников.

— Конечно, на то это и тайники. А вот здесь мы оставили тело — но тела нет! Я ожидал чего-нибудь в этом роде.

Тело убийцы-малайца исчезло.

— Друзья недалеко от берега! — пробормотал Гордон, повернув коня и бросив взгляд на замок. — Похоже, все еще таинственнее, чем мы думали. Я хотел помочь Марджори Харпер, которая думала, что мне удастся найти ее пропавшего возлюбленного. Его и след простыл, но мы видели таинственное судно, с которого подавались сигналы в замок, обнаружили банду убийц, прячущуюся здесь по какой-то непонятной причине, и — если верить рассказам Хансона — нас преследует желтолицый призрак.

— Те, кто на нас напал, имеют какое-то отношение к судну.

— Думаю, вы правы. А судно каким-то образом связано с тем, кто находится в замке, — только кто это?

Они подъехали к воротам и привязали коня. Хансона как не бывало. Они прошли по длинной дорожке и постучали в дверь. Ответа не последовало.

— Идемте, Костиген, — нетерпеливо произнес Гордон. — Уже светает, и Хансон, на-

верное, спит. Разбудим его, пошлем позаботиться о коне, и...

Вдруг он осекся. Откуда-то изнутри неосвященного замка внезапно раздался пронзительный, душераздирающий крик.

— Помогите! Помогите! О, Господи, помогите!

— Хаммерби! — воскликнул Гордон, словно наэлектризованный. — Вперед, Костиген! Подождите — сначала я!

Крик внезапно оборвался тяжелым вздохом, и над замком, словно черный туман, нависла тишина.

* * *

Гарри Харпер пробудился ото сна, полного хаотических, беспорядочных видений. Услышав тихий стук в дверь, он сел в постели и спросил:

— Кто там?

Ответа не последовало, но он услышал, как кто-то робко подошел к двери и так же легко удался. Он встал, надел халат и повернул выключатель. Из-под двери высовывался белый уголок записки, но когда он выглянул, в коридоре было пусто.

В записке он прочел:

Немедленно приведите Марджори и Джоан в поместье Таверела. Это необходимо. Никому не говорите, но приезжайте немедленно.

Джон Гордон

Гарри не понимал, почему сыщику так понадобилось его присутствие в столь поздний час, но приготовился подчиниться. Он прошел по коридору к комнате девушек, легонько постучал в дверь, и вскоре все трое под начавшимся дождем быстро трусили на лошадках по тропинке через болото.

Подъехав к затененной дороге, они спешились. Перед ними возвышался замок, темный, мрачный, отталкивающий. В глубине души Гарри почувствовал страх, будто девушки и он сам в чем-то виноваты. Где же сыщики? Он направился к двери, держа девушек за руки. Он поднял дверной молоток, и от глухих раскатов, раздавшихся по дому призрачным, приглушенным эхом, у него мурашки поползли по спине. Он подождал, пока дверь откроется, но внутри не было слышно никакого движения. Наконец, держа в одной руке электрический фонарь, а в другой пистолет, он распахнул дверь, но увидел лишь зияющую тьму.

Девушки, страшась войти в это темное здание, но еще более страшась остаться одни, с опаской вошли вслед за ним. Гарри ругался про себя, браня за глупость тех, кто заставил его привести в такое место двух испуганных девушек. Да и где же, черт возьми, Гордон и Костиген? Куда подевались Хаммерби, Хансон, миссис Дрейк? Его внезапно охватил панический страх. У него было такое чувство, будто все они попали в лапы к какому-то злому колдуну из запредельного мира. Он включил свой

фонарь, и белый луч осветил часть пространства, отчего все остальное казалась еще темнее. На мгновение круг света задержался на темном пятне возле лестницы, чуть-чуть дрогнул вместе с направляющей его рукой и начал путешествие по всему холлу.

Устрашающее лицо идола на надгробии озарилось робким светом, что придало ему еще более дьявольский вид. Джоан дико закричала. Гарри, ужаснувшись, принялся бешено и неосознанно стрелять. Затем он резким движением большого пальца нажал на выключатель фонаря, и охваченная ужасом группа погрузилась в крошечную тьму. В темноте с другого конца холла до них доносился какой-то робкий звук, но у Гарри не хватило мужества нажать на выключатель и снова осветить страшное зрелище. Он молча стоял в темноте, обливаясь потом, Марджори цеплялась за него и за Джоан, которая почти без сознания упала к его ногам и, рыдая, в отчаянии схватила его за колени.

— Джоан! — произнес он неестественным, хриплым голосом. — Возьми себя в руки!

— Не включай свет, Гарри, — стонала девушка. — Если я его увижу еще раз, я умру! О, Гарри, Гарри, *я видела, как он мне подмигнул!*

— Вздор, — Гарри исступленно отказывался верить в то, что подсказывали ему чувства, но отрицал разум: он видел то же самое. — Просто свет неудачно упал на его лицо. Я включу его снова.

Джоан еще сильнее прижалась лицом к его коленям и затаила дыхание.

Гарри снова прошелся лучом света по всему холлу, стараясь не думать о том, как страшно было бы снова высветить ужасающее лицо.

— Вот он, Джоан,— произнес он, порывисто вздохнув с облегчением.— И не мигает; я хочу сказать, он же каменный!

Глаза Джоан были полны страха. Марджори взмолилась:

— Гарри, идем. Здесь никого нет; иначе, услышав твою стрельбу, сюда бы кто-нибудь вышел. Наверное, произошла ошибка.

— Наверное.— Гарри помог Джоан встать на ноги и повернулся к двери.

Поднимая испуганную девушку, он случайно погасил фонарь; наконец он снова нажал на выключатель. На этот раз обе девушки издали душераздирающий крик. Гарри увидел перед собой смутно различимую в темноте фигуру с каким-то предметом из холодной сверкающей стали.

* * *

— Гордон! — прорезал тишину низкий голос Костигена.— Идол исчез!

Оба сыщика стояли в темном холле огромного замка Таверела. Стояла мертвая тишина, но жуткие крики, всего мгновение назад раздававшиеся по всему дому, до сих пор эхом звучали у них в ушах.

Электрический фонарь Гордона, обежав лучом холл, остановился на надгробии. Сыщик тихо выругался. Огромный резной пьедестал был пуст. Все это время Гордона не покидала мысль, что разгадка тайны заключалась именно в этом безмолвном зловещем надгробии. Крики, заставившие их ворваться в дом, доносились, казалось, из конца холла. Он уверенными шагами прошел к надгробию и рассмотрел пьедестал с близкого расстояния. Он предполагал, что идол был каким-то образом закреплен на нем, но теперь увидел, что поверхность пьедестала совершенно гладкая. Тогда он начал прощупывать стену за алтарем.

Костиген заворчал. В этот момент узкая панель повернулась, открыв узкий проход внутрь.

— Это было спрятано за идолом,— прошептал Гордон, светя фонарем в темное отверстие.— Итак, ход в тайник обнаружен!

— Оставайтесь здесь,— приказал англичанин.— Я осмотрю этот проход. Полагаю, здесь ответ на наши вопросы.

— Я пойду с вами,— ответил Костиген,— иначе зачем я здесь нужен?

Гордон знал, что спорить с другом бесполезно. Он пожал плечами, перелез через пьедестал и протиснулся в узкую щель. Костиген последовал за ним, оставив потайную дверь открытой. Несколько ступеней из неотесанного камня вели вниз, где проход заметно расширился. Стены, потолок и пол из

неотесанного камня были покрыты пятнами сырости.

— Глубоко мы, должно быть, забрались,— пробормотал Гордон.— Эти катакомбы, наверное, были построены пиратскими предками сэра Холдредра. Довольно разветвленные катакомбы,— добавил он, заметив темные отверстия по обеим сторонам прохода, означавшие, очевидно, другие ходы, ведущие из основного. Слабо мерцающий свет фонаря тонул в окружающем мраке.

— Послушайте!

Издалека, из одного из темных ответвлений, доносился чуть слышный звон цепей и слабый стон. Гордон выключил свет, и друзья стояли в темноте. Стон стал слышнее и разборчивее.

— Гордон! Помогите! Помогите! Ради Бога! Они меня пытаются!

— Это Хаммерби! — прошептал Гордон, скользя к проему, из которого, казалось, доносились надрывающие сердце тяжелые вздохи. Вдруг он резко включил свет и, открыв дверь, заскочил в помещение, держа пистолет наготове, Костиген последовал за ним. Фонарь, скользя от одного угла к другому, высветил совершенно пустую комнату, похожую на келью, с дверью в противоположной стене. Хаммерби нигде не было видно, да и стон прекратился. Вдруг Костиген, давний кровный брат крысам из преисподней, повинаясь внезапной интуиции, выбил фонарь у Гордона из

рук и повалил его на пол. В темноте тотчас же раздались пистолетные выстрелы, и поддожжены пуль подло просвистели над головами сидящих на корточках людей. Но все заглушал зловеший безумный смех.

Вслед за стрельбой установилась мертвая тишина, давящая на уши и нервы. Двигаясь с предельной осторожностью, попавшие в ловушку сыщики отползли в противоположные стороны кельи и, прислонившись к стенам, с пистолетами наготове ждали следующего случая.

— Гордон! — внезапно нарушил тишину сопровождаемый сардоническим смехом голос с чуть заметным иностранным акцентом. — Вот так неожиданная радость! Не думал, что вы когда-нибудь будете моим гостем.

Гордон, сидящий на корточках в зловещей тишине, не сделал ни малейшего движения, чтобы не стать мишенью невидимого стрелка.

— Оказывается, вы умнее, чем я полагал, не так ли? — продолжал с издевкой звучать странный голос. — Или вас привело сюда простое стечение обстоятельств? А я-то думал, мистер Гордон, что после сегодняшнего вечера вы больше не будете вмешиваться в мои дела...

Пистолет Гордона выстрелил, словно плюнув в сердцах, в сторону голоса. Ответом ему был низкий злобный смех, и у сыщика над головой прогремел еще один залп снаружи из коридора.

Голос заговорил снова, на этот раз из другого угла.

— Мне очень жаль, что я не могу остаться, чтобы видеть вашу смерть, мистер Гордон, и вашу, мистер Костиген, но время неумолимо, и я вынужден оставить вас под бдительным присмотром моих верных друзей.

Снова пеленой нависла тишина. Гордон услышал, как с сырых стен падают капельки воды. Затем, далеко со стороны входа в катакомбы прозвучал выстрел, и подземелье снова наполнилось скрипучими и бессвязными звуками. Из обеих дверей раздались пистолетные выстрелы, и по всей келье зажужжали свинцовые пули. Гордон почувствовал, как чья-то невидимая рука рванула его за рукав и кто-то больно ужалил его в щеку. Смесь незнакомых языков заглушала английская речь, но слова сыщики разобрать не могли.

Гордон выстрелил по вспышкам в двери, в которую они вошли, и кто-то завыл, как раненый волк. По келье снова пронесся свинцовый шквал, и вскоре оба услышали звук удаляющихся шагов. Гордон рискнул подать голос:

— Ну что, Костиген? Думаете, они ушли или это ловушка?

— Лежите тихо,— проворчал американец.— Погодите, вы узнали того, кто с нами говорил?

— Кажется, узнал,— резко ответил Гордон.— Но что...

Снаружи замерцал свет. По коридору кто-то шел.

— О, Гордон!

Сыщик выругался.

— Да это же Гарри Харпер!

Он выпрямился и отважно побежал по коридору, споткнувшись о распростертую на полу фигуру. Даже тусклое освещение позволило разглядеть, что это китаец. Зрелище было довольно странным. Гарри Харпер шел по коридору с фонарем в одной руке и пистолетом в другой. След в след за ним шли Марджори и Джоан, цепляясь друг за дружку, а впереди юноши шагал коротенький, угрюмого вида человек с крепко завязанными за спиной руками.

— Хансон,— воскликнул Гордон.

— Гордон! — резко вскричал Гарри.— У вас все лицо в крови!

— Легкая царапина,— Гордон провел рукой по щеке.— Пулей задело.

— Слава Богу, вы не ранены!

— Но вы-то что здесь делаете?

— Найдя в таверне вашу записку...— начал Гарри.

— Записку? Но я не писал вам никакой записки!

— Значит, кто-то другой написал мне записку, в которой настаивал, чтобы я пришел сюда и привел девушек. Мы пришли, но никого не встретили. Затем в холле, кто-то бросился на меня с ножом. Я оглушил его

ударом приклада, а, осветив фонарем, увидел, что это Хансон. Мгновение спустя он очнулся, но я уже успел его крепко связать. Он, казалось, пришел в отчаяние и пообещал мне все рассказать, если я, в свою очередь, пообещаю замолвить за него словечко. Потом до нас откуда-то слабо донеслись выстрелы, и он сказал, что вы с мистером Костигеном попали в ловушку где-то внизу. Вот...

— Юный безумец,— перебил его Гордон,— вы хотите сказать, что прискакали сюда по этим туннелям и привели с собой девушек?

— Ну вы же понимаете, я не мог остаться в стороне, зная, что вам грозит смерть. Девушки наверху были бы в не меньшей опасности, чем со мной. Во всяком случае, я заставил Хансона идти впереди меня. Думаю, что из страха попасть в него никто бы не решился стрелять в нас. Он, наверное, тоже так думал, потому что нисколько не боялся. Он сказал, чтобы я толкнул идола, и, когда я это сделал, дверь открылась. О дальнейшем вы догадываетесь. Мы вошли, и возле лестницы я увидел нечто, напоминающее большую летучую мышь. Но это был человек, потому что он выстрелил в меня, а я в него. Малый, несомненно, был не тот, за кого себя выдавал. Не думаю, что я его задел, но он бросился наутек по коридору, а мы пошли за ним.

* * *

Джон Гордон ударил мускулистым кулаком по ладони.

— Неважно, что я об этом думаю, Харпер! У вас, конечно, были самые лучшие намерения, но вы не понимаете, какой опасности подвергаете этих двух девушек. Отведем же их наверх, пока еще есть шанс их спасти.

Он было повел девушек назад к лестнице, но Харпер его остановил.

— А как же человек, в которого я стрелял? По крайней мере я думаю, что это был человек. У нас есть шанс поймать его и найти разгадку к тайне здесь и сейчас. А Джоан и Марджори могут остаться и сами позаботиться о себе, так как мы очень скоро по кровавому следу найдем это существо, похожее на летучую мышь.

— Вы не понимаете, с каким опасным врагом мы имеем дело,— возразил Гордон.— Спросите моего юного друга Костигена, если мне не верите. Но не сейчас! Ради Бога, поверьте мне и пойдемте, пока не поздно! Мы находимся в логове гремучей змеи, и на нас в любой момент может обрушиться ее ядовитый удар.

Он больше не колебался, а схватил Харпера одной рукой, а Костигена другой, и они рысью помчались по каменному проходу. Когда они приблизились к старинной лестнице, Стив Костиген вышел вперед. Гарри Харпер, после мгновенного колебания и бесплодного вглядывания в темноту, в которой исчезла похо-

жая на летучую мышь фигура, неохотно последовал за ним, таща за руку по-прежнему сопротивляющегося Хансона. Дух слуги, казалось, был сломлен, лицо было мертвенно-бледным даже при тусклом свете затхлого коридора. Марджори и Джоан, все еще цепляясь друг за дружку, шли за ним.

Добравшись до огромного холла, они вышли из-за пустого пьедестала, на котором еще совсем недавно стоял загадочный идол, привезенный много лет назад из Тибета старым капитаном Хилтоном Таверелом. Идола в холле не было. Пока они стояли, разинув рты, кто-то дважды вскрикнул у них за спиной. Обернувшись, они обнаружили, что Марджори и Джоан пропали!

— Ну вот, все прекрасно! — Стивен Костиген сверкнул глазами, повернувшись к дрожащему Хансону. — Вы единственное звено, которое связывает нас с тем, что здесь происходит. Девушки пропали. Сэр Холдред Таверел пропал. Томас Хаммерби пропал. Даже желтый идол как сквозь землю провалился. Нас окружает какая-то тайна. Нам нужны кое-какие ответы, и вы нам их быстро дадите, или я... — Он поднял мозолистый кулак, не раз укладывавший головорезов и в Сан-Франциско, и в Сохо.

Костиген протянул вторую руку и схватил дрожащего англичанина за мятые лацканы его шерстяного пиджака. Глаза Хансона стали большими, как яйца, когда он почувствовал, что

его медленно и ровно подняли с каменного пола на целый фут. Хансон замахал обеими руками, словно для того, чтобы защититься от удара, который, он знал, ему не предотвратить.

— Я — я ничего не знаю, сэр! Я здесь, в поместье Таверела, один слуга за всех, так сказать, на все руки мастер! Я не имею никакого отношения к этому языческому желтому идолу! Я всегда уговаривал сэра Холдредра вернуть его в Тибет, откуда его в свое время и привезли. Я говорил это еще сэру Руперту, но меня никто и слушать не захотел!

Костиген отвел глаза от лица Хансона, держа слугу над головами остальных. У американца, должно быть, невероятно крепкие мускулы; поднять Хансона было трудно. Но удерживать его на весу было несравненно труднее. Костиген посмотрел на Джона Гордона. Британский сыщик кивнул. Костиген перевел взгляд на Гарри Харпера.

— Ничего не знает, да? — гневно выпалил Харпер. — А как же это? Как же моя рука? — Он повернулся, чтобы все могли увидеть след от ножа Хансена, пришедшийся в дюйме от того места, где удар мог оказаться очень опасным, может быть, даже смертельным. На мягком твидовом пиджаке Харпера зиял разрез от плеча до локтя. По краям разреза медленно растекалось красное пятно.

Джон Гордон приблизился к молодому человеку и внимательно осмотрел рану.

— Вам невероятно повезло, Харпер. Еще дюйм или два — и вы остались бы калекой. Полфута — и он бы вам вонзил лезвие как раз между ребер. А так у вас будет просто очень маленький шрам, как напоминание о поместье Таверела.

Костиген снова повернулся и пристально посмотрел на Хансона.

— Ну что, скользкая крыса, что скажешь? Ничего не знаешь? Ты нападаешь на незнакомцев просто так, для развлечения? Говори, или...

Лицо Кости́гена исказилось каким-то странным оскалом. Слугу Хансона этот оскал почему-то напугал гораздо больше, чем мог бы напугать самый свирепый взгляд. Американец поднял другую руку и теперь держал слугу за оба ладкана. Поношенные ботинки бедняги свисали над полом.

Хансон чувствовал, что американец несет его по комнате так же ровно и легко, как если бы Хансон был новорожденным младенцем, а Костиген его заботливым отцом. Испуганный слуга озирался через плечо, силясь увидеть, куда его несет Костиген. На фоне висящего на стене бесценного гобелена были установлены средневековые доспехи, трофей какого-то древнего рыцаря, предка Таверелов.

Костиген поднял слугу еще на полфута и наколот воротник его пиджака на остро отточенный конец алебарды.

— Ладно, предатель, — прорычал Костиген. — Будешь висеть, как охотничий трофей, пока

не расскажешь нам все, что знаешь. А если ты все еще думаешь, что тебе удастся убедить нас, будто ты ничего не знаешь, то ты глубоко ошибаешься. Я заставлю тебя заговорить!

Он стоял перед висящим англичанином и, сверкая глазами, примерялся, с какого расстояния лучше всего нанести предателю мощный удар в челюсть.

— Бог свидетель, сэр, я ничего не знаю! *Я ничего не знаю!* — Голос Хансона перешел в крик, когда Костиген отвел кулак, готовясь со всей силы ударить слугу в подбородок.

Хансон разрыдался.

— Я скажу, я скажу, — перемежал он рыдания тяжелыми вздохами. — Я вспомнил с Божьей помощью. Если я скажу хоть слово, я покойник, но если буду молчать, вы убьете меня здесь же и сейчас. О, Боже мой, Хозяин уничтожит меня, если я проболтаюсь, я же знаю!

Костиген и Джон Гордон быстро переглянулись, и в их мимолетном взгляде читалось удивление и узнавание. Хозяин! Кажется так он сказал. Гордон подошел к Костигену и принялся внимательно вглядываться в глаза перепуганного Хансона.

— Давай, приятель, говори, — успокаивал его высокий сыщик. — Если ты будешь с нами честен, у тебя есть шанс. Нам с Костигеном известно о твоём Хозяине все. Мы встречались с ним раньше. Но — разве он не погиб во время ужасного взрыва в Сохо в сорок восьмом году?

— Хозяин не может умереть,— беспомощно рыдал Хансон.— Ему миллион лет, а может быть, десять миллионов, этого никто не знает! Он даже не человек, он дьявол или бог, или некое морское чудовище. И до меня он доберется, как пить дать доберется!

Хансон беспомощно вертел руками, свисая с острого лезвия, венчающего старинную алебарду. Теперь, когда отчаянный страх развязывал ему язык, он лепетал, как дитя, изливая свой страх перед зловещей силой, заставившей его напасть на Гарри Харпера.

— Ло Кунг также был его человеком,— лепетал Хансон.— Теперь он мертв, Хозяин покончил с ним с помощью меня и миссис Дрейк.

— Миссис Дрейк? — выдохнул Харпер, не поверив своим ушам.— Экономка?

— Да, сэр,— рыдал Хансон.— Мы с миссис Дрейк многие годы находимся в его власти. Мы избавились от старого сэра Руперта Тавелла, когда нам приказал Хозяин. Мы не хотели — мы же не убийцы.

— Боюсь, это решать другим,— перебил его Джон Гордон.— Решение вынесет суд Его Величества и думаю, мой друг, приговор тебя разочарует.

У Хансона еще больше расширились глаза.

— Но мы ничего не могли поделать! Вы же говорите, что знаете Хозяина,— взмолился он,— тогда вы должны знать, что сопротивляться его воле невозможно. Он обещал, что, когда

вернется старая империя, он сделает меня хозяином поместья Таверела. Меня! Старый Хансон, один слуга за всех,— и хозяин поместья Таверела! У меня будут собственные слуги, подумать только! А спать я буду в великолепной большой постели наверху, а не в моем старом коттедже на болоте. Но если я его подведу, если я его подведу — *мне конец!*

С последним стоном слуга сполз вперед, челюсть его ослабла, а голова свисла на грудь. Гарри Харпер подошел к нему, чтобы осмотреть.

— Не трогайте его! — резко приказал Джон Гордон.

— Но-но, по-моему, он мертв.

— Скорее всего так.

— Но тогда — он, наверное, умер от сердечной недостаточности, напуганный до смерти одним упоминанием о Хозяине. Из простого приличия мы должны, по крайней мере, вынести его отсюда, и...

— И я ничуть не удивлюсь, если мы к тому же умрем,— Джон Гордон схватил Харпера за запястье и отвел его от доспехов.— Не прикасайтесь ни к чему без моего разрешения. Вы рискуете жизнью. Костиген, вам, вероятно, тоже захочется на это взглянуть.

— Если хозяин Хансона и есть тот самый Хозяин, которого мы знаем, Гордон, а, судя по всему, так оно и есть, тогда я, кажется, догадываюсь, что вы там обнаружите. Ну ладно, все в порядке,— сказал Костиген, присоединившись к остальным.

— Видите провод, идущий от пьедестала и бегущий за старинный гобелен? — спросил Джон Гордон у Харпера.

Молодой человек кивнул.

— Тогда попробуйте заглянуть за гобелен и скажите мне, что вы там обнаружили, — продолжал сыщик. — Поднимите его за один угол. Старайтесь не касаться доспехов и других металлических предметов.

Молодой человек встал и исполнил приказание.

— Но там — там какая-то ниша. Что-то вроде того прохода, который мы обнаружили за желтым идиолом или, вернее, за пьедесталом, на котором он стоял. Только — в этом отверствии за гобеленом есть какой-то сложный электрический прибор. Он подсоединен к аккумуляторной батарее, а в конце контрольная панель.

Он стоял и, удивленно моргая, взирал на странное сооружение.

— Выходит, Хансон умер вовсе не от сердечной недостаточности?

Джон Гордон и Стивен Костиген, как один, качнули головой.

— Да, Харпер, — с горечью произнес Костиген. — Он был убит током. У нас в Америке током убивают только *после* суда и приговора. Но Хозяину, по-видимому, такие формальности ни к чему.

Он подошел к молодому англичанину и, встав рядом с ним, попытался взглянуть в зияющую за электрическим прибором темноту.

— Неясно только, почему Хозяин так долго ждал, чтобы избавиться от Хансона? Почему он — или его сообщники — не покончили с ним тотчас же, как я повесил его на доспехах?

Джон Гордон вынул из кармана почерневшую курительную трубку. Злобно зажав ее в зубах, он зашагал взад-вперед.

— Вероятно, просто не успел, Костиген. Но это лишь моя догадка. И вам крупно повезло, что он — или она — что этот кто-то не успел. Наверное, Хозяин надеялся, что вы встанете возле бедняги Хансона, а может быть, даже обопретесь рукой на металлические доспехи. Он, должно быть, недооценил вашу силу, и эта маленькая ошибка спасла вам жизнь! Наконец, Хозяину надоело ждать, пока вы положите руку на доспехи, и он решил избавиться от своего слуги, пока тот не наговорил лишнего.

— То, что он нам рассказал, не слишком ценно, — проворчал Костиген. — Но главное мы знаем — Хозяин жив и снова на свободе! А значит, опасность еще не миновала!

* * *

Блестящая вспышка озарила старинную комнату, бросив резкие тени на каменные стены и превратив лица трех живых людей и одного мертвеца в безжизненные, невыразительные маски. Рот мертвого слуги Хансона неестественно вытянулся, искаженный судорогой

смерти. На лице Гарри Харпера читалась тревога и страх не только за себя, но также за сестру Марджори и невесту Джоан Ла Тур. Джоан была американкой евразийского происхождения. Обитая некоторое время в притонах торговцев опиумом, она порвала с гангстерами и порочными хозяевами азиатских анклавов Америки и уехала в Англию, где начала новую жизнь и завоевала любовь этого юноши.

Теперь Джоан вместе с Марджори Харпер и женихом Марджори, сэром Холдредом Таверелом, исчезла — попала в лапы Хозяина, которого Стивен Костиген и Джон Гордон считали мертвым, гниющим вместе с исполнителями его воли.

За молнией последовал оглушительный раскат грома. Гром утих, растворившись в темноте английской ночи, но тут же поднялся пронзительный, штормовой ветер, и тяжелые черные капли забарабанили по стеклам и свинцовым переплетам окон замка Таверела.

Почти гипнотические чары момента были разрушены.

Джон Гордон наклонился к контрольной панели электрического прибора, спрятанного в нише за гобеленом. Несколько мгновений спустя он появился вновь, опустив гобелен на место.

— Все, — деловым тоном сообщил он. — Адская машина обезврежена. Теперь мы можем спокойно унести бедного Хансона.

По знаку высокого сыщика Стивен Костиген подошел, и они принялись спускать тело слуги с рыцарской алебарды. Только Гарри Харпер оставался в бездействии.

— В чем дело, Харпер? — спросил Стивен Костиген, посмотрев через мускулистое плечо. — Эта маленькая рана так беспокоит?

Молодой англичанин помотал головой.

— Не то, Костиген. Просто я боюсь, что не могу одобрить любое благое дело, направленное...

Он пожал плечами и кивнул в сторону трупа, лежащего на полу в более привычной позе.

— Что так?

— Такое не прощается, приятель, неужели это надо объяснять? Неважно, что этот мерзавец пытался убить меня и это ему почти удалось. Но он и его сообщник, войдя в сговор с Хозяином, похитили ту, которая мне дороже всех на свете. Хансон мертв? Да я спляшу на его могиле! Хансон, будь проклята его черная душа! Хансон и миссис Дрейк — миссис Дрейк!

Он прервал свою тираду и бросился через всю комнату, нырнул за гобелен, скрывающий электрический прибор, и исчез, а старинная ткань, хлопнув вернулась на место.

Джон Гордон закричал ему вслед.

— Вернитесь, безумец! Там настоящий кроличий садок! Миссис Дрейк вы никогда не найдете, а себя подвергаете смертельной опасности!

Но ответом сыщику послужил лишь звук быстро удаляющихся шагов Харпера. С болью взглянув на Костигена, он сказал:

— Я желаю ему добра, мой друг. Бедняга! Его нельзя упрекнуть за те чувства, которые он испытывает, но мне страшно за мальчика! И этот холодный страх сковывает меня.

— Пытаться догнать его бесполезно,— ответил Костиген.— Нам повезло, что мы сумели выйти из потайного лабиринта за желтым идолом. А этот лабиринт, похоже, еще сложнее. Наша попытка преодолеть его будет на руку Хозяину.

Лицо Гордона выражало твердость в достижении цели, отличавшую его на протяжении всей его долгой карьеры борца с преступностью, странствующего от Бирмы до Берега Слоновой Кости в Африке. Имея тесные связи со Скотленд-Ярдом, сам он никогда не состоял в этой организации. Разъезжая по всему миру, он выполнял поручения самых высших сфер британского правительства и имел для этого неограниченную свободу действий.

Резким движением сыщик повернулся к входу в замок.

— Быстрее, Костиген! Идем в деревню. Оттуда можно позвонить в Лондон и вызвать группу экспертов. Опытных ученых, которые умеют пользоваться новейшими методами криминалистики. Я убежден, что ключи ко всем исчезновениям находятся в этом старинном здании, и эти ключи откроют нам путь к Хозя-

ину. Я также убежден, что это дело связано с делом о контрабанде опиумом, которое мы расследуем. Поместье Таверела имеет связи с Азией. Вы видели этого желтого идола до того, как он исчез, и слышали, что капитан Хилтон Таверел привез его из Тибета.

— Каким-то образом, не знаю, как именно, но, ей-богу, здесь существует какая-то связь.

Он направился было к входу, но Стивен Костиген крепко схватил его за локоть.

— Я не иду, Гордон,— резко произнес американец.— В этом замке происходит столько таинственных событий, что я не намерен его сегодня покидать. А вы, если хотите, идите и вызовите помощь. Я не стану обвинять вас в трусости, мой друг. Я слишком хорошо знаю вас, чтобы мне могла прийти в голову подобная мысль. Я знаю, что вы уходите для того, чтобы вызвать специалистов, которые смогут проверить отпечатки пальцев, провести химические анализы и тому подобное. Но я останусь!

Он пожал ему руку, чтобы подтвердить свою решимость.

— Я останусь здесь и разберу этот замок, камень за камнем, пока не найду хоть какой-нибудь ключ к разгадке тайны Хозяина. В последнюю встречу с ним мы с вами едва спаслись — и подумали, что Хозяин разбился вдребезги. На этот раз никакого чудесного спасения не будет. Хозяина бросят обратно в скользкую яму, из которой он выскочил, или я погибну в попытке расправиться с ним!

— Хорошо сказано, Костиген,— резко ответил Гордон.— Я бы не покинул вас, если бы мне удалось убедить вас оставить замок, но ваша железная воля мне известна. Я знаю, что, если вы решили остаться, вас ничто не заставит уйти. Но я отправлюсь в деревню, вызову группу экспертов и сразу же вернусь.

Он натянул бесформенную шляпу на соломенного цвета волосы, уже слегка седеющие, плотно укутался шерстяным шарфом, чтобы защититься от холода северной ночи, и влез в огромный непромокаемый макинтош, потому что дождь лил как из ведра. Они обменялись коротким рукопожатием, и Костиген проводил британца до двери. Некоторое время он наблюдал, как Гордон решительно продвигается сквозь крошечную тьму и проливной дождь, а его неизменная трубка время от времени попыхивает огнем, когда тот делал очередную затяжку.

Снова ослепительно сверкнула молния, и Костиген увидел, как его друг вскинул руки к небу, окруженный каким-то голубовато-желтым сиянием. Силуэт высокого, худощавого британца обозначился на фоне отдаленного черного леса и адской темноты грозового северного неба. В то время как молния плясала на фигуре сыщика, по болоту пронесся какой-то пронзительный звук, а близкий раскат грома заглушил крик британца.

Костиген стрелой выбежал из каменной арки, обрамлявшей дверь в замок Таверела. Без пля-

пы, в легком пиджаке, он бежал по травянистому болоту, не обращая внимания на шквалистый ветер, разлохмативший его волосы беспорядочным нимбом и вырвавший из-под пиджака галстук, перекинувшийся через его плечо. Не обращал он внимания и на проливной дождь, тяжелыми каплями бьющий по его украшенному боевым шрамом лицу и могучим плечам.

Костиген бежал со скоростью, невероятной для такого массивного, мускулистого человека, и мощными шагами покрыл огромное расстояние за считанные секунды. Он добежал до Джона Гордона, бросился перед ним на колени, схватил безжизненное тело и перевернул его, подставив лицо под ветер и проливной дождь.

Гордон был мертв. Костиген почему-то чувствовал, что Гордон умрет, он знал это с момента роковой вспышки молнии, и это предчувствие буквально разрывало ему сердце. Но то, что губы Джона Гордона вытянулись в отвратительном злобещем оскале, сломило даже железно владеющего собой Стивена Костигена. То же самое ужасное выражение, искажившее все черты, обрело лицо предателя Хансона в тот момент, когда его настигла смерть от электрического тока.

Костиген повернул голову навстречу буре. Твердо упершись коленями в холодную британскую землю, сжимая в могучих руках тело своего друга Джона Гордона, подставив лицо

под сильные удары массивных капель, Стивен Костиген сквозь пронзительный вой ветра изливал в крике свою черную ненависть и дерзкий вызов.

— Будь ты проклят, Хозяин! Чтоб ты провалился ко всем чертям! Я знаю, кто ты такой! Желтолицый, Катулос Египетский, я тебя знаю! Ссохшийся призрак с Атлантиды, я тебя знаю! Если мне придется идти за тобой в самые глубины преисподней, я все равно найду тебя и голыми руками буду сжимать твою цыплячью шею, пока у тебя глаза не вылезут из орбит и не вывалится язык! Я доберусь до тебя, дьявол, которому миллион лет, даже если мне для этого понадобится еще миллион лет!

Снова ярко вспыхнула молния, и ее сильный удар расщепил ствол ближайшего дерева, как топор дровосека расщепляет бревно на дрова. Мгновение спустя дерево охватило огромное трескучее пламя, которое плясало и дрожало, отчаянно борясь с воющим потоком ветра. Вдруг в танцующем огне, охватившем дерево, Стивен Костиген увидел огромные, злобные черты ужасающего желтого лица, лица, которое широко улыбалось, ухмылялось и насмехалось, пока американец не зарыдал от стыда за собственное бессилие.

Он встал и легко, словно соломенную куклу, понес тело своего друга. Наклонившись, он поднял какой-то предмет, упавший в страшный момент смерти британца.

— Не забудьте вашу трубку, Гордон,— тихо, словно разговаривая с живым человеком, пробормотал Стивен Костиген.— Иногда трубка лучший друг человека, а иногда и единственный.

Небрежно неся одной рукой сто шестьдесят фунтов тела стройного мускулистого британца, Стивен Костиген рассеянно возвращался по болоту, а дорогу ему освещал только роковой свет пылающего дерева. В другой руке Костиген нес трубку Гордона.

— Курительная трубка, да? — спросил Костиген своего мертвого друга.— Неплохая вещь. Приятно в руке подержать. Затягиваться, наверное, тоже приятно, а, Гордон? В такую грозовую ночь ничто не утешит лучше хорошей трубки!

Он устало прошел под арку в огромный холл замка Таверела, не обращая внимания на дождевую воду, капающую с носа и подбородка, с одежды и рук, не обращая внимания на отвратительную желтую грязь, отмечающую каждый шаг его добротных, крепких сапог.

— Ну вот вы и дома, Гордон,— сказал он, положив тело друга рядом с телом слуги Хансона.— Отдохните хорошенько возле огня, Гордон,— бессвязно бормотал Костиген.

Он выпрямился и уставился на высокое окно, ближайшее к роковым доспехам. Внезапно снова охваченный ужасом и гневом, Стивен Костиген оборвал свою фугу. За окном, под-

держиваемое, по-видимому, только ветром и туманом, на него смотрело то же самое отвратительное желтое лицо!

* * *

Из дальнего конца комнаты эхом отдавался чей-то жуткий голос.

Стивен Костиген отскочил от своего места у окна. Мгновение спустя он был готов противостоять любой опасности. Он широко расставил ноги, стоя на цыпочках, чтобы в любой момент переменить позицию или прыгнуть в любом направлении. Сжатые мощные кулаки были подняты и готовы встретить любого врага и нанести сокрушительный удар, предотвратив тем самым любое нападение в самом начале. Однажды Костиген это уже проделал, к немалому удивлению хвастуна-техасца, предложившего мешок чистого золота против того кошелька Костигена, думая, что, заключив беспроеигрышное пари, он вдоволь посмеется. Техасец ожидал, что тот не примет вызов, но Костиген был тверд и нанес противнику такой сильный удар, что бедняга больше часа пролежал без сознания.

— Стивен, — донесся из-за гобелена чей-то сверхъестественно-жуткий голос. — Стивен, ты здесь? Ты меня слышишь, дорогой?

На этот раз Костиген, ошеломленный, зашатался, как пронзенный шпагой тореадора бык. У него звенело в ушах, и он слышал только биение своего сердца и этот таинствен-

ный голос. Будь это холодный, беспощадный голос Катулоса, он бы знал, как поступить, но это была...

— Зулейха! — только и сумел промолвить Костиген.

— Да, Стивен, это я, Зулейха! Стивен, перестань преследовать Хозяина! Пожалуйста, Стивен, неужели ты не видишь, как он силен, не видишь, на что он способен? Если тебе дорога жизнь, Стивен, остановись. Хозяин уничтожит тебя, как уничтожил Джона Гордона, как уничтожает всех своих врагов!

— Он уничтожил Гордона? Разве Катулос распоряжается молниями? — разыгрывал удивление Костиген и медленно, крадучись ступая по холодным камням, приближался к гобелену, из-за которого доносился голос Зулейхи.

— Катулос всемогущ, Стивен, — голос Зулейхи звучал неестественно. — Невозможно убежать от Хозяина и скрыться от его мести. Хансон восстал против Хозяина — и заплатил за это жизнью. Джон Гордон оказал сопротивление Хозяину — и его постигла та же участь. Даже я однажды пыталась убежать от Хозяина...

— Это я прекрасно знаю, — перебил ее Костиген.

Теперь он находился на расстоянии нескольких ярдов от гобелена и старался говорить не так громко.

— Да, но Хозяин отметил меня, Стивен, как отметил тебя давным-давно в Храме Грез

в Лимхаузе. Уходи, оставь свои попытки сопротивляться Хозяину, или расплата будет жестокой.

Костиген выставил вперед мощную руку, и его выпуклые мускулы ощутили плотную ткань. Он сорвал гобелен, не задумываясь о том, что может погубить старинную вещь. Сорвав гобелен, он ясно понял: Хансон, висая на алебарде и доспехах, погиб от электрического прибора. Над аппаратом мигал маленький красный огонек, сверлящий американца, как злобный взгляд.

Красивый, шелковистый смех Зулейхи прошепел над ним:

— О, Стивен, Стивен, если бы ты только мог видеть меня, как я сейчас вижу тебя!

— Как я могу видеть тебя? — не понял Костиген. — Где ты, Зулейха, и как этот злодей Катулос заставил тебя вернуться к нему и его мерзким занятиям?

Из-за высокого потолка и каменных стен огромного холла снова пропуршал горький и ироничный смех.

— Если ты не оставишь в покое Хозяина и не вернешься восвояси, ты узнаешь, где я. И узнаешь очень скоро, но, полагаю, радости тебе это не принесет. А почему я служу Хозяину? Ах, Стивен, Стивен. Он властелин удовольствия. Он владыка боли. Я больше ничего тебе не скажу.

На мгновение, на одно короткое мгновение ему показалось, что шелковистый голо-

сок, ранее поднимавшийся до насмешливых ноток, теперь перешел в рыдание.

— Понятно,— проворчал Костиген.— Ты говоришь со мной с помощью радиоприемника. Подозреваю, он связан с адской машиной, убившей Хансона. Но как ты можешь видеть меня, Зулейха?

— Стивен,— мурлыкал нежный голос, снова полностью владеющий собой.— В этом приемнике имеется крошечная камера. Остальные установлены по всему замку Таверела. Хозяин поставил их в доспехах, в желтом идоле, везде. От глаз Хозяина не скроешься.

Костиген бросился в нишу, из которой доносился голос, желая найти устройство, передающее его изображение Катулосу, но ничего не обнаружил.

— Ты ничего не найдешь, Стивен,— журчал голос Зулейхи.— Но, так как я вижу, что ты полон решимости доставить себе неприятности, я избавлю тебя от труда проделать весь путь от поместья Таверела до того места, где сейчас обитает Хозяин.

Костиген резко остановился, наострив уши, чтобы слышать каждое слово Зулейхи. Обнаружив месторасположение Катулоса, он сможет найти сэра Холдред Таверела, Марджори Харпер, ее брата Гарри и его невесту Джоан Ла Тур. И он сможет найти Зулейху!

Он сможет найти Зулейху!

Как часто ночью ему снилось это бледное усталое лицо, эти странные, затуманенные гла-

за, длинные, черные, как смоль, волосы Зулейхи! С тех пор как прогремел взрыв, уничтоживший десятую часть крупнейшего города мира, Костиген горевал о Зулейхе. И обнаружить теперь, что черкесская красавица жива, но снова оказалась в отвратительных лапах ненавистного Катулоса, было почти невыносимо для его воспаленного воображения!

— Говори же! — кричал Костиген на электрическую машину, доносящую до него голос Зулейхи, а до девушки его голос. — Скажи мне, и я приду к тебе, даже если мне придется проползти сквозь джунгли или переплыть через океаны! Я вырву тебя у него, Зулейха, и клянусь всем, что мне свято, душу этого злодея собственными руками!

Шелковистый голосок сменился сардоническим смехом.

— Прекрасно, Стивен! Я буду рада еще раз увидеть твое лицо, прежде чем Хозяин расправится с тобой. Может быть, он тебя пожалует и приговорит к легкой смерти, как Хансона и Джона Гордона. Или — а он может быть очень жестоким, и тогда тебя ждет нечто похуже, чем просто конец твоего земного существования. Ну ладно! — резко прервала она свои предсказания. — Быстро иди в деревню. Там наймешь машину и направишься прямо в Лондон. Оставь машину и садись на поезд до Дувра. Там садись на завтрашний пароход до Кале. На этот, и никакой другой. Ты должен быть на этом пароходе.

Она замолчала, словно для того, чтобы сделать глубокий вздох или выслушать какие-то указания, которых Стивен Костиген не мог слышать. Наконец, до него донесся голос Зулейхи:

— Да. Я скажу ему. Да.

Потом она обратилась уже к нему:

— Стивен! В Кале тебя будет ждать оставленная Хозяином машина. Водитель опознает тебя, а ты его. Вы обменяетесь с ним следующими паролями.

Водитель подойдет к тебе первым. Он спросит:

— Вы знаете некоего мистера Хо?

Ты ответишь:

— Вы имеете в виду мистера Хо, блестящего студента-юриста?

Водитель скажет:

— Нет, я имею в виду мистера Хо, мойщика посуды.

Если кто-нибудь, подойдя к тебе, не назовет пароля, не иди с ним, даже если он скажет, что знает тебя и будет клясться, что он от Хозяина. Вот и все, что ты должен сделать. Тебе все понятно?

Костиген бессознательно кивнул, а вслух произнес:

— Да. Завтра я буду на последнем пароходе.

* * *

Стивен Костиген стоял, прислонившись к перилам, на носу маленького пароходика, от-

чаливающего из гавани Дувра и направляющегося в бурные ледяные воды Ла-Манша. Ночь была темная и туманная, и северный шторм разбрасывал по палубе пароходика соленые брызги беспокойной воды, касаясь десятью тысячами пальцев лица одинокого американца.

В голове Костигена бурлил целый водоворот мыслей. Он подчинялся приказаниям Хозяина Смерти, ощущая за каждым словом, произнесенным шелковистым голоском Зулейхи, его холодный, лишенный эмоций голос. Что сделал Катулос, чтобы снова поработить черкешенку, Костиген даже не догадывался, но американец твердо решил спасти из рабства красавицу с черными, как воронье крыло, волосами и белой кожей. Он затем и отправлялся в Кале, чтобы освободить Зулейху!

На черной воде играл отдаленный свет, и печальный зов сирены звучал, как стон истерзанной души, потерянной навеки и обреченной блуждать по бескрайнему пространству мрачной ночи.

Костиген даже не задержался в Лондоне, чтобы сообщить Скотленд-Ярду о смерти Джона Гордона в поместье Таверела, и не стал просить через британские власти помощи французских правоохранительных органов. Он потрогал полностью заряженный тяжелый служебный револьвер и твердым движением положил его в кобуру. Он сможет сослужить Костигену службу, хотя, если верить фактам,

американец гораздо чаще полагался на пару грубых кулаков, нежели на любое оружие, изобретенное человеком.

Впереди его ждала Франция. Костиген впервые ступал на французскую землю через двенадцать лет после ужасной битвы при Аргонне. Он был ранен в этой битве, исколот штыком чуть ли не в клочья и лежал, покинутый всеми, на месте кровавой бойни в луже собственной крови. Несколько дней спустя, когда пришли забрать убитых и похоронить их, Костиген застонал, и перепуганный насмерть интендант позвал на помощь.

Последовали месяцы лечения в госпиталях, многочисленные операции и кризис за кризисом, способные убить кого угодно, но только не нашего железного американца. Костиген боролся за то, чтобы вновь обрести физическое здоровье, но наркотики, которые ему давали в госпиталях для облегчения его страданий, и мучительные воспоминания об ужасах войны сделали из него наркомана!

Бесконечные поиски избавления от ужасных воспоминаний привели Костигена в Храм Грез Юн Шату в туманном лондонском Лимхаузе. И только когда американец был окончательно поработен гашишем, который ему подавала черкесская красавица Зулейха, он узнал самого Хозяина Смерти. Костиген был зачислен в состоящее из рабов войско Хозяина. Потом он бежал, уведя с собой Зулейху и уничтожив Хозяина,— во всяком случае, он так считал!

Наконец в ночном тумане замелькали огни Кале. Костиген пристально взгляделся в лежащий впереди пейзаж, затем посмотрел по сторонам. У него возникло безотчетное ощущение, что за ним наблюдают, и ему стало как-то не по себе, словно маленькие иголки кололи его в спину.

Ну, конечно, наймиты Хозяина имеются повсюду. Вероятно, думал Костиген, за ним наблюдали на протяжении всего пути от поместья Таверела. И теперь они тайно следят, как он идет навстречу самому беспощадному врагу, а быть может, и самому опасному человеку на земле — Катулосу Египетскому!

Он широким шагом сошел по сходням, сжимая в зубах трубку, согревающую его и освещающую его лицо в эту холодную ночь. Сжатые кулаки он держал в карманах, как пару диких зверей в клетке, готовый в любую минуту воспользоваться ими, чтобы отразить нападение любого врага.

Внизу у схода к нему подошел шофер в униформе. Это был миниатюрный, можно сказать, худой, человек. Когда он поднял голову, чтобы взглянуть в лицо Костигену, американец заметил его азиатский цвет кожи и разрез глаз. Так они стояли в течение нескольких напряженных секунд — мощный, мускулистый американец и миниатюрный азиат. Наконец, шофер нарушил тишину.

— Вы знаете некоего мистера Хо? — спросил он.

* * *

Костиген стоял в середине великолепной комнаты, убранной с декадентской роскошью. Пол был покрыт толстыми персидскими коврами с разбросанными на них шелковыми подушками. У завешенных гобеленами стен стояли атласные диваны. Искусственные пальмы склонялись под искусственным ветерком, отчего казалось, что находишься не в большой комнате, а на открытом воздухе. Это ощущение усиливалось поднимающимися вверх облаками какого-то странного желтого дыма, заволакивающего комнату и кружащегося в причудливом танце.

На высоком, богато украшенном троне, Костиген увидел высокую, бледную как смерть, фигуру, обернутую в струящуюся мантию из блестящего атласа цвета морской волны, окаймленную орнаментом из чистого золота и какого-то незнакомого Костигену красноватого металла. Огромный череп был увенчан странным головным убором в восточном стиле. Но в целом сидящий на троне не производил впечатления восточного человека. Скорее он навевал воспоминания о величайших династиях Египта и даже о какой-то неизвестной в современном мире даже археологам или историкам цивилизации. Цивилизации, вероятно, не совсем человеческой.

Сидящий на троне смотрел на Стивена Костигена леденящим взглядом спрятанных в глубоких глазницах и прикрытых под тяжелыми

веками глаз. Желтая кожа лица плотно облегла скулы, придавая ему поразительное сходство с египетской мумией.

Вскоре на безжизненном лице появилось что-то отдаленно напоминающее недобрую улыбку. Наконец, сквозь плывущие клубы желтого дыма до Костигена донесся голос:

— Добро пожаловать в Храм Грез, мистер Костиген. А я уже начал было бояться, что больше никогда не буду иметь удовольствия видеть вас. Но, разумеется, даже у самого сильного человека есть свои слабые места, надо только их обнаружить. Вы согласны?

Не дожидаясь ответа Костигена, фигура слегка наклонила голову набок.

Стивен Костиген последовал глазами за этим движением. На шелковой подушке с загадочным выражением на белом, как молоко, лице перед ним восседала юная черкешенка.

— Зулейха! — воскликнул Костиген.

Он пронесся к ней через всю комнату, словно его мощное тело двигала какая-то машина. Костиген в считанные мгновения оказался в нескольких шагах от девушки, но, похоже, на его пути возник какой-то невидимый барьер. Это была даже не стеклянная стена, а нечто более прозрачное, чем стекло, довольно мягкое и податливое. Костиген иступленно бился о невидимое препятствие, его сильные мускулы скрутились в узлы и напряглись, но чем отчаяннее пытался он пробиться сквозь невидимую стену, тем больше она сопротивлялась.

Наконец он, задыхаясь, остановился и снова крикнул:

— Зулейха! Зулейха! Ответь мне! Как мне к тебе попасть?

Черкешенка не отвечала. Она просто сидела и смотрела на действие, разыгрывающееся в нескольких ярдах от нее. Затем она сделала повелительный жест, и из какого-то потайного места за гобеленом поспешно вышел желтолицый слуга. Он нес латунное блюдо, инкрустированное эмалью, за которое какой-нибудь подпольный коллекционер предметов искусства отдал бы целое состояние.

Зулейха протянула руку к блюду и взяла с него длинную латунную трубку с крошечным отверстием. Слуга подкатил на блюде маленький шар с каким-то черным клейким веществом, подогрел его на горячих углях и осторожно залил зелье в отверстие латунной трубки. Зулейха жестом приказала ему удалиться, откинулась на подушки и принялась спокойно рассматривать Костигена, выпуская из трубки клубы серовато-голубого дыма.

— Опиум! Опять наркотики! — вскипел Костиген и развернулся, как бы пытаясь напасть на Катулоса, но последний властно остановил его.

— Это бесполезно, мистер Костиген. Я запечатал рот моей служанке Зулейхе и распечатаю его только тогда, когда мне этого захочется. Что же касается ваших необузданных порывов, мистер Костиген, то, если бы вы

попытались подойти к моему трону, вы бы наткнулись на такой же непроходимый барьер, как и тот, что отделял вас от Зулейхи.

— Ах ты мерзавец! — скрежетал зубами Костиген. — Значит, опять то же самое? Храм Грез, пальмы, наркотики и покорные слуги. Но в последний раз мы почти поймали тебя, Скорпион, и на этот раз, клянусь, ты почувствуешь мои пальцы на своей костлявой шее!

Хитрая, насмешливая улыбка исчезла с обтянутого желтой кожей лица Хозяина и сменилась злобным, издевательским оскалом. Огромная, куполообразная голова медленно поворачивалась на тонкой шее, когда Катулос смотрел то в одну сторону, то в другую. Тонкие, пергаментные губы, наконец, открылись.

— Предположим, мы подвергнем испытанию вашу хвастливость, мистер Костиген. Раньше я бы с удовольствием принял ваш вызов и посостязался с вами в отваге, хотя я всегда был, как вы бы сказали, мыслителем. — Хозяин замолчал, и желтый оскал то появлялся на его лице, то исчезал. — Но я уверен, что вы обладаете тем глупым качеством, которое характеризует вас, американцев, и ваших друзей — британцев, качеством, которое вы называете чувством честной игры. Я обращаюсь к этому чувству и прошу вас не вызывать меня на поединок, учитывая мой преклонный возраст.

Катулос откинулся на троне и поднял лицо к кому-то невидимому, витающему у него над головой. Его дикий, как смех какого-то мань-

яка, издевательский хохот наполнил комнату и эхом отдавался в голове Костигена.

— Вместо этого,— насмешливо скрежетал Катулос,— я обращусь к другому обычаю вашей так называемой цивилизации, к практике судебной защиты. Вы, полагаю, с удовольствием послужите защитником для вашей бывшей любовницы Зулейхи.— Мощный череп снова слегка, но многозначительно наклонился.— Ее обвиняют в предательстве Сына Моря. Самым мягким наказанием для такого преступления служит смерть. Самым строгим — это, мистер Костиген, я даже не берусь описывать. Это надо видеть, чтобы оценить.

Вдруг Желтолицый поднялся во весь свой громадный рост — почти в семь футов от обуви в сандалии ног до черепа азиатской формы. Длинная рука с невероятно длинными костистыми пальцами указывала на черкешенку.

— Я выступаю как ее обвинитель,— угрожающе скрежетал Катулос,— а моим защитником я назначаю...

Огромная голова коротко откинулась назад, и Хозяин разразился беззаботным смехом.

— Ну кого-нибудь я найду, мистер Костиген. Смертельный поединок; вы против моего защитника, суд методом поединка защитников, где Общество Скорпиона выступает против обвиняемой Зулейхи. Если вы победите, обвиняемую признают невиновной. Ну как, мистер Костиген, согласны?

Американец, чувствуя свое бессилие, помахал кулаком перед высокой фигурой, затем, взяв себя в руки, согласился.

Хозяин хлопнул в ладоши, и гобелен отодвинулся. Слуга в черном одеянии, похожем на пижаму, молча подошел к американцу и поклонился. Подняв глаза, он увидел, что Костиген хочет что-то сказать, и остановил его взглядом и жестом, приложив руку к бессмысленно открытому рту. Это был один из немых слуг Катулоса.

Немой повернулся, делая какие-то жесты, и направился к нише, из которой он появился. Оглянувшись на все еще стоящего Желтолицевого и молчаливую красавицу Зулейху, Костиген последовал за слугой из комнаты. Слуга повел его по тихому и безлюдному коридору в роскошную гардеробную. Наполнили ванну, и Костиген выполнил безмолвные указания, раздевшись и быстро скользнув в дымящуюся, ароматную воду. Он даже не понимал, как устало его тело от напряженной работы в поместье Таверела и тяжелой дороги с севера Англии в Лондон, Дувр, Кале и наконец в Храм Грез здесь, в Париже.

Костиген чувствовал, как каждый его мускул приятно расслабляется в горячей воде, омывающей его тело. Понежившись некоторое время в ванне, он вышел из нее и лег на приготовленный для него стол, где безмолвные слуги стали натирать его всевозможными бальзамами и массировать его тело. Наконец,

он поднялся, отдохнувший и освеженный. Он стоял, обнаженный, играя мускулами, разминая сухожилия, воображая, как схватит противника за шею, как ветку, в то время как тяжелые кулаки будут колотить по челюстям, как барабанщик по барабану.

Одетые в черное слуги обернули повязку вокруг его поясницы и по безлюдным коридорам привели его в похожую на арену комнату, где единственными зрителями были смертельно бледный Хозяин и красавица Зулейха. Черкешенка безучастно сидела рядом с Катулосом, держа в руках злосчастную трубку.

Костиген стоял перед ложей, бросая врагу безмолвный вызов. Желтолицый насмешливо зааплодировал американцу пергаментными руками.

— Вы прекрасный защитник, мистер Костиген. Во всяком случае, мне так кажется. Правда, Зулейха? Он вытянул обутую в сандалию ногу и слегка толкнул не проронившую ни слова черкешенку. Она на мгновение подняла на него глаза, затем понуро отвернулась. Костиген почувствовал, как ярость снова закипает в его груди.

— Давай сюда своего защитника, Катулос, и покончим с этим скорее! — прорычал он.

* * *

Скорпион, Катулос Египетский, сделал повелительный жест, и Костиген тотчас же встал в оборонительную позу. Но никакого про-

тивника не появилось в этой похожей на арену комнате. Вместо этого вдоль всего основания стены приоткрылся ряд крошечных дверок, каждая не более нескольких дюймов, и из каждой из них хлынули мощные потоки воды. Костиген почти сразу же оказался по самые лодыжки в этом море, медленно, но верно подбирающемся к его голеним.

Он поднял на Катулоса гневный взгляд.

— Желтолицый! — закричал Костиген. — Что это такое? Где твой защитник? Не думаешь же ты, что тебе удастся утопить меня здесь, как крысу в бочке?

— Нет, нет, мистер Костиген, — ответил желтолицый Скорпион. — Полагаю, мне следовало предупредить вас заранее. Мой защитник не уроженец Франции. Вам, конечно, уже известно, что я и сам появился здесь из мест, которых вы не знаете.

— Я знаю, что ты из Катулоса! Бедный старый Фон Лормон и Фэрлен Морли поплатились жизнями за это открытие! Египтолог Эзра Скайлер, узнав правду, сошел с ума! Он узнал, что тебя нашли в открытом море в запечатанном, покрытом лаком гробу! Он пришел к выводу, что ты не более и не менее как оставшийся в живых житель Атлантиды!

Желтое лицо сначала поднялось, потом опустилось в созерцательном кивке.

— Да, некоторые в это верят. Может быть, это правда, а может быть, нет. Во всяком слу-

чае, я чувствую некоторое родство с морем и детьми моря.

Костиген смотрел на соленую морскую воду, уже поднявшуюся ему выше колен и жадно подбирающуюся к нижней границе повязки, обмотанной вокруг его поясницы.

— Думаешь, я буду драться с твоим защитником в этом бассейне? Ты просто сумасшедший, Катулос! Но я буду драться! Я буду драться с твоим защитником в самом пламени Гадеса, если это надо для того, чтобы освободить Зулейху из твоего рабства — и расправиться с тобой!

Скорпион в ответ лишь улыбнулся.

Вода подобралась к мускулистым плечам Костигена, и поток постепенно замедлился. Наконец, она дошла ему до лба. Он мог достаточно свободно плавать в воде или, при желании, встать на твердое песчаное дно арены, надолго задержав дыхание.

— Прекрасно, мистер Костиген, — сухо отрезал Хозяин. — Я больше не заставляю вас ждать.

С этими словами он посмотрел в сторону и сделал жест какому-то невидимому слуге.

Сквозь прозрачную воду Костиген увидел, как возле дна только что возникшего бассейна раздвинулась широкая дверь, открыв квадратное, темное отверстие фута два на два. Через это отверстие в бассейн начало заползать что-то непонятное.

Даже одурманенная опиумом красавица Зулейха, заметив это, раскрыла рот от ужаса.

Стивен Костиген, подняв взгляд на долю секунды, успел разглядеть, что Катулос наклонился и поднес наполненную опиумом трубку к податливым губам беспомощной наркоманки.

Костиген обернулся посмотреть, что же так испугало Зулейху.

Длинное, извилистое существо безмолвно скользило в воде со зловещей грацией, и в нем было заключено больше зла, чем в самых ядовитых рептилиях и пауках. Оно сверкало какой-то пурпурной чернотой. С брюха чудовища свешивались ряды щупальцев, волнообразные движения которых обеспечивали его движение. Круглый рот его был полон острых как бритва треугольных зубов и окружен присосками. Монстр поворачивал голову из стороны в сторону, словно пытаясь что-то найти. У Костигена мороз прошел по коже, когда он увидел, что чудовище слепо.

Не ослеплено. Оно не потеряло зрение в битве. Скорее всего, у него вовсе не было глаз. Оно существовало в каком-то темном мире, где день не отличался от ночи, куда никогда не проникали лучи солнца и где все существа находили друг друга не зрением, а другими органами чувств. Запахом или каким-то странным острым чувством, неизвестным человеку.

Костиген отступал от монстра, то подплывая к стене и ощущая спиной волнистую, извилистую стену арены, то время от времени погружаясь в воду и нащупывая одной

ногой песчаное дно, чтобы найти точку опоры и утвердиться. Монстр полностью заплыл на арену, и дверь закрылась. Теперь Костиген видел, что от жуткого кольца треугольных зубов до кончиков черных скользких щупальцев на хвосте в гаде было не менее тридцати футов длины.

— Ну что скажете о моем любимце, мистер Костиген? — эхом отдался по заполненной водой арене холодный, сухой голос Катулоса. — Уверяю вас, немногим удавалось уйти живыми от ему подобных.

Красная пелена ненависти застлала сверкающие глаза Костигена. Как бы он хотел, чтобы у него было хоть какое-то оружие! Копье, сабля, мачете, даже малайский нож! Ему так хотелось броситься на гадкое чудовище и вонзать лезвие в его скользкое, мясистое тело, распарывать и рубить до тех пор, пока оно не будет окончательно побеждено и не упадет к его ногам без малейших признаков жизни.

— Честная борьба, мистер Костиген, — снова заговорил Катулос. — Ни у моего помощника, ни у вас нет никакой искусственной помощи. Каждый из вас будет пользоваться тем, что дала вам Природа. Узнаете своего противника? Наполовину гигантская минога, наполовину морской кальмар. Они живут только в самых глубинах океана. Живыми их невозможно поднять на поверхность. Разница в давлении для них смертельна. Я пытался — и бедные существа просто взрывались!

Хозяина это почему-то рассмешило, и он прервал свою речь дребезжащим смехом, от которого мороз шел по коже.

— Но мне удалось добыть горстку яиц этих прелестных существ, и я вывел и вырастил этого малого, который сначала был не больше моего мизинца. О, но я вижу, он вас заметил. Ладно, хватит болтовни, мистер Костиген. Простите болтливового старика. Я буду молча наблюдать, как вы и мой любимец будете постепенно узнавать друг друга.

Последние слова Хозяина Костиген проигнорировал. Он полностью переключил внимание на монстра, извивающегося в воде и ищущего его. Теперь Костиген мог сказать, что монстр ощущал его присутствие. Он лежал в воде почти неподвижно, шевеля самыми нижними щупальцами.

Хлопнув щупальцами, как бы предупреждая противника, монстр бросился вперед, лязгая треугольными зубами.

Костиген позволил себе опуститься на несколько дюймов, необходимых для того, чтобы твердо стоять на песке, после чего отскочил в сторону и нанес монстру сильный удар кулаком. Жуткая морда — сплошной зубастый рот с присосками — шмякнулась о стену арены. Этот удар мог бы сломать спинной хребет любому человеку или животному, но на монстра он, казалось, не подействовал. С помощью извилистых движений щупальцев огромное существо отступило на несколько футов и

снова начало жутковатые поиски своего противника.

Стивен Костиген оглядывался по сторонам, ища какой-нибудь предмет, который можно использовать в качестве оружия против монстра. Но он видел только арену, волнистые стены, зрительскую ложу, в которой сидели злорадствующий Катулос и одурманенная наркотиками Зулейха, и скользящего по воде монстра.

Монстр снова бросился через водное пространство, и Костиген заранее увернулся, но на этот раз чуть медленнее, так как нога соскользнула с опоры. Монстр не ударил изо всей силы, а лишь нанес скользящий удар головой, оказавшейся неожиданно жесткой и костистой. Когда монстр отскользнул, Костиген ощутил тупую боль в боку. Взглянув вниз, он обнаружил, что скользящий удар не на шутку ушиб ему ребра, а одно, может быть, даже сломал. А присосок, которому не удалось вонзиться в его тело, оставил тем не менее отвратительный овальный бесцветный след.

Монстр кружил, готовясь к следующему нападению, но Костиген отплыл в сторону и схватил монстра за извивающиеся щупальца. Чудовище боролось, корчилося, пытаясь повернуть к Костигену смертоносную голову, но, как бы монстр не бился, Костиген не сдавался, отчаянно цепляясь за скользкие, похожие на кнуты, щупальца.

Костиген пытался пробиться сквозь них к телу монстра, но монстр корчился, извивался и брыкался, как разъяренный полудикий пони. Костиген отчаянно цеплялся, но в конце концов был отброшен. Прислонившись к стене арены, он осторожно ждал, что предпримет монстр, но его противник тоже отступил и теперь находился на полпути к противоположной стороне арены. На губах Костигена появилась чуть заметная улыбка. Он понял, что ему удалось пробудить нечто похожее на страх в одноклеточном мозгу этого примитивного дикого чудовища.

Битва еще далеко не закончилась, но Костиген знал, что первый раунд он выиграл. Он позволил себе роскошь бросить взгляд в зрительскую ложу. Катулос пристально следил за ходом битвы. Костиген снова посмотрел на своего противника. Монстр готовился к следующему скачку, но Костиген уже давно уяснил, что путь к победе заключается не в том, чтобы ждать атаки противника, а в том, чтобы самому нанести сокрушительный удар.

Он плотно подтянул ноги к телу, оттолкнулся босыми ногами от стены и бросился вперед через весь бассейн. Монстр, секундой раньше кинувшийся навстречу Костигену, меньше всего ожидал, что его противник ринется вперед. Озадаченный и напуганный, монстр отступил, бесславно упустив свою жертву, и, когда отвратительное существо проносилось мимо него, Стивен Костиген нанес ему еще

один сильный удар, на этот раз в то место, где костлявая голова монстра соединялась с его более мягким, мясистым телом.

Чудовище, казалось, сплющилось под ударом Костигена, быстро заскользило по воде, выпуская за собой шлейф какой-то пурпурно-черной краски.

Костиген по-волчьи оскалился.

Он медленно плыл за огромной миногой-кальмаром, набирая воздух с помощью нескольких глубоких вдохов. Приблизившись к чудовищу на расстояние нескольких ярдов, он в последний раз глубоко вдохнул и погрузился в воду. Монстр сновал взад-вперед, пытаясь наброситься на Костигена. Казалось, он пришел в замешательство и был напуган. Костиген решил, что он покалечил противника последним ударом.

Он с трудом пробирался по бледному, песчаному дну арены. Монстр находился над ним, по-видимому, не имея ни малейшего понятия, куда подевался его противник. Вдруг, словно сработал долго спящий механизм, и чудовище выпустило огромные клубы такого же пурпурно-черного непрозрачного вещества. Мгновение спустя Костиген был, как и монстр, полностью ослеплен — но он не обладал волшебным даром обнаруживать добычу без глаз.

Но Костиген уже твердо встал на песчаное дно арены и изо всех сил бросился вверх на врага. Он мысленно молил Бога, Люцифера

или кого-либо еще из всемогущих хоть чем-нибудь ему помочь.

В крошечной тьме он почувствовал, как его руки сжимаются вокруг отвратительного скользкого тела его противника. Одной мощной рукой он вцепился в мягкое мясистое тело монстра. Другую он протянул вперед и ухватился пальцами за костистую голову монстра, нащупав наконец место соединения головы с туловищем. Тогда он начал тянуть назад голову монстра.

Монстр в агонии бился против него своими длинными тягучими щупальцами, но так и не смог спастись от разъяренного, мускулистого американца.

Костиген тянул, монстр боролся из последних сил и, наконец, вслед за тем, как чудовище дало душераздирающий вопль — единственный звук за все время борьбы, — мягкое, мясистое тело отделилось от костлявой головы. Рванувшись в последний раз, монстр затих.

Костиген, из последних сил задержавший дыхание, поднял голову на поверхность окрасившейся в чернильный цвет воды и вдохнул долгожданный глоток воздуха. Стряхнув с глаз чернильную воду, он поднял взгляд на Желтолицего. Лицо древнего существа выражало неопишуемый гнев.

С трудом увлекая за собой мясистое тело монстра, Костиген изо всех сил плыл по направлению к зрительской ложе. На страшном пергаментном лице Желтолицего теперь он

прочел не только гнев, но и разочарование. Костиген отвел назад мощные мускулистые руки, все еще сжимающие скользкие останки его противника, и с огромным усилием подбросил их в воздух.

Потянув за собой свои безвольно висящие щупальца, мертвый монстр взмыл вверх, шлепнулся мокрым телом о барьер арены, затем перелетел через край и тяжело рухнул в ложу к ногам Катулоса.

Стивен Костиген схватился за свисающие скользкие щупальца и подтянулся к барьеру. Держась руками за зловонные скользкие щупальца, а ногами упираясь в отвесную стену арены, он принялся взбираться наверх.

* * *

Костиген перелез через край ложи, готовый встретить все, что угодно,— самого Желтолицего, кольцо вооруженных ножами головорезов, гнездо змей, цистерну с разъедающей тело кислотой. Всего этого можно было ожидать от Скорпиона. Костиген же увидел...

Ничего!

Ложа была пуста. Хозяин исчез, а с ним и одурманенная опиумом прекрасная черкешенка Зулейха. Куда они исчезли, понять было трудно, но через какой выход— было совершенно ясно. Тяжелый гобелен высотой в стену, по обеим сторонам которого стояли любимые пальмы Катулоса, все еще качался. Отдернув ткань, Костиген увидел массивную ду-

бовую дверь и навалился на нее своим мускулистым плечом.

В коридоре не было ни души, но следы хозяина и его рабыни остались. Ну, конечно же — зловонные чернильные выделения монстра, которого Костиген бросил в ложу. Отвратительное вещество плавало по ложе, и Скорпион с Зулейхой, выбираясь оттуда, были вынуждены пройти по нему.

Со скоростью, потрясающей для такой массивной фигуры, Костиген рванулся вперед. Следы вели прямо к концу коридора, затем, казалось, исчезали в гладкой стене. Костиген неистово искал щель или отверстие, которое обозначало бы потайной вход. Даже его пронизывающий взгляд не обнаружил ни одной линии — или, скорее, обнаружил слишком много линий! Стена фактически представляла собой пуганицу из камней, декоративной черепицы, глазированных кирпичей и совершенно невероятных инкрустаций. Картина с истинно восточным великолепием воспроизводила сцены подводного царства, напоминающие о морском происхождении Катулоса.

Поразмыслив, Костиген решил рискнуть. Он осмотрел стену, пытаясь найти хоть какое-то изображение побежденного им существа — наполовину миноги, наполовину кальмара. Наконец он нашел его, схватил рукой выступающую ужасную голову, внутренне содрогаясь при мысли о его живом двойнике, которого совсем недавно победил, потянул за нее и...

Перед ним отступила значительная часть стены. Не думая о том, что может попасть в ловушку, Костиген ворвался в находящуюся за стеной комнату. Это был тронный зал хозяина, и американец снова увидел Желтолицего, стоявшего перед богато украшенным тронном, и Зулейху, расprostертую у него в ногах на роскошной шелковой подушке.

Но то, что он увидел рядом с Катулосом, повергло его в ужас, и он застыл на месте.

Одетые в черные, похожие на пижамы костюмы фаворитов Сына Моря, перед Хозяином стояли в ряд четыре заложника Скорпиона: сэр Холдред Таверел, его невеста Марджори Харпер, брат Марджори Гарри Харпер и возлюбленная Харпера, американка евразийского происхождения, прекрасная Джоан Ла Тур. Их лица были лишены всякого выражения, а бессмысленные глаза подернуты паутиной. Было ясно, что все они злой волей одурманившего их Катулоса были превращены в зомби.

Хозяин подал знак своим зомби, и они, медленно, механически повернувшись, начали немолимо приближаться к Костигену.

Как будто язык яркого пламени взметнулся перед глазами Стивена Костигена. Как воин, прорывающийся сквозь неприятельские ряды, Костиген преградил путь Гарри Харперу. Харпер упал в сторону, сбив с ног Джоан и Марджори, подобно тому, как главная кегля в ке-

гельбане сбивает сильным ударом три, а то и пять кеглей.

Теперь только сэр Холдред Таверел стоял между Костигеном и Катулосом. Дворянин засунул руку в свое черное одеяние и вытащил оттуда малайский нож с волнистым лезвием. Он поднял оружие, чтобы ударить Костигена, но американец нанес один-единственный апперкот, от которого Таверел буквально взлетел на воздух. Нож пролетел по комнате, ударился рукояткой о ствол одной из пальм Скорпиона и повалил ее прямо на персидский ковер.

Сам Таверел, опускался на одетого в шелковый халат Хозяина, и тот, отскочив, тяжело хлопнулся на трон. Сэр Холдред упал на пол рядом со своими друзьями по несчастью.

Костиген, не теряя времени на размышления, стрелой бросился на противника и мертвой хваткой вцепился в его тонкую, костлявую шею.

Он не просто душил Скорпиона, а, поднимая его с трона, сворачивал ему шею; Катулос безуспешно боролся, дергая длинными руками и ногами. Наконец раздался треск, за ним — леденящий кровь щелчок, и огромная голова отделилась от туловища, безжизненно повиснув на тощем плече Хозяина.

Костиген отшвырнул тело в сторону, как терьер отбрасывает мерзкую крысу, которой он свернул шею. Повернувшись, он увидел остальных, распростертых перед троном. Они

изумленно смотрели на Костигена, затем начали оглядывать друг друга, и их лица стали проясняться.

— Слушайте меня,— приказал Костиген.

Все еще находясь под гипнотическими чарами Катулоса, четыре фигуры в черном тупо ожидали следующих приказаний.

— Мы должны вырваться отсюда. Люди Скорпиона могут схватить нас в любой момент!

Костиген наклонился и поднял находящуюся в состоянии гипнотического сна Зулейху. Он приказал Таверелу, Харперу, Марджори и Джоан строго следовать за ним. По-прежнему обернутый только набедренной повязкой и все еще источая отвратительный запах пурпурно-черных выделений монстра, Костиген повел честную компанию по коридорам Храма Грез, ожидая в любой момент встретиться с вооруженными слугами Скорпиона. Но на пути им никто не встретился!

* * *

Час спустя, одетые в одежду, участливо одолженную им чиновниками британского и американского консульств, Костиген и остальные сидели в комфортабельном офисе парижской сыскной полиции. Инспектор полиции брал у них показания обо всем, что произошло в Храме Грез. Обе пары пришли в себя от гипноза довольно быстро после того, как Костиген свернул шею Катулосу. С Зулейхой все обстояло сложнее: на этот раз она не просто нахо-

дилась под влиянием гипноза. Скорее всего, Катулос намеренно одурманил ее опиумом, и юную черкешенку поместили в санаторий, где — все на это надеялись — терпение и заботливый уход помогут девушке преодолеть пагубную страсть.

В дверь вошел парижский жандарм и по уставу приветствовал инспектора. Разговор происходил по-французски, но, поскольку Костиген служил во Французской Экваториальной Африке, он уловил, о чем шла речь.

— Вы принесли тело этого мерзавца Желтолицего, сержант? — спросил инспектор.

Жандарм, смертельно побледнев, помотал головой.

— Никакого тела не нашли, капитан. Мы обыскали все помещения храма снизу доверху. Нам открылось нечто ужасное. Монстр, которого убил месье Костиген, все еще висел на барьере арены. В комнате были пальмы, да, и наркотики. Опиума и гашиша столько, что можно одурманить целый батальон! Но ни души, ни живой, ни мертвой!

Инспектор повернулся к Костигену и развел руками с типично французской учтивостью.

— Мелкая рыбешка ускользнула сквозь сети, месье. И, кажется, они унесли с собой тело крупной рыбы. Но кольцо разорвано. Франция вам бесконечно обязана, месье Костиген. Весь мир вам обязан.

Костиген разочарованно заскрежетал зубами.

— Я хотел бы вернуться в поместье Таверела, инспектор. Мои друзья хотят пожениться, как только оправятся от потрясения.

— И мы сочтем за честь, Костиген, если вы будете шафером на обеих наших свадьбах,— вставил свое веское слово Гарри Харпер.

Джоан Ла Тур и Марджори Харпер почти одновременно выразили желание, чтобы Зудейха была подружкой невесты.

— Как только она выйдет из больницы, разумеется. Это, может быть, будет не так скоро, но мы подождем.

Они всем пожали руки и поднялись, чтобы покинуть помещение полиции. Когда они вышли на Елисейские Поля, сэр Холдред Таверел внезапно остановился и ударил себя по лбу.

— А мы ведь кое о ком забыли! — воскликнул он.— Что стало с мистером Хаммерби?

Наступило короткое оцепенение, после чего Костиген, насмешливо оскалив зубы, произнес:

— Думаю, бедного мистера Хаммерби мы найдем в наручниках где-нибудь в катакомбах поместья Таверела. Все мы отсутствовали — кроме вас, сэр Холдред — немногим более сорока восьми часов, как ни трудно в это поверить. Мистер Хаммерби замерз, голоден и смертельно напуган. Но он в безопасности.

— И он будет счастлив отказаться от своих притязаний на поместье и титул, которые не принадлежат ему по праву,— добавил сэр Холдред.— Но...

Британец остановился, словно ошеломленный ударом — или мыслью.

— А если он в поместье Таверела не один? Бедняга Хаммерби, каким бы самодовольным позером он ни был, ни в чем не виноват. И — мы оставили его с миссис Дрейк. Катулос наводнил поместье Таверела своими агентами — Ло Кунг, Хансон. И миссис Дрейк, полагаю, из их числа. Насколько нам известно, она просто исчезла, когда все начало рушиться. Вероятно, она все еще в поместье Таверела или унесла бедного Хаммерби в следующее логово Желтолицего.

Стивен Костиген печально покачал головой.

— Вы правы во всем, кроме одного, сэр Холдред. Миссис Дрейк была агентом Скорпиона. Если бы я вовремя это понял! Как вам известно, Катулос и его агенты — мастера обезличивания и маскировки. Миссис Дрейк была не просто экономкой, сэр Холдред.

Дворянин, сбитый с толку, лишь спросил:

— А кем же она была, Костиген?

Американец мрачно проскрежетал сквозь зубы:

— Она была Зулейхой. Мы находились в одном доме — в одной *комнате* — а я ее не распознал! От каких мук я бы избавил бедную девушку, если бы открыл ее истинное лицо!

— Она поправится, — пробормотал сэр Холдред Таверел, пытаясь хоть немного ободрить

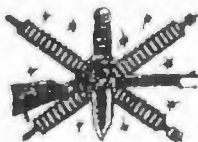

себя, и крепко схватил Костигена за плечо.— Она не из слабых, и у нее есть причина поправиться. Вы, конечно, понимаете, что я имею в виду. Она поправится!

За этим оживленным разговором наша пятерка вышла на освещенную ярким дневным светом парижскую улицу.

ПРИЛОЖЕНИЕ¹

*Хэролду Прису,
март 1929 года*

В последнее время я совсем забросил переписку. Ну да ладно. В том, что я собираюсь сказать, нет ничего интересного. В последнее время я не ходил ни в Лигу Эпворта, ни в воскресную школу, но думаю, что скоро возьмусь за старое. Все это, конечно,

¹В настоящем томе продолжается публикация писем Роберта И. Говарда, начатая в томе «Воин снегов»

адская ерунда, дребедень, ничто, но мне выбирать не приходится.

Меня не беспокоит мое ирландское прошлое. Ведь от моих предков я унаследовал лишь пытливый неутомный ум, который не дает мне покоя, за что бы я ни взялся. Черт бы побрал «Бедную женушку» и моих предков, которые отдали за нее жизнь на английских виселицах, будь прокляты эти ирландцы и милезийская кровь, текущая в моих жилах,— она делает меня похожим на сплавной лес, несущийся по волнам, и не дает мне ни отдыха, ни покоя, сплю ли я, еду на лошади, мечтаю, путешествую, ухаживаю за девушкой, пьян или трезв, испытываю голод или проваливаюсь в тяжелый сон. Вздохи зеленой листвы деревьев и безымянная печаль среди черных звезд; белые плачущие ветры всегда бушуют в моем сердце, а шепот океанских волн, ласкающих прибрежный песок в ночи,— словно плечо виселицы, и древняя скорбь пронизывает рассвет и закат и звучит в плеске речных волн. Будь проклят Святой Патрик; он избавил Ирландию от змей, но не смог изгнать печаль из сердец ирландцев. Сердце ирландца — прозрачное, словно дымок, развеиваемый ветром, и хрупкое, как кристалл. Падение империи и гибель миллионов людей оставят его равнодушным, но дрожание листа на ветру, крик диких гусей, или луна, заливающая безмолвный залив, могут превратить его в миллионы сверкающих осколков.

Если будешь покупать пишущую машинку, попытайся раздобыть ту, на которой стандартная клавиатура. Даже самая плохонькая все же лучше, чем ничего, а самая лучшая может оказаться не такой уж и замечательной.

Вчера я провел несколько часов с Труэттом и Клайдом. Несколько недель назад мы провели вместе целые выходные. Точнее, с Клайдом; Труэтт уехал в Вако, а я

остался до вторника, чтобы побыть с ним хоть некоторое время. Я также посмотрел одну из драм Юджина О'Нила, «Айл», поставленную студентами Говард Пэйн. Она помогла им завоевать первое место в Лаббоке или еще где-то у черта на рогах, куда они ездили принять участие в конкурсе на лучшую театральную постановку в штате. Спектакль, разумеется, произвел очень сильное впечатление, и ребята играли гораздо лучше, чем я ожидал. Хотя, конечно, я не театральный критик и никогда не видел действительно потрясающих спектаклей с участием кого-нибудь из великих актеров.

Я уже давно не напивался, но чувствую, что мне следует обязательно напиться. Мой разум и мое тело настоятельно требуют этого. Если получится, то этим летом я, наверное, поеду в Мексику. Думаю, там позволят выпить белому человеку хотя бы кружку пива. Федеральное правительство в этом деле заслуживает по меньшей мере сочувствия, но если бы я ввязался в драку, то, возможно, присоединился бы к повстанцам.

Война становится угрожающей из-за действий англичан. Вот увидишь, мы будем сражаться с ними еще несколько лет. У меня есть родственники на всех Британских островах, но мне наплевать на них так же, как и им на меня.

♦ Труэтт говорит, что ему тоже надо напиться... Какую славу мы могли бы снискать себе во времена Средневековья! Он был бы самым настоящим грозным и безжалостным головорезом, какого когда-либо знал мир! Для него слишком тесен этот жалкий век, в котором мы живем.

Не знаю, стоит ли идти в воскресную школу утром; может, мне лучше вместо этого напиться?

За последние дни я ничего не прочитал. Книжки, книжки, книги — великий Боже, им нет конца. Постоянно

появляются новые писатели, новые издатели, прикрывая прелести античных шлюх современными нарядами. Даже среди десяти тысяч таких книг с трудом можно отыскать что-то новое, какую-то оригинальную мысль. Книги — наиболее бесполезное и обременительное изобретение человечества. Искусство — философия — культура — литература — все это призрачная дымка, которую развеивает ветер. В течение века, в течение эпохи, в течение миллионов лет. Ничто не стоит на месте, ничто не остается неизменным. Я размышляю и так и этак, но то, о чем размышляешь ты или я, и гроша ломаного не стоит. Вода, крутящая колесо мельницы времен; волны, разбивающиеся о берега вечности. Дыхание, шепот ветра. А десять миллионов девственных лесов ежегодно идут на бумагу, на которой дураки нацарапают какую-нибудь чушь, а еще большие дураки будут напрягать зрение, вчитываясь в нее.

У меня до сих пор нет новостей от Бута. Мне понравилась статья Стрэчена¹ в последнем выпуске «Хунты». Я имею в виду последний, который я видел. Обнаженная негритянка — весьма захватывающий объект для изучения, особенно молоденькая, с гибкой фигурой. Статья Труэтта, на мой взгляд, была одной из самых удачных, когда-либо написанных им.

Кажется, Клайд собирается написать роман о жизни в колледже. Уверен, что его опубликуют и это будет настоящий фурор. Он решил досконально изучить особенности образования в американских колледжах.

Твой Р. Г.

¹ Джеймс С. Стрэчен, родом из Миннесоты, был одним из тех трех членов и подписчиков на «Хунту», которые родились не в Техасе. Статья, о которой упоминает Говард, скорее всего утеряна. Также ничего не известно о романе Клайда Смита, на который ссылается Говард.

*Тевису Клайду Смигу,
апрель 1929 года*

Салям!

Твое письмо страшно обрадовало меня. Поистине твои пародии — настоящие шедевры, искрящиеся юмором.

Я поехал в Сан-Антонио вскоре после того, как вернулся из Вако. Война Цветов и Фиеста¹ оказались сплошной ерундой, хотя одному Богу известно, сколько сотен тысяч долларов понадобилось, чтобы устроить это представление. Там было около ста тысяч приезжих из других городов, и я думаю, что все они, включая и местных жителей, были во время шествий и прочих зрелищ либо на Хьюстон-стрит, либо на Торговой улице. Я хорошо провел время. Я имею в виду так хорошо, как я и ожидал, потому что никогда не находил особого удовольствия в давке и толпах народа. Мне нравится принимать участие в таких событиях, если они протекают спокойно. Я хотел посмотреть на Фиесту, но не ожидал, что она произведет на меня неизгладимое впечатление. Но это старая техасская традиция, и даже если все это — чушь собачья, я все равно рад, что имел возможность ее увидеть.

Послушай, ты, такой-сякой, я хочу, чтобы ты приехал сюда как только сможешь. Если получится, приезжай в следующую субботу. У Труэтта как раз кончается рабочая неделя, верно? Кстати — Хэролд в Абилене² и угрожает сделать шаг к примирению. Я еще пока не написал ему. Есть какие-нибудь новости от Бута? Он, должно быть, зол на меня, хотя я ума не приложу по

¹ Фиеста Сан-Джачинто — ежегодное празднование победы Сэма Хьюстона и техасцев над мексиканской армией Святой Анны в 1836 году, которая принесла Техасу независимость. Оно проходит в Сан-Антонио в течение недели.

² При в это время путешествовал по Штатам.

какой причине. Я уже несколько месяцев ничего не слышал о нем.

По возвращении я обнаружил, что «Приключения» вернул мне рассказ, с коротенькой запиской помощника редактора¹. В ней он просил, чтобы я прислал им еще какие-нибудь свои произведения. Я также получил письмо из «Аргоси», в котором сообщалась, что тот рассказ, о котором я тебе говорил², принят. В письме было сказано, что он все равно вышел очень длинным, но они сами урежут его и внесут все необходимые изменения. Через день после того, как я получил письмо, мне пришел от них чек на сто долларов. А еще письмо от «Сверхъестественных историй» с предварительно напечатанным рассказом, который должен появиться в следующем выпуске³. Фарнсуорт сообщил, что в следующем выпуске он хочет опубликовать мой сонет⁴, а затем «Королевство теней», которое потянет на сто долларов⁵, и после этого — рассказ покороче⁶. Мне кажется, он готовит почву для того, чтобы опубликовать серию предложенных мной рассказов⁷, но я, разумеется, могу и ошибаться. Они могут появиться на страницах журнала и через несколько лет, если, конечно, вообще появятся.

Ответь мне как можно скорее.

Пока я писал это письмо, ты уже успел навестить меня и уехать, но я все равно решил отправить его.

Твой Р. Г.

¹ Отвергнутая рукопись могла быть одним из рассказов о Кулие.

² Возможно, имеется в виду рассказ «Страх толпы».

³ «Перестук костей», июнь 1929 года.

⁴ «Забывтая магия», июль 1929 года.

⁵ Август 1929 года.

⁶ «Зеркала Тузун Тхуна», сентябрь 1929 года.

⁷ Лицо — череп, серия рассказов в трех частях.

* * *

Тевису Клайду Смигу,
июнь 1929 года

Саям!

Я получил извещение из Чикаго: мисс Марджори Жанетт Финки сочеталась браком с мистером Фарнсуортом Райтом. Ха-ха. Думаю написать Фарнсуорту и попросить его повесить мой гонорар за рассказы в честь столь торжественного события.

Мой рассказ «Яма Змей» появился в последнем выпуске журнала «Борцовские рассказы»¹. Купи журнал и прочитай его — ты получишь некоторое представление о том, как писать рассказы о спортивных происшествиях. Стил и литературная форма не заслуживают особого внимания, но построение сюжета просто великолепно. Писательский труд во многом похож на труд архитектора. Вся конструкция должна быть соразмерной — каждый камешек обязан лежать на своем месте. Такие корифеи литературы, как Киплинг или Джек Лондон, всегда правильно подгоняли отдельные частички друг к другу. Но, как я уже сказал, из всех написанных мною рассказов этот более всего приближается к совершенству, даже если не брать во внимание прочие его достоинства.

Я собираюсь сделать отчаянное усилие и отправиться на 4 июля в Матаморос. Там будет присутствовать весь цвет первоклассных боксеров-тяжеловесов и несколько техасских боксеров, обладающих сильным ударом, которые будут выступать в отборочных раундах. Господи, чего бы я только не отдал за место в первом ряду на бывшей арене для боя быков, когда Стриблинг схватится с Риско!

Я несколько раз перечитывал твою поэму. Мне кажется, это шедевр. И все остальные стихотворения, кото-

¹ Выпуск июля 1929 года.

рые ты поместил в том письме, мне тоже нравятся. Но черт побери, ведь ты ни разу не написал ни строчки, которая бы мне не понравилась! Твоя поэзия пылает страстью жизни, независимо от темы. В ней есть и яро-стный мятеж, и первобытная дикая красота, красота холодная и бездушная, как ледяная королева, но в то же время необузданная и жуткая, подобная смерти языческого бога. В твоих строках всегда слышен ритмичный звук золотых гонгов, и он будет слышен еще много поколений спустя, наполняя сердца людей леденящим ужасом или сжигая их дотла до тех пор, пока дикие гуси будут улетать на юг, а чайки — кричать над водами волшебного океана.

Я получил письмо от Хэролда. Он в Сан-Анджело и через неделю или две на месяц приедет в Браунвуд. Он ужасно зол на тебя и Труэтта — точнее, обижен и говорит, что это «должно быть, что-то личное», потому что вы двое так и не ответили на его письма. Он говорит, что у него «все-таки есть гордость, черт возьми». Пока Хэролд будет в Браунвуде, он даже не собирается беспокоить вас, пока вы сами не захотите поговорить с ним. Насколько я понимаю, я тоже вел себя по отношению к нему не слишком достойно, и мне стыдно за то, что мы так обошлись с ним. Я поеду в Браунвуд, чтобы повидаться с Хэролдом, и попробую уговорить его выбраться на несколько дней в Кросс Плэйнс. В письме я попытался сгладить само происшествие и объяснить, почему Труэтт не писал ему; я пытаюсь заставить его поверить в то, что равнодушие или какие-то личные мотивы тут ни при чем. Что касается всего остального, это уже не мое дело. Вам решать — мириться с ним или нет.

Отвечай поскорее.

Твой Р. Г.

* * *

Тевису Клайду Смитту,
июль 1929 года

Саям!

Я написал это письмо, в основном, для того, чтобы процитировать то, что написал мне Мэссер, редактор журнала «Современная поэзия»¹. Я, конечно, крайне самоуверен; я никогда не отрицал этого. Я тщеславен и поэтому процитирую письмо полностью, или хотя бы его главную часть: «Я не знаю, кто вы; простите, но я никогда не слышал о вас раньше; но, клянусь Юпитером, мир узнает о вас в скором будущем, если вы сможете покорить еще более высокие вершины той темы, которая прослеживается в тех стихотворениях, которые вы прислали мне. Они великолепны! Вы должны избавиться от некоторых недочетов, как-то: использования «о'ег» и прочих устаревших форм и выражений. Вы должны научиться выражать свою мысль более сжато — поэма об ужасах приобретает нужное звучание именно благодаря намекам, а не избытию слов и сваленных в кучу образов и прилагательных. Но я вовсе не критикую ваши произведения. В действительности, ваши стихотворения очень порадовали меня, возможно, из-за того, что подобная тема находит отклик в моей душе (моя новая книга называется *«В зарослях алоэ»*, или *«Книга неприятных стихов»*, — видите, у нас есть что-то общее!). Жаль, что в обоих моих журналах так мало свободного места; мне не следовало бы добавлять никаких новых рассказов к уже имеющемуся огромному количеству, но я обязательно хочу опубликовать по одному вашему стихотворению в каждом журнале, и я с благодарностью напечатая *«Приливы»* в «Современной поэзии»², а великолепный

¹ Бенджамин Ф. Мэссер (1889—1951), из Атлантик-Сити, штат Нью-Джерси.

² Появился в сентябрьском выпуске 1929 года.

«Алый гром» в «Неделе поэзии»¹. Я очень сожалею, что ни один из журналов не в состоянии заплатить за стихотворения, но мы, разумеется, пришлем вам несколько бесплатных копий журнала».

Он также написал, что не смог найти Кросс Плэйнс в атласе, но хочет встретиться со мной в октябре, когда поедет в Даллас, чтобы читать там лекции о современной поэзии — я думаю, он собирается объехать со своими лекциями всю страну. Все это, конечно, очень хорошо, и я восхищаюсь его добротой, но с трудом могу разделить его энтузиазм. Я пишу, наверное, неплохие стихи, но Бог мой, в глубине сердца мне отлично известно, что я никогда не стану поэтом, и чем больше будут люди превозносить меня, тем больше я буду укрепляться в мнении, что мои стихи — просто пустая раковина; с виду они, может, и неплохие, но когда люди дадут себе труд внимательно проанализировать их, они не найдут в них ни глубины, ни цельности — а это как раз то, что должно отличать поэзию. Если бы я только мог писать стихи, как ты... но поэтами не становятся, поэтами рождаются.

Твой Р. Г.

* * *

Хэролду Прису,
сентябрь 1929 года

Салям!

Я прочитал *«Залив Судьбы»*², и эта книга оставила у меня неприятное ощущение. Помню, как несколько лет назад я купил журнал, в котором был напечатан один из

¹ Появился в выпуске 16 сентября 1929 года.

² Донн Бирн (1889—1928), *«Залив Судьбы»*, опубликовано в сентябре 1928 года.

тех рассказов¹. Некоторое время я жадно читал их и помню свое глубочайшее изумление, когда обнаружил, что герои были, оказывается, проклятыми оранжистами. Я был не только изумлен, но и поражен. Тогда я по своей необразованности считал, что единственные ирландцы, писавшие приличные вещи, были выходцами из Южных земель. Я, естественно, думал, что все ирландские писатели и мыслители — уроженцы Юга, а уроженцы Ольстера, сознавая свою физическую и умственную неспособность, стараются как можно надежнее скрыть свой позор. Какая наивность! И тут этот оранжист, представляющий напоказ этот позор, размахивающий позором своего народа прямо перед моими глазами — бесстыдно, во всей красе обнаруживая свои истинные взгляды и явно гордясь ими. Я часто испытывал шок после прочтения литературных произведений, но с этим вряд ли что-нибудь может сравниться. Я почувствовал себя оскорбленным. Наконец я все-таки снова взялся за эту отвратительную вещь и попытался читать ее, но вся прелесть уже улетучилась. Воспитанный в духе Мюнстера и Коннота, или, по крайней мере, впитавший в себя передаваемые из поколения в поколения традиции, я испытываю острую ненависть ко всему, связанному с оранжистами, и она совершенно естественна; она — часть меня, так же, как и любовь к родине и любовь к полосатому флагу, свойственная любому среднему американцу, вскормленному на идеологии бой-скаутов.

Но я знаю больше, у меня более широкий взгляд на вещи. Я уже не похож на моего старого приятеля ирландца из Лейнстера, которого едва не хватал апоплексический удар всякий раз, стоило кому-нибудь заикнуться о Белфасте. Но я до сих пор испытываю отвращение от

¹ Рассказы первоначально появились в журнале «Иллюстрированное обозрение» и «Воскресная вечерняя газета».

всех этих оранжистских штучек, которыми пестрят все поздние произведения Бирна — хотя, может, и не все. Он с восторгом отзывался о национальных достоинствах своего народа — но я считаю, что он говорил неправду.

Однако не стоит отзываться плохо о мертвых, ведь он на самом деле любил Ирландию, даже если его чувства распространялись только на ее северную часть. Великий Боже, ну почему древние ирландские кланы должны были встать на сторону англичан? Конечно, Мак Фарлейны не могут похвастаться происхождением от норманнов. Либо они — коренные ирландцы, либо старейшины их кланов лгут, говоря, будто они произошли от парфян или египтян.

Но Бирн не может согласиться с такой страшной несправедливостью. Ему нужно обязательно впутать шотландцев, финикийцев и бог знает кого еще. Кого он прославлял в *«Крестовом походе»*? Конечно же, О'Нилов — Бог свидетель, что в их жилах течет только ирландская кровь, но главный герой — наполовину норманн, и почему же он тогда выбрал О'Нилов? Потому что они из Ольстера; может быть, это и есть причина, почему бог не проклял Ольстер много лет назад. Он отметаает всякую мысль о том, что в жилах О'Доннелов может течь хотя бы одна капля другой крови. Их клан, как, впрочем и другие ирландские кланы, он называет аборигенами. Ты говорил, что он наполовину Д'Арси, кажется? ¹ У меня начинают появляться подозрения по поводу всего, что связано с кельтами. Я ожидаю, что за каждым прямым потомком Костованов и О'Брайенов скрывается Фитцпаул или Фитцджеральд ².

¹ Мать Бирна звали Джейн Д'Арси Мак Парлейн.

² Интересно, что Говард позже написал рассказы о крестовосце, который был наполовину ирландского наполовину нормандского происхождения — Кормаке Фицджеральд.

Хорошо — я ничего не имею против древних ирландско-норманнских кланов. Но я бы хотел, чтобы к коренным ирландцам относились справедливо. Ни одна нация не является совершенной. Все люди — мерзавцы, в большей или меньшей степени; у каждого народа есть свои преступники и свои святые. Но какое мне до этого дело? Что мне Ирландия со всеми ее несчастьями или блистательными победами — если бы я вернулся туда, я был бы чужаком в чужой стране, у меня не было бы ни перед кем никаких обязательств. Что мне Ольстер или Коннот?

Ха! Мои предки не очень-то расстроились, когда покинули Ирландию — я имею в виду тех, которых не изгнали из страны за подстрекательство к мятежу. Поэтому судьба Ирландии меня не очень занимает. Америка, в которой перемешались всевозможные нации, в шутку дала мне английское имя, хотя в моих жилах бежит лишь малая толика английской крови и чуть больше шотландской — на самом деле я, слава Богу, выходец из южной Ирландии, и «Воды Бойна» заставляют мое сердце биться быстрее¹.

В «Лирике»² на следующей неделе будет идти «Красный танец». Если предоставится такая возможность, мне бы хотелось сходить на него. С тех пор, как я здесь, я видел один чертовски хороший фильм — «Удар молнии». Джордж Бэнкрофт играл потрясающе. Фильм был как раз из тех, что мне нравятся — в нем была грубость, свирепость, жестокость — в общем, все, что свойственно тиграм. А все это пение, танцы и прочая чушь наво-

¹ Гимн протестантов из Ольстера, в котором воспевается победа Вильгельма Оранского над королем Яковом II в битве на Бойне.

² Театр Лирики находился в Браунвуде, где Говард жил с августа до конца декабря 1929 года. Упомянутые фильмы вышли либо в 1928, либо в 1929 году.

дит на меня жуткую тоску. *«Песня Пустыни»* — ха! Извините, но меня сейчас стошнит. Единственный момент, который хоть чего-то стоил — это комедийная сценка Джонни Артура и Луизы Фазенда. *«Королева ночных заведений»* — еще лучше! Вспоминаю все последние на шумевшие фильмы, что я смотрел: *«Поющий глупец»*, *«Ирландская роза Эйби»* — да зачем, черт возьми, перечислять. Повторяющиеся мелодии и несколько жалких водевильных актерешек, проделывающих свои пируэты на сцене. Дайте мне настоящих киноактеров — хотя единственное, чем могла похвастаться *«Ирландская роза»*, так это хорошим составом исполнителей. Но Боже мой, ведь мир кино кишит бездарными актерами...

Я могу прямо сейчас перечислить все звуковые фильмы, которые мне действительно понравились: *«Удар молнии»*, *«В Аризоне»*, *«Письмо»*, *«Террор»*. Меньше мне понравилась *«Война тонгов»*. Я получил большое удовольствие от *«Железной маски»* и *«Плавучего театра»*. Что же касается остальных — ха-ха! Стоп — я забыл о самом лучшем: *«Душой и сердцем в Дикси»*.

Слюнявые, тощие, приподнимающиеся на цыпочки, срывающиеся на писк в попытке изобразить сопрано пустоголовые девчонки, которые пытаются казаться очаровательными, распеваящие на разные лады одни и те же унылые повторяющиеся мелодии: бр-р-р, какой ужас! Дайте мне жестокий, грубый сюжет, мгновенную смену событий и нескольких прожженных, заросших парней: Джорджа Бэнкрофта, Мэттью Бетца, Лайонела Бэрримора, Вика Мак Лаглена, который однажды дрался с Джеком Джонсоном, Лу Вольхайма, Боба Армстронга, Билла Бойда, Эрнеста Торренса, Эда Лоуи, Уорнера Бакстера, Тома Кеннеди, Тома О'Брайена, Карла Дэйна, Блю Вашингтона, Фреда Колера.

А если им нужна главная героиня, то возьмите на ее место какую-нибудь выдавшую виды девицу с бесстраст-

ным, ничего не выражающим лицом и крепкими кулаками, которая не падает духом и сможет постоять за себя: Эвелин Брент, Фэй Рэй, Лилиан Ташмэн, Флоренс Видор, Луизу Брок, Бакланову, Лилу Дамита — можно перечислять до бесконечности! Когда эта блондинка француженка с ураганным темпераментом начинает действовать, все остальное отходит на задний план. Пришло время задрать люки, взять риф и подготовиться рубить мачты, если в этом возникнет необходимость. Я однажды видел такую женщину — но только однажды. «Мост в Сан-Луисе». Скажу тебе по секрету, именно из-за нее обрушился этот мост. Ты меня понимаешь. Да! Она перешла через него и подожгла эти чертовы подпорки.

День или два назад ко мне приезжали старые приятели из Кросс Плэйнс. Намечалась ярмарка, и мы решили сходить туда.

Ладно, я наговорил уже достаточно всякой чепухи.

Ответь, когда сможешь.

Твой Р. Г.

* * *

Тевису Клайду Смитту,
декабрь 1929 года

Итак,

вот я вернулся на свое старое место и снова работаю; по крайней мере, пытаюсь. Не знаю, получится ли у меня написать хоть что-нибудь стоящее.

Я получил рождественскую открытку от Фарнсуорта. Как всегда, я не отправляю ни одной, а получаю их десятками. Возможно, в следующем году я отправлю три-четыре сотни.

Мне не приходит на ум ничего такого интересного, о чем можно было поведать. Я даже не знаю, зачем пишу

это письмо, наверное, для того, чтобы ты прислал мне на него ответ.

Не знаю, когда мне снова удастся приехать в Браунвуд. Это, вероятно, будет не скоро. Но я жду, что вы ко мне приедете. Хорошо бы вам приехать на мой день рождения.

О черт, зачем заставлять мозг думать о чем-нибудь, когда писать совершенно не о чем?

Отвечай.

Поскорее.

Ты ведь ответишь?

Фир Дан

(На языке галлов это означает «смутлокожий человек». Как только смогу, посмотрю, смогу ли я перевести твоё прозвище и Труэтта на газльский).

Отвечай сразу же, как получишь письмо.

Твой Р. Г.

* * *

*Тевису Клайду Смиту,
январь 1930 года*

Огромное спасибо за то, что написал Фарнсуорту. Твое произведение появилось в последнем выпуске «Еуте» за этот месяц. Мне оно безусловно нравится. В этом же номере появилось и мое незаконнорожденное детище. Я хочу сказать, что не знал, что его опубликуют в этом месяце, потому что никто не прислал предварительных экземпляров. Я хотел бы, чтобы ты прочел его, если, конечно, не возражаешь. Ни один журнал, кроме «Сверхъестественных историй» не стал бы публиковать такой рассказ — я знаю, что говорю, ведь я отсылал его почти в каждое издание.

Тебе удалось продать еще что-нибудь? Кстати — не мог бы ты дать мне адрес журнала «Десять рассказов»? У

меня есть кое-какие вещи, которые я хотел бы напечатать, и в моей коллекции еще не было писем с сообщением, что рукопись отвергнута. От «Десяти рассказов» — пробел, который стоит немедленно восполнить.

Ты прав насчет жизни, судьбы и всего прочего. Как ты сказал, мы можем сами выбрать путь, по которому пойдем, но все равно будем похожи на человека, который выбрал дорогу, чтобы та привела его к виселице.

«Скрижали» наконец-то вернул мне мои стихотворения. Скатто очень удивил меня. Я ожидал праведного гнева, чуть ли не анафемы, уничтожающей критики и язвительных замечаний о том, что в моих душевных излияниях напрочь отсутствуют какие-либо достоинства, но он написал вот что: «Твои стихотворения великолепны во многих отношениях, но им не хватает ритма». Как тебе это? И он прислал мне красочную брошюру, озаглавленную «Ритмические и обычные ударения», с объяснениями для начинающих. Ха-ха-ха! Ну и жалкий же он тип! Но кое-что я все-таки из этого извлек — меня достаточно критиковали и раньше, но никто и никогда не говорил мне, будто бы моим стихам не хватает ритма. Ах, я знаю причину этого — даже две: ритмическое построение некоторых стихов показалось этому типу слишком сложным и запутанным, ведь ему, кажется, медведь на ухо наступил. А остальные оказались просто ему не по зубам, но у него, разумеется, не хватило духу признаться в этом. Все равно он не смог бы опубликовать их, потому что они не согласуются с тематикой журнала. Это было бы, как если бы волка пустили в стадо овец. Почти все старые девы, любительницы изящных искусств — ха-ха! — расцветающие сладкоголосые певички и сентиментальные рифмоплеты, размазывающие слезы с сахаром по страницам своих юношеских опусов, подскочили бы от ужаса, натолкнувшись на тех змей, что свернулись в кольца между страницами моих книг. Я не собираюсь

наделять свои произведения каким-то особенным могуществом — наоборот, они очень сдержанные и спокойные. Но ты ведь знаешь, до чего чувствительно большинство людей. Он попросил меня прислать ему еще несколько стихотворений, в которых есть ритм! Ха-ха-ха! Но я уже вырос из подобных вещей. Единственное, о чем я жалею, — о деньгах, которые потратил на эту подписку. Такой журнал хорош для дилетантов — даже чертовски хорош, в определенной степени, но работая в нем вряд ли удастся достигнуть особых высот. Но он вполне сойдет для начинающих, которые ни разу еще не видели свои произведения напечатанными, или для дилетантов, которые никогда не смогут написать что-либо стоящее. Но он плох вот в чем — как, впрочем, и большинство этих журналов, — он с большой долей вероятности может сузить кругозор юного рифмоплета, но, черт возьми, если начинающий поэт позволяет лепить из себя черт знает что, значит, он никудышный человек. Я хочу сохранить письмо Скатто, меня оно очень повеселило.

Я получил первую из многочисленных отклоненных рукописей. Похоже, что мне так и не удастся ничего продать. Получил письмо от «Дома фэнтези». Я написал о «Железном человеке». В редакции мне сказали, что рассказ никто не видел, но они попытаются найти его. Я сказал, что перепишу его еще раз и отправлю, если им так и не удастся его найти. Надеюсь, что его все же найдут и примут. Не понимаю, как письмо с четко указанным на нем адресом могло затеряться на почте. Мне также сказали — в ответ на мое замечание, что я работаю над продолжением истории о Стиве Костигане — «мы очень рады услышать, что Стив Костиган намерен снова появиться на страницах «Борцовских рассказов». Мы здесь все за него». А следующие семнадцать рассказов мне вернут. Я не собираюсь обрушивать на головы редакторов проклятья, как когда-то. Я пишу хороший

рассказ, они приходят от него в восторг, а в следующий раз я настолько отклоняюсь от принятых стандартов — неважно, в чем именно, — что они разочаровываются во мне и забывают про меня совсем. Ну что же...

В любом случае приезжай сюда 18-го или в любое другое время. И отвечай поскорее.

Фир Дан

* * *

*Хэролду Прису,
февраль 1930 года*

Ты ведь сейчас в Канзасе, верно? Представляю, что ты чувствуешь. Я никогда не был в Канзасе и не хочу там оказаться. По мне, это самая мерзкая из всех задворок преисподней. Но такова жизнь.

Недавно я посмотрел «Человека из Вирджинии», мне этот фильм вполне понравился. Но Бог мой, сколько в нем было всякой чепухи, хотя и показанной довольно убедительно. Зачем людям нужно быть такими чертовыми лицемерами? Конечно, он вешают тех, кто крадет скотину, — то есть тех, кто крадет «понемножку». Но главным удалось отделаться, и то же самое происходит сейчас в деловом мире. Я знаю, что говорю: я провел значительную часть своего раннего детства на ранчо, на земле фермеров. Кто из тех, кто сейчас стал магнатом по выращиванию скота, начал свое дело честно, не украв ни одной коровы? Ха! Все они были ворами. Они вешали людей за кражу скотины, которую сами же крали у кого-то другого. А после этого громогласно рассуждали о законе, о защите честного предпринимательства. Просто смешно. Почему они не признавались, что совершали преступления ради собственной выгоды? Но лицемерие настолько въелось в наше сознание, что даже люди с кое-какими проблесками ума не

могут без него обойтись. Мне наплевать на тех, кто крадет скот, будь то мелкий воришка или крупный вор, но меня тошнит от укоровившегося в наших умах лицемерия. «Вполне естественно, что бедные ненавидят богатых» — Уэбстер.

Так значит, ты читаешь Мак Ферсона? Тогда не воспринимай его слишком серьезно — он просто обманщик. Мне нравятся его произведения из-за того, что они написаны красивым языком, и из-за их образности — «Дубы, растущие на горах, падают. Сами горы разрушаются с каждым годом. Океан то уменьшается в размерах, то снова становится больше. Век мрачен и непригляден. Он похож на мерцающий свет луны, когда та светит сквозь рваные тучи, на горный туман».

Его книги стоит читать из-за красоты языка, но помни, что та чушь, которую он пишет, — всего лишь вымысел. Тогда было модно «открывать» неизвестные ранее, нигде не опубликованные рукописи. Что касается его рассуждений по поводу происхождения его народа... я скажу — черт бы побрал его и ту шумиху, которую он поднимает по поводу шотландских горцев. В те дни вошло в привычку отмечать любые кельтские предания и легенды. Ох уж эти старательные английские историки! Ха! Исследования показали, что многие из этих мифов основаны на реальных событиях. Гиббон, самый жалкий из всех лже историков, когда-либо существовавших на свете, говорил о том же самом. Будто настоящая родина ирландцев — Шотландия. Этому недоноску не хватило духу даже для того, чтобы жениться на женщине, которую он любил, дабы не растерять свою драгоценную наследственность.

Если Финн Мак Камэйл на самом деле родом из Шотландии, то почему так редко услышишь в Шотландии предания о Финне или Фингале, в то время как самый невежественный ирландский землепашец может часами

рассказывать легенды о Мак Куле? Дело в том, что они существовали, пока шотландцы не стали такими цивилизованными и англизированными. Ха! История показывает — вернее, доказывает, что кельты, шотландцы и жители Милезии (ирландские кельты) обосновались в Ирландии и уже после этого расселялись на остальных Островах. Послушай, если бы родиной ирландцев была Шотландия, то почему в последние годы существования Британско-Римской Империи в Шотландии проживали лишь несколько кельтских племен, в то время как Ирландия буквально кишела ими? А несколько лет спустя были покорены пикты, а кимвры из Стрэт Клайда и Камберленда платили дань кельтам, которые становились все могущественнее и основали государство, известное под названием Королевство Далриад. Последним из правящей династии был Мэлколм Кэнмор, который правил незадолго до норманнского завоевания. Разве все они отправились в Ирландию, а потом вернулись обратно? Ха-ха!

А если Мак Ферсон говорит, будто Конэйр — великий король Ирландии — был шотландцем, то он просто врет без малейшего зазрения совести. Конэйр вышел из моря, обнаженный, с пращой в руке, чтобы править Ирландией, — и он жил и умер в Лейнстере.

Валлийские лучники нарушили свое обещание и завоевали Ирландию для норманна Генри. В жилах Фицджеральдов текла половина валлийской крови. Возможно, по этой причине они так быстро свыклись с ирландскими обычаями. Я не виню жителей Уэльса; если бы я был валлийским солдатом, то я, может быть, тоже поступил бы на службу к де Клэру. Валлийцы ничего не должны ирландцам. Эти два народа постоянно враждовали между собой. Когда кимвры, защищая свою жизнь, сражались против саксов, кельты гнали их с морского побережья и превращали в своих рабов. Германским наро-

дам понадобились сотни лет, чтобы подчинить себе жителей Уэльса, в то время как валлийцы и норманны завоевали Ирландию за сравнительно короткий промежуток времени. Но причиной этому было вероломство. Из любых пяти ирландцев один — на самом деле предатель, а остальные вполне способны на предательство. Они гораздо лучше сражаются на чужой стороне, чем во имя собственного народа.

Кстати, слово «Уэльс» в современном его понимании — не кельтского, а германского происхождения. Германские племена сначала смешались с кельтским народом вали или веали на берегах Дона (думаю, что отсюда произошло и название реки Волга, хотя я могу и ошибаться). Тевтоны называли все негерманские народы веалли, веаллы или уэлы. Но слово вскоре утратило свое прежнее значение, и стало использоваться исключительно на Островах.

В ирландско-кельтском алфавите всего семнадцать букв — раньше было шестнадцать. Причем названия букв соответствовали названиям некоторых деревьев. Может быть, в следующем письме я расскажу тебе еще какие-нибудь интересные факты о кельтах.

Твой Р. Г.

* * *

*Тевису Клайду Смиту,
февраль, 1930 год*

Вот оно, мое письмо. Сказать по правде, писать особо не о чем. Журнал «Борцовские рассказы» принял еще один рассказ про Стива Костигана, мне заплатили за него сто долларов. И они наконец-то разобрались с «Железным человеком» и обещали напечатать его, заплатив при этом двести долларов. Это во многих отношениях самый лучший рассказ в таком жанре из всех, кото-

рые я когда-либо написал. Наверное, моя судьба неразрывно связана с Костиганами. Я ни разу не продал в «Борцовские рассказы» рассказ, который не был бы так или иначе связан с ними. Центральная фигура в *«Железном человеке»* — не из семьи Костиганов, но как Стив, так и его брат по прозвищу Железный Майк фигурируют в этом рассказе. В этом рассказе не так много смешного, как в остальных. Он жестокий. Не знаю, понравится ли он читателям.

Чем старше я становлюсь, тем больше ощущаю бессмысленную враждебность мира в целом. Я согласен — это не всегда так, но мне это кажется. Средний человек настолько глуп, что у него не хватает ума даже на то, чтобы не подставлять под топор собственную шею. Наоборот, он делает все, чтобы нажить себе неприятности. Люди в этом городе относятся ко мне по-разному: с презрительным равнодушием, которое нисколько меня не волнует; с плохо скрываемой неприязнью и попытками спровоцировать меня на ссору, — вот это меня как раз сильно раздражает. Они относятся ко мне, как будто я какое-то диковинное животное. Те, кто считает, что обращать на меня внимание — выше их достоинства, вечно выискивают в моем поведении какие-то странности, чтобы окончательно закрепить за мной прозвище чудака. Эти чертовы идиоты, кажется, не понимают, что человек может зарабатывать на жизнь не только заточкой инструментов или торговлей и при этом оставаться нормальным человеком с обычными человеческими потребностями. Чем больше денег я зарабатываю пером, тем подозрительнее они косятся в мою сторону. Я чувствую на себе их настороженные взгляды каждый раз, когда гуляю по улицам города; они внимательно следят, не сделаю ли я чего-нибудь такого, чтобы после можно было это обсудить и еще раз перемыть мне косточки. Эта цена, которую человек вынужден платить за то, что

выделяется из толпы. Ну и черт с ней, с толпой. Пусть шепчутся за моей спиной и таращат на меня глаза, лишь бы только они делали это именно за спиной. Девяносто девять человек из ста — безмозглые болваны, которые были рождены для того, чтобы оставаться неудачниками. Идиоты! Пресмыкающиеся, слепые и бездушные рептилии! К черту толпу! Они могут сломать меня только одним способом — и я все время боюсь этого. Боюсь того, что какой-нибудь проклятый недоносок с обвислыми щеками разозлит меня однажды слишком сильно, и я потеряю контроль над собой. Если они оставят меня в покое, я буду только рад. Мне-то они и даром не нужны.

Может быть, я не так уж и умен, но все же понимаю, что у меня значительно больше мозгов, чем у среднего идиота, так что если я потерплю неудачу, то пусть меня пристрелят. Пусть эти свиньи пьются и хихикают надо мной. Проклятье на их пустые головы; я стану национальным героем и заработаю столько денег, сколько им и не снилось, в то время как они будут ползти по своим унылым узким проторенным дорожкам, наполовину забытые своим же поколением, в своем же городе. К черту их! Я прошу только об одном — чтобы ни один из них не довел меня до такого состояния, чтобы я утратил самоконтроль. Черт с этими подонками — о них и думать не стоит, до тех пор пока их мерзкие рожи не замаячат на горизонте.

Отвечай поскорее.

Твой Р. Г.

* * *

*Тевису Клайду Смиту,
март 1930 года*

Салям!

Я должен Хинку письмо, надо ответить ему, пока он не подумал, что я окончательно ударился в пьянство.

Спасибо, что так лестно отозвался о моих писаниях. Как раз сейчас я пытаюсь выдать из себя хоть что-нибудь для Фарнсуорта, потому что у него уже почти не осталось моих неопубликованных рассказов. Я не видел выпуска этого месяца, но знаю, что там не напечатано ни одной моей истории. В следующем выпуске появится мой рассказ *«Песня Мидии»* — мне недавно прислали его предварительный экземпляр, — а Фарнсуорт еще обещает, что на обложке июньского выпуска появится иллюстрация к первой части повести *«Луна черепов»*. Недавно я продал ему три стихотворения: *«Песню сумасшедшего менестреля»*, за которое он великодушно предлагает мне восемь долларов; *«Темную империю»* — шесть долларов; и *«Тени на дороге»*, которое, кажется, ему очень понравилось, и он предложил мне за него одиннадцать с половиной долларов. Я никогда не получал столько за стихотворение. Прости, что говорю о таких приземленных вещах, как деньги; я понимаю, что это банально и скучно, ведь я, как и ты, презираю всю эту мелочную чепуху. Фарнсуорт говорит, что издательство собирается выпустить этим летом новый журнал, в котором будут опубликованы самые разнообразные по жанру рассказы, требуется лишь то, чтобы они выделялись из общей массы. Я не думаю, что они найдут что-нибудь такое уж необыкновенное, просто будут несколько отличаться от уже знакомых произведений. Надеюсь, что когда выйдет этот журнал, мой доход возрастет вдвое. Конечно, может случиться и так, что мне не удастся продать им ни единого рассказа.

Рад, что тебе понравился *«Сатирикон»*. Петроний, конечно, был негодяем, но во всяком случае не лицемером. Кажется, я где-то слышал, будто он по происхождению был не римлянином, а романизированным галлом. Даже если и так, то он настолько «романизировался», что в нем ничегошеньки не осталось от галла.

Я получил выпуск «Хунты» и чертовски повеселился, читая про фехтование при помощи кузнечного молота. Так держать! Продолжай дубасить по черепушкам подписчиков «Хунты», пока они не взвоют.

Ну вот, сегодня я пишу банально и скучно. Постарюсь вскоре написать тебе письмо поинтереснее. В последнее время я довольно много работаю, и мои жалкие мозги почти иссохли.

Отвечай скорее.

Твой Р. Г.

* * *

Тевису Клайду Смитту,
март 1930 года

Нет, ты не показывал мне «Номада», но я могу представить себе, что это такое. Реджинальд ван Праудрер зовет своего камердинера: «Говорю тебе, я думаю, что смогу обойтись без всяких удобств среди девственных лесов Голландской Гвинеи. Просто попрошу служителя отеля дать мне номер с видом на джунгли. Клянусь Юпитером, я заставлю этих чертовых местных жителей устроить для меня пляски — я, в конце концов, человек старой закалки». Но не падай духом, все мудрецы, начиная с Бруклина и кончая Преисподней, не смогут помешать тебе добиться успеха. У тебя есть то, чего нет у них — сила и жажда. Они идут рука об руку. Именно жажда успеха, денег, власти делает людей великими. Не верю, что у какого-нибудь ублюдка, который всегда получал все, чего бы ни пожелал, действительно могут быть мозги, сила воли и власть. По крайней мере, у него нет той силы, которая заставляет человека преодолевать препятствия и пробиваться наверх.

Сегодня я получил письмо от Фарнсуорта — он принял мою повесть «Короли ночи» и обещал за нее сто

двадцать долларов — после публикации, конечно. Я ожидал, что он возьмет ее для своего нового журнала, так как в ней полно действия, и нет на самом деле сложных и запутанных моментов. Тем не менее он взял ее для «Сверхъестественных историй»; возможно, потому, что главный герой — Кулл из Атлантиды, который уже появлялся в *«Королевстве теней»* и *«Зеркале Тузун Тхуна»*. Для меня это было в новинку, так как я описывал решающее сражение. Но мне все равно кажется, что я справился с ней довольно удачно. Сюжет истории состоит в следующем: римляне пытаются расширить свои владения в Британии, а галлы начинают создавать свое королевство Далриад на восточном побережье теперешней Шотландии.

Ты знаешь, я поражаюсь тому, как английский язык впитывает в себя другие языки, вступая с ними в контакт. У англичан довольно извращенный и глупый способ коверкать произношение иностранных слов на свой манер, чтобы им было удобно выговаривать их. Например, голландское слово «Kaatskill», преобразованное англичанами в «Catskill». Или кельтское слово «Cill Cinnli» — теперь оно звучит как «Kilkenny». Ты знаешь, в Ирландии с трудом можно найти город или графство, которые назывались бы своим настоящим ирландским именем. Точнее, многие названия — ирландского происхождения, но их произношение неизменно английское или на скандинавский манер. Само слово «Ирландия» — голландское, точно так же, как Мюнстер, Лейнстер или Ольстер. Я думаю, что их кельтские названия звучали совершенно по-другому. Только одна провинция сохранила свое кельтское название — Коннеда или Коннот, которую назвали, наверное, в честь Конна мак Коннмора тысячи лет тому назад.

Да, кельтский язык довольно непрактичен. В старые времена не только в каждой местности существовал

свой диалект, но и у представителей определенных профессий был свой особый жаргон. Ирландец не мог без труда заговорить со своим соседом. Английский же язык — идеальный литературный язык. Он гибкий, но с совершенно четкой конструкцией, сочетает в себе самые выгодные особенности латыни, кельтского и скандинавского языков. Я думаю, что в его основе лежит большей частью кельтский язык, хотя ученые мужи могут со мной не согласиться. Интересно, что большинство слов в нашем словаре происходят от латинских корней, в то время как большинство разговорных слов — германского происхождения. Но, черт, зачем я говорю об этом, ты ведь и сам все прекрасно знаешь. Кстати, забавное замечание о восточноевропейских языках. Возьмем, к примеру, норманнское завоевание Англии; оно обогатило наш язык изящными скандинавско-французскими словами, но в течение долгого времени язык саксов считался языком простолюдинов — не чистый саксонский, конечно, ибо к тому времени он уже успел смешаться с датским, но назывался он саксонским.

Думаю, что на востоке Англии смешение норманнского и саксонского языков произошло быстро, но упрямые западно-английские слова, более живучие из-за того, что смешались и с уэльскими и с корнуоллскими, надолго остались в нашем языке.

Рассмотрим скандинавское завоевание Франции, когда сформировалось герцогство Нормандия. Заметь, как грубые скандинавские имена зазвучали мягче при соприкосновении с латинизированным языком франков. Если брать наиболее типичные скандинавские имена, то Хрольф превратился в Ролло, Годфри — в Джоффри, Рогнвальд — в Рональда, Робьяр — в Роберта, Рихарт — в Ричарда, Ранулф — в Ральфа, Эдвард — в Эдуарда, Реджинальд — в Родрика или Родерика. Большин-

ство имен в Ирландии — английские, приобретение кельтов, но есть одно имя, которое саксы украли у ирландцев — Эдмунд, произошедший от Эамонна. Теперь английский язык звучит не так резко, как германские языки, но более живо, напористо, нежели южные языки. Но я уже, наверное, наскучил тебе.

Отвечай, пожалуйста, поскорее.

Твой Р. Г.

* * *

Тевису Клайду Смиту,
март 1930 года

Ну что, дорогой Финн?

Верю, что ты отлично себя чувствуешь и сполна наслаждаешься жизнью. Бут сказал, что его рассказ вышел в этом месяце; скорее всего, так оно и есть, и это мне кое о чем напоминает. Я должен ответить на его письмо. Очевидно, он был пьян, когда писал его.

Ты читал мой рассказ *«Честь корабля»* в последнем выпуске *«Борцовских рассказов»*? Мне бы не следовало писать тебе, потому что ты и так должен мне письмо, но я скучаю, когда некому писать, однако и писать все время я тоже не могу. Хотя в последнее время я много работал. А теперь эта чертова пишущая машинка причиняет мне сплошные неприятности: заедает и все такое. Придется с этим как-то справиться, хотя я и не представляю, каким образом.

Скажи, что случилось с Трузеттом? Он болен? Я написал ему письмо, но не получил в ответ ни строчки.

Это мерзкий город. В здешних кинотеатрах даже нет дневных сеансов, а я бы с удовольствием ходил в кино в полдень, а не вечерами.

Фарнсуорт сказал, что он собирается напечатать *«Тени на дороге»* в одном из следующих выпусков. Я хотел бы,

чтобы он поместил его вместе с иллюстрацией, но они, кажется, перестали печатать рисунки к стихотворениям. Я не собираюсь устраивать шум по этому поводу; это самый быстрый ответ на произведение, который я когда-либо получал, так как я отправил его совсем недавно. И он также взял один из моих рассказов для своего нового журнала. Рассказ называется «Темный человек», и он обещал мне восемьдесят долларов после того, как его опубликуют. Редактор проявил великодушие и назвал рассказ «кровавой историей для настоящих мужчин». Да, в нем полно кровопролития, действие не прекращается ни на минуту. И, между прочим, я создал нового героя в дополнение к Куллу, Соломону Кейну и Стиву Костигану. Его зовут Терлог О'Брайен, и я надеюсь опубликовать несколько рассказов про него в новом журнале. Он ирландский изгнанник, и его приключения происходят в середине века, до битвы при Гастингсе. Это период, насыщенный интригами, войнами и сражениями, и я просто должен выдать дюжину повестей про такое славное время.

Я уже приготовил тебе подарок к дню рождения, но тебе придется подождать, пока я привезу его с собой, потому что я не хочу отправлять его по почте. И отвечай скорее. И черт возьми, так редко случается что-то хорошее — так что я с нетерпением жду писем.

Твой Р. Г.

* * *

*Тевису Клайду Смиту,
май 1930 года*

Ну, Финн, я был вчера в Браунвуде, но очень недолго. Я даже задержался там дольше, чем предполагал, но все было так неопределенно, что у меня не хватило

времени заглянуть к тебе. Если бы мне удалось договориться с тобой и встретиться где-нибудь, я знаю, что мне пришлось бы уехать, прежде чем ты добрался бы до места.

Я получил письмо от Труэтта, он сейчас в Галвестоне. Похоже, что он довольно весело проводит свой отпуск. Редактор «Борцовских рассказов» великодушно поместил в этом выпуске иллюстрацию к моему рассказу на первой странице, но он изменил его название и названия глав и внес множество поправок, что кажется мне не только бессмысленным, но и ненужным — в результате некоторые эпизоды приобрели совсем не тот смысл, что в оригинале. Я думаю, что некоторые поправки — просто ошибки при наборе текста.

Редакторы представляют для меня загадку. Они говорят, будто им нужны рассказы, в которых непрерывно происходят какие-то события. Прекрасно, я отослал в «Аргоси» рукопись, и уверен в том, что они отклонят ее, так же, как уверен в том, что сейчас сижу на этом стуле. Тем не менее, в ней полным-полно происшествий. В первой сцене глаза буквально слепит сияние клинков, когда Торвальд Гроза Щитов бросает рог с элем в лицо вождя Брулла из Йелтленда, и то же самое происходит в эпизоде на корабле, когда Кормак Мак Арт снимает маску и раскрывает тайну Загадочного Незнакомца, а Вулфер Хаузаклиуфр восклицает: «Держи курс на восток, мы посадим нового короля на датский трон!»

Всемогущий Боже, они могут говорить об этом рассказе все что угодно, но им грех жаловаться на недостаток событий. Мне кажется, что это одна из лучших моих попыток на сегодняшний день. Но удастся ли мне его продать? Сердцем чувствую — что не удастся.

Вот так — пелена, застилающая глаза, сумасшествие и насмешки праят миром, усталость притупляет наш ум,

ум человека — это всего лишь горстка пыли, мрачное будущее уготовано этому миру.

Фотографии просто потрясающие. Отвечай, пожалуйста, поскорее.

Твой Р. Г.

* * *

*Тевису Клайду Смиту,
начало июня 1930 года*

Ну что ж, Фир Финн, я получил, наконец, фотографии, они лежат передо мной (я имею в виду твои). Они не очень хорошо вышли. В тот день, как ты помнишь, было достаточно пасмурно, и мне кажется, что пленка была не очень хорошего качества. Но основной их недостаток, по-моему, в том, что они плохо проявлены. Не понимаю, почему фотографы стало работать так отвратительно; раньше они делали первоклассные фотоснимки. Но я уже в течение нескольких лет не относил им ни одной пленки — может, теперь там работают совсем другие люди. Я заметил, что они повысили цены и, естественно, тут же снизилось качество работы. Чем выше цена, тем хуже ты получаешь вещь.

В прошлый понедельник Пинк Тайсон и Кросс приехали, когда я еще спал — то есть в десять утра, — и звали меня с собой в поездку. У Кросса был отпуск, а так как ни Пинк, ни я не были заняты чем-то особенно важным, то мы решили составить ему компанию. В тот же вечер мы поехали в Сан-Антонио и провели ночь в кэмпинге; на следующий день мы выяснили, что поздно вечером начинаются боксерские матчи и остались, чтобы посмотреть их. Когда мы подошли к рингу, нас остановили, потому что мы не были членами клуба, но это не смутило нас. Мы тут же вступили в

клуб. Ха-ха-ха! Я — член Атлетического Клуба города Сан-Антонио. Ух ты! Когда мы увидели вокруг себя всех этих поляков, мексиканцев, китайцев и ниггеров — моих теперешних братьев по клубу, — я жутко развеселился. Матчи были достаточно интересные, кроме главного, который превратили в уморительную комедию.

На следующее утро мы выехали из Сан-Антонио и после нескольких часов петляния по дороге на Хьюстон в попытке выбраться из города мы обнаружили, что едем в совершенно противоположном направлении, и на всех парусах устремились к Льяно. Мы проехали через Кервилль и Джанкшэн и раскинули палатку на берегу Льяно примерно в десяти милях от Джанкшэн. Там мы остались ночевать, но так как мы по рассеянности не догадались взять с собой хоть что-то, отдаленно напоминающее наживку, рыбалка не очень-то удалась. Мы поймали несколько лягушек, но угорь все время съедал нашу наживку, и нам удалось поймать только одну рыбину, потянувшую на полтора фунта, которую мы потом бросили в реку. Я не особенно люблю рыбалку, но мне очень понравилось плыть вверх и вниз по реке. Мы проделали несколько миль.

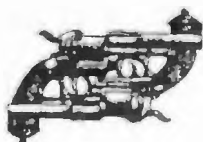
Мы провели на Льяно только одну ночь. Как раз перед тем, как я уехал из Кросс Плэйнс, мне пришло письмо от Фарнсуорта, в котором говорилось, что он собирается издавать новый «восточный» журнал и просил прислать ему несколько рассказов на «восточную» тему. Чем больше я размышлял об этом, тем более росла моя уверенность в том, что, если я буду откладывать это в долгий ящик, он может разозлиться на меня и обратиться к кому-нибудь другому. Поэтому на следующее утро я сказал им обоим, что мне нужно срочно в Кросс Плэйнс. Но они хотели попасть в Кончо любой ценой, поэтому мы с песнями проехали через Менард, Иден и Пэйнт

Рок, а там они отправились к реке, а я — в Кросс Плэйнс. Я прибыл туда как раз вовремя, чтобы узнать, что Шмелинг вышел победителем.

Как насчет того, чтобы почаще отвечать на мои письма?

Твой Р. Г.

СОДЕРЖАНИЕ

БРАТ БУРИ

Перевод с англ. М. Петрунькина

5

ГОЛОС ТЬМЫ

Перевод с англ. М. Райнер

361

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перевод с англ. Т. Темкиной

453

Литературно-художественное издание

ГОВАРД РОБЕРТ ПРВИН

БРАТ БУРИ

Ответственный редактор *Александр Тишинин*

Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*

Главный художник *Сергей Шикин*

Художник *Кирилл Рожков*

Художественный редактор *Елена Иванова*

Верстка *Анны Новиковой*

Корректор *Вера Безьянская*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.04.99.
Формат 84×108¹/32. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Бумага типографская. Усл. печ. л. 26,04. Тираж 5000 экз.
Заказ 2313.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем: 197046, Санкт-Петербург, а/я 771.

E-mail: sevzap@info.pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35–305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»

РОБЕРТА ГОВАРДА

**ВЫШЛИ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:**

- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гонимые смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •
- Кровь Богов •
- Лик смерча •
- Тень ястреба •
- Врата Империи •
- Знак огня •
- Воин снегов •
- Тропа войны •
- Брат бури •

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**
МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

Вместе с героями Говарда
окупитесь в мир
головокружительных приключений,
где клинки и отважные сердца
противостоят
черному колдовству.

fantasy

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «FANTASY»

ОДИН ТОЛЬКО ШАГ В СТОРОНУ —
И МИР ИНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОТКРОЕТСЯ ПЕРЕД ВАМИ.
ВООБРАЖЕНИЕ — КЛЮЧ К ЕГО ВРАТАМ

МУЖЕСТВО И ВЕРНОСТЬ —
НАДЕЖНЫЙ ЩИТ ПРОТИВ ЗЛА

**БАРБАРА ХЭМБЛИ и МАЙКЛ МУРКОК,
РОБЕРТ ГОВАРД и ТЭНИТ ЛИ,
ДЖОН М. РОБЕРТС и МЕРСЕДЕС ЛЭКИ**

СТАНУТ ВАШИМИ ПРОВОДНИКАМИ
В ЗАГАДОЧНОМ МИРЕ ФЭНТЕЗИ

Впервые в России!
ЗНАМЕНИТАЯ ЭПОПЕЯ
МАЙКЛА МУРКОКА
"САГА ОБ ЭЛЬРИКЕ
МЕЛНИБОНЭЙСКОМ"
в 4-х томах

- ♦ ПОХИТИТЕЛИ СНОВ ♦
- ♦ СТРАЖ ХАОСА ♦
- ♦ МЕСТЬ РОЗЫ ♦
- ♦ ПРИНОСЯЩИЙ БУРЮ ♦

Впервые в России!
Трилогия популярной
американской писательницы
МЕРСЕДЕС ЛЭКИ

**• ГЕРОЛЬДЫ •
ВАЛДЕМАРА**

Сенсация!

Впервые на русском языке
пенталогия

БАРБАРЫ ХЭМБЛИ

«ХРОНИКИ ДАРВЕТ»

- Время тьмы •
- Стены воздуха •
- Легионы света •
- Дворец зимы •
- Педяной ястреб •

Чудовища, приходящие в ночи,
заброшенные замки, разрушенные города,
драконы, сторожащие древние клады,
ждут вас на страницах романов
Барбары Хэмбли

— SCIENCE FICTION —

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «SCIENCE FICTION»

МИРИАДАМИ СВЕРКАЮЩИХ ГРАНЕЙ
ВСПЫХИВАЕТ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ,
ОГРАНЕННЫЙ ТАКИМИ МАСТЕРАМИ КАК

**КЕН КАТО, МИКАЭЛА РОССНЕР,
КЭТРИН КЕРР и КЭРОЛАЙН ЧЕРРИ,
КИТ ЛАУМЕР, СЭМЮЭЛ ДИЛЕНИ**

КАЖДЫЙ ИЗ НИХ ВОВЛЕЧЕТ ВАС
ВО ВСЕЛЕНСКУЮ ИГРУ, ПРАВИЛА
И ЗАКОНЫ КОТОРОЙ — ЗАГАДКА.
НО ЕСЛИ ВЫ ВЫЙДЕТЕ ПОБЕДИТЕЛЕМ —
ВАМ ЭТОГО НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ!

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
"СЕВЕРО-ЗАПАД"

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

собрание сочинений

Роберт Ирвин Говард
(1906 — 1936)

Великий Мастер фэнтези, создатель знаменитой «Саги о Конане» и автор более трехсот фантастических, мистических и приключенческих романов, повестей и рассказов.

На арену
пенным потоком хлынула вода.
Костиген с трудом удержался на ногах.
— Ты обещал мне честный бой! —
выкрикнул он в ярости.
И услышал в ответ хохот Желтолицего:
— Да! Но я не обещал,
что твой противник будет человеком!

•Северо-Запад®

